ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ФАКУЛТЕТИ МУНОСИБАТҲОИ БАЙНАЛХАЛҚӢ
КАФЕДРАИ ДИПЛОМАТИЯ ВА СИЁСАТИ ХОРИҶИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Ба ифтихори 30-солагии Истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон
Посвящается 30-летию государственной независимости Республики Таджикистан

ТОҶИКИСТОН ВА СИЁСАТИ МИНТАҚАВӢ ДАР ОСИЁИ МАРКАЗӢ

(маҷмуаи илмӣ)

ТАДЖИКИСТАН И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(научный сборник)

Душанбе – 2021

ДОНИШГОҲИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН
ФАКУЛТЕТИ МУНОСИБАТҲОИ БАЙНАЛХАЛҚӢ
КАФЕДРАИ ДИПЛОМАТИЯ ВА СИЁСАТИ ХОРИҶИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Ба ифтихори 30-солагии Истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон

Посвящается 30-летию государственной независимости Республики Таджикистан

ТОҶИКИСТОН ВА СИЁСАТИ МИНТАҚАВӢ ДАР ОСИЁИ МАРКАЗӢ

(маҷмуаи илмӣ)

ТАДЖИКИСТАН И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(научный сборник)

Душанбе – 2021

УДК: 327
ББК: 66.4(4/8) + 66.49

Тоҷикистон ва сиёсати минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ (Маҷмуаи илмӣ бахшида ба 30-солагии Истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон). –Душанбе: ДМТ, 2021. -350.

Зери таҳрири умумии:
Самиев Холмаҳмад Давлатович,
номзади илмҳои таърих, дотсент

Тартибдиҳандагон:
Салимов Ф.Н., номзади илмҳои таърих, дотсент
Ризоён Ш.Ш., номзади илмҳои сиёсӣ

Маҷмӯаи мазкур силсилаи гузоришу маърӯзаҳои мизи гирди байналхалқии илмию амали дар мавзӯи «**Сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон: дастовардҳо, мушкилот ва дурнамо**» (12 сентябри соли 2020) ва ҳамчунин конференсияи илмиву назариявии ҷумҳурияви дар мавзӯи "**Нақши Созмони ҳамкории Шанхай дар таъмин ва ҳифзи субот дар паҳноии Авруосиё"**, ки бахшида ба 20-солагии СҲШ, санаи 29 сентябри соли 2021 баргузор гардида буд, дар бар мегирад. Дар маҷмӯа олимон ва байналмилалшиносони шинохтаи ватанӣ ва хориҷи кишвар андешаҳо ва пажуҳишҳои худро оид ба масъалаҳои умдатарини сиёсати хориҷии мамлакат, сиёсати минтақаи Осиёи Марказӣ ва паҳноии Авруосиё дар шароити нави ҷаҳонӣ пешниҳод намудаанд. Маводи конференсия барои байналмилалшиносон, сиёсатшиносон, ҷомеашиносон ва барои онҳое, ки ба омӯзиши муносибатҳои байналхалқӣ, сиёсати хориҷӣ ва дипломатия таваҷҷуҳи хос зоҳир менамоянд, аҳамияти илмию назариявӣ дорад.

Матни маърӯзаҳо ва баромадҳо ба ҳайати таҳририя 28.12.2020 қабул гардида дар таҳрири муаллиф чоп мешаванд.

© Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2021

УДК: 327

ББК: 66.4(4/8) + 66.49

Таджикистан и региональная политика в Центральной Азии (Научный сборник опубликован в честь 30-летия государственной независмости Республики Таджикистн) -Душанбе: ДМТ, 2021. -350.

Под общей редакции
Самиева Холмахмад Давлатовича,
кандидат исторических наук, доцент

Состовители:
Салимов Ф.Н., кандидат исторических наук, доцент
Ризоён Ш.Ш., кандидат политических наук

В сборник включены доклады и выступления участников международного научно-практического круглого стола «Внешняя политика Республики Таджикистан: достижения, вызовы и перспективы» (12 сентября 2020 г.), а также научно-теоретической конференции «Роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении и поддержании стабильности на евразийском пространстве», посвященная 20-летию ШОС, которая состоялась 29 сентября 2021 года. В Сборнике представлены взгляды и исследования известных отечественных и зарубежных ученых по актуальным вопросам внешней политики страны, политики Центральноазиатского региона и евразийского пространства в новом глобальном контексте.

Материалы конференции имеют научное и теоретическое значение для ученых-международников, политологов, социологов, а также для тех, кто интересуется изучением международных отношений, внешней политики и дипломатии.

Тексты докладов и выступлений приняты к публикации 28.12.2020, и публикуются в авторской редакции..

© Таджикский Национальный Университет, 2021

Оглавление

Сарсухан.....7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Самиев Х.Д. Сиёсати хориҷӣ дар шароити табдили низоми байналмилалии муосир: бардоштҳои назариявӣ.....10

Латифов Дж.Л. Влияние пандемии «Covid-19» на внешнюю политику государства.....26

Толипов Ф. Стратегическое партнерство Узбекистана и Таджикистана в контексте региональной интеграции в Центральной Азии.....35

Оспанова А.Н., Изтелеуова Е.А. Взаимоотношения Республики Узбекистан и Республики Таджикистан на современном этапе: проблемы и перспективы участия.....45

Бутырская Н.А. Украина-Таджикистан: в поиске новых путей к укреплению сотрудничества.....55

Федорченко С.Н. Политический режим Таджикистана в цифровую эпоху: вызовы и перспективы легитимации.....63

Мирзоев Н.М., Мирзоев Ҳ.Т. Сарчашмаҳои таърихи доир ба дипломатияи тоҷик.....74

Салимов Ф.Н. Потенциал и возможности реализации «умной силы» (smart-power) в условиях Таджикистана.....86

Хонходжаев Ф.Т. Проблемы возвратной миграции граждан Таджикистана из России.....99

Шарипов А.Н. Сайёҳӣ - омили рушди дипломатияи фарҳангӣ.....118

Сафарӣ А. Таъмини амнияти сарҳадӣ дар сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон.....135

Хошимов Ф. Дж. Народная дипломатия и укрепление таджикско- российских отношений.....145

Фарзонаи Ш. Афганистан и Таджикистан (проблемы культурных отношений).....155

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Байдаров Е.У. Региональные аспекты сотрудничества стран Центральной Азии.....165

Эргашев Б.И. В поисках транспортно-транзитной субъектности - в Центральной Азии нет альтернативы транспортному сотрудничеству стран региона 177
Чеботарёв А.Е. Совместные механизмы обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии: плюсы и минусы 186
Бердаков Д.М. Основные таможенно-пропускные пункты на транспортных коридорах Центральной Азии и их потенциал 203
Данков А.Г. Вызовы устойчивому социально-экономическому развитию Центральной Азии 214
Давыдов З.В., Дмитриева М.О. Перспективы многостороннего сотрудничества в Центральной Азии 222
Ризоён Ш.Ш., Гиёсов М.Ф. Ситуация в Афганистане и обеспечение безопасности Центральной Азии 233
Олтаржевский Д.О. Диалог бизнеса и общества в свете реализации региональной политики: теоретико-коммуникационный аспект 276
Алимджанов Б.А. Постсоветская Центральная Азия и западные теории: синтез или отрицание? 286
Саруханян Ю. «С5 + ...»: формула возвращения центральной азии на карту мира 296
Воробьёв П.С. Правовые основы по борьбе с терроризмом ключевыми региональными организациями Центральной Азии 305
Усенов А.М. Роль внешних факторов в распространении экстремизма и терроризма в Кыргызстане 317
Грущинская Н.Н. Идеальное общество: сочетание культуры и капитализма (на примере Украины) 327
Решетняк А.В. Социальная модернизация: теоретические основы и международный опыт 336

Сарсухан

Омӯзиши сиёсати хориҷии кишварҳои муосир – раванди душвор ва мураккаб буда, ба мундариҷаи он вижагиҳои иҷтимоиву иқтисодӣ, фарҳангиву сиёсӣ ва ниҳодии ҷомеа ва давлат таъсир мерасонанд. Муроҷиат ба ҷанбаҳои иҷтимоиву иқтисодӣ, фарҳангиву таърихӣ ва ниҳодӣ имконият медиҳад, ки мундариҷаи сиёсати хориҷии имрӯза пурратар дарк карда шуда, муҳаррик ва механизми роҳи сиёсии давлат ошкор карда шавад. Донистани усули умумии доктрина ва технологияҳо ба баҳодиҳии воқеии рӯйдодҳо ва таҳлили айнии аъмоли мушаххаси кишварҳо дар саҳнаи байналхалқӣ мусоидат мекунад.

Гуфтанист, ки дар шароити табдили низоми байналмилалии муосир стратегияи татбиқи сиёсати хориҷии давлат нақши назаррас дошта, барои расидан ба ҳадафҳои олии давлати миллӣ заминаи мусоид фароҳам меоварад. Кишварҳои миллӣ ҳамчун бозингарони калидӣ дар раванди ҷаҳонишавӣ ба як қатор таҳдиду чолишҳои анъанавию ғайрианъанавӣ ру ба рӯ шудаанд, ки метавонанд раванди ҳимояи манофеи милливу ҳаётан муҳими кишварҳоро коста гардонанд ва ба рушди устувори онҳо монеаҳои ҷиддӣ ворид намоянд. Аз ин рӯ, сиёсати хориҷии кишвар ҳамчун давоми мантиқии сиёсати дохилӣ бояд ба таъмини манфиатҳои миллиро дар арсаи ҷаҳонӣ мусоидат намуда, ба рушду инкишофи устувор такони ҷиддӣ бахшад ва мавқеи байналмилалии мамлакатро устувор намояд. Тавре Пешвои миллат, Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Президенти Ҷумурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар паёми худ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон қайд намуда буд, Таҳаввулот ва тағйироти торафт афзоянда дар арсаи байналмилалӣ, -қайд мекунад Президенти кишвар, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон, - таҳияи самтҳо, ба ҳисоб гирифтани ҷузъиёт ва омилҳои сершумору мухталифи ин раванди мураккабу пуртазодро барои муайян намудани масири аслӣ ва муҳтавои матлуби сиёсати хориҷии кишвар душвор месозанд, ки он ҳам ҷавобгӯи манфиатҳои олии миллату давлат ва ҳам ба равандҳои асосии рушди равобити байналмилалии муосир созгор бошад. Бисёр мантиқист, ки ин амалия аз мо таҳлили амиқ, муносибати боэҳтиёту ҳушёрона ба ҳар як омилу ҳар як ҷузъи он, ба нафъи кишвару сарзамин мутобиқ намудани мундариҷаву мазмуни иқдомотамонро тақозо дорад, ки ин кор дар вазъи имрӯза кори саҳл нест, алалхусус ки сиёсати хориҷии воқеъбинона, фаъол ва мутавозини Ҷумҳурии Тоҷикистон дар айни замон бояд бо дарназардошти мавқеи геополитикӣ ва имкониятҳои табииву демографии он, инчунин сатҳи тараққиёти иқтисодиву иҷтимоии кишвар амалӣ карда шавад».

Холаҳмад Самиев,
Декани факултети муносибатҳои байналхалқии ДМТ

Введение

Изучение внешней политики современных государств – сложный процесс на содержание котрого влияют социально-экономические, культурные, политические и институциональные оособенности общества и государств. Обращение к социально-экономическим, культурно-историческим и институциональным аспектам внешней политики дает возможность наиболее полно понять содержание современной внешней политики и вскрыть внутренные механизмы и динамику развития внешнеполитического курса государства. Знание общих принципов, доктрин и технологий способствует реальной оценке событий объективному анализу конкретных действий, предпринимаемых государств на международной арене.

Следует отметить, что в условия тарнсформации современных международных отношений успешная реализация внешнеполитической стратегии государства играет определяющую роль и создает благоприятную предпосылку для достижения высших задач национальных государств. Национальные государства как основные акторы в процессе глобализации столкнулись с ряда традиционных и нетрадиционных угроз и вызовов, которые в состоянии расслабить процесс защиты национальных интересов государств и создать серьезные барьеры для их устойчивого роста. Поэтому, внешняя политика государства как логическое продолжение внутренней политики должна содествовать обеспечению национальных интересов на мировой арене, способствовать устойчивому росту и укреплению международного имиджа государств. «Эволюционные процессы и всё более нарастающие изменения на международной арене, - отмечал Президент республики, уважаемый Эмомали Рахмон, - затрудняют разработку векторов, учёт деталей, многочисленных и различных факторов этого сложного и противоречивого процесса для определения основополагающего курса и выверенного содержания внешней политики государства, которая бы отвечала высшим национально-государственным интересам и гармонично вписывалась в основные процессы развития современных международных отношений. Вполне логично и понятно, что эта практика требует от нас глубокого анализа, осторожного и осмотрительного отношения к каждому фактору и к каждой его детали, приведения в соответствие с интересами страны содержания и сути наших действий, что в сегодняшней ситуации не из простых задач. Особенно если учесть, что реалистичная, активная и сбалансированная внешняя политика Республики Таджикистан должна также осуществляться с учётом геополитических характеристик, природно-географических возможностей страны и уровня её социально-экономического развития».

Холахмад Самиев,
Декан факультета международных отношений ТНУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

СИЁСАТИ ХОРИҶӢ ДАР ШАРОИТИ ТАБДИЛИ НИЗОМИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ МУОСИР: БАРДОШТҲОИ НАЗАРИЯВӢ

Самиев Х.Д. – н.и.т., дотсент, декани факултети муносибатҳои байналхалқӣ, ДМТ

Омӯзиши сиёсати хориҷии кишварҳои муосир – раванди душвор ва мураккаб буда, ба мундариҷаи он вижагиҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ, фарҳангиву сиёсӣ ва ниҳодии ҷомеа ва давлат таъсир мерасонанд. Муроҷиат ба ҷанбаҳои иҷтимоиву иқтисодӣ, фарҳангиву таърихӣ ва ниҳодӣ имконият медиҳад, ки мундариҷаи сиёсати хориҷии имруза пурратар дарк карда шуда, муҳаррик ва механизми роҳи сиёсии давлат ошкор карда шавад. Донистани усули умумии назария ва технологияҳо ба баҳодиҳии воқеии руйдодҳо ва таҳлили айнии аъмоли мушаххаси кишварҳо дар саҳнаи байналхалқӣ мусоидат мекунад. Тайи солҳои охир таваҷҷӯҳ ба омӯзиши сиёсати хориҷӣ ба маротиб зиёд шудааст, аммо гуфтанист, ки аксари пажуҳишҳо хислати эмпирикӣ доранд. Захираи ҷиддии донишҳои хислати мушаххаси таърихӣ дошта имконият медиҳад, ки ба фаҳмиши нави назариявии масоили сиёсати хориҷӣ рӯ орем. Қобили ёдоварист, ки дар улуми сиёсӣ назарияи томи фарогире, ки қодир ба шарҳи ягона ва мутлақи руйдодҳои саҳнаи байналхалқӣ буда, ба арзёбии сифатӣ ва пешбинии рафти минбаъдаи вазъи сиёсии ҷаҳон имкон диҳад, вуҷуд надорад. Аз ин рӯ, ҳангоми мутолиаи сиёсати хориҷии кишвар таҳлили ҳамаҷонибаи асосҳои назариявиву равишшиносии он зарур аст. Маъмулан асосҳои назариявиву равишшиносии сиёсати хориҷии кишвар фарогири зайл мебошанд: а) муқаррарот ва усули равишҳо, назарияҳо ва консепсияҳои илмӣ, ки дар илми равобити байналмилал ва сиёсати байналхалқӣ мавҷуданд; б) дастгоҳи тадқиқотии мафҳумии сиёсати хориҷии кишвар; в) методҳо ва воситаҳои маърифати илмии объекти омузиш.

Вижагии шинохти сиёсати хориҷӣ

Сиёсати хориҷӣ, ки шомили танзим ва низ иҷро ва ҳамчунин худ маҳсул ва натиҷаи тасмимот ба шумор меравад, роҳнамоест барои иқдомоте, ки як давлат дар варои марзҳои хеш ба манзури пешбурди аҳдоф дар робита бо бозингарони ҳукуматӣ ва ғайри ҳукуматӣ ба амал меоварад.[1]

Сиёсати хориҷӣ ҳамчун мафҳуми илми сиёсии муосир чун ҷузъи таркибии сиёсати умумии давлат ва идомаи сиёсати дохилии он баррасӣ мешавад. Ҳар як кишвар бо назардошти манфиатҳои хеш ва омилҳои дигари айниву зеҳнӣ сиёсати хориҷии худро шакл медиҳад. Ҳамчунин бояд дар хотир дошт, ки таҳияи сиёсати хориҷии давлат аз лаҳазоти мушаххаси таърихӣ ва хусусияти равандҳои дохилии сиёсат дар давлат ва нишондиҳандаҳои низоми байналхалқӣ вобастагӣ дорад. Ба ҳамин навъ, вижагии сиёсати хориҷии давлат бо хусусияти хоси низоми равобити байналмилал, ки дар он ин сиёсат амалӣ мегардад, робитаи зич дорад. Дар навбати худ, агар ҳамин тавр гуфтан мумкин бошад, муносибатҳои байналхалқӣ ибтидо аз маҷмӯи фаъолиятҳои хориҷии кишварҳо шакл мегиранд. Вижагии дигари сиёсати хориҷӣ нишондиҳандаи фаъолнокии амали кишвар дар саҳнаи байналхалқӣ ё қобилияти ӯ ба чунин амалҳо будан аст. Дар ин робита, ба андешаи мо, масъалаи калидӣ дар мутолиаи сиёсати хориҷӣ баҳс дар мавриди нақши кишвар дар равобити байналмилалии муосир ва тағйири тадриҷии шаклии он мебошад.

Ҳамзамон бо ин дар таҳқиқоти сиёсии муосир таваҷҷуҳи бештар ба таҳлили сатҳҳои сиёсати хориҷӣ карда мешавад, ки ҳамчунин ба вижагиҳои шаклгирии сиёсати хориҷии давлат ва нақши он дар ин раванд дахл дорад. Ба андешаи мо, бо назардошти мавқеи кишвар дар марҳилаи кунунӣ метавон ишора кард, ки ба зуҳури заминаи муайяни заъф ва коҳиш ёфтани кишвар ҳамчун бозингари аслии сиёсати байналхалқӣ ва афзудани нуфузи ниҳодҳои фавқулмиллӣ нигоҳ накарда, кишвар ҳамчун бозингари аслӣ боқӣ хоҳад монд ва метавонад роҳи

[1]Russet, Bruce, Harvey, Starr and David, Kinsella, World Politics: The Menu for Choice, 6thed., N.Y: St. Martins, 200, p.117.

сиёсии худро дар арсаи берунӣ озодона амалӣ намояд. Ҳамзамон он нуктаи назарро ҳам набояд нодида гирифт, ки асли соҳибихтиёрии кишвар пайёмадҳои гуногунранг ба бор овардааст: аз он ҷумла, дар ҷаҳони имруза кишварҳо имконият ва иқтидори нобаробари ҳифзи исқтилолияти худро ҳангоми қабули қарорҳои сиёсии хориҷӣ доранд. Ҳамин тавр, арзишмандии масъалаи сиёсати хориҷӣ мустақиман ба низоми соҳибихтиёрии кишварҳо алоқаманд буда аз тавсифот ва нишондиҳандаҳои пешрафти онҳо вобастагӣ дорад.

Бо назардошти авомили зикршуда метавон ҳукм кард, ки сиёсати хориҷии давлат дар оянда аз чунин нишондиҳандаҳо: ҳудуд, рушди иқтисодӣ, сохтори сиёсӣ, рифоҳи иҷтимоӣ, қудрати низомӣ, сатҳи саноат ва монанди инҳо вобастагии мустақим дорад. Яъне маҳз аз ҳамон нишондиҳандаҳое, ки дар сатҳи кишварии сиёсати хориҷии давлат истифода мешаванд.

Мутолиоти сиёсати хориҷӣ ва паҳлуҳои методологии он

Мафҳуми сиёсати хориҷии кишвар чун пештара мақоми марказиро дар мутолиоти сиёсии муосир ишғол мекунад, ки аз бисёр ҷиҳатҳо бо тағйироти азими баъди пошхурии низоми дукутбӣ дар низоми равобити байналмилал пешомада алоқаманд аст. Маҳз ба ҳамин хотир имруз дар байни муҳаққиқони сиёсати хориҷии кишвар таҳлили сатҳҳои сиёсат маъруфияти бештар касб кардааст. Дар ин мавриd ҳангоми мутолиаи сиёсати хориҷии кишварҳои муосир дар навбати аввал бояд сатҳи кишварӣ ва сатҳи низоми байналхалқӣ, ки дар он кишвар амал мекунад, ба назар гирифта шавад. Ҳамзамон, истифодаи нишондиҳандаҳо ва муайянкунандахои дигари сиёсати хориҷии кишвари муосир имкон дорад. Аз ҳамин қарина хусусияти дигари тадқиқоти илмӣ дар самти мазкур бармеояд: нақши кишвар ҳамчун бозингари аслии равобити байналмилал дар назми нави ҷаҳонӣ ва тамоилҳои асосии рушди глобалӣ, ки ин гуна назмро шакл медиҳанд.

Имрузҳо дар аксари навиштаҳо ишора аз он меравад, ки мавзуи сиёсати хориҷӣ мубрамияти худро аз даст додааст ё ҳадди ақал ба иллати афзудани таҳдидоти нав, ки дар шароити ҷаҳонишавӣ ва шаклгирии ҷомеаи шаҳрвандии глобалӣ зуҳур кардаанд, бояд

таҷдиди назар шавад. Истинботи зайл бо се ҳукм тақвият дода мешавад. Якум, дар бораи шуста шудани фарқи байни сиёсати хориҷӣ ва дохилӣ. Дуюм, дар бораи он ки бозингари суннатии сиёсати хориҷӣ -– кишвари соҳибихтиёр – ё аҳамияти худро гум кардааст ва мемирад, ё дар миёни анбуҳи бозингарони дигар гум шудааст. Ва ҳукми сеюм дар бораи он ки «манфиатҳои миллӣ» ҳамчун мафҳуми калидии таҳлили сиёсати хориҷӣ чанд вақт пештар ғайрифаъол будани худро нишон дод ва имрӯз дар партави идеалҳои бозориву либералӣ бояд ба берун партофта шавад. Аммо ин гуна муҳокимарониҳо хилофи афзун гардидани таваҷҷӯҳ ба пажуҳишҳо дар соҳаи сиёсати хориҷианд ва наметавонанд бе иқтибос ба манфиатҳои миллӣ бошанд.

Баъдан ягон тадқиқоти ҷиддӣ дар боби сиёсати хориҷӣ бе таваҷҷӯҳ ба ин мафҳум дар кадом сатҳе ки набошад анҷом наёфтааст. Гуфтанист, ки мактабҳои назариявии зикршуда равишҳои умумӣ, асосҳои методологии таҳлили сиёсати хориҷиро пешниҳод мекунанд, ки бешубҳа барои дарки хусусияти шаклгирии сиёсати хориҷӣ, татбиқ ва баҳодиҳии самаранокии он кофӣ нест. Аллакай дар солҳои 50-ум дар ҷараёни танқиди назарияҳои суннатии равобити байналмилал барои ҷамъбандиҳои ё натиҷагириҳои умумӣ, ки санҷишнопазиранд, барои нокифоя будани хулосаҳои хислати амалӣ дошта, аз як тараф ва афзудани таваҷҷӯҳ ба методҳои илмӣ аз тарафи дигар, асарҳое нашр мешаванд, ки зарурияти роҳҳои ворид шуданро ба «ҳарамгоҳ» - и сиёсати хориҷӣ асоснок ва пешниҳод мекарданд. Ва дар ин қаринаи ақлонӣ ё интеллектуалӣ риштаи хоси илмии амалӣ – таҳлили сиёсати хориҷӣ (foreign Policy Analisys) зуҳур кард, ки кушиши амалигардонӣ ё воқеигардонии мафҳуми «манфиатҳои миллӣ» ва берун рафтан аз тафсири давлат ё кишвар ҳамчун бозингари ягонаи сиёсати хориҷӣ, шарҳи сабабҳои фарқи байни рафторҳои кишварҳо дар саҳнаи байналмилалӣ, ки шароит ва имкониятҳои ҳамсон доранд, ва ниҳоят эҷоди назарияи сиёсати хориҷиро ҳамчун самти мустақили тадқиқот дошт. Тайи солҳои 1954 ва 1963 баъзе аз муҳаққиқон (Ричард Снайдер, Хенри Брук ва Бертон Сапин дар асари дастаҷамъонаи худ «Қабули қарорҳо

ҳамчун равиши омузиши сиёсати байналмилал» (1954) чаҳорчубаи тасмимгирии системавиро дар вокуниш нисбат ба чирагии манофеи миллӣ (мавриди баҳси реалистҳо) ба коргузории инсон ироа намуданд, ки дар инҷо умдатан таъкид руи тасмимгирандагон буд. [1] «Ошкор сохтани сабабҳои воқеаҳо, шароит ва тарҳҳои ҳамкориҳо, ки аз амали давлатҳо бармеоянд, таҳлили раванди қабули қарорҳоро тақозо доранд. Ба илова, мо таъкид мекунем, ки барои дарки он ки амали кишварҳо чаро ин тавр сурат мегирад, бояд тадқиқ намоем ки чи гуна сурат мегиранд».[2]

Агар равиши суннатӣ ба таҳлили сиёсати хориҷӣ аз он бармеомад, ки кишвар ҳамчун бозингари ягона аст ва таваҷҷӯҳи бештар ба печу хами ҳамкориҳои вай бо муҳити атроф дошт, пас таҳлили сиёсати хориҷӣ таъкид ба он дорад, ки давлат таҷриде (абстраксия) беш нест ва сиёсат натиҷаи фаъолияти инсонҳост, аз ин рӯ маҳз одамон бояд объекти асосии таҳлили сиёсати хориҷӣ бошанд. Дар ин ҳол маркази сиқли таҳлил бояд аз зуҳурёбиҳои берунии фаъолиятҳои зикршуда ба сарчашмаҳои он – ба вижагиҳои раванди омодашавии онҳо кучонда шавад. Ба ибораи дигар таваҷҷӯҳи асосӣ ба тасмимгирандагон ва вижагиҳои раванди таҳияву қабули қарорҳо равона карда шавад. Аз ибтидо ба таҳлили сиёсати хориҷӣ идеяҳои алоқаманд ба мутлақгардонии се амр хос буд: таваҷҷӯҳи асосӣ ба зуҳурёбиҳои мушаххаси сиёсати хориҷии давлат; ошкор ва тафсири сабабҳои бевоситаи рафтори хориҷии давлат, ки дар вижагиҳои қабули қарорҳо ниҳонанд; самти амалӣ доштани тадқиқот, ҳадафгирӣ ба таҳияи тарҳҳои муносибтарини шаклгирии қарорҳои сиёсати хориҷӣ.

Яке аз пайравони мактаби мазкур В. Хадсон дар мақолаи дар шумораи нахустини маҷаллаи «Foreign Policy Analisys» чопшуда

[1] Snyder, Richard, H.W. Bruck and Burton, Sapin, Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics, foreign Policy Analysis Series, No.3, Princeton: Prinception Univercity Press,1954, and Snyder, Bruck, and Sapin, eds., foreign Policy Decision Making, N.Y.: Free Press,1963.

[2]Snyder R., Bruck H. and Sapin B. Decision making as an Approach to the Study of International Politics. – New York: Free Press, 1954. P. 33

таъкид мекард, ки мазрааи омузиши таҳлили сиёсати хориҷӣ ба раванди қабули қарорҳо меорад ва дар он одамоне иштирок доранд, ки соҳиби захираҳои қудратӣ ҳастанд, яъне намояндагони расмии ҳукумати кишвари миллӣ мебошанд. [1]

Сухан дар бораи он меравад, ки чаро ва дар кадом шароит ин шахсон масъалаи марказии сиёсати хориҷиро мефаҳманд, авлавиятҳои қарорҳои онро муайян мекунанд, ҳадафҳои мутобиқро шакл медиҳанд, интихоби воситаҳоро баҳо медиҳанд ва амсоли инҳо. Гуфтанист, ки таҳлили сиёсати хориҷӣ – тадқиқи кадом як қарори алоҳида ё набудани онро не, балки маҷмуъ ва пайдарҳамии қарорҳои дар ин ё он шароити мушаххас қабулшударо пешбинӣ менамояд. Дар ин ҳол аз таҳлил амалҳо ва қарорҳои тасодуфӣ ва ғайримақсаднок ва ҳам онҳое, ки ба сиёсати байналхалқӣ дахл надоранд, берун карда мешаванд.

Дар чаҳорчубаи таҳлили сиёсати хориҷӣ базаи маълумотҳо бо образҳои навъҳои шахсони қарорқабулкунанда вобаста ба вазъ ва мақоми ишғолкардаашон дар саҳнаи дохилии сиёсати хориҷӣ, инчунин типҳои амалҳои инфиродӣ ва гуруҳии эҷодкунандагони сиёсат дар рафти қабули қарор ҷамъ оварда шуд. Бо ҳамин таҳлили сиёсати хориҷӣ ба ғанигардии илми муносибатҳои байналхалқӣ бо методикаҳои амалӣ мусоидат карда, на танҳо аҳамият, балки имконияти мутолиоти эмпирикиро дар соҳаи сиёсати хориҷӣ нишон дод. Таҳлили сиёсати хориҷӣ сохторҳои алоҳидаи давлатиро, ки дар раванди қарорҳои сиёсати хориҷӣ ва ҳамкориҳои байнидавлатӣ таъсир мерасонанд, объекти тадқиқоти худ қарор дода ва ба илова, муассисаҳои ғайридавлатиро (корхонаҳо, ширкатҳо ва созмонҳои хусусӣ) ба майдони таҳлил кашида таваҷҷӯҳи олимонро ба масъалаи бозингарони сиёсати хориҷӣ бештар кард ва нишон дод, ки аҳамияти онҳо танҳо побанди нақши робитаҳои байни кишварҳо нест.

Вижагии мутолиоти сиёсати хориҷӣ

Ҳамзамон боистӣ эътироф кард, ки даъвоҳои ҷонибдорони таҳлили сиёсати хориҷӣ баҳри эҷоди назарияи амалии сиёсати

[1]Valerie M. Hadson. Foreign Analysis: Actor – Specific Theory and the Ground of International Relations// Foreign Policy Analysis, 2005. 1,1. – 30.

хориҷӣ, ки коромади ҳамаи миллатҳо ва замонҳо бошад, ноқобил баромад. Бо вуҷуди арзишмандии сифатҳои инфиродии шахсони қабулкунандаи қарор онҳо болотар аз мақоми ҳокимиятӣ ва нақши ба он алоқаманд дар шаклдиҳии сиёсати хориҷӣ нестанд.[1] «Ҷиддият» - и методҳои эмпирикии таҳлили сиёсати хориҷа вобаста ба мушкилотест, ки муҳаққиқ ҳангоми истифодаи онҳо ру ба ру мешавад, аз қабили самараи таъсири омилҳои гуногуни равониро ба сиёсати хориҷӣ чи тавр бояд санҷид?

Таҳлили сиёсати хориҷӣ бо таваҷҷӯҳи аввалиндараҷа ба ашхоси мушаххас ва гуруҳҳои хурд ногузир нақши ниҳодҳо ва гуруҳҳои калони муташаккилро дар шаклдиҳии сиёсати хориҷӣ нодида мегирад. Дар ниҳояти кор кучиши таваҷҷӯҳ ба сифатҳои равонии шахс дар раванди қабули қарорҳо сиёсати хориҷиро ба ҷузъҳо тақсим карда онро ҳамчун раванди ягонаи ташаккул, татбиқ ва баҳодиҳии самаранокӣ бо коррек-сияи минбаъда ва амсоли инҳо аз назар дур мекунад. Зеҳнигардонии мафҳуми «манфиатҳои миллӣ» ҳам ба фаҳмиши сиёсати хориҷӣ ҳамчун раванди том мусоидат намекунад.

Ҳамаи ин имкониятҳои таҳлили сиёсати хориҷиро дар мутолиаи масоили сиёсати хориҷӣ маҳдуд кунад ҳам, нақши мусбии онро бекор намекунад. Хидмати муҳими таҳлили сиёсати хориҷӣ аз ҷумла он буд, ки таваҷҷӯҳи муҳаққиқонро ба қаринаи иҷтимоие, ки дар он шахсони қабулкунандаи қарор амал мекунанд ва бо як қатор омилҳо – фарҳанг, таърих, ҷуғрофиё, иқтисод, ниҳодҳо, идеология, демография шакл гирифтааст, бештар кард. Ба илова, таҳлили сиёсати хориҷӣ яке аз масъалаҳои марказии илми равобити байналмилал – масъалаи таносуби бозингар (agent) ва сохторро (structure) дар таҳлили сиёсати хориҷӣ мубрам гардонд.

Дар ҳоле, ки таҳти таъсири инқилоби рафторӣ дар равобити байналмилал бо сиёсати хориҷӣ барҳӯрди илмӣ ба амал омад, вале дар ҳамин даврон бо сиёсати байналмилал дар қолаби низом, ин гуна барҳӯрд нашуд. То он ки дар соли 1979 Кеннет Уолтс

[1]Ниг.: Внешняя политика: вопросы теории и практики. Материалы научного семинара. Научный ред. П.А. Цыганков. – М., 2009. – с. 13.

китоби «Назарияи сиёсати байналмилал» - ро нашр кард. Уолтс саъй намуд, ки сиёсати байналмилалро бар асоси воқеъгароии сохторӣ (навоқеъгароӣ) тарҳрезӣ кунад. Ӯ ба ин хотир аз мафҳуми **сохтор** истифода кард, то бад-ин тариқ аз як сӯ такягоҳе барои низом дар назар гирад ва аз тарафи дигар ба берун кардани унсурҳои ғайризарурӣ аз мутолиоти хеш иқдом кунад. Ба гумони Уолтс сиёсати байналмилал навъе истиқлоли амал дорад, ки ин худ сароғозест барои назарияпардозии равобити байналмилал ва низ нуқтаи азиматест аз воқеъгароии суннатӣ. Бар пояи ин таҳлил низоми байналмилал дорои сохтори дақиқан таърифшудаест, ки бояд дар он ба асли назмдиҳандагӣ, вижагиҳои воҳидҳои мавҷуд дар низом ва кайфияти тақсими тавоноии воҳидҳо иноят кард. Бад-ин тартиб агар низоми давлатҳо ҳавзаи ҷудо аз мулоҳизоти дохилӣ (идеологӣ, мазҳабӣ, созмони иҷтимоӣ, ва шеваи тавлид) дар назар гирифта шавад, метавон ба моҳияти равобити байналмилал сарфаҳм рафт.

Дар реализми классикӣ таъкид бар илзомоти ҷуғрофӣ, сиёсӣ, таърихӣ ва иқтисодӣ будааст ва таҳлили сиёсати байналмилал бар асоси модели бозии билярд иборат аз эҳсоси адами амният, фуқдони иқтидори марказӣ ва беназмӣ, тарс аз ба хатар афтодани истиқлол, дар ҳолати ҷанг ба сар бурдан ва масъалаи бақо будааст. Дар ҳақиқат метавон гӯфт, ки бар асоси ин таҳлил сиёсати хориҷӣ сиёсати амниятӣ арзёбӣ мешавад. Дар ин росто ақлоният (ратсионализм) дар меҳвари рӯйкарди воқеъгароӣ қарор дорад. Ақлоният бар асоси ончи баъдан тавассути наввоқеъгароён матраҳ мешавад, дар ҳақиқат нуқтаи шуруъи ғайри инсонӣ кардани сиёсати байналмилал аст, зеро бештар давлатҳоро ба сурати унсурҳои механикӣ медарорад, ки бояд ба таври худкор тасмимоте гиранд, ки қаблан бар асоси ақлоният таъриф шудаанд. Таҳти ин шароит рафтори давлатҳо ба ҳам монанд мешавад.

Ҳаракат аз воқеъгароии классикӣ ба сӯи рафторгароӣ сабаб мешавад, ки таҷзия ва таҳлили сиёсати хориҷӣ ба даруни «сандуқ» -и сиёҳи давлат (режимҳо, ҳукуматҳо, услубҳо, шахсиятҳо, ва монанди инҳо) рахна кунад кореро, ки албатта баъдан сохторгароён (structuralists) дунбол намуданд. Бад-ин

тартиб ҳангоме, ки муҳаққиқон ба даруни «сандуқи сиёҳ» нуфуз ёфтанд, бо иттилооти бисёр зиёд, аммо ба ҳам рехта рӯ ба рӯ шуданд. Таҳти ин шароит мафҳумҳои гуногуне аз риштаҳои мухталифи равоншиносӣ, ҷомеашиносӣ ва монанди инҳо монанди тасвирсозӣ, низоми эътиқодӣ, бардоштҳо вориди арсаи таҷзия ва таҳлили сиёсати хориҷӣ шуд. Дар ин вазъият муҳаққиқоне монанди Ҳаролд ва Маргарет Спроутҳо кушиш карданд, ки миёни шароити равонӣ ва муҳити тасмимгирӣ ва низ миёни шароити амалиётӣ ва айнии сиёсати хориҷӣ як навъ мувозинат барқарор кунанд. [1] Ҳамин тавр, таъкид бар тасмимгирӣ сабаб шуд ба ҷойи тарҳи пурсишҳое перомуни сиёсати хориҷӣ муҳаққиқон таваҷҷӯҳи хешро бештар ба фарояндҳое намоянд, ки аз тариқи онҳо тасмимот гирифта мешаванд. Дар авҷи баҳси ақлоният «назарияи бозиҳо» матраҳ шуд, ки тайи он таъомулоти стратегӣ мавриди таваҷҷӯҳ қарор мегирифт. Ин назария тарҳи куллӣ аз стратегияҳо, тасмимоти стратегӣ ва теъдоди зиёди коргузорони мантиқиеро, ки барои рақобат ва ҳамкорӣ дорои ангезаҳои лозим буданд, муаррифӣ мекард. Таҳти таъсири «назарияи бозиҳо» амалан таҷзия ва таҳлили сиёсати хориҷӣ вориди як ҷараёни ҷандриштаӣ гардид. Дар чунин шароит назарияи интихоби мантиқӣ боиси дигаргуниҳое дар рӯйкарди ниҳодгароии либералӣ шуд. Модели интихоби мантиқӣ ин имконро ба тасмимгиранда медод, ки дар ҳар марҳилаи тасмимгирӣ рафтори худро мавриди арзёбӣ қарор диҳад. Аллисон се рӯйкардро барои рафтори ақлоии сиёсати хориҷӣ матраҳ намудааст: яке рӯйкарди реалистӣ аст, ки тайи он давлатро ба унвони бозингари якто ба сурати бозингари мантиқӣ дар назар мегирад. Дигар таҳдидоти ақлоният аст, ки низоми силсиламаротиби созмонҳои бузургро ба раванди тасмимгирӣ таҳмил мекунад ва билохира рӯйкарди сеюм таъкид бар бюрократияҳои чандгонаи ҳукуматӣ аст, ки тайи он тасмимгирии

[1] Sprout, H., and M. Sprout Man Milieu Hypotheses in the Context of International Politics, Princeton: Princeton University Center of International Studies,1956.

сиёсати хориҷӣ бар асоси авлавиятбандии ҳар як аз онҳо сурат мепазирад.[1]

Бо оғози солҳои 80 - – уми қарни пешин баҳсҳои назариявӣ ва методологии бисёре дар заминаи сиёсати хориҷӣ тавассути муҳаққиқони сиёсати муқоисавӣ ва байналмилалӣ сурат гирифт. Маҷмуаи назарияпардозиҳои зикршуда ба таҳлилҳои чандсатҳии сиёсати хориҷӣ оварда расонд. Ин мавҷи таҳқиқоти ҷадид, ки ба насли дувуми таҳлили сиёсати хориҷӣ тааллуқ дорад, бештар даъвоҳои ҷавҳариро дар сиёсати хориҷӣ дошт. Гуфтанист, ки раванди мазкур, ки ба охирҳои даҳаи 1980 ва аввалҳои даҳаи 1990 кашида шуд, бо як силсила таҳаввулот ҳамроҳ буд, ки иборатанд аз: охирин мавҷи демократишавӣ, коҳиши нисбии қудрати иқтисодии Амрико, фурӯпошии Шӯравӣ ва ташрики талошҳои бесобиқа дар ҷанги Халиҷи Форс.

Бо таваҷҷӯҳ ба ин матлаб ки ҷудоии миёни таҷзия ва таҳлили сиёсати хориҷӣ ва сиёсати байналмилал тасвири ноқисеро аз равобити байналмилал ба даст медод, аз охирҳои даҳаи 1980 ва аввалҳои даҳаи 1990 рӯйкарди сохторгароӣ талош кард, ки ин ҷудоиро аз миён бибарад ва коргузории сиёсати хориҷиро дар канори сохтори низоми байналмилал мавриди таваҷҷӯҳ қарор диҳад. Дар ҳақиқат талоше барои оштӣ додани таҷзия ва таҳлили сиёсати хориҷӣ ва сиёсати байналмилал, дар як вақт бо баҳси равобити байналмилал дар мавриди баҳс перомуни мафрузоти исботгароёнаи илм ва иртиботи он бо падидаҳои иҷтимоӣ сурат гирифт. Дар ин раванд сохторгароён аз гароиши сиёсати байналмилал ба сӯи коргузорон (тасмимгирандагони сиёсати хориҷӣ) истиқбол карданд, зеро онҳо ба ҷудоии сохтор ва коргузорӣ эътиқод надошта ва якеро бар дигаре бартарӣ намедиҳанд.[2]

---

[1] Allison, G.T., Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis, Boston: Litlle Brown,1971.

[2] Wendt, Alexsander The Agency-Structure Problem in: FPA, International Studies Quarterly 36 (3), 1992, pp. 245-270, and also Wendt, A., Level of Analysis V.C. Agents and Structures: Part 3, Review of International Studies, 18 (2), 1992, pp. 181-2.

Баррасии сиёсати хориҷӣ дар замони муосир

Имрӯз дар асри ҷаҳонишавӣ ба иллати нуфузпазирии марзҳо, таҳдиди ҳокимиятҳо ва раванди умумишавӣ, ки тайи он тафсирҳое чун ҳуқуқи башар, демократия, тавсеа ва монанди инҳо ба амал меояд, амалан марзҳои сиёсати дохилӣ ва хориҷӣ бардошта шуда ва ё ҳадди ақал бисёр камранг гардидаанд, ки ин амр амалан ба мизони қобили таваҷҷӯҳе аз истиқлоли нисбии бозингари сиёсати хориҷӣ коста ва дар натиҷа авлавиятбандии ҳадафҳои миллӣ, баёни манофеъ ва интихоби ҷиҳатгириҳо тобеъи вижагиҳои сохтори низоми байналмилал шудаанд. Афзоиши гуногунрангии ҷаҳони муосир зарурияти шаклдиҳии «сиёсати нави хориҷӣ» - ро, ки ба мадди аввал на масъалаи рақобат ва ҳокимият, балки идораи сотсиуми ҷаҳониро мегузорад, пеш овард. Солҳои пешин сиёсат ҳамчун муболиза барои қудрат ва пешвоӣ баррасӣ шуда ба равандҳои дезинтегратсионӣ мусоидат кард, ки дар даврони ҷаҳони дуқутбӣ иникоси воқеии худро ёфт. Имруз шароит тағйир кард ва сиёсатро бояд дар маънии аввалиаш – сиёсати идоракунӣ ва ҳамчун фаъолияти муштараки ҳамаи иштирокчиёни раванди сиёсии ҷаҳонӣ (кишвар ва бозингарони ғайрикишварӣ) тасаввур кард, ки бо ҳадафҳо ва вазифаҳои умумӣ муайян карда мешавад ва ба танзими мушкилоти аслии ҷомеаи ҷаҳонии муосир мусоидат хоҳад кард.

Сиёсати имруза мустақиман ба ҳалли вазифаи муҳим – таъмини идора дар микёсҳои нав алоқаманд аст. Дар маҳфилҳои академӣ баҳсҳо дар мавриди самаранокии сиёсати хориҷии кишвари имруза авҷ гирифтаанд. Ва дар ин ҳол сиёсати хориҷии ҳам кишварҳои заифу ноком (failed states) ва ҳам кишварҳои пешрав - бо сохторҳои демократӣ ва худкомаи идоракунӣ зери танқиди шадид қарор гирифтанд. Ба вижа самаранокии сиёсати хориҷии кишварҳои демократӣ боиси нигаронист. Аввалан, тайи солҳои охир теъдоди онҳо ба андозае афзуда аз ҷолибияти низоми идоракунии демократӣ далолат мекунад. Сониян, кишварҳои демократӣ ҳоло ҳам бо мушкилоти самаранокии сиёсати хориҷиашон рӯ ба рӯ мешаванд. Ниҳодҳои ҷомеаи шаҳрвандӣ аз

воситаҳои муосири иртиботӣ ва иттилоотӣ истифода бурда? ба субъектҳои қабули қарорҳои сиёсӣ дар ин кишварҳо табдил меёбанд. Дар ин робита масъалаи манипулятсия дар раванди шаклгирии сиёсати хориҷӣ мубрамияти хос касб мекунад. Саволе ба миён меояд, ки сиёсати хориҷии давлат дар кадом вазъ аст ва кадом омилҳо ба он таъсир мерасонанд?

Аввалан, кучиши соҳаҳои амният ва сиёсати хориҷӣ. Имруз аз пештара дида бештар шаҳрвандон аз амнияти хеш нигарон буда аз давлат (сиёсати хориҷии ӯ) чораҳои мушаххаси таъминкунандаи амнияташонро интизоранд. Аммо амнияти шаҳрвандонро метавон танҳо дар сурати ҳокимият доштан ба зурӣ таъмин кард. Агар давлати миллӣ ҳокимият ба зуриро соҳиб набошад, ба мушкилоти ҷиддӣ дар роҳи татбиқи сиёсати хориҷӣ ва чун натиҷа, таъмини амнияти мардум ру ба ру мешавад. Агар имруз бозингарони ғайрикишварӣ зуриро ба кор мебаранд, пас шаҳрвандони кишвар худро эмин ҳис карда наметавонанд. Пас дар ин ҳолат «аксулбозингар» - и кишвар кӣ буда метавонад ва кишвар бо кӣ ба хотири таъмини иҷрои функсияҳои худ робитаашро устувор кунад? Оё робита бо созмонҳои террористӣ, гуруҳҳои ҷиноятккори байналхалқӣ, ширкатҳои хусусии низомӣ соҳаи сиёсати хориҷии кишвар буда метавонад?

Сониян, мубрамияти масъалаи сиёсати хориҷӣ бо баҳсу мунозираҳо дар бораи ояндаи низоми кишварҳои соҳибихтиёр алоқаманд аст. Имрузҳо метавон шунид, ки савдо ва тиҷорати байналхалқӣ, бизнеси байналхалқӣ, воситаҳои электронии иртиботӣ, хатсайрҳои нақлиётии фаромингақавӣ, созмонҳои байналхалқӣ, азхудкунии фазои кайҳон барои бозори ҷаҳонӣ ва ҷомеаи космополитӣ, ки системаи суннатии кишварҳои соҳибихтиёрро иваз мекунанд, шароит муҳайё мекунанд. Имрӯз боз ҳам равшан мегардад, ки кишвар чун пештара бояд мубодила ва тиҷорати байналхалқиро идора кунад. «Пулҳои электронӣ» ва минтақаҳои оффшорӣ ба ширкатҳои фаромиллӣ имкон медиҳанд, ки қонунгузорӣ ва андозҳои миллиро «чапғалат дода» гузаранд. Дар шароити ташдиди ҷараёнҳои муҳоҷират нотавонии ниҳодҳои давлатӣ (полис, хадамоти махсус) дар роҳи муқовимат бо

муҳоҷирати ғайриқонунӣ ба мушоҳида мерасад. Ҳатто кишварҳои абарқудрате назири ИМА ва кишварҳои узви Иттиҳоди Аврупо дар ҳалли мушкилоти мазкур оҷиз мондаанд, ки инро руйдодҳои ду соли охир дар қаринаи муҳоҷирати мардуми кишварҳои зери таъсири ниҳодҳои террористӣ афтода тасдиқ мекунанд.

Солисан, васеъшавии фаъолияти ниҳодҳои «ҷомеаи шаҳрвандии глобалӣ», ки дар байни низоми давлатҳо ва бозори ҷаҳонӣ ҷой гирифтааст, бозор ва сохторҳои давлатиро, ки ба ниёзҳои нави ҷомеа вокуниши фаврӣ дода наметавонанд, иваз мекунанд. Аҷибаш он аст, ки кумаки воқеиро ба кишварҳои ру ба инкишоф ассосиатсияҳо ва созмонҳои ихтиёриву хусусӣ расонда истодаанд. Таҳлилгарон ҳамчун ба мавҷудияти «ҷамъиятҳои ғайришаҳрвандии фаромиллӣ» ишора мекунанд. Сухан аз созмонҳо ва картелҳои ҷинояткоре низ меравад, ки ба қочоқи мол, фуруши одамон, маводи мухаддир, роҳзанӣ, терроризм машғуланд. Фаъолияти ин гуна созмонҳо дар ҳудуди кишварҳо мегузарад, ки аз нотавонии сохторҳои давлатӣ дар он ҷойҳо шаҳодат медиҳад.

Ҳамин тавр, бо назардошти таҳлилҳои пешниҳодшуда категорияи «сиёсати хориҷӣ» - ро метавон ҳамчун механизми танзими робитаҳои байнидавлатӣ тавсиф намуд, к и бо василаҳои гуногун амалӣ мегардад ва интихоби онҳо аз дараҷаи соҳибихтиёрии ин ё он кишвар вобастагӣ дорад ва бо тамоилҳои асосии рушди глобалӣ (ҷаҳонишавӣ, шаклгирии сохторҳои фавқмиллӣ, эҷоди ҷаҳони бисёрқутбӣ, болоравии нуфузи ширкатҳои фаромиллӣ ва ғайра) робитаи зич дорад.

Китобнома:

1. Вебер М. Политика как признание и профессия // Избранные сочинения / М. Вебер. - М., 1990. - С. 644.
2. Внешняя политика: вопросы теории и практики. Материалы научного семинара. Науч.ред. П.А. Цыганков. – М., 2009. – 231с.

3. Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов / Международные отношения: социологические подходы // Под ред. проф. П.А. Цыганкова. - М.,1998. - С. 222-239.

4. Дугин А.Г. Международные отношения: парадигмы, теории, социология. – М., 2013. – 348 с.

5. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. Под ред. Проф. П.А. Цыганкова. 3-е изд. - М., 2013. –336 с.

6. Самиев Х., Муҳиддинов Т. Муқаддимаи равобити байналмилал. – Душанбе, 2011. – 176 с.

7. Самиев Х., Муҳитдинов Т. Гуфторҳо дар бораи назарияи равобити байналмилал. – Душанбе. 2014. – 251с.

8. Самеъ Х. Низоми байналмилалӣ: мафҳум, хислат ва марҳилаҳои ташаккул. – Душанбе, 2009. – 72 с.

9. Сайид Абдулалии Қавом. Равобити байналмилал. Назарияҳо ва руйкардҳо. – Теҳрон, 1390.

10. Allison, G.T. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis, Boston: Litlle Brown,1971.

11. Barker J.C. International Law and International Relations / J.C. Barker. - A&C Black, 2000. - 192 p.

12. Donnely J. Realism and International Relations/ J. Donnely. - Cambridge University Press, 2000. - 192 p.

13. Moravcsik A. Taking Preferences Seriously. A Liberal Theory of International Politics. // International Organization. 51. Automne 1997

14. Morgenthau H. Politics among nations. The struggle for power and Pease. – NY., 1948: 2nd ed. NY., 1955.

15.Rothstein, Robert, Alliances and Small Powers, N.Y.: Columbia University Press,1968, and also Stephen Walt, The Origins of Alliances Ithaca, N.Y.: Cornell Univercity Press, 1987.

16.Russet, Bruce, Harvey, Starr and David, Kinsella, World Politics: The Menu for Choice, 6thed., N.Y: St. Martins,200, p.117.

17.Snyder R., Bruck H. and Sapin B. Decision making as an Approach to the Study of International Politics. – New York: Free Press, 1954. P. 33

18.Sprout, H., and Sprout M. Man Milieu Hypotheses in the Context of International Politics, Princeton: Princeton University Center of International Studies,1956.

19.Valerie M. Hadson. Foreign Analysis: Actor – Specific Theory and the Ground of International Relations// Foreign Policy Analysis, 2005. 1,1.

20.Waltz K. Realism and Interbational Politics / K. Waltz. - Routledge, 2008. - 361 p.

21.Waltz K.N. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 1959, pp. 159–186.

22.Wendt, Alexsander The Agency-Structure Problem in: FPA, International Studies Quarterly 36 (3), 1992, pp. 245-270,

23.Wendt, A., Level of Analysis V.C. Agents and Structures: Part 3, Review of International Studies, 18 (2), 1992, pp. 181-2.

Внешняя политика государства в условиях трансформации международных отношений: теоретические подходы

В статье раскрывается содержание теоретико-методологических основ исследования внешней политики государства. Автор статьи анализирует позицию основных школ теории международных отношений и внешней политики, акцентирует внимание на уровни анализа внешней политики, соотношения национыльных интересов и внешней политки государства на современном этапе, влияния внутренных и внешних факторов на формирование внешней политики современного государства, в частности внешней политики Республики Таджикистана. Автор также попытался анализировать теоретические основы многовекторной дипломатии и политики «открытых дверей» таджикского государства.

Ключевые слова: теоретические подходы; уровни анализа, анализ внешней политики, субъект, агент и контрагенты международных отношений, состоявшее государство и несостоявшее государство, многовекторная дипломатия, политика «открытых дверей».

Foreign policy of states in the condition of transformation of internatonal relations: theoretical approaches.

The article considers the content of theoretical and methodological bases investigation of state foreign policy. The author analyses position of principal school of international relations and foreign policy and focuses on the analyses level of foreign policy, correlations between national interests and foreign policy, impact of domestic and foreign factors of formation modern foreign policy.

Key words: theoretical and methodological bases, foreign policy analyses, international relations, actor, agent of international relations, democratic and failed states, concept of “open door”.

Сведения об авторе: Самиев Холахмад Давлатович, кандидат исторических наук, декан факультета международных отношений Таджикского национального университета. Телефон: 918-79-90-91**.** E-mail: samiev.kholakhmad@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ «COVID-19» НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА

Латифов Д.Л. – д.и.н., профессор кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан, ТНУ

Сигналов о том, что «мир глобализации» находится в кризисе, было множество. Финансовый кризис 2008–2009 годов нельзя считать единственным «звоночком». Это и необходимость ради сохранения темпов глобализации делать все больше уступок Китаю. И нараставшая после мюнхенской речи Владимира Путина потребность решить, искать ли все-таки новое место для России в глобальном мире или же согласиться на ее окончательный развал. Окончательное решение, похоже, «отложили на потом», после ее успехов в Сирии против международных террористов — на период после окончательной стабилизации антироссийской власти на Украине и неминуемого в этих условиях политической нестабильности Белоруссии. «Звоночком» была и оказавшаяся неконтролируемой архаизация, казалось бы, относительно устоявшихся политических и общественных систем в ходе «арабской весны» когда на месте модернистских и относительно светских государств как» Египет, Сирия и Ливия начали возникать — часто на средства и с помощью коллективного Запада — претендующие на глобальность, а значит, и на идеологическую универсальность (ранее это было прерогативой только западного мира) сообщества.

Внешняя политика в условиях коронакризиса

Сегодня в мире пришла глобальная, жестокая беда-Пандемия «COVID-19», не миновавшая и республику- Таджикистан. Экономические последствия пандемии могут растянуться на многие годы. Она может иссушить жизненно важные источники доходов для бедных и уязвимых стран, к которым, к сожалению, относится сегодня и Таджикистан

За, почти полугодового ее свирепствования она нанесла колоссальный экономический ущерб. Приостановили свою работу 122 предприятий промышленности [1].

Выросла кредиторская банковская задолженность на 53 млрд сомони. Крупнейшими кредиторами являются Барки Точик, Рохи охан, Точик Эйр, Заводи алюминий. Сократилось поступление средств в бюджет от трудовых мигрантов. Из-за пандемии доходы кредитных организаций страны за первую половину года по сравнению с аналогичным периодом 2019г сократились на 26,6 % или на 52 миллионов сомони.

Вызванная карантином прекращение авиа и железнодорожных сообщений и прекращения денежных переводов 167 центров банковской системы страны прекратили свое функционирование, 2270 сотрудников которых были отправлены на неоплачиваемый отпуск [2].

Как было до наступления Пандемии, трудовые мигранты Таджикистана обеспечивали своим семьям страховку от резкого изменения доходов, поддерживая и выравнивая их потребление. Денежные переводы также финансируют торговое сальдо и являются источником налоговых поступлений для правительства. Этот кризис обладает уникальным эффектом усиления бюджетных ограничений в странах с низкими доходами, из которых приезжают мигранты, именно в тот момент, когда необходимы действия со стороны государственного сектора, как для защиты населения от пандемии, так и для поддержки местной экономики в преодолении масштабных негативных потрясений. Потеря налоговых поступлений вследствие сокращения потребления, поддерживаемого денежными переводами мигрантов, только усугубит положение правительства, которое уже стеснено в средствах, и сильно подорвёт его возможности принятия контрмер для спасения бюджета. Теперь стране в случае, возвращения трудовых мигрантов из России, где ограничились возможности их использования, понадобится помощь ни только в организации их занятости дома, но и в сдерживании последствий масштабов вспышки болезни.

Не имея самодостаточного фонда развития, страна нуждается в помощи международных финансовых организаций. МВФ выделила РТ и другим шестидесяти беднейшим странам гуманитарную помощь в объёме 100 млрд долларов. Наибольшая часть получаемой нашей республикой гуманитарной помощи составляла помощь от КНР (40%), Узбекистана и России. Дальнейшая судьба поступлений финансовой помощи, вследствие наступления второй волны «COVID-19» может попасть под сомнение, т.к. сами страны-доноры стали испытывать парадоксы пандемии

Уровень социальной поддержки группам риска и малоимущим слоям населения будет низким также, в результате долгового бремени государства.

Продолжительный карантин, замкнутый изолированный образ жизни негативно отразились на самочувствие части населения. Негативными последствиями по данным Комитета женщин республики с начала 2020 г. было зарегистрировано 265 разводов 236 родителей были лишены родительских прав, имеются факты самоубийств среди женщин. Причины разные. Ряд родителей, к примеру, стремясь избежать своим сыновьям службу в рядах вооруженных сил, стремятся женить их начиная с 17 летнего возраста. Уже при достижении призывного возраста они заводят одного, двух детей и освобождаются от службы. При низком уровне жизни, безработице, молодые снохи, становятся жертвами семейного насилия и стесняются возвращаться к родителям, а иные кончают суицидом.

Жизненно важное значение в таких условиях имеет международное сотрудничество Таджикистана в обеспечении эффективных ответных мер здравоохранения. Необходимо повысить эффективность сотрудничества Таджикского общества Красного креста с Международными обществами «Красный полумесяц», «Врачи без границ», «Продовольственной программы ООН» и другими. Население ждёт скорейшей реализации Проекта экстренного реагирования на COVID Всемирного банка.

Возможное ужесточение условий кредитования, снижение темпов экономического роста и переориентирование расходов на борьбу с пандемией, вероятно, приведут к сокращению государственных доходов и снизят возможности государства инвестировать в образование, здравоохранение и гендерное равенство. Особенно сильным будет удар по малообеспеченным группам.

Предпринятые меры Таджикистаном

Создан и действует республиканский Штаб по профилактике и борьбе с Пандемией «COVID-19»

Реализуется Указ Президента страны «Об усовершенствовании налоговой системы для создания благоприятного привлекательного климата для бизнеса, в соответствии с которым, таможенные пошлины сократятся с18% зо 15%. Государство выиграло бы, если удалось убрать все барьеры для торговли.

Отсутствие кооперации, вследствие внедрения карантинных мер ухудшит ситуацию в одностороннем порядке, способствуя дезинтеграционным процессам в отношениях государств. Это обусловливает возможность вступления в будущем Таджикистана в ЕврАзЭС, т.к. карантинные меры ограничивают экспортно-импортные связи государства. Не случайно 11 мая Оли Маджлис (Сенат Узбекистана) с огромным перевесом проголосовал за участие в возглавляемом Россией Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) в качестве государства-наблюдателя, отказавшись от вступления в него в качестве непосредственного члена организации. Не исключено, что причиной тому стало заявление министра торговли США Уилбура Росса в ходе ежегодном бизнес-форума Американо-Узбекской Торговой Палаты в октябре 2019 года. Тогда Росс чётко предостерёг Узбекистан от участия в Евразийском экономическом союзе, сказав, что «Дальнейшее членство в Евразийском экономическом союзе может усложнить и продлить процесс вступления в ВТО сверх сроков, установленных лидерами Узбекистана».

Вступление Узбекистана в ВТО будет способствовать снятию с него американских торговых ограничений, которые в условиях карантинных ограничений позволит минимизировать ущерб, наносимый Пандемией «COVID 19» экономике страны [3].

В кризисных условиях обычно расцветает экономическая преступность, коррупция. Так в мире в результате перепроизводства нефти цены на нефть и нефтепродукты резко пали. Но у нас они на бензин и газ выросли двукратно. Монополисты, которые остались в выигрыше, заранее запасавшись огромными запасами ГСМ, не хотят расплачиваться за компенсацию проигравших. Здесь огромное поле для действий антимонопольных и антикоррупционных структур страны.

Таджикистан по рейтингу экономической свободы занимает 155 место из 180 государств [4] Но любые попытки перейти к свободной торговле сталкивается с упорным сопротивлением монополистов. Пример, тому помнится, когда открылись дороги на Узбекистан в результате свободного передвижения товаров и продуктов, наши рынки насытились ими и цены на овощи, сахар, яйца, мучные продукты резко упали, но не на долго. Это все ущемляло интересы монополистов, которые и «перекрыли краны»

Обычно известна формула «экономика главная политика» Теперь при наступившем тяжёлом экономическом положении внешняя политика должна спасать внутриэкономические проблемы.

Естественно ученые-экономисты будут помогать государству разработать базовые характеристики политической жизни в новых условиях.

Как свидетельствует международный опыт и международная практика современных стран мира, привлекательный имидж государства берет начала от способности его Посла. Чем больше станет влияние интеллектуальных сил во внешней политике, тем более международный имидж государства становится привлекательным.

Интенсификация сотрудничеества в накчно-образовательной сфере имеет прямое влияние на на развитие экономического потенциала страны.

Министерству иностранных дел Таджикистана необходимо тесно сотрудничать с профильными ведомствами для координации действий и выработки дорожной карты экономическоого развития страны и првлечения иностранного капитала. Речь идет о формировании и реализации экономической дипломатии. укреплении дипломатического корпуса классными экономистами, как это к примеру, сделали в Республике Казахстан, укрепив состав своего дипломатического корпуса из числа сотрудников министерства экономического развития. Думается, недавнее укрепление посольств Таджикистана более опытными дипломатами в Афганистане, Индии и Украине является своевременной мерой.

Пандемия диктует свои условия: даже мировая политика и дипломатия все переходит в онлайн формат. Это во многом упрощает проведение крупных международных мероприятий высшего уровня, для организации которых теперь не стоит прикладывать особых усилий: парочка телефонных звонков, камера и бесперебойная связь. Воспользовавшись такими благоприятными условиями, месяц назад под эгидой Соединенных штатов Америки состоялась виртуальная встреча в рамках Диалога высокого уровня С5+1 (Центральная Азия и США).

Платформа для взаимодействия с республиками Центральной Азии была создана в 2015 году. По мнению американского политического истеблишмента, формат взаимодействия С5+1 стал одним из существенных достижений для администрации Обамы, теперь он по наследству перешел Трампу. Основание вероятно, заключается в том, что за последние 10 лет Центральная Азия перешла из категории «периферии» в разряд основных направлений внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов.

Складывается впечатление, что начавшуюся пандемию COVID-19 политики хотят использовать для достижения своих корыстных геополитических целей.

Согласитесь, что все большее значение ЦА начинает занимать по мере того, как в предвыборных речах Трампа стал звучать после темы пандемии, вывод войск с территории Исламской республики Афганистана.

Для поддержки экономики страны при создавшихся условиях большая надежда возлагается на развитие туризма. Необходимо возобновить отмененные рейсы, закрытые из-за страха заразиться. Можно ожидать, что ослабление поступления валюты подстегнет спрос на товары их экспорта или повысит привлекательность туризма. Производство национальных сувениров, улучшение качества туристического сервиса, обслуживания гостей со стороны гидов, приведение рекламы туризма в соответствие с требованиями современности позволят сделать привлекательным таджикский туризм, поднять ее эффективность

В условиях ограничения международных связей приобретает важность региональная экономика и способность местных властей принять эффективные карантинные меры.

В условиях оснащённости внешнеполитических ведомств современными информационными технологиями, временное их ограничение коммуникационными средствами как авиация, слабо будет влиять на ритм их работы. Эти трудности могут ненадолго коснутся лишь фельдсвязь.

Что касается информационной работы внешнеполитических учреждений, особенно посольств, то карантинные меры не должны снижать их эффективность. Контрпропагандистские функции дипломатов по защите национальных интересов государства предполагают снятие масок с лица противника и своевременное их разоблачение.

Библиография

1. Азия-Плюс. №18(462)23 июля 2020;

2. Азия–Плюс. 8 октября 2020 г.;
3. Из доклада на брифинге председателя Национального банка Джамшеда Нуридинзода;
4. Read more https://polit-asia.kz/mesto-czentralnoj-azii-vo-vneshnej-politike-ssha/.

Аннотация

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ «COVID-19» НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА

В статье анализируется влияние COVID-19 на и без того сложную международно-политическую обстановку сложившуюся в мира во втором десятилетии нового тысячелетия. Отмечается, что произошедшие изменения в связи с пандемией оказали существенное влияние не только на внутригосударственную повестку, но и на внешнюю политику государств, и а Республики Таджикистан не исключение. Отмечается, что экономические последствия пандемии могут растянуться на многие годы. Она может иссушить жизненно важные источники доходов для бедных и уязвимых стран, к которым, к сожалению, относится сегодня и наша республика.

Жизненно важное значение в таких условиях имеет международное сотрудничество Таджикистана в обеспечении эффективных ответных мер здравоохранения. Необходимо повысить эффективность сотрудничества Таджикского общества Красного креста с Международными обществами «Красный полумесяц», «Врачи без границ», «Продовольственной программы ООН» и другими. Население ждёт скорейшей реализации Проекта экстренного реагирования на COVID Всемирного банка. В этих условиях, Правительством страны были осуществлены серьезные меры по предотвращению и ликвидации последствий прежде всего на сферы здравоохранения, а также стабилизации социально-кономического положения общества в том числе создан республиканский Штаб по профилактике и борьбе с Пандемией «COVID-19».

Ключевые слова. Внешняя политика, Республика Таджикистан, трудовая миграция, социально-экономическое положение, международные организации, COVID-19, двусторонние отношения, многосторонние отношения, платформа С5+1, ЕАЭС

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE FOREIGN POLICY OF THE STATE

The article analyzes the impact of COVID-19 on the already difficult international political situation in the world in the second decade of the new millennium. It is noted that these changes in connection with the pandemic had a significant impact not only on the domestic agenda, but also on the foreign policy of the state, and of course on the Republic of Tajikistan. It is noted that the economic consequences of the pandemic can stretch over many years. It can drain the vital sources of income for poor and vulnerable countries, which, unfortunately, today is Tajikistan.

In such an environment, Tajikistan's international cooperation in ensuring an effective health response is vital. It is necessary to increase the efficiency of cooperation of the Tajik Red Cross Society with the International Societies "Red Crescent", "Doctors Without Borders", "UN Food Program" and others. The population is waiting for the early implementation of the World Bank's COVID Emergency Response Project. Under these conditions, the Government of the country took serious measures to prevent and eliminate the consequences, primarily on the health sector, as well as stabilize the socio-economic situation of society, including the creation of the Republican Headquarters for the prevention and control of the COVID-19 Pandemic.

Keywords. Foreign policy, Republic of Tajikistan, labor migration, socio-economic situation, international organizations, COVID-19, bilateral relations, multilateral relations, C5 + 1 platform, EAEU

Сведения об авторе: Латифов Джура Латипович. – Таджикский национальный университет, д. и. н., профессор кафедры Дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, просп. Рудаки 17. Тел: 917052900

Information about the author: Latifov Jura Latipovich. –Doctor of History, Professor of the Department of Diplomacy and Foreign Policy of the Republic of Tajikistan, Tajik National University. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Ave. Rudaki 17. Tel: 917052900.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО УЗБЕКИСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Толипов Ф.Ф. - PhD/к.п.н., директор Негосударственного научного учреждения «Караван знаний» («Билим карвони»), г.Ташкент, Узбекистан

Введение

Развитие отношений между Узбекистаном и Таджикистаном за годы независимости предоставляют исследователям и аналитикам богатый материал для изучения, понимания, оценки и прогнозирования не только характера и содержания двусторонних отношений между этими государствами, но и динамики регионального развития Центральной Азии. Узбекско-таджикские отношения всегда были неразрывно связаны с регионом Центральной Азии; региональные дела оказывали влияние на эти двусторонние отношения и наоборот: двусторонние отношения оказывали влияние на состояние региональных дел.

Более того, можно сказать, усиление или ослабление сотрудничества двух государств служили зеркалом центральноазиатской интеграции. За годы независимости оба государства накопили ценный опыт взлетов и падений в своих отношениях, который позволяет сделать, по меньшей мере, один важный вывод, что Узбекистан и Таджикистан исторически находятся в состоянии тесной взаимозависимости. А это, в свою очередь, обусловливает необходимость постоянного согласования, корреляции и синхронизации их внешнеполитических позиций и курсов как в раках региона, так и на международной арене.

Один народ, говорящий на двух языках

Как известно, до 1929 года Таджикистан находился в составе Узбекистана как автономная республика. Уже это показывает,

насколько исторически тесно переплетены судьбы двух народов. Советская эпоха, хоть и создала две самостоятельные республики в составе СССР, все же не разъединила их, что сказалось после распада Советского Союза и образования независимых государств.

Интересно, что признаки разъединения появились как раз с момента обретения независимости. Независимость принесла с собой, помимо прочего, возрождение национально-государственного самоопределения – того самого принципа, который был провозглашен большевиками для объединения с бывшими колониальными окраинами Царской России на новых, справедливых началах, но так и остался не завершенным.

Начиная с 1991 года узбекско-таджикский сегмент центральноазиатской связки пяти стран обрел особый смысл и значение. С одной стороны, между историками двух стран развернулась жесткая дискуссия о принадлежности Самарканда и Бухары, о том, какой народ раньше прибыл в этот регион, о национальности некоторых великих мыслителей прошлого, которые жили и творили на территории современных Узбекистана и Таджикистана и т.п. Националистический угар стал заметно омрачать межгосударственные отношения.

Ситуацию усугубила гражданская война в Таджикистане и проникновение террористов через территорию Афганистана и Таджикистана на территорию Узбекистана. Дело дошло до того, что Первый Президент Узбекистана Ислам Каримов напрямую обвинял руководство Таджикистана в том, что оно попустительствует нахождению боевиков ИДУ на своей территории.

Наконец, кульминацией межгосударственной напряженности стала проблема строительства Таджикистаном высокогорной Рогунской ГЭС, которая стала просто камнем преткновения в развитии отношений между Ташкентом и Душанбе.

С другой стороны, конфликтогенные факторы никогда не принимали форму каких-то масштабных и антагонистических конфликтов, т.е. градус напряженности оставался довольно

низким. Первый Государственный визит Президента Узбекистана Ислама Каримова в Душанбе в июне 2000 года стал важным моментом в развитии постсоветских отношений между двумя странами. В ходе визита Каримов выступил перед представителями таджикской общественности и в своем выступлении он выразил эмоциональную и искренне дружелюбную мысль, что таджики и узбеки – один народ, говорящий на двух языках. Это было важное послание, которое отразило один фундаментальный факт: несмотря на разногласия на политическом уровне, они в целом преодолимы, особенно на фоне многовекового братства двух народов.

Региональный контекст

Между тем, несмотря на напряженные отношения между Ташкентом и Душанбе, оба государства нормально взаимодействовали в рамках международных организаций, особенно в центральноазиатском формате. Первоначально Таджикистан оставался в стороне от интеграционных процессов в Центральной Азии, что искажало реальную конфигурацию региона. Уместно вспомнить, что на международном семинаре по региональной безопасности в Центральной Азии, проведенном под эгидой ООН в Ташкенте 15-16 сентября 1995 года, первый заместитель министра иностранных дел Таджикистана Э. Рахматуллаев сделал интересное заявление: «…мы приветствуем и полностью поддерживаем шаги, предпринимаемые Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном, в направлении реальной экономической интеграции, снятия всякого рода надуманных барьеров на этом пути. Однако, искусственное вычленение и исключение такой страны, как Таджикистан, из этого процесса само по себе является попыткой, никак не вяжущейся с объективными процессами и реалиями региона» [1,46].

Таджикистан присоединился к Центрально-Азиатскому Экономическому Сообществу (ЦАЭС) в 1998 году и с тех пор стал постоянным участником регионального интеграционного

процесса. Когда ЦАЭС был реорганизован в Центрально-Азиатскую Организацию Сотрудничества (ОЦАС) в 2001 году, Таджикистан продолжил свое участие. В настоящее время Узбекистан и Таджикистан вместе с другими странами региона участвует в Консультативных встречах глав государств Центральной Азии, которые начались в марте 2018 году по инициативе Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева.

В августе 2018 года состоялся первый Государственный визит Президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Ташкент, в ходе которого, помимо других соглашений, был подписан договор о стратегическом партнерстве между двумя государствами. Стороны заявили, что между двумя странам не осталось не решенных вопросов [2]. Рахмон заявил: «Мы никогда не оставляли и не оставим своих соседей без воды. Наоборот, сегодня мы договорились об изучении дальнейшего использования чистейших водных ресурсов высокогорного Сарезского озера объемом 17 кубокилометров воды для нужд наших стран и соседей по региону. В перспективе этот проект внесет большой вклад в дело питьевого водообеспечения населения нашего региона» [3].

Необходимо подчеркнуть, что двусторонние таджикско-узбекские отношения, без преувеличения, составляют сердцевину региональных отношений в самом молодом регионе мира – Центральной Азии. Это подтверждают, как минимум, пять факторов [4]:

1. В таджикско-узбекских отношениях нашли свое выражение в концентрированном и наиболее завершенном виде практически все основные проблемы региона, продемонстрировав, как далеко могут зайти напряженные отношения, способные оказать влияние на общий политический климат во всем регионе.

2. Таджикско-узбекское сближение станет важнейшим фактором в региональной интеграции как опровержение широко распространенного мифа о якобы нежелании фарсиязычного

Таджикистана объединяться с четырьмя тюркоязычными странами региона.

3. Фактор билингвизма (таджикский и тюркские языки региона) имеет глубокие корни в регионе, который, несколько отодвинутый на второй план в последнем столетии, в настоящее время возрождается ускоренными темпами.

4. Наличие больших диаспор в этих соседних государствах (таджикская диаспора в Узбекистане и узбекская диаспора в Таджикистане) – результат тесной переплетенности судеб, культуры и истории двух народов – выступает как мощная основа народной дипломатии.

5. Таджикско-узбекские отношения также имеют ключевое геополитическое и стратегическое значение для всего региона Центральной Азии: с одной стороны, два государства играют наиболее заметную роль в деле разрешения афганского конфликта и противодействии угрозам Центральной Азии, исходящих с территории этой страны, с другой – совместный (пока латентный) геополитический потенциал Таджикистана и Узбекистана может способствовать раскрытию совместного геополитического потенциала всех пяти стран региона в сложных перипетиях отношений этих стран с великими державами.

Задача корреляции и синхронизации внешних политик

Узбекско-таджикские отношения за годы независимости прошли через все этапы и уровни: осторожное партнерство, период охлаждения, сближение, стратегическое партнерство.

Стратегическое партнерство, как известно, требует особого характера взаимоотношений государств. Оно отличается от обычного сотрудничества четырьмя особенностями: 1) стратегические партнеры достигли высокого уровня взаимного доверия и могут планировать свое сотрудничество на долгосрочную перспективу; 2) они развивают сотрудничество во многих важных сферах; 3) стратегические партнеры имеют общее видение угроз своей безопасности; 4) они имеют одинаковые или схожие позиции по ключевым вопросам международных

отношений, поэтому согласовывают и коррелируют свои внешние политики.

С этой точки зрения, сегодня важно с декларативного уровня перейти на уровень реального стратегического партнерства. Это прежде всего требует принципиальности и сильной политической воли с обеих сторон. Приведу некоторые примеры.

Так, например, Таджикистан является членом Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), а Узбекистан не участвует в ней с 2012 года. В этом вопросе, как видим, стратегические позиции двух государств не совпадают. Нынешняя война между Азербайджаном и Арменией высветила один факт, что как ОДКБ за все предыдущие годы никогда не была востребована, так и в данном случае тоже не может быть использована. В этой организации отсутствует общее видение угроз безопасности государств-членов. Поэтому если бы Таджикистан и другие государства Центральной Азии также вышли из этого военно-политического блока, то их стратегическое партнерство проявилось бы на практике.

Еще один важный вопрос, касающийся узбекско-таджикского стратегического партнерства – это отношение к Евразийскому Экономическому Союзу (ЕАЭС). Несмотря на то, что Москва настойчиво привлекала Ташкент к членству в ЕАЭС, было принято решение ограничиться наблюдательным статусом Узбекистана в этой организации. Многие аналитики верно рассуждают, что на решение Душанбе относительно вступления или не вступления в ЕАЭС значительное влияние окажет решение Узбекистана. Другими словами, если Узбекистан вступит, то и Таджикистан не останется в стороне, но если Узбекистан не вступит, то и Таджикистан может воздержаться от вступления. Очевидно, стратегическое партнерство Узбекистана и Таджикистана должно обусловить корреляцию их позиций в этом вопросе.

Стратегическое партнерство двух государств должно особенно явно проявиться в центральноазиатском региональном контексте. Страны региона постепенно и осторожно разворачивают

региональный интеграционный процесс в формате Консультативных встреч президентов. Первая Консультативная встреча прошла в Астане 2018 году, вторая – в Ташкенте в 2019 году, третья запланирована в Бишкеке в этом году. По всей вероятности, четвертая состоится в Душанбе. К тому времени руководство Таджикистана могло бы подготовить некоторые важные инициативы и решения в направлении дальнейшего усиления интеграционного процесса в регионе. Причем, эти инициативы и решения стоит подготовить совместно с Узбекистаном.

Например, было бы целесообразно подготовить совместную инициативу по всеобъемлющей региональной безопасности в Центральной Азии. Другой важной инициативой мог бы стать своеобразный Водный Пакт Центральной Азии. Наконец, еще одна идея – это создание механизма урегулирования спорадически возникающих приграничных инцидентов. Как видим, это вопросы имеют стратегический характер и соответственно должны решаться в духе стратегического партнерства.

Заключение

Стратегическое партнерство, как видим, требует выхода на принципиально новый уровень сотрудничества государств. Узбекистан заключил аналогичные договора о стратегическом партнерстве с рядом государств мира – США, РФ, Индией, КНР, Турцией и со всеми соседними по региону странами. Но именно стратегическое партнерство с центральноазиатскими государствами отличается тем, что оно подкрепляется вековыми братскими узами. Другими словами, для стран и народов Центральной Азии важной составляющей их успешного сотрудничества и интеграции является нормативный аспект: это родственные народы, которых сближает и объединяет фактор исторической общности.

Стратегическое партнерство государств Центральной Азии служит, по меньшей мере, двум задачам: 1) предотвращение

напряженностей и конфликтов в отношениях и ограничение их масштабов в случае их возникновения; 2) продвижение региональной интеграции.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже без документов о стратегическом партнерстве отношения стран региона были в целом дружественные и добрососедские, а конфликтогенные факторы не приобрели форму сложных, крупномасштабных и продолжительных конфликтов. Даже затяжное напряжение между Узбекистаном и Таджикистаном по поводу Рогунской ГЭС так и не привело к серьезным осложнениям в узбекско-таджикских отношениях, т.е, можно сказать, эти отношения и так были стратегическими по духу даже без наличия соответствующего договора.

Теперь очень важно двум государствам сконцентрироваться на наполнении стратегического партнерства реальным содержанием.

Библиография

1. Центральная Азия: по пути безопасности и сотрудничества. – Материалы Ташкентского семинара по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии (15-16 сентября 1995). – Ташкент: «Узбекистан», 1995.
2. http://uza.uz/ru/politics/uzbekistan-i-tadzhikistan-strategicheskie-partnery-18-08-2018
3. https://www.gazeta.uz/ru/2018/08/17/water/
4. Мамадазимов А., Толипов Ф. Таджикистан и Узбекистан: перезагрузка отношений в региональной перспективе /05.03.2018. URL: https://caa-network.org/archives/12564

Шарикии стратегии Ӯзбекистон ва Тоҷикистон дар қаринаи ҳамгироии минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ

Дар мақолаи мазкур моҳият ва зарурати шарикии стратегӣ миёни Ӯзбекистон ва Тоҷикистон баррасӣ мешавад. Созишнома оид ба шарикии стратегӣ байни Ӯзбекистон ва Тоҷикистон моҳи

августи 2018 ба имзо расид ва паёми ҷиддие ба мардум ва кишварҳои Осиёи Марказӣ гашт, ки баъди марҳилаи муайяни мушкил давлатҳо тавонистанд муҳтавои ҳамкориҳоро ба сатҳи баланд бароранд.

Дар мақола зикр шудааст, ки шарикии стратегӣ аз кишварҳо хусусияти махсуси муносибат ва ирадаи махсуси сиёсиро барои наздикии робитаҳо ва ҳаммазмунии сиёсати хориҷиро талаб мекунад.

Калидвожаҳо: шарикии стратегӣ, ҳамгироӣ, Осиёи Марказӣ, Ӯзбекистон, Тоҷикистон

Стратегическое партнерство Узбекистана и Таджикистана в контексте региональной интеграции в Центральной Азии

В данной статье рассматривается вопрос о сущности и значении стратегического партнерства между Узбекистаном и Таджикистаном. Договор о стратегическом партнерстве был заключен в августе 2018 года и стал важным посланием народам и странам Центральной Азии о достижении нового высокого уровня отношений между двумя государствами после некоторого периода напряжения.

В статье делается вывод о том, что стратегическое партнерство требует особого характера отношений и особой политической воли руководств государств, корреляции и синхронизации их внешних политик.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, интеграция, Центральная Азия, Узбекистан, Таджикистан

Strategic Partnership of Uzbekistan and Tajikistan in the Context of Regional Integration in Central Asia

In this paper the essence and significance of strategic partnership between Uzbekistan and Tajikistan is considered. The Treaty On Strategic Partnership was signed in August 2018 and became an important message addressed to the peoples and countries of Central Asia about the achievement of a new high level of relationships between two states after some period of tension.

In the paper the assumption is made that strategic partnership requires special character of relations and special political will of the states' leadership, correlation and synchronization of their foreign policies.

Key words: strategic partnership, integration, Central Asia, Uzbekistan, Tajikistan

Маълумот дар бораи муаллиф:

Сведения об авторе: Толипов Фарход Фозилович, PhD/ кандидат политических наук, директор Негосударственного научного учреждения «Караван знаний» («Билим карвони»). E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com

Information about the author: Tolipov Farhod Fozilovich, PhD / candidate of political sciences, Director of the Non-State Scientific Institution "Caravan of Knowledge" ("Bilim Karvoni"). E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ

Оспанова А.Н. - PhD, профессор кафедры регионоведения, факультет международных отношений, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан

Изтелеуова Е.А. - докторант кафедры регионоведения, факультет международных отношений, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан

Узбекистан и Таджикистан имеют общее советское прошлое. Когда 5 декабря 1929 года Таджикистан получил государственный статус и вошел в состав Союза ССР на правах республики, граница была проведена таким образом, что около миллиона узбеков оказались на таджикской территории и почти два миллиона таджиков – в Узбекистане. Это и станет в будущем спорным моментов в узбекско-таджикских отношениях.

После распада СССР и получения независимости, отношения между государствами не увенчались успехом, а наоборот стали более проблемными и напряженными.

Усложнил отношения между государствами проект строительства Рогунской гидроэлектростанции на территории Таджикистана. Этот проект был очень важным для Таджикистана, как достижение энергетической независимости с помощью производства электроэнергии, но и с точки зрения выхода на иностранный рынок с этим товаром.

Строительство Рогунской ГЭС позволило бы Таджикистану полностью обеспечить себя электроэнергией и даже экспортировать ее в страны Южной Азии, а также, обеспечивать постсоветское пространство. Узбекистан считает, что реализация

этого крупного проекта существенно изменит течение Амударьи и негативно повлияет на его ирригационные нужды [1].

Географическое положение Таджикистана не очень удачное, со всех сторон он окружен горами, все торговые грузы проходят через территорию Узбекистана. Поэтому Таджикистану необходима альтернатива, строительства железной дороги. Таджикистан заинтересован в строительстве железной дороги, которая будет проложена от Кыргызстана через Таджикистан и Афганистан до Ирана.

Вторая причина сложности взаимоотношений между государствами -проект строительства линии электропередач CASA-1000. Целью этого проекта является экспорт от 1000 до 1300 мегаватт электричества из Кыргызстана и Таджикистана в Пакистан и Афганистан, что расширило бы рынок электричества в Южной Азии.

Сложность узбекско-таджиких отношений отмечалась и в советский период, а также в период президентства И. Каримова отношения между двумя странами были накалены до предела.

Не смотря на сложность взаимоотношений, сегодня мы видим заинтересованность государств в сотрудничестве [2, с.20-26].

Для полного понимания изменений в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном после прихода к власти президента Шавката Мирзиеева стоит начать с изменений в самом Узбекистане.

Во-первых, была упразднена система принудительного труда. При Исламе Каримове дети, студенты местных вузов и работники бюджетных организаций (учителя, медработники и т.д.) часто использовались как бесплатная рабочая сила в сельскохозяйственной деятельности, например, при уборке хлопка. Это вызывало критику не только правозащитных организаций, но и иностранных производителей одежды, которые отказывались покупать сырье, произведенное в Узбекистане.

Во-вторых, было смягчено цензурное давление. Это выражается не только в разрешении на критику власти, но и в признании этой самой властью целого ряда проблем, которые

раньше замалчивались. Например, проблема прав трудовых граждан из Узбекистана в других странах.

В-третьих, либерализация обмена валют и последующая победа над черным рынком. В период правления Каримова в стране существовали параллельно несколько курсов валют: официальный курс Центрального банка, курсы наличного и безналичного обмена на черном рынке, причем, между этими курсами зачастую была кратная разница. В 2017 году коммерческим банкам было разрешено осуществлять покупку и продажу иностранной валюты по рыночным ценам, что оказало большое влияние на международную торговлю. *Рисунок 1*

Рост валового внутреннего продукта в Узбекистане в период с 2014 по 2019 годы[1]

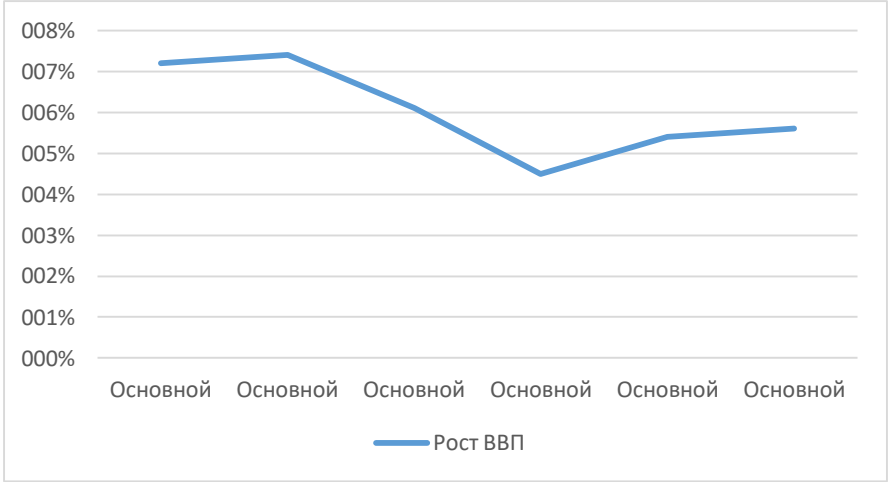


Рисунок 2

Уровень инфляции в Узбекистане в период с 2014 по 2019 годы[2]

[1] Источник: данные Государственного комитета по Республики Узбекистан по статистике. URL: https://stat.uz/ru/2-uncategorised/6693-makroekonomicheskie-pokazateli2

[2] Указ. источник

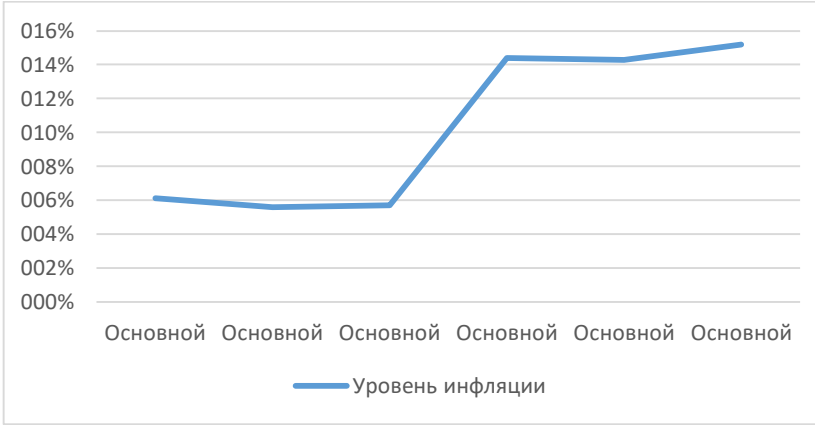


Рисунок 3

Темпы роста инвестиций в Узбекистане в период с 2014 по 2019 годы[1]

Рисунок 4

Темпы роста внешнеторгового оборота в Узбекистане в период с 2014 по 2019 годы[2]

[1] Источник: данные Государственного комитета по Республики Узбекистан по статистике. URL: https://stat.uz/ru/2-uncategorised/6693-makroekonomicheskie-pokazateli2

[2] Указ. источник

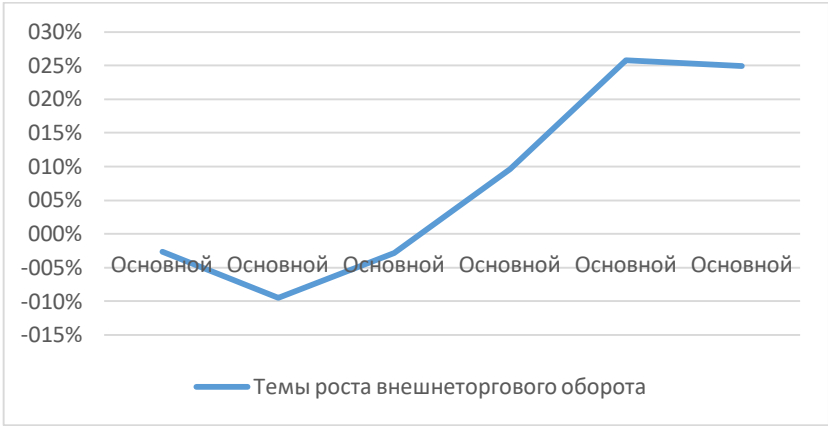
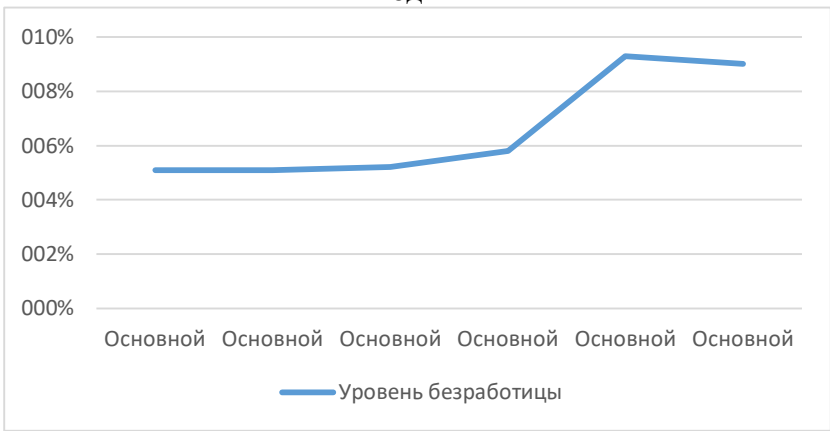


Рисунок 5

Уровень безработицы в Узбекистане в период с 2014 по 2019 годы[1]



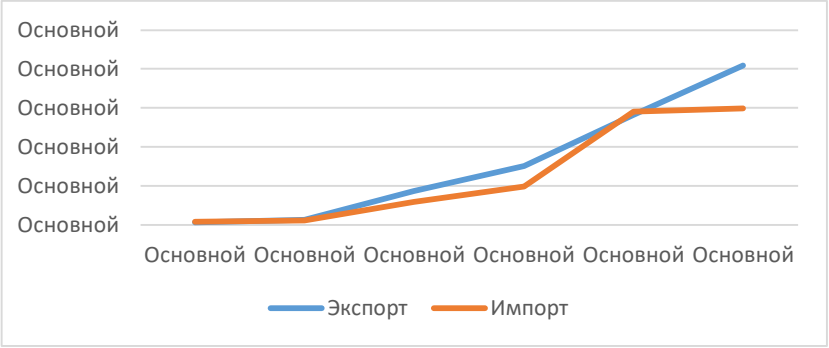
Как видно из графиков, реформы оказали заметное влияние на социально-экономические отношения как внутри страны, так и на взаимоотношения с соседними странами, в том числе, с Таджикистаном.

[1] Источник: данные Государственного комитета по Республики Узбекистан по статистике. URL: https://stat.uz/ru/2-uncategorised/6693-makroekonomicheskie-pokazateli2

Самыми заметными изменениями стоит отметить рост внешней торговли и инвестиций в Узбекистан. Так, например, в последние годы власти Ислама Каримова наблюдалось сокращение внешней торговли страны, но начиная с 2017 года показатели демонстрируют стабильный рост. Все это демонстрирует более открытую внешнеэкономическую деятельность страны с приходом Шавката Мирзиеева.

Рисунок 6

Товарооборот Узбекистана с Таджикистаном в период с 2014 по 2019 годы, в тыс. долларов США[1]



Инфляция и уровень безработицы напрямую отражают положение населения страны. С 2017 года оба эти показателя демонстрируют значительный рост по сравнению с предыдущими годами. В качестве одной из причин такого скачка можно предположить корректировку показателей в период правления И. Каримова для маскировки внутриэкономических проблем.

Все вышеперечисленные реформы не могли не сказаться на взаимоотношениях между странами, потому что речь идет не просто о точечных изменениях, а о принятии совершенно новой внешнеполитической концепции.

[1] Источник: данные Государственного комитета по Республики Узбекистан по статистике. URL: https://stat.uz/ru/164-ofytsyalnaia-statystyka-ru/6587-vneshneekonomicheskaya-deyatelnost

Во взаимоотношениях с Таджикистаном также наблюдается экономический рост.

Сегодня, анализируя таджикско-узбекские отношения в период после прихода к власти в Узбекистане президента Шавката Мирзияева, можно говорить о возобновлении за этот короткий срок двусторонних дружеских отношений и налаживании взаимовыгодного сотрудничества. Отменен визовый режим и открыты дополнительные пункты пропуска на границе, восстановлены авиарейсы между Душанбе и Ташкентом, автобусное пассажирское движение между городами двух стран, железнодорожное сообщение, в том числе на ранее демонтированном участке Галаба—Амузанг, достигнуты договоренности о возобновлении поставок узбекского газа в Таджикистан [3]. Развивается двустороннее экономическое сотрудничество, создано совместное таджикско-узбекское предприятие по производству автомобилей «ТАЛКО-КРАНТАС», становятся традиционными проведение совместных бизнес-форумов предпринимателей и ярмарок выпускаемой продукции.

В марте 2018 г. состоялся официальный визит президента Узбекистана Шавката Мирзиеева в Таджикистан, в ходе которого стороны подписали 27 соглашений по важнейшим сферам взаимодействия двух стран. Но самое главное — лидеры двух государств наконец-то договорились по вопросам водопользования и гидроэнергетики, что было основным препятствием урегулирования отношений между соседними республиками. Узбекская сторона выразила желание участвовать в строительстве ряда гидроэнергетических объектов Таджикистана, в том числе и Рогунской ГЭС [4].

В августе 2018 г. с ответным визитом в Узбекистане находился президент Таджикистана Эмомали Рахмон. В рамках визита было принято более 20 соглашений по сотрудничеству в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, культуре, реализации совместных проектов по сборке сельскохозяйственной техники, производству строительных

материалов, продовольствия, текстильной, электротехнической продукции [5].

При этом своего рода венцом восстановленных контактов и дружественных отношений стало подписание в ходе визита договора о стратегическом партнерстве, определяющего отношения долгосрочного и устойчивого партнерства, стратегические направления сотрудничества двух стран.

О стабилизации и существенном улучшении двусторонних отношений ярко свидетельствует тот факт, что товарооборот между Узбекистаном и Таджикистаном в 2018 г. составил 281,5 млн долл., что почти в 20 раз больше, чем в 2015 г.[6].

Выше, рассматривая сложный период в отношениях, упоминалось о демонтаже в 2009 г. в Самарканде совместного памятника поэтам двух стран Джами и Навои. И глубоко символично, что теперь, после возврата к прежним добрососедским отношениям, в марте 2018 г. этот памятник был восстановлен, и в развитие дружественных связей в сентябре того же года в столице Таджикистана был открыт парк имени узбекского поэта Алишера Навои, который также украшает памятник, посвященный двум национальным поэтам.

Библиография

1. Мамадазимов А., Толипов Ф. Таджикистан и Узбекистан: перезагрузка отношений в региональной перспективе /05.03.2018. URL: https://caa-network.org/archives/12564

2. Султанов М.Ш. Геополитика Центральной Азии: от противостояния и минирования границ к восстановлению сотрудничества и стратегическому партнерству // Управленческое консультирование. № 1. 2020.- С. 20–26.

3. Таджикистан получит узбекский газ. http://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20180314/ (дата обращения: 12.12.2019).

4. Отношения Таджикистана и Узбекистана вчера, сегодня, завтра. URL: https://tj.sputniknews.ru/world/20150220/1014488517.html (дата обращения: 12.12.2019).

5. Ларуэль М., Пейруз С. Региональные организации в Центральной Азии: характеристика взаимодействий, дилеммы эффективности. Доклад № 10. 2013. URL: www.ucentralasia.org/../UCA-IPPA-WP-10-RegionalOrganizations-Rus.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

6. За 4 года товарооборот между Таджикистаном и Узбекистаном вырос в 19 раз. URL: https://regnum.ru/news/economy/2572992.html (дата обращения: 12.12.2019).

Республики Узбекистан и Республики Таджикистан на современном этапе: проблемы и перспективы участия

В статье рассматриваются непростые взаимоотношения между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан. Проблемы во взаимодействии прослеживаются еще с советских времен. Однако, после прихода к власти президента Шавката Мирзиеева отмечаются заметные изменения в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном. Авторы анализируют сложившиеся проблемы, их причины и способы решения.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Шавкат Мирзиеев, Эмомали Рахмон, проблемы, перспективы.

The Republic of Uzbekistan and the Republic of Tajikistan at the Present Stage: Problems and Prospects for Participation

The article examines the difficult relationship between the Republic of Uzbekistan and the Republic of Tajikistan. Problems in interaction can be traced back to Soviet times. However, after the coming to power of President Shavkat Mirziyoyev, there have been noticeable changes in relations between Uzbekistan and Tajikistan. The authors analyze the current problems, their causes and solutions.

Key words: Republic of Tajikistan, Republic of Uzbekistan, Sh. Mirziyoyev, Emomali Rahmon, problems, prospects.

Ҷумҳурии Ӯзбекистон ва Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити муосир: масъалаҳо ва дурнамои иштирок

Дар мақола муносибати нисбатан душвор байни Ҷумҳурии Ӯзбекистон ва Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ шудааст. Мушкилоти ҳамкорӣ миёни кишварҳо аз замони Иттиҳоди Шӯравӣ мушоҳида мешуданд. Аммо, пас аз ба қудрат расидани президент Шавкат Мирзиёев дар муносибатҳои Ӯзбакистон ва Тоҷикистон тағйироти назаррас ба амал омад. Муаллифон мушкилоти имрӯза, сабабҳо ва роҳҳои ҳалли онҳоро таҳлил мекунанд.

Калидвожаҳо: Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҷумҳурии Ӯзбекистон, Шавкат Мирзиёев, Эмомалӣ Раҳмон, мушкилот, дурнамо.

Сведения об авторах:

Оспанова Айгерим Нуралиевна - PhD, профессор кафедры регионоведения, факультет международных отношений, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, ул.Сатпаева 2, г. Нур-Султан, Казахстан

Изтелеуова Елена Алексеевна - докторант кафедры регионоведения, факультет международных отношений, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,ул. Сатпаева 2, г. Нур-Султан, Казахстан. Тел. +77055820400, e-mail: elena4bob@gmail.com

Information about the authors:

Ospanova Aigerim Nuraliyevna - Professor, Department of Regional Studies, Faculty of International Relations, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str.2, Nur-Sultan city, Kazakhstan

Izteleuova Yelena Alexeyevna- PhD Student, Department of Regional Studies, Faculty of International Relations, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str. 2, Nur-Sultan city, Kazakhstan. Tel.: +77055820400, e-mail: elena4bob@gmail.com

УКРАИНА-ТАДЖИКИСТАН: В ПОИСКЕ НОВЫХ ПУТЕЙ К УКРЕПЛЕНИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА

Бутырская Н.А. *– магистр внешней политики, журналист, эксперт по вопросам Восточной Азии (Украина)*

После распада Советского Союза и обретения независимости Украина и государства Центральной Азии установили политические и дипломатические отношения, а также сохранили тесные экономические и культурные связи между собой. Ориентация Украины на ЕС, в противовес интеграционным проектам стран СНД во главе с Россией, обусловила снижение не только торгово-экономического сотрудничества, но и падение общего уровня взаимодействия между странами. Но несмотря та то, что государства региона сфокусированы на собственных и региональных проблемах, а также на отношениях с РФ и Китаем, США и ЕС, важным остается факт, что все они отмечают важность развития отношений с Украиной в стратегических документах, прежде всего в рамках двустороннего торгово-экономического сотрудничества [4, с.183].

В своей концепции внешней политики Таджикистан называет расширение сотрудничества с Украиной и государствами Кавказа одной из важнейших задач, отмечая, что «стабильное и устойчивое развитие этих государств с началом нового тысячелетия сформировало необходимые условия для достижения этой цели» [9, с. 11].

Украина и Таджикистан связаны тесными экономическими, политическими и культурно-гуманитарными отношениями на протяжении многих лет. После обретения независимости две страны установили дипломатические отношения 24 апреля 1992 года. Договорно-правовая база между ними составляет 85 межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений, основополагающим для развития двусторонних отношений выступает Договор о дружбе

и сотрудничестве между Украиной и Республикой Таджикистан от 6 июля 2001 года.

До 2013 года между странами существовал активный политический диалог, подкрепленный взаимными визитами президентов двух стран. Однако после изменения геополитического курса Украины на евроинтеграцию, возникновения российско-украинского конфликта, а также из-за географической отдаленности, на протяжении семи лет прослеживалась тенденция снижения уровня взаимодействия Украины с Таджикистаном, так же, как и с остальными государствами Центральной Азии.

Администрация Президента Украины Петра Порошенко демонстрировала критически низкий политический интерес к региону в целом. В ежегодном послании Президента к Верховному Совету Украины от 2018 года государства региона упоминаются исключительно в контексте утерянных торгово-экономических и транспортно - логистических возможностей [1, с. 35-40]. Аналитический центр «Украинская призма» выделил основные аспекты внешней политики Президента Петра Порошенко относительно стран Центральной Азии:

- в украинском политикуме сформировалось понятие невозможности полноценного партнерства со странами региона без решения «русского вопроса»;
- уровень координации деятельности между институтами украинской власти в вопросах сотрудничества со странами Центральной Азии находится на низком уровне;
- двусторонние межгосударственные отношения не рассматриваются как перспективные или стратегические;
- отсутствие активных и перспективных контактов по линии исполнительной и законодательной власти. Сотрудничество происходит на уровне активности дипломатических представительств, отдельных органов исполнительной власти, бизнес-структур и гражданского общества [8, с. 176-179].

С приходом к власти Владимира Зеленского, внешнеполитическое ведомство Украины объявило о начале

новой региональной стратегии страны, которая предусматривает поиск баланса между интеграцией с Западом и активным сотрудничеством со странами Азии [3]. В этом контексте Министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба во время телефонного разговора с Министром иностранных дел Республики Таджикистан Сироджиддином Мухриддином подчеркнул намерение активизировать политические контакты с Таджикистаном на всех уровнях. Позитивным аспектом двусторонних отношений стало возобновление после семилетнего перерыва работы пятого заседания Совместной межправительственной комиссии по вопросам экономического сотрудничества. Также в марте 2020 года состоялся первый раунд консультаций профильных департаментов внешнеполитических ведомств обеих государств.

Восстановление политического диалога на высшем уровне должно стать важным шагом к приданию импульса двустороннему сотрудничеству между Украиной и Таджикистаном, особенно учитывая значимость сложившейся многолетней истории взаимоотношений между странами. Таджикско-украинские отношения основываются на сформировавшемся еще в рамках бывшего Союза, традиционном политическом, кооперационном и научно – техническом сотрудничестве. В этой связи нужно отметить особую роль личностных и неформальних контактов между лидерами стран для развития межгосударственного взаимодействия. Дружественные отношения между Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и украинскими лидерами Леонидом Кучмой, Виктором Ющенко и Виктором Януковичем способствовали углублению взаимовыгодного сотрудничества во многих сферах, в часности, украинские предприятия были привлечены к участию в важних инфраструктурных проектах Таджикистана в области гидроэнергетики и машиностроения [6, с.182].

Правительство Республики Таджикистан определило три стратегических цели для устойчивого развития экономики страны: обеспечение энергетической независимости, вывод

страны из коммуникационного тупика и обеспечение продовольственной безопасности [7]. Все эти отрасли лежат в основе двустороннего украинско-таджикского сотрудничества и имеют перспективу дальнейшего развития.

1.Базовой отраслью украино-таджикского сотрудничества является гидроэнергетика. 90% необходимого оборудования для энергетических объектов Таджикистана поставляют украинские предприятия, в частности, и в рамках проекта сооружения Рогунской ГЭС, строительство которой является не только одной из стратегических задач руководства Таджикистана, но имеет важное региональное и международное значение. В настоящее время вокруг проекта Рогунской ГЭС задействованы десятки различных подрядных компаний из разных стран мира, включая и Украину. Группа специалистов из Украины регулярно посещает станцию для выполнения необходимых работ и оказания консультаций [5]. В последующем существуют также перспективы модернизации и усовершенствования уже существующих энергетических систем Таджикистана, а также реализация проектов в отрасли возобновляемых источников энергии.

2. Для решения коммуникационных проблем Таджикистана в числе взаимовыгодных направлений сотрудничества рассматриваются поставки железнодорожных вагонов украинского производства, а также участие компаний из Украины в строительстве новых линий железных дорог и прочих инфраструктурных объектов [2].

3. Тесное взаимодействие двух стран в сельскохозяйственной сфере регулируется межправительственным Договором о сотрудничестве в отрасли агропромышленного комплекса и предусматривает широкий спектр взаимовыгодных направлений в этой области, учитывая обоюдную заинтересованность сторон в последующем усилении торгово-экономического сотрудничества.

Помимо этого, особое место в отношениях между двумя государствами занимают вопросы расширения взаимодействия в

сферах образования и науки, туризма, здравоохранения. Ежегодно в высшие учебные заведения Украины по квотам и на общих основаниях поступают студенты из Таджикистана, происходит межвузовский обмен, расширяются связи между учеными двух стан [6].

Однако стагнация во внешнеполитических отношениях между Украиной и Таджикистаном на протяжении последних лет негативно повлияла на перспективы развития новых взаимовыгодных возможностей, а также снизила объемы экспортно-импортных операций между ними. Понимание того, что Украина теряет свои позиции в традиционно и исторически близком ей регионе, особенно в свете современных геополитических вызовов, должно стать руководством для правительства страны в незамедлительном принятии стратегического средне- и долгосрочного видения сотрудничества с государствами Центральной Азии на двусторонней и многосторонней основе.

Учитывая это, взаимодействие между Украиной и Республикой Таджикистан должно активизироваться не только в форме интенсификации отношений на высшем уровне, но и на основе поиска нових нарративов, которые помогут выстраивать отношения не только на основе общего прошлого, но и привлекательного и благополучного общего будущего. Поиск «точек соприкосновения» [10], которые позволят реализовать взаимовыгодные проекты и установить позитивную тенденцию в укреплении взаимоотношений, имеет большое значение для усиления позиций двух стан в условиях современных геополитических и экономических вызовов.

Библиография

1. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році» – К. : НІСД, 2018. – С. 35-40.

2. Виктор Никитюк: сотрудничество Таджикистана и Украины будет только развиваться. // https://tajikistan.mfa.gov.ua/news/3683-

viktor-nikityuk-sotrudnichestvo-tadzhikistana-i-ukrainy-budet-tolyko-razvivatysya

3. Кулеба Д. Азійська кухня в Києві // https://blogs.pravda.com.ua/authors/kuleba/5e8adfffa2521/

4. Моргацький В. Україна і держави Центральної Азії в нових геополітичних реаліях: геоекономічний та геостратегічний аспекти // К.: Вісник КНУ ім. Т.Шевченка, 2017. – С. 182-183.

5. Открытие Рогунской ГЭС. Взгляд из Украины на событие в региональном и международном контексте.//http://tajemb.kiev.ua/tajikistannews/otkrytie-rogunskoj-ges-vzglyad-iz-ukrainy-na-sobytie-v-regionalnom-i-mezhdunarodnom-kontekste/

6. Таджикистан и Украина – 25 лет сотрудничества. //https://tajemb.kiev.ua/tadzhikistan-i-ukraina-25-let-sotrudnichestva/

7. Три стратегические цели // http://tajemb.kiev.ua/tri-strategicheskie-tseli/

8. Українська призма: Зовнішня політика 2018. Аналітичне дослідження // ГО «Рада зовнішньої політики «Українська призма», Фонд ім. Ф. Еберта. – Київ, 2019. – С. 176-179.

9. Халанчук В. Зовнішньополітичний порядок денний у регіоні Центральної Азії та стратегії для України. Аналітична записка. – К., 2018. – С. 11.

10. Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе / Чжоу Цзюнь // Управленческое консультирование – 2017. – Вып. 3. // https://cyberleninka.ru/article/v/znachenie-gosudarstv-tsentralnoy-azii-vmirovoy-politicheskoy-sisteme.

Украина-Тоҷикистон: дар ҷустуҷуи роҳҳои нави таҳкими ҳамкориҳо

Дар мақолаи мазкур хусусияти ташаккули муносибатҳои Украина ва Тоҷикистон, вижагии сатҳи равобити мутақобила дар қаринаи тағйироти ҷамъиятию сиёсӣ дар Украина баррасӣ шудааст ва ҳамчунин масъалаҳои ҷойдоштаи муносибатҳои дуҷониба, ки ба таҳаввулоти зикршуда вобастаанд, зикр ёфтаанд. Сатҳи ҳамкориҳои сиёсӣ ва тиҷоратию иқтисодӣ таҳлил гардида, дурнамои ҳамкориҳои афзалиятноки Украина ва Тоҷикистон мушаххас шудаанд.

Муаллиф хулоса мекунад, ки Украина ва Тоҷикистон зарфияти бузургро барои рушд ва таҳкими ҳамкориҳои гуногунпаҳлу доранд ва

он бояд ҳам ба робитаҳои мавҷудаи таърихию анъанавӣ ва инчунин ба ҷустуҷуи “нуқтаҳои нави ба ҳам омадан” бо назардошти талаботи муосир ва таҳдидҳои геополитикӣ асос ёбад.

Калидвожаҳо: Украина, Тоҷикистон, Осиёи Марказӣ, муносибатҳои дипломатӣ, муколамаи сиёсӣ, ҳамкории тиҷоратию иқтисодӣ, ҳамкориҳои байнидавлатӣ, муносибатҳои сиёсати беруна.

Украина-Таджикистан: в поиске новых путей к укреплению сотрудничества

В статье рассмотрены особенности становления украино-таджикских отношений, охарактеризирован уровень взаимоотношений в контексте общественно-политических изменений в Украине, а также выделены связанные с этим проблемы двустороннего сотрудничества. Проанализирован уровень политического и торгово-экономического взаимодействия, а также очерчены перспективные сферы развития украино-таджикских отношений.

Сделан вывод, что Украина и Таджикистан имеют большой потенциал для развития и укрепления всестороннего сотрудничества, которое должно базироваться не только на установленных в прошлом исторических и традиционных связях, но и на поиске новых «точек соприкосновения» в соответствии с современными потребностями и геополитическими вызовами.

Ключевые слова: Украина, Таджикистан, Центральная Азия, дипломатические отношения, политический диалог, торгово-экономическое сотрудничество, межгосударственное взаимодействие, внешнеполитические отношения.

Ukraine-Tajikistan: in Search of New Ways for Strengthening Cooperation

The article examines the features of the formation of Ukrainian-Tajik relations, characterizes the level of relationships in the context of socio-political changes in Ukraine, and also highlights the related problems of bilateral cooperation. The level of political, trade and economic interaction is analyzed, and promising areas of development of Ukrainian-Tajik relations are outlined.

It is concluded that Ukraine and Tajikistan have great potential for the development and strengthening of all-round cooperation, which should be based not only on the historical and traditional ties established in the past but

also on the search for new "points of contact" in accordance with modern needs and geopolitical challenges.
Key words: Ukraine, Tajikistan, Central Asia, diplomatic relations, political dialogue, trade and economic cooperation, interstate interaction, foreign policy relations.

Сведения об авторе: ***Бутырская Наталия Александровна*** – магистр внешней политики, журналист, эксперт по вопросам Восточной Азии. Закончила Институт журналистики Киевского национального университета им. Тараса Шевченко и Дипломатическую академию Украины при МИД Украины. Стажировалась в Республике Корея, Республике Польша. Автор материалов о внешней политике, международных отношениях в ведущих украинских СМИ, участник международных конференций и круглых столов. **Телефон:** +38(050)9629538. **E-mail:** planat@yahoo.com

Information about the author: Butyrskaya Nataliya Aleksandrovna - Master of Foreign Policy, journalist, expert on East Asian issues. Graduated from the Institute of Journalism of the Kiev National Taras Shevchenko University and the Diplomatic Academy of Ukraine under the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine. The author has got studying practice in the Republic of Korea, Republic of Poland. Nataliya is the author of materials on foreign policy, international relations in the leading Ukrainian media, participant in international conferences and round tables. **Phone:** +38(050)9629538. **E-mail:** planat@yahoo.com

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ТАДЖИКИСТАНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕГИТИМАЦИИ

Федорченко С.Н. – к. полит. н., профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, докторант Института философии РАН

Введение

Перед тем как приступить к анализу выбранной проблемы, важно пояснить основные рабочие термины, которые будут употребляться в данной статье. Во-первых, политический режим – это порядок функционирования базовых институтов существующей в стране политической системы. К политическим институтам можно отнести институт главы государства, само государство и его правительство, парламент, политические партии, в некоторых случаях армию и религиозные институты, обладающих типично политическими функциями в ряде стран. Задача политического режима – сохранять рычаги власти в руках доминирующей политической элиты, обеспечивать оптимальную коммуникацию между обществом и государством, своевременно реагировать на проблемы населения, внутренние и внешние вызовы для страны, а также не допускать радикализацию социума, фатальных противоречий, способных расколоть страну. Как правило, политический режим зависит от сформированной исторически политической культуры страны. Функциональный подход к политическому режиму получил своё обоснование в разных политологических исследованиях (Ф. Дж. Гуднау [14], Г. Лассуэлл, Т. Парсонс, К. фон Гальденванг, Н.А. Баранов [3] и др.).

Во-вторых, политическая легитимация – это процесс достижения и сохранения политическим режимом своей легитимности, которая, в свою очередь, как отмечает С. Липсет [11], означает согласие населения и элиты конкретной страны в том, что существующие политические институты – самые эффективные и справедливые для текущего исторического этапа. Противоположностью легитимации выступает делегитимация

режима. Но политическая легитимация – не абстракция, а сложный политологический феномен, который можно исследовать на разных уровнях [16]. С одной стороны, легитимация бывает восходящей – от граждан, когда ими признаются или не признаются институты власти, а также нисходящей – со стороны элиты, практикующей различные легитимационные практики, в том числе и цифровые. Восходящая легитимация, к примеру, фиксируется по результатам голосования населения на выборах. С другой стороны, легитимация бывает внутренней и внешней. К внутренней логично отнести нисходящий и восходящий типы легитимации. Внешняя же легитимация будет зависеть от признания конкретного политического режима легитимным со стороны иных стран, международных сообществ или организаций. Как правило, внешняя легитимация – более современное явление, входящее в противоречие с национальным суверенитетом (примером внешней делегитимации является факт непризнания А.Г. Лукашенко выбранным президентом Белоруссии в 2020 г. со стороны глав ряда западных стран). Лучше всего для понимания этого специфического вида легитимации подходит модель «факта – признания» [15] российского политолога В.Л. Цымбурского. При этом легитимацию не следует путь с легализацией – чисто правовым явлением (это различие хорошо показал в свое время немецкий исследователь К. Шмитт).

В-третьих, цифровизация – это не просто перевод текста, фото, видео-, аудио- и другой информации в цифровой формат, а более глубокий процесс, связанный с научно-технической революцией, приходом сетевого общества и повышением роли в политике интернет-ресурсов [8], веб-приложений, а также их основы – алгоритмов, создающих саму цифровую вселенную.

Отсюда целью работы будет выявление тесной взаимосвязи легитимации политического режима с современным процессом цифровизации, определение вызовов и перспектив цифровой эпохи для Таджикистана как независимого политического актора.

Методология работы

Основной методологической линзой статьи будет SWOT-анализ, ориентированный на выявление сильных, слабых сторон, возможностей и угроз цифровизации для легитимации политического режима Таджикистана. В качестве вспомогательной методологии будет использован веб-ресурс Google Trends с его принципами анализа Big Data [13].

Аналитика проблемы

Итак, применим методологию SWOT-анализа к рассмотрению значения цифровизации в легитимации политического режима Таджикистана.

1. *Сильные стороны*. Любой современный политический режим использует цифровизацию для укрепления собственной легитимности. И здесь Таджикистан не является исключением. К примеру, в 1999 г. главой государства был подписан Указ «О мерах по обеспечению доступа к мировым информационным сетям», в 2001 г. вступил в силу закон «Об информатизации» (в нем были заложены основы регулирования правоотношений, связанных с информационными технологиями, права и обязанности субъектов, участвующих в информатизации) [9]. Затем были созданы интернет-приемные Верховного Суда и Генеральной прокуратуры. На президентском сайте есть функция «Письмо Президенту».

В настоящее время развитие естественных, социальных, гуманитарных и других наук уже сложно представить без Интернета. Сетевые коммуникации дают дополнительный функционал для реализации образовательных и воспитательных задач. Армии создают специальные киберподразделения. Важным преимуществом цифровизации – её интернет-коммуникаций, порталов, приложений для смартфонов, социальных сетей – выступает фактор личной безопасности гражданина в условиях рисков пандемии Covid-19.

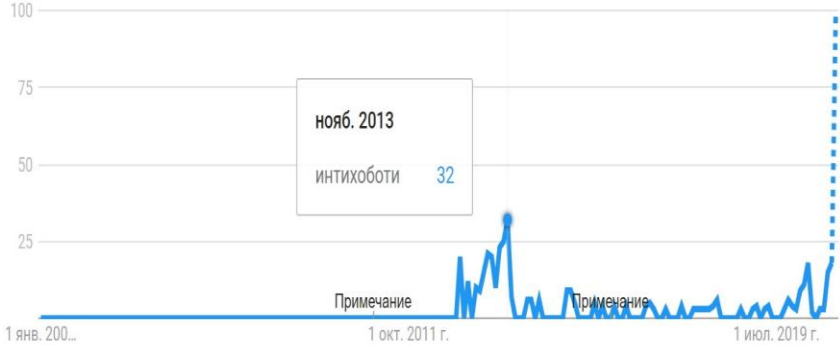


Рисунок 1. Рост интереса таджикистанцев к выборам в сети (анализ проводился в Google Trends по ключевому слову «интихоботи») с 2004 по 2020 гг.

Как видно на Рисунке 1, несмотря на имеющиеся сложности со скоростью Интернета и подключением к нему, среди жителей Таджикистана довольно точно фиксируются всплески интереса к выборам в ноябре 2013 и октябре 2020 гг., что логично объяснить президентскими компаниями в это время. При благоприятном развитии таджикских IT-корпораций проблема интернет-соединения будет рано или поздно решена, поэтому власти должны быть готовы к созданию целой сети контуров обратной связи с населением в самых труднодоступных регионах.

Легитимность любого политического режима выстраивается на доверии между гражданами и представителями власти. Сейчас же обязательным элементом конструирования такого доверия стали стратегические интернет-коммуникации. Часто конфликты, протестные акции и другие противоречия возникают из-за непонимания населением действий, реформ государства, возникновения «ложного портрета» представителей законодательной, судебной и исполнительной власти. Поэтому к сильной стороне цифровизации можно отнести и создание наукоемких кластеров IT-экономики, способных, во-первых, сформировать новые рабочие места для таджикистанцев, устранить диспропорции в экономическом развитии регионов, и,

во-вторых, купировать нарастание противоречий между социальными группами населения. Однако это будет невозможно сделать без продуманной долголетней правительственной стратегии, основанной на прагматичной кадровой политике, согласованной с крупнейшими университетами страны. Требуется понимать, что такая политика не даст сиюминутной прибыли и быстрого эффекта – это вложение в будущие поколения страны.

2. *Слабые стороны*. Серьезным недостатком местного интернет-сегмента является его недостаточно высокая скорость и рост цен. Кстати, президент страны Эмомали Рахмон уже подвергал критике низкую скорость интернет-коммуникаций. Как прокомментировал ситуацию в июле 2020 г. зампредседателя Службы связи Таджикистана Илхом Атоев, стоимость интернет-доступа зависит от ценовой политики за транзит. Атоев напомнил, что важным решением проблемы является продолжение такие проектов как Digital CASA (предусматривает проведение общей оптико-волоконной линии) [7]. Пока не будет решен подобный вопрос, стране не удастся создать инновационные кластеры экономики, обеспечить полноценное дистанционное образование и, самое главное, - качественную обратную связь власти с населением, что составляет базовую легитимационную практику режима. Нельзя допускать и цифрового неравенства, когда в одной местности будет сохраняться стабильный Интернет, а в другой – постоянные перебои и снижение скорости. Это вызовет только раздражение в обществе.

3. *Возможности*. В случае, если проблемы со скоростью и стоимостью Интернета будут постепенно решены, то в Таджикистане открываются интересные перспективы по развитию полноценного электронного правительства с богатым спектром оказываемых населению государством услуг – от выдачи простых справок до открытия бизнеса. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов политические потенциалы интернет-коммуникаций, когда власть сможет выстроить не просто

контуры обратной связи с гражданами, но и создать многоуровневую электронную демократию с сохранением конфиденциальности персональных данных на базе блокчейн [1]. Каждое сообщество на уровне села и города сможет обсудить насущные проблемы и предложить пути их решения, постоянно взаимодействуя с чиновниками и народными избранниками. Определенную перспективу несет и создание позитивного имиджа Таджикистана, как стратегического узла СНГ и Центральной Азии. Конечно, говорить о встраивании страны в некую центральноазиатскую идентичность еще рано, есть специфика. Так, если страны ЕС стараются соотнести свои национальные интересы с общеевропейскими интересами, де факто принижая собственный национальный суверенитет, то центральноазиатские государства по многим причинам еще не готовы на подобную модель во имя некой единой региональной идентичности [12].

4. *Угрозы*. Безусловно, к угрозам использования ресурсов цифровых приложений и платформ в механизме легитимации политического режима резонно отнести то, что можно назвать ослаблением «цифрового суверенитета». Дело в том, что в эпоху цифровизации прежнее понимание государственного суверенитета (в версии Ж. Бодена) и национальных интересов все более размывается. Как только в стране появляется доступный для населения Интернет, на массовое сознание начинают стремиться влиять самые разные политические интересанты – политические партии, политизированные диаспоры из сопредельных стран, движения, другие политические режимы (от США до Китая) [2], транснациональные корпорации, а также террористические сетевые организации. Отныне у каждого политического режима есть своя «цифровая маска» в киберпространстве, от специфики которой зависит и инвестиционная привлекательность. Поэтому в Таджикистане при создании разнообразных сегментов IT-экономики придется более основательно позаботиться о своем цифровом суверенитете – комплексе информационной защиты населения от

кибертеррористов, политических радикалов, фейков, разобщающего и сорящего группы населения «языка вражды» [5] и т.п. Власти Таджикистана должны быть готовы ко всему тому, с чем столкнулись Россия, Белоруссия, Украина, Грузия и Киргизия в годы так называемых «цветных революций».

Выводы

В свое время И. Валлерстайн предложил категорию мир-системы как модели межгосударственных отношений [6]. Современный Таджикистан, вступая в цифровую эру, должен решить непростую задачу – развить мощные IT-сектора экономики при сохранении цифрового суверенитета, межэтнического мира и высокого уровня своей легитимности. Однако многие экономические сферы уже заняты IT-корпорациями, зарегистрированными в западных государствах. Вместе с США, странами Западной Европы и союзниками по блоку НАТО они составляют свою особую мир-систему Запада. Такая мир-система формирует стереотипы, шаблоны поведения (паттерны), собственный взгляд на историю различными технологиями – от цифрового телевидения, кинематографа [4] до искусственного интеллекта [10], компьютерных игр и социальных сетей. В этой ситуации любой стране постсоветского пространства вряд ли уготована роль равноправного партнера и не факт, что даже полпериферии, а скорее – обслуживающей периферии. Еще Г. Иннис связал феномен коммуникации с механизмом функционирования империй [17]. Ряд современных государств переживают тенденцию по трансформации в такого рода империи цифрового уровня без границ, но с распределением своей «сетевой власти» (категорию ввел М. Кастельс) между центральными узлами (производителями нового, уникального контента) и периферийными узлами (большинством потребителей – интернет-пользователями).

Выход видится в создании альтернативной цифровой мир-системы, но не основанной на разделении на страны центра, полпериферии и периферии, а сформированной на равноправном

и взаимовыгодном сотрудничестве. Таджикистану в создании цифрового суверенитета, конечно, понадобится помощь, и здесь он не должен забывать о своем давнем и надежном партнере – России, с которой и другими постсоветскими странами возможно создать, как минимум, равноправную цифровую мир-систему, включающую: а) общие информационные банки данных правовой, статистической, миграционной, социологической, экономической информации, б) единые постсоветские электронные наукометрические базы с общей системой цитирования (из журналов, монографий), альтернативные зарубежным монополиям, в) различные единые стандарты в области сферы безопасности, электронной коммерции, электронного документооборота, коммуникации, г) совместимые образовательные стандарты, исключающие презентацию конфликтных и непримиримых взглядов на общую историю в научных исследованиях, социальных сетях, компьютерных играх и кинематографе.

Библиография

1. Алиева Р.Р. Интеграция Республики Таджикистан в мировое сообщество //Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 3 (80). С. 140-150.

2. Алексеев Р.А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологий Big Data и блокчейн //Журнал политических исследований. 2019. Т.3. №1. С. 40-52.

3. Баранов Н.А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб.: Балт. гос. технич. ун-т. 2007. 208 с.

4. Белов С.И., Жидченко А.В. Образ фантомной угрозы для детей со стороны США в советском историческом кинематографе периода холодной войны // Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №1. С. 25-37. DOI: https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-25-37

5. Быков И.А. Коммуникативная агрессия в политическом дискурсе современной России //Журнал политических исследований. 2018. Т.2. №3. С. 33-40.

6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. /Пер. с англ. Г.М. Дерлугьяна. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД. 2020. 304 с.

7. В Таджикистане не снизят цену на интернет ради дистанционного образования //https://regnum.ru/news/economy/3008918.html

8. Володенков С.В., Пастармаджиева Д.Д. Цифровое общество в контексте пандемии COVID-19: первые итоги и перспективы (сравнительный анализ опыта России и Болгарии) //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 80-89. DOI: https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-80-89

9. Ершова Т.В., Хохлов Ю.Е. Тенденции и механизмы развития информационного общества в Таджикистане //Информационное общество. 2006. № 5-6. С. 5-27.

10. Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае //Журнал политических исследований. 2020. Т.4. №2. С. 70-79. DOI: https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-70-79

11. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. /Пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. М.: Мысль. 2016. 612 с.

12. Сафаров С.С., Ризоев Ш.Ш. Национальные интересы центральноазиатских республик и проблемы их реализации в рамках ОБСЕ //Таджикистан и современный мир. 2010. №1(24). С. 83-94.

13. Федорченко С. Н. Горизонты и ограничения Big Data в политическом анализе //Журнал политических исследований. 2019. Т.3. №4. С. 3-11.

14. Фрэнк Джонсон Гуднау о функции политики //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 56–66. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-56-66

15. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. 372 с.

16. Beetham D. The Legitimation of Power. Palgrave. 1991. 267 p.

17. Innis H.A. Empire & Communications. Toronto: Dundurn Press. 2007. 287 p.

РЕЖИМИ СИЕСӢ ДАР ТОҶИКИСТОН ДАР ДАВРАИ РАҚАМӢ: ТАҲДИДҲО ВА ДУРНАМОИ МАШРӮИЯТ

Мақсади мақола ошкор намудани робитаи машруъияти режими сиёсӣ бо равандҳои муосири рақамӣ, муайян кардани таҳдидҳо ва

дурнамои давраи рақамӣ барои Тоҷикистон ҳамчун кишвари соҳибихтиёр мебошад. Асоси методии кор дар асоси SWOT-таҳлил ва функсионали Google Trends бо аслҳои таҳлилии Big Data анҷом ёфтааст. Дар бахши тавсияҳо мулоҳизаҳо перомуни ҳифзи "соҳибихтиёрии рақамӣ" барои Тоҷикистон оварда шудаанд. Ҳалли масъала дар созмондиҳии ҷаҳон-низоми рақамии алтернативӣ дида мешавад, ки бояд дар асоси тақсим накардани кишварҳо ба марказ, нисфмузофот ва музофот анҷом гардад ва ба ҳамкории баробар ва мутақобилан судманд нигаронида шавад.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, режими сиесӣ, рақамишавӣ, машруъигардӣ, машруъият, ҷомеаи шабакавӣ.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ТАДЖИКИСТАНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕГИТИМАЦИИ

Целью работы является выявление взаимосвязи легитимации политического режима с современным процессом цифровизации, определение вызовов и перспектив цифровой эпохи для Таджикистана как суверенной страны. Методологической основой стал SWOT-анализ и функционал Google Trends с его принципами анализа Big Data. В выводах предлагаются соображения по сохранения Таджикистаном «цифрового суверенитета». Выход видится в создании альтернативной цифровой мир-системы, но не основанной на разделении на страны центра, полпериферии и периферии, а сформированной на равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве.

Ключевые слова: Таджикистан, политический режим, цифровизация, легитимация, легитимность, сетевое общество.

TAJIKISTAN'S POLITICAL REGIME IN THE DIGITAL AGE: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR LEGITIMATION

The aim of the work is to identify the relationship between the legitimation of the political regime and the modern process of digitalization, to identify the challenges and prospects of the digital age for Tajikistan as a sovereign country. The methodological basis was SWOT analysis and Google Trends functionality with its principles of Big Data analysis. The conclusions suggest considerations for preserving Tajikistan's "digital sovereignty". The way out is to create an alternative digital world-a system that is not based on dividing the center, half-periphery and periphery into countries, but is formed on equal and mutually beneficial cooperation.

Key words: Tajikistan, political regime, digitalization, legitimation, legitimacy, network society.

Сведения об авторе: Федорченко Сергей Николаевич – Московский государственный областной университет, кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе, докторант Института философии РАН. **Адрес:** 141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д.24. **Тел.** (499) 261-19-19; (495) 780-09-56 (доб. 3002, 3005). **E-mail:** sn.fedorchenko@mgou.ru

Information about the author: Fedorchenko Sergei Nikolayevich – Moscow Region State University, Ph. D., Professor, Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law for research, doctoral student RAS Institute of Philosophy. **Address:** 141014, Russia, Moscow region, Mytischi, st. Vera Voloshina, 24. **Tel.: Тел.** (499) 261-19-19; (495) 780-09-56 (доб. 3002, 3005). **E-mail:** sn.fedorchenko@mgou.ru

САРЧАШМАҲОИ ТАЪРИХИ ДОИР БА ДИПЛОМАТИЯИ ТОҶИК

Мирзоев Н.М., Мирзоев Ҳ.Т.
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Агарчӣ истилоҳи «дипломатия», тавре ки маълум аст, бори аввал соли 1645 дар Британияи Кабир истифода шуда буд, дипломатияи тоҷик таърихи хеле қадимтар аз онро дорад. Бо назардошти он ки пайдоиши дипломатия ба пайдоиши давлату давлатдорӣ вобастагӣ дорад ва таърихшиносон пайдоиши нахустин давлатҳоро дар сарзамини мо, яъне дар Эронзамин ба асрҳои IX-VII пеш аз милод нисбат медиҳанд [2,74], метавон гуфт, ки дипломатияи тоҷик таърихи беш аз 3000 соларо соҳиб мебошад. Қадимӣ будани дипломатия дар кишварҳои шарқӣ падидаи эътироф гардидааст. Бино ба навиштаи В.И.Попов, муаллифи китоби пуразиши «Дипломатияи муосир. Назария ва амалия», 3,5 ҳазор сол пеш аз ин дар Миср шартномаҳои байналмилалиро бо мутобиқати комил ба меъёрҳои ҳунари дипломатии наздик ба замони мо ба имзо мерасонидаанд, ки аз сатҳи баланди он гувоҳӣ медиҳад. Дипломатия дар Ҳиндустон аз он ҳам қадимтар дар ҳазорсолаи 3-и пеш аз милод, зиёда аз 4 ҳазор сол пеш пайдо шудааст ва пешрафтатар будааст. Тибқи қонунҳои Ману дар Ҳиндустон заминаҳои пайдоиши ҳуқуқи байналхалқӣ ва дипломатия ҳамчун санъат вуҷуд доштанд. Аз ин рӯ дипломатияи Ҳинд ба сифатҳои касбии дипломатон, ки аз онҳо натиҷаи рисолати хориҷӣ вобаста буд, аҳамияти махсус медоданд. Бо вуҷуди он гӯё, бино ба гуфтаи ин донишманди рус, «дипломатияи кишварҳои Осиё ва Африқо ба иллати ҷудо будани Шарқ аз Ғарб ба дипломатияи умумидунёӣ таъсири зиёд нарасондааст. Аммо дипломатияи Юнон, Рум ва Византия дигар аст» [6, 17-18]. Ин иштибоҳи маҳз мебошад, зеро ба исбот расидааст, ки «одоб ва русуме, ки дар Аврупо барои фиристодан ва пазируфтани сафирон муроҷиат мешавад, ғолибан аз русум ва ташрифоти рӯзгори императории Рим иқтибос шуда буд», ки дар навбати худ «он русуми маъмули императории Рим дар асл

иқтибос аз ойини сафорати мутадовул дар Эрони қадим будааст» [4, 27].

Донишмандоне, ки таърихи пайдоиши муносибатҳои дипломатиро ба давраи пайдоиши қабилаҳои одамӣ, ба асри сангин (неолит) нисбат медиҳанд, таърихи дипломатияи тоҷикро на кам аз 6000 донистаанд. Масалан, муаррихи шинохтаи тоҷик, академик Н.Неъматов чанд сол қабл мақолае таҳти унвони «Томирис ва оғози дипломатияи тоҷик» ба табъ расонда буд. Тавре аз сарлавҳа бармеояд, муаллиф оғози дипломатияи тоҷикро дар такя ба «Таърих»-и Ҳеродот ба давраи ҷанги Куруши Кабир бо малика Томирис (соли 529 пеш аз милод) мансуб медонад. Муаллиф менависад: «Аз маълумотҳои... Ҳеродот бармеояд, ки маликаи массагетҳо Томирис ҳамчун дипломат дониста шудааст». Дар мақола қиссаи гуфтушунидҳо ва амалиётҳои ҷангӣ миёни ҳахоманишиҳо ва массагетҳо бо роҳбарии Куруши Кабир ва Томирис зери таҳлил қарор гирифта, дар хулоса муаллиф рӯйдоди зикршударо чун «аввалин иқдоми ҳарбӣ-дипломатии таърихи умумии Осиёи Марказӣ» маънидод кардааст [1,245].

Муаллифи дигар, доктори илмҳои таърих Г.М. Майтдинова низ дар мақолаи худ «Дипломатияи тоҷик 1431 сола шуд» кӯшиши муайян намудани санаи пайдоиши дипломатияи тоҷикро кардааст. Ба ақидаи муаллиф «муҳимтарин хуҷҷате, ки аз таърихи дипломатияи Вароруд гувоҳӣ медиҳад, дар шакли хунари тасвирӣ дар нигораҳои Афросиёби Самарқанд наққошӣ шудааст. Ин нигора ба асри VII тааллуқ дорад ва то ҳоли ҳозир ягона ҳуҷҷати хаттӣ аз таърихи дипломатияи мардуми тоҷик аст». Сухан дар бораи нигорае меравад, ки бо масоҳати 11х11 метр дар девори меҳмонсаройи суғдии маъруфе ҷо гирифта, дар он саҳнаи ба Самарқанд омадани сафорат ва аз ҷониби шоҳ пазироӣ шудани он тасвир ёфтааст. Нигора шаҳодат медиҳад, ки дар асри VII чағониён анъанаҳои дипломатии худро доштаанд ва шоҳ сафирҳои худро ба кишварҳои хориҷӣ мефиристодааст. Дар он вақтҳо барои сафир донистани расму оин, забону расмулхати кишваре, ки ба он ҷо фиристода мешавад, ҳатмӣ буд ва ӯ бояд расму қоидаи он кишварро риоя намуда, ба корҳои дохилиаш

дахолат накунад. Сониян, санаи дақиқӣ таъин шудани нахустин сафири тоҷик аз водии Ҳисор маълум шуд, ки он ба соли 630 ё 1431 сол қабл аз ин рост меояд. Ва баъдан, забони дипломатия бохтарӣ ва суғдӣ будааст [1,245].

Тавре маълум шуд, дар ду мақолаи номбурда муаллифон бештар ба масъалаҳои ҷуғрофии мансубияти мавзӯи омӯзиш ва таърихи бевоситаи тоҷикон ва Осиёи Марказӣ даст зада, ба дипломатияи тоҷик ва сарчашмаҳои он ба ин васила изҳори андеша кардаанд.

Ҳамин тариқ, академик Н.Неъматов соҳиби рисолаи «Консептсияи таърихи дипломатияи халқи тоҷик» (2004) ба хулосае омадааст, ки аз қарни VI то мелод то садаи X пас аз мелод дар замони мавчудияти давлатҳои Ҳахоманишиҳову Аршакидиён, Кӯшониёну Сомониён, Суғдиёну Тахористониён дипломатияи форсу тоҷик ба пуррагӣ ташаккул ёфта буд. Дар хусуси он ки дипломатияи тоҷик, дарвоқеъ, таърихи қадим дошта, дар гузашта хеле инкишоф ёфта буд, санади муътамади дигар он аст, ки дар байни девонҳои (вазоратхонаҳои) маъмули давлати Сомониён девони махсусе бо номи «девони амид-ул-мулк ё расоил ва иншо» буд, ки ба навиштани мукотибот ва барқарории муносибатҳои дипломатӣ машғул буд. Сарвари ин девонро хоҷаи амид меномиданд [8, 19].

Яке аз сарчашмаҳои муҳими омӯзиши таърихи дипломатияи тоҷик осори бадеист, ки тайи солҳои зиёд дар баробари дигар масъалаҳо ин мавзӯъро низ дар бар гирифтааст. Ин асарҳо пеш аз хама барои омӯзиши расму анъанаҳо ва тадбиру икдомҳои дипломатӣ хизмати арзандае карда метавонанд. Дар ин миён “Шоҳнома”- и Абулқосим Фирдавсӣ (934- 1020) яке аз намунаҳои бехтарин аст. Дар ин асар, ки ба давлатдории чандин сулолаи ориёинажод бахшида шудааст, муносибатҳои байни кишварҳо дар ҳолатҳои гуногун- ҳамкорӣ, сулх, ҷанг, ҷустани иттифоқчӣ бар зидди давлати сеюм, мукотибаи давлатдорон, фиристодани сафир, пазироии меҳмонони хориҷӣ, оростани гуфтушунид ва ғайра қисми ҷудонопазири инъикоси воқеаҳо ба шумор мераванд.

Дар “Шоҳнома” ойинҳои давлатдорӣ – тартиби даргоҳи шоҳ, тахтнишинӣ, тоҷгузорӣ, оростани лашкар, набардхо такрор ба такрор тасвир гардида, дар баробари ин муаллиф ё аз забони қаҳрамононаш ё дар сифати онҳо давлатдории одилона ва бохирадонаро авло медонад. Фирдавсӣ хоҳони он аст, ки кори ҷаҳон, муносибати миёни давлатҳо бо некӣ ва дар такя ба хирад пеш равад. Ӯ гуфтааст:

Биё, то ҷаҳонро ба бад наспарем,
Ба кӯшиш ҳама дасти некӣ барем. [1,225].

Дар замони Фирдавсӣ фиристода (сафир) шахсе буд, ки супоришҳои алоҳидаи роҳбари давлаташро, аз қабили расондани нома ва дар ҳолатҳои ҷудогона тӯҳфаҳо ба шоҳи кишвари дигар, муҳокимаи масъалаҳои гуногун бо он ҷониб, ҷамъ овардани ҳама гуна ахбор дар бораи кишвари сафаркардааш ва ғайра ба иҷро мерасонд. Аз ин рӯ, талаботи шоир нисбати фиристода дар ду мисраи ӯ бисёр хуб тасвир ёфтааст:

Фиристода бояд ки доно бувад,
Ба гуфтан далеру тавоно бувад [1,234].

Бо дарназардошти он, ки фиристода масъулияти бузургеро бар дӯш дорад, Фирдавсӣ дар ҳама ҳолатҳо ба шахсияти ӯ, маҳорати кордонӣ ва суханварияш аҳамияти махсус медиҳад. Масалан, дар достони “Подшоҳии Хусрави Парвиз” қисмати «Нома фиристодани Хусрави Парвиз ба қайсари Рум» Хусрав ҳангоми фиристодани намояндагони худ Густаҳм, Болуй, Андиён, Харроди Барзин ва Шопур ба назди қайсари Рум ба онҳо дар бораи сафари дарпешистода, чӣ тавр ҷараён додани гуфтушунидҳо, тариқи навиштани нома дастурҳои ҷолибе додааст.

Дар як қисса Хусрав ҳангоми фиристодани Харроди Барзин ба назди Ҳоқони Чин ба ӯ мегӯяд:

Ба Харроди Барзин чунин гуфт шоҳ,
Ки “бугзин дар ин кор бар хона роҳ,
Ба Эрону Нерон ту донотарӣ,
Ҳамон бар забон ту тавонотарӣ” [7, 315].

Яъне, маҳз донишмандӣ ва санъати суханвариашро ба назар гирифта, ӯро чун сафири худ барои ҳалли масъалаи ҷиддие – тарафи худ кашидани Ҳоқони Чин дар мубориза бар зидди Баҳроми Чӯбина мефиристад. Дар боргоҳи Ҳоқони Чин ӯро хуб қабул мекунанд, лекин ба пешниҳоди ӯ розӣ намешаванд. Сафир аз ин руҳафтода нашуда, дар дарбори ҳоқон иттилои зиёде ҷамъ кард. Маълум шуд, ки Баҳроми Чӯбина домоди ҳоқон аст ва сафир барои ҳалли масъала роҳи дигаре пайдо кард. Ӯ пиртуркеро бо номи Қулун барои куштани Баҳром фиристод. Қулун мувофиқи дастури сафир бо баҳонаи он ки гӯё пайғоме аз духтари ҳоқон оварда бошад, назди Баҳром даромада, дар мулоқоти як ба як ӯро ба қатл мерасонад. Ҳамин тариқ, сафир кореро ичро кард, ки шоҳ ҳамроҳи лашкараш дар ҳалли он душворӣ мекашид.

Қабули фиристодаи кишвари хориҷӣ низ тартиби хоси худро дошт. Фиристодаро чун намояндаи хоси роҳбари давлати хориҷӣ бо тартиби махсус пешвоз мегирифтанд, роҳбаладӣ мекарданд, шоҳи кишвар дар ҳузури ходимони давлатӣ қабулаш менамуд ва бо ӯ суҳбат меорост, баъдан зиёфат медод, ӯро ҳамроҳаш ба шикор мебурд, туҳфаҳо дода гусел менамуд. Ҳатто дар замони бад будани муносибатҳо бо кишваре, ки сафир фиристодааст, намояндаашро бо иззату икром қабулу гусел менамуданд. Хуб қабул накардани сафир маънои пешниҳод кардани ултиматум ё эълони ҷангро дошт.

Мувофиқи “Шоҳнома” мукотибаи дипломатӣ (нома) миёни шоҳон талабот ё «ойин»-и худро дошт, ки онро Фирдавсӣ ҳатто «хати хусравӣ» низ ном бурдааст:

Яке нома бинвишт бар паҳлавӣ,
Бар оини шоҳон хати хусравӣ [1,240].

Имрӯз мукотибаи маъмули дипломатӣ (пеш аз ҳама, ёддошти шифоҳӣ ё шахсӣ) қолабу талаботи муайян дорад ва дар кишварҳои олам онҳоро ба назар мегиранд. Ин пеш аз ҳама бо изҳори эҳтиром, забони нарму фаҳмо ва назардошти назокатҳои дигари муошират иншо кардани нома аст. Вақте “Шоҳнома”- ро мехонем, мебинем, ки ин талабот он ҷо ба хубӣ риоя шудааст.

Бино ба маълумоти сарчашмаҳои адабӣ ва таърихӣ дар дипломатияи тоҷик дар аҳди қадим ва асрҳои миёна таҷрибаи бастани аҳдномаҳо ва сулҳномаҳо миёни давлатҳо маъмул будааст. Абулқосими Фирдавсӣ дар “Шоҳнома” аз «аҳднома навиштани Хусрави Парвиз ва фиристодан назди Қайсар» ёд овардааст. Ба ҳамин монанд дар «Таърихи Табарӣ» хабар омадааст, ки мувофиқи он Фирӯз ибни Яздҷирд ибни Баҳром ва малики ҳаётила – Хушнавоз аҳднома бинавиштанд, ки сарҳади якдигарро вайрон намекунанд. Ва вақте ки Фирӯз аҳдшиканӣ мекунад, «Хушнавоз он Сулҳнома, ки Фирӯз навишта буд ва бар худ гувоҳ карда, бар сари найза кард ва ба миёни ду саф даромад ва гуфт: «Эй мардумони Аҷам, битарсед аз худои осмону замин, ки бар худ ӯро гувоҳ кардед бад-ин нома ва андар ин нома аҳд навиштааст». Ва нусхати он Сулҳнома бархонд, то ҳама бишуниданд ва гуфт: Ман ҷони ӯ бахшидам ва ҷони он ҳазор тан, ки бо ӯ буданд ва он биёбон баромада буданд ва худоро бар ин гувоҳ кард ва савганди он бихӯрда ва имрӯз аҳдшиканӣ карда ва савганд дурӯғ карда ва худои таоло, албатта, ӯро ҳалок кунад бар дасти ман андар ҷанг, ки ҳаргиз ҳеҷ малик андар қадим аҳд нашикаст ва ғадр (аҳдшиканӣ) накард, ки ҳалок нашуд... Ва ӯро наздики ман ҳеҷ об набувад ва хуни вай ҳалол аст» [4, 233].

Тарзе дар боло зикр рафт, дар “Шоҳнома”- и Фирдавсӣ аз аввал то охир дар бораи роҳҳои пиёда кардани сиёсати хориҷӣ ва анъанаҳои дипломатӣ маълумоти зиёде ба даст овардан мумкин аст. Албатта, «Шоҳнома” пеш аз ҳама асари бадеист, ва мантиқан, мувофиқат кардани достону қиссаҳои он бо воқеаҳои таърихӣ мавзӯи дигар аст. Лекин дар бобати тартибу анъанаҳои дипломатие, ки дар боло зикрашон рафт, гуфтан ҷоиз аст, ки онҳо дар амал рӯи кор буданд ва мавриди истифодаи васеъ қарор доштанд.

Қавамуддин Абӯалӣ Ҳасан ибни Алӣ ибни Исҳоқ (1018-1092), ки бо унвони Низомулмулк машҳур аст, дар дарбори Салчуқиён корро нахуст ба сифати дабир оғоз карда, баъдан ба туфайли маҳорату кордонӣ ва заковати баландаш ба дараҷаи вазирӣ расид. Дар ин вазифа ҳамроҳи шох Алпарслон ва сипас писари ӯ

Маликшоҳ кор кард. Ҳанӯз дар давронии зиндагии мутафаккир Маликшоҳ (1072-1092) дар солҳои охири ҳукмрониаш ба донишмандони дарбор мефармояд, ки дар бораи тартиб, тарз, қоида ва қонунҳои асосии давлатдорӣ рисолае тартиб диҳанд, то ки дар он таърихи ҳукмронии подшоҳони гузашта ва ҳодисаҳои гуногуни рӯзгор нақл гарданд. Ғайр аз ин, рисолаи мазкур ҳамчун дастурамали идораи давлат исти-фода гардад. Бо ин мақсад Низомулмулк низ дар солҳои 1091-1092 рисолаеро бо номи “Сиёсатнома” таълиф менамояд. Мутафаккир бо эҷоди рисолаи мазкур чунин дастурамалеро пешниҳод менамояд, ки дар он барқарор намудани адлу адолат, ҷорӣ намудани тарзи оқилонаи давлатдорӣ, поквиҷдонии арбобони давлатӣ, аз пайи ободонии кишвару осоиштагии раият шудани шахсони масъул барин андешаҳои пешқадами хешро иброз менамояд [3, 98].

Китоб беш аз панҷоҳ фасл дошта, ҳар кадоми он мавзӯеро дар кори давлатдорӣ дар бар мегирад. Муаллиф дар аввали ҳар фасл дар мавзӯи муаяйншуда дастуре пешниход намуда, сипас оид ба он масъала аз ҳаёти давлатмардони намоён ҳикоятҳо меоварад. Чунин тарзи эҷоди китоб ба муаллиф имкон додааст, ки аз як ҷониб, дар бораи роҳу равиши сиёсати давлат ва ташкили кори идораи давлатдорӣ маслиҳат (дастур) бидиҳад ва аз дигар тараф, дар бораи кору зиндагии бисёр шахсиятҳои таърихӣ, аз ҷумла, аз даврони Сосониён, Сомониён ва Ғазнавиён маълумоти ҷолибе пешкаш кунад.

Фасли 21 китоб «Андар маънии аҳволи расулон ва тартиби кори эшон» пурра ба кору шахсияти сафир бахшида шудааст.

Муаллиф менависад, ки «подшоҳон ҳамеша ҳурмати якдигар доштаанд ва расулонро азиз гирифта, ки бад-он қадру ҷоҳ эшонро зиёдат шудааст. Ва агар вақте миёни подшоҳон мухолифате ва ваҳшате будааст ва расулон ба ҳасаби вақт омадаанд ва расолат чунон ки эшонро фармудаанд мегузоранд, ҳаргиз эшонро наёзурдаанд ва аз некӯдошт ҳеҷ одате кам накардаанд, ки писандида нест».

Ба андешаи Низомулмулк сафирро бояд аз сарҳади давлат шахси муътабаре то расидан ба даргоҳ ҳамроҳӣ намояд, тавассути

шахру нохияхо бо роҳҳое бубарад, ки ободӣ бошад. Сафирро бояд ҳама ҷо «некӯ доранду ба хушнудӣ гусел кунанд ва неку бад ҳамчунон бошад, ки ба ин подшоҳ карда бошад, ки ӯро фиристода бошад». [4,247].

Бояд дар назар дошт, ки дар замони Низомулмулк сафирон доимӣ набуданд, фақат тавассути сафарҳо ваколати зудро иҷро мекарданд. Аз ин лиҳоз, тавре зикр шуд, ин ҷо дар бораи ба кишвари дигар ташриф овардани сафир сухан меравад. Яъне, дар ин ҳолат сафир бо супориши роҳбари давлати худ ба шоҳи кишвари дигар номаеро мерасонад ё суҳбати хосса мекунад. Аммо ба андешаи Низомулмулк сафир ҳамзамон боз вазифаи дигаре низ дорад. Шоҳон вақте ба кишварҳои дигар сафир мефиристанд, мақсад танҳо расондани нома ё мулоқот набошад, балки донистани «сад мақсуду сир пеш бошад». Яъне хоҳанд бидонанд, ки роҳҳои ағбаҳо ва рӯдхо чӣ гуна аст ва лашкар гузашта метавонад ё не, алаф куҷо бошад, ба ҳар ҷо гумоштагон киҳо ҳастанд ва лашкари малик чанд аст. Ҳамчунин олату иддат ба андоза аст, хону маҷлис чӣ ҳол дорад, тартиби даргоҳу боргоҳ, чавгону шикор, шахсияти шоҳу амалдоронаш, ободии мулку аҳволи мардумаш, маҳорати ҷангию лашкаркашӣ чӣ сон аст ва ғайра [1, 258].

Ҳамин тариқ, сафир ҳангоми сафараш бояд тавассути дидану шунидан ва дигар имкониятҳои дастдода дар бораи он кишвар тамоми иттилои зарурирo ҷамъоварӣ ва ба роҳбари худ пешкаш намояд. Ва ҳамаи ин ба хотире, ки агар мақсаде пеш ояд, бояд бидонанд, ки онро чӣ тавр метавон амалӣ кард.

Ба вазифаи сафирон иҷрои супоришҳои дигар низ дохил мешуданд. Масалан, ҳангоми сафари шоҳ ба кишвари дигар сафир пешакӣ барои ҳаллу фасли баъзе масъалаҳо ба он мамлакат фиристода мешавад, то муроду дархостҳоро бирасонад ва ҳамчунин маслиҳат бигирад.

Дар баробари муайян кардани вазифаҳо Низомулмулк дар бораи интихоби одамон ба мансаби сафирӣ низ маслиҳатҳо додааст. Ӯ менависад, ки «...подшоҳони зираку бедор ахлоқи хеш муҳаззиб (покиза) кардаанд ва сирати некӯ ба даст гирифтаанд ва

мардумони шоиста ва покдину росткор дар пеши кор нигоҳ доштаанд ва амал фармуда, то касе ба эшон айб нагирад».

Маслиҳатҳои дигари муаллиф дар бобати онанд, ки бояд сафир чӣ гуна инсон бошад: «...расулиро марде шояд, ки ӯ хидмати подшоҳон карда бошад ва ба сухан гуфтан далер ва сафари бисёр карда ва аз ҳар донише баҳрае ёфта ва ҳофизу пешбин ва хушқаду некӯманзар. Ва агар марде ва саворе пиру олим бошад, бехтар ва агар надимеро фиристанд, бад-ин шуғл, эътимод зиёдтар бувад. Ва агар мардеро ба расулӣ фиристанд, ки ӯро далерӣ бошад ва мардонаю боадаб ва силоҳу саворӣ нек донад ва мубориз бошад, бехтар бошад, то бад-эшон намуда бошад, ки мардумони мо ҳама чунин бошанд. Ва агар расул марди шариф бувад ҳам, нек бошад, ки аз баҳри шараф ҳурмати зиёд кунанд ва бо ӯ бадӣ натавонанд кард. Ва агар касе бувад, ки шаробхора набошад ва мозеҳу қимор ва бисёргӯю маҷҳул, беҳтар бувад. Ва бисёр вақт подшоҳон расул фиристодаанд бо ҳадя ва тароифи бисёр ва аз хештан аҷзу нармгарданӣ намуда ва бад-ин ғурур бар асари расул лашкар сохта ва мардони кор фиристода ва хасмро шикастаанд» [1,260].

Дар фаслҳои дигари китоб низ бо андешаҳое дучор омадан мумкин аст, ки ба сиёсати хориҷӣ куллан мувофиқат мекунанд. Масалан, дар фасли 34 мегӯяд: «Камолу хиради мард он бошад, ки хашм нагирад. Агар гирад, бояд ки ақли ӯ дар хашми ӯ чира бувад, на хашми ӯ бар ақл».

Дар фасли 39 «Андар шитоб накардан дар корхои подшоҳӣ» мегӯяд, ки дар корҳои давлатдорӣ шитобзадагӣ набояд кардан, то ҳақиқати кор падид ояд ва дурӯғ аз рост пайдо гардад. Ҳамчунин, агар ду хасм пеш ояд ва бо якдигар сухан гӯянд, бояд ки эшонро маълум набошад, ки майли подшоҳ ба кадом ҷониб аст. Яъне, то ҳақиқат маълум нашавад, чизе нагӯяд.

Ғайр аз ин асарҳо барои омӯзиши таърихи дипломатияи тоҷик сарчашмаҳои зиёде хизмат карда метавонанд. Инро сароғоз аз «Авасто» ба мушоҳида гирифта, дар асарҳои бадеӣ ва таърихии муаллифони асрҳои гуногун дучор омадан мумкин аст.

Аз чумла, “Таърихи Табарӣ”- и Абӯалӣ Муҳаммади Балъамӣ, “Зайн-ул- ахбор”- и Махмуди Гардезӣ, “Таърихи Бухоро”- и

Наршахӣ, “Доробнома”- и Абӯтоҳири Тарсусӣ, “Роҳат-ус-судур”- и Ровандӣ, “Таърихи Яминӣ”- и Абӯнасри Утбӣ, “Одоб-ул-харб в-аш-шуҷоат”- и Мубораксоҳ, “Ҷавомеъ-ул ҳикоёт ва лавомеъ-ур-ривоёт”- и Муҳаммад Авфии Бухоройӣ, “Таърихи ҷаҳонкушо”- и Ҷувайнӣ, “Таърихи гузида”- и Ҳамдуллоҳи Муставфӣ, “Ҳафт кишвар”- и Султонмуҳаммад Фахрии Ҳаравӣ, “Анвори Сухайлӣ”- и Ҳусайн Воизи Кошифӣ, “Дастур-ул-мулук”- и Хоҷа Самандари Тирмизӣ, “Наводир-ул-вақоеъ”- и Аҳмади Дониш ва ғайра асарҳое мебошанд, ки барои омӯзиши таърихи дипломатияи тоҷик маълумоти фаровоне дода метавонанд. Зиёда аз ин, асарҳои мазкур чунин чорабиниҳои ташрифотиро, мисли пазироии ҳайатхои хориҷӣ, сафирон ва ғайра (дар баъзе ҳолатҳо бисёр ҳам муфассал) тасвир мекунанд.

Ин мавзӯъ дар асарҳои таърихии дар даврони шӯравӣ эҷодшуда низ ҷойи худро дорад. Аз ҷумла, тавассути “Таърихи амирони манғитияи Бухоро”- и Садриддин Айнӣ, “Точикон”- и Бобоҷон Ғафуров “Давлати Сомониён”- и Нуъмон Неъматов ва дигар асарҳои олимоне, ки ба таърихи тоҷикон бахшида шудаанд, бурду бохти дипломатияи точикро дар солҳои гуногун зери мушоҳида гирифтан мумкин аст.

Адабиёт

1. Дипломатияи Тоҷикистон: дирӯз ва имрӯз. Ҷилди 1. (Зери назари Ҳамрохон Зарифӣ). – Душанбе: “Ирфон”, 2009, 296 саҳ.
2. Ғафуров Б.Ғ. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим, асрҳои миёна ва давраи нав – Душанбе: “Дониш”, 2008, 870 саҳ.
3. Муҳаммад А.Н., Хидирзода М.У., Сафарализода Х.Қ. Сиёсатшиносӣ. – Душанбе: “Паёми ошно”, 2018, 416 саҳ.
4. Назаров Т., СатторзодаА. Дипломатияи муосири тоҷик. – Душанбе: “Ирфон”, 2006, 244 саҳ.
5. Низомулмулк. Сиёсатнома. – Душанбе: “Адиб”, 1989, 200 саҳ.
6. Попов В.И. Современная дипломатия. Теория и практика. Част 1. – Москва: “Научная книга”, 2000, 576 стр.
7. Фирдавсӣ А. Шоҳнома. Ҷилди 10 – Душанбе: “Адиб”, 2010, 416 саҳ.
8. Ҳотамов Н., Довудӣ Д., Муллоҷонов С., Исоматов М.Таърихи халки тоҷик. – Душанбе: “Эр-граф”, 2015, 644 саҳ.

9. Материалы к истории таджикского народа в советский период. - Сталинабад, 1954.

10.Бабаханов М. Трудовые и ратные подвиги учителей Таджикистана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) / М. Бабаханов. - Душанбе,1993. - 196 с.

11.Зикриеев Ф.Б. Набиева Р.А. Ватандустии чавонони Точикистон. - Душанбе: Дониш, 1968.

Сарчашмаҳои таърихи доир ба дипломатияи тоҷик.

Дар ма қола таърих ва ташаккули дипломатияи тоҷик дар манбаҳо ва сарчашмаҳои таърихӣ ва бадеӣ, аз ҷумла дар асари олими юнонӣ Геродот, нигораҳои Афросиёби Самар қанд, дар “Шоҳнома”-и Фирдавсӣ, “Сиёсатнома”-и Низомулмулк ва ғ.. баррасӣ гардидаанд.

Сарчашмаҳои таърихӣ гувоҳи онанд, ки дипломатияи тоҷик таърихи қадима дошта, сарогози он ба асарҳои 6-5 то мелод рост меояд. Барои исботи ин а қида дар ма қола далелҳои боэътимод оварда шудаанд.

Калидвожаҳо: таърих, сарчашмаҳо, дипломатия, давлат, сафир, сафорат, русумот, шартномаҳо, байналмилал, шар қ, ғарб.

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Статья посвящена истории возникновения таджикской дипломатии. В ней освещена сведения исторических источниках о первых дипломатических документах и дипломатической деятельности древних таджикско- персидских государств.

Изучения исторических и литературных источников показывает, что таджикская дипломатия и дипломатическая деятельность имеет древнюю историю. Этому свидетельствуют труды греческого историка Геродота, настенные надписи Афросиёба в Самарканде, поэзии “Шахнаме” Фирдоуси, труда “Сиёсатнаме” Низомулмулка и др..

По данным источниках памятников таджикская дипломатия имеет более чем двухтысячелетнюю историю и датируется с VI-V вв. до нашей эры. В статье в качестве аргументов приводится много фактов и документов.

Ключевые слова: история, источниковедение, дипломатия, государства, посол, посольство, договоры, международный, север, восток.

COVERAGE OF THE HISTORY OF TAJIK DIPLOMACY IN HISTORICAL SOURCES

The article is devoted to the history of the emergence of Tajik diplomacy. It highlights information from historical sources about the first diplomatic documents and diplomatic activities of the ancient Tajik-Persian states.

The study of historical and literary sources shows that Tajik diplomacy and diplomatic activity has an ancient history. This is evidenced by the works of the Greek historian Herodotus, the wall inscriptions of Afrosiyob in Samarkand, the poetry "Shahnameh" by Ferdowsi, the work "Siyosatname" by Nizomulmulk, etc.

According to the sources of the monuments, Tajik diplomacy has more than two thousand years of history and dates back to the 6th-5th centuries. BC. The article contains many facts and documents as arguments.

Key words: history, science, palitics, independence, Pakistan, Tajikistan, relations, diplomacy, cooperation.

Сведения об авторах: Мирзоев Н.М.- доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и внешней политики РТ факультета международное отношения ТНУ. **Адрес:** Таджикистан г. Душанбе, пр. Рудаки, 17 E-mail: nmmirzoev@mail.ru Тел: (+992) 919-16-00-26

Information about the author: Mirzoyev NM - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Diplomacy and Foreign Policy of the Republic of Tajikistan of the Faculty of International Relations of TNU. Address: Tajikistan Dushanbe, Rudaki Ave., 17 E-mail: nmmirzoev@mail.ru Phone: (+992) 919-16-00-26

Сведения об авторе: Мирзоев Хабибчон Табрикджонович.- ассистент кафедры международных отношений факультета международных отношений Таджикского Национального Университета. Адрес: Республика Таджикистан, г. Душанбе пр. Рудаки 17.Тел. 933-60-94-94. E –mail: Diplomat.tj94@mail.ru

Information about the author: Mirzoev H.T. - Assistant department's of International Relations, Faculty of International Relations, Tajik National University. Address: Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave. 17.Tel. 933-60-94-94. E –mail: Diplomat.tj94@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ «УМНОЙ СИЛЫ» (SMART-POWER) В УСЛОВИЯХ ТАДЖИКИСТАНА

Салимов Ф.Н. - к.и.н., доцент кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан, ТНУ

Трансформация международных отношений, формирование новой повестки во взаимоотношениях между основными акторами на мировой арене, глобализация, новые вызовы и угрозы, появление новых форм, инструментов и механизмов осуществления внешней политики привели к трансформации категории силы и его концепта в теории международных отношений. В западной политологии появился термин «умная сила» (“smart power”), предусматривающая сочетание ресурсов и инструментов «мягкой» и «жесткой силы».

В последнее время данный термин стал широко использоваться среди зарубежных аналитиков, экспертов, политиков, дипломатов и международников. Раньше применяемый в отношении политики США и других держав, данное понятие стало применяться при анализе, разработке и осуществлении как внутренней, так и внешней политики малых и средних стран, и Таджикистан не исключение. Надо констатировать тот факт, что, как и «мягкая сила» концепт «умная сила» до сих пор не вошел в сферу теоретизации и практики аналитиков, экспертов и исследователей в Таджикистане. Данные концепты, не используются в разработке нормативно-правовых основ деятельности МИД и других министерств, и ведомств и тем более не рассматривается как метод и подход к реализации внешней политики и защите национальных интересов. В данной статье будет исследованы потенциал и возможности реализации «умной силы/власти» в условиях Таджикистан, а именно 1) проведён анализ системного понимания «умной силы», 2) рассмотрены варианты применения «умной силы» во внешней политике Республики Таджикистан.

Системное понимание концепта «умная сила»

Концепция «умной силы», как продолжение разработанной Дж.Най Мл. концепции «мягкой силы», привлекает внимание экспертов, аналитиков, учёных и различных кругов, занимающихся внутренней и внешней политикой. Под данным термином, согласно Джозефу Наю, понимается - «способность сочетать жёсткую и мягкую силу для формирования выигрышной стратегии» [14].

В 2004 г. Дж. Най опубликовал работу «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике» [5, 221]. Почти одновременно с ним С. Носсель опубликовала статью «Умная сила» [12]. Надо отметить, что Дж.Най очень продуктивен в плане предложения различных видений и форм силы, например, в 2010 предложил концепцию “кибервласти” [13], и чуть позже появился концепт «разумная сила» [8, 28-35] (“intelligent power”), анализ которых требует отдельного рассмотрения и не является предметом данной статьи.

Английское «Smart power” трактуется учеными на разных языках по-разному: на русском как «умная власть» (Чихарев И.), «умная сила» (Суркова Е.), на китайском «мудрая сила», на таджикском «нерӯи ҳушманд” [1, 10-22] (боҳуш, зирак; оқил) и т.д., которые по своему смысловому наполнению представляют одно и тоже.

Мы согласны с мнением И.Чихарева и О.Столетова, что «Англоязычное понятие “power” на русский язык может быть переведено как «сила», «мощь», «власть». Из этого ряда мы предлагаем использовать термин «сила» ...При этом сила, с нашей точки зрения, включает в себя две основные составляющие — силовые ресурсы и властные инструменты» [9, 31]. Что же касается «smart” то он переводится как “умный”, “элегантный», «сообразительный». Таким образом понятие «умная сила» считается наиболее подходящим в русском языке понятием отношении того смысла, который вкладывает Дж.Най-мл. в него и которую мы будем использовать *при рассмотрении использования как жёсткой, так и мягкой силы для достижения целей внешней политики*.

«Умная сила» способствует эффективному использованию комплексной взаимозависимости для решения ключевых национальных, региональных и глобальных задач и является «не только силой над другими, но и совместно с другими» [2,23].

Традиционное видение силы, преобладающее среди ученых, отражает историческое доминирование реалистических теорий, которые имеют тенденцию охватывать концепцию «жесткой силы», ориентированную на идею использования нациями «материальных ресурсов» для достижения влияния. В их понимании «сила» определяется материальными компонентами: размер территории и количества населения, наличие ресурсов, экономический потенциал, военная мощь, политическая стабильность и так далее. Еще классики реализма подчеркивали зависимость силы государства от военно-промышленного комплекса, который можно использовать для угрозы или применение силы для достижения национальных целей. Основная задача материальных ресурсов принуждение других субъектов к подчинению.

С другой стороны, нематериальные (т.е. мягкие) источники силы не могут гарантировать защиту от угрожающего субъекта либо же помочь в противостоянии с ним.

Основы и характеристику жесткой и мягкой силы наглядно демонстрирует Г.Галларотти в своем исследовании «Smart Power: Definitions, Importance, and Effectiveness» в 2015 году [10]:

Таблица 1. Основы мягкой силы

Международные источники	Внутренние источники
Уважение к международным законам, нормам и институтам Фундаментальная опора на многосторонность и неприязнь к чрезмерной односторонности Уважайте международные договоры и союзнические обязательства	**Культура** * Ярко выраженная социальная сплоченность * Повышенное качество жизни * Свобода * Достаточные возможности * Толерантность * Привлекательный образ жизни * Культурный статус (религиозный, расовый, этнический)

Готовность пожертвовать краткосрочными национальными интересами ради общего блага Либеральная внешнеэкономическая политика	**Политические институты** * Демократия * Конституционализм * Либерализм / плюрализм * Хорошо функционирующая государственная бюрократия

В отличие от видения реалистов, представители других парадигм (например, неолиберлизм и конструктивизм) представили альтернативные взгляды на силу, ориентированные больше на мягкую, чем на жёсткую и подчеркивают влияние, которое проистекает из более неосязаемого и просвещённого источника: положительный имидж в мировых делах, который вызывает симпатию нации к другим нациям. Этот положительный имидж создаётся как из международных, так и из внутренних источников (см. Таблицу 1).

Обобщая анализ Г.Галларотти по характеристике жесткой и мягкой силы можно сделать вывод о том, что «принципиальное различие между жёсткой и мягкой силой можно понять так: жёсткая сила извлекает согласие, главным образом, за счёт опоры на материальные ресурсы власти - более прямые и часто принудительные методы (либо через их символическое, либо фактическое использование); «мягкая сила» культивирует его с помощью политики, качеств и действий, вызывающих симпатию наций к другим странам - более косвенными и ненасильственными методами. Жесткая сила предполагает, что нации заставляют другие нации делать то, что последние обычно не делали бы, а «мягкая сила», ставит перед странами цель добровольно делать то, что страны «мягкой силы» хотят, чтобы они делали, следовательно, достигается большая гармония интересов» [10].

Анализ современной системы международных отношений показывает повышающую значимость мягкой и умной силы, как источников национального влияния. По крайней мере дифференциация инструментариев «мягкой силы», будь то культурная дипломатия или публичная, информационная или

интеграционная на теоретическом и практическом уровне доказывают, что мир развивается в сторону более мягкого и умного мира.

Даже при признании того, что умная сила может способствовать оптимизации национального влияния и безопасности, использование преимуществ «умной силы» будет зависеть от способности лиц, принимающих решения, оценить и использовать преимущества диверсификации между жесткой и мягкой силой. Лица, принимающие решения, должны будут проявлять особую проницательность при оценке и мониторинге своего потенциала власти, чтобы полностью интегрировать мягкую силу в свою внешнюю политику. То есть, на стратегию «умной силы» непосредственное влияние может оказать не только потенциальные возможности мягкой и жесткой силы государства, но и психологические и когнитивные возможности и ограничения лица (или лиц) принимающих решение. То есть, лица, принимающие решения, должны быть особенно бдительными и просвещенными в том, как они оценивают и контролируют национальное влияние, если они хотят пользоваться преимуществами умной силы. Данный аспект требует отдельного самостоятельного исследования, и в рамках данной статьи мы не будем его затрагивать.

Методологическим ядром концепта умной силы, на наш взгляд, выступают следующие принципы: 1) принцип соединения и комбинирования ресурсов hard power и soft power; 2) принцип гибкого контекстуализма, требующий в зависимости от исторического, политического и ситуативного контекстов менять акценты либо в сторону усиления жесткости, либо мягкости; 3) принцип баланса сил, требующий отказа от крайностей в применении инструментов soft power и hard power; 4) принцип синергии, предлагающий использовать элементы жёсткого и мягкого влияния таким образом, чтобы в своей стратегической комбинации они могли взаимно усиливать эффективность друг друга.

Умная сила в условиях Таджикистана

Говоря об «умной силе» многие, авторы используют его в отношении современной политики, успеха, геополитического поведения великих держав акцентируя внимание на наличие у данных государств ресурсов для реализации этой формы политической власти [7, 93-98].

Тогда как автор этого понятия Дж.Най-мл в своей работе «Умная сила: эссе» [4, 179-194] (перевод Е.М. Криштоф и И.А. Чихарев) говоря о государственной стратегии «smart power» приводит в качестве примера малые страны, которые довольно часто умело применяют его.

Маленькие, активные акторы также могут проиграть, если не сумеют приспособиться к меняющемуся контексту. Стратегия соотносит цели и средства, но для этого необходима четкая формулировка цели (желаемого результата), ресурсов и тактики их использования. Умная стратегия дает ответ на пять вопросов: Во-первых, какие цели или результаты являются желаемыми? Во-вторых, какие ресурсы имеются в наличии, и как их наличие может измениться в зависимости от ситуации? Третий вопрос касается положения и предпочтений тех целевых объектов, на которые будет предпринята попытка повлиять. Четвёртый вопрос: каковы шансы на успех в том случае, если вы прибегнете к «жёсткой», или «мягкой силе», или будете использовать определённую их комбинацию? И, наконец, пятый вопрос: какова вероятность успеха и какими могут быть его последствия? [4, 179-182].

К сожалению, в Таджикистане, на сегодняшний момент исследование концепта и феномена “smart power” развития пока не получили. Хотя концептом «мягкая сила», как в теоретическом, так и практическом плане сегодня занимаются отдельные представители университетской и академической науки, среди которых можно выделить кафедру дипломатии и внешней политики при ТНУ. Вместе с тем этот концепт и основанная на нем стратегия стали, по сути, следующим этапом в развитии понимания категорий силы (power) и влияния в мировой

политике и применении новых международно-политических технологий на практике.

Надо отметить, что концепт «Умная сила» в настоящий момент находится лишь в самой начальной стадии разработки и обсуждения в научных кругах, однако его учёт видится актуальным и перспективным в формировании самостоятельной, эффективной стратегии во внешней политике Республики Таджикистан.

К основным ресурсам «умной силы» мы относим сетевые ресурсы политической мобилизации, информационные ресурсы, кибернетический потенциал, валютно-финансовые ресурсы, и самое главное потенциал системно организованного интеллектуального производства в интересах государства (деятельность мозговых центров). Важность последнего ресурса – аналитики на службе власти при оценке и принятии решений хорошо отражено в статье Ризоён Ш. «Политическая аналитика и устойчивое развитие Таджикистана».[6,310-322]

Социальная, экономическая и военно-политическая обстановка вокруг Таджикистана, угрозы и вызовы как национальной (территориальные и пограничные споры) так и региональной безопасности (афганский фактор), формирование условий развития экономики, обеспечение благосостояния населения предполагают активное участие в деятельности региональных и международных организаций (ОДКБ, ШОС), действующих и формирующихся интеграционных форматов и структур (СА+1), укрепление военно-политического, экономического потенциалов государства с участием и при поддержке союзников, стран-партнеров и доноров, упреждающего риски деятельности по формированию союзов и объединений для решения региональных проблем.

Надо учитывать, что оценка ресурсов силы в лучшем случае является всего лишь первым приближением к прогнозированию возможного результата. В этой цепочке недостаёт способности силы к конверсии, т. е. способности превратить потенциал силы в

виде ресурсов в реализацию силы в форме предпочитаемого поведения оппонентов.

В современных политических реалиях процесс принятия государственных решений для нас существенно осложняется целым рядом факторов. К ним можно отнести более комплексный и одновременно специальный характер вопросов, с которыми сталкивается Таджикистан и политическое руководство принимающие решения, видоизменение угроз и вызовов безопасности, динамичность развития ситуации в области стабильности и устойчивости, трансформация региональных и глобальных процессов.

Можно рассмотреть ряд стратегий, подходящих для реализации умной силы в условиях Таджикистана, которым могли бы и должны заняться мозговые центры в Таджикистане.

Во-первых, необходима оценка и аудит ресурсов и факторов силы (как мягкой, так и жесткой), уделяя особое внимание на оценку и переоценку эффективности тех или иных источников влияния страны в регионе и международных делах. Такой мониторинг позволяет разработать сценарии оптимального сочетания ресурсов для максимального увеличения эффективности по реализации умной силы государством. В рамках такого мониторинга и аудита –можно считать анализом ресурсов власти, возможно выявление слабых и сильных источников силы государства, исключение неэффективных и усиление действенных ресурсов. Для недостаточно сильных в экономическом и военном смысле государств, такой подход дает возможность концентрироваться больше на возможностях/потенциале ресурсов мягкой силы (для Таджикистана, это потенциал регионального и международного личный авторитета главы государства, международные инициативы, культурной дипломатии, дипломатия, историко-цивилизационный ресурс и так далее)

Во-вторых, четкое понимание и осознание сложности международно-политически процессов и непредсказуемости развития ситуации не только на на границах, но и в контексте

региона, поскольку отношения между странами не являются простыми, линейными. Любое действие будет вызывать противодействие, и поэтому использование силы будет иметь обратный эффект порождающий непредсказуемые последствия. Поэтому реализация стратегии «умной силы» предполагает не просто анализ ресурсов власти, но и как может сила осуществляться иначе (кобинация жесткой и мягкой силы).

В-третьих, любое применение силы, «жесткой», «мягкой» или их комбинации обязательно должно иметь политическую и социальную легитимность (не только перед своим населением). Легитимация применение силы (особенно жесткой), будет определять рамки, внутри которых «умная сила» может осуществляться наилучшим образом.

В-четвертых, «умная сила» не какая-то очередная форма силы, на подобии «жесткой» или «мягкой» - это прежде всего метод, подход с помощью которого сила используется для достижения определенных целей государства. Стратегия «умной силы» позволяет сделать анализ самих целей, которые могут быть достигнуты.

В-пятых, лица, принимающие решения, должны оценивать силу исходя из результатов, а не ресурсов. Для Таджикистана, имеющего ограниченные экономические, финансовые и военные ресурсы использование «умной силы» предполагает получение максимальных результатов от применения силы при минимальном расходе ресурсов (применение силы приводит к расходам значительных материальных ресурсов).

Перечисленное выше, очень хорошо подходят для разработки стратегии «умной» силы, однако их реализация на практике будет представлять определенные сложности ввиду именно психолого-поведенческого характера лиц, принимающих решение.

Предварительный вывод показывает, что в условиях частичного отказа от применения «жесткой силы» во внешней политике, страны постепенно (в условиях ограниченности ресурсов) будут обращаться к стратегии применения «умной силы». Под «умной силой» мы должны понимать оптимальное

использование «жесткой» и «мягкой» силы с учетом контекста в котором он будет применен.

«Во внешней политике контекстуальный ум – это умение интуитивно диагностировать ситуацию, что помогает соединить тактику с целями и создавать умные стратегии в различных ситуациях» [3, 186], цитирует Дж.Най исследователей Э.Майо и Н.Нориа. [11]

Практика социально-политических процессов последнего десятилетия вызывает потребность в теоретическом осмыслении и эмпирических обобщениях феноменов, связанных с функционированием и эволюцией политической власти. Особое место в этом ряду занимает концепция «умной силы» (smart power) как процесс обоснования определенных действий в конкретных политических условиях.

Библиография:

1. Мухаммадзода П., Сафарализода Х. Неруи ҳушманд ва дурнамои ҳимояи манфиатҳои миллӣ//Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз. №2 (70), 2020. –с.10-22.
2. Най Дж. (2013) Будущее власти. М.: АСТ. –С.23.
3. Най Дж.С. -мл. Умная сила: эссе. Перевод работы «Nye J. The future of power. – N.Y.: Public affairs press, 2011. – 320 p.» -С. 186.
4. Най Дж.С.-мл. Умная сила: эссе [Текст] / Дж.С.-мл. Най // Политическая наука, 2012. No 4. С. 179-182.
5. Най, Джозеф С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най; пер. [с англ.] В. И. Супруна. - Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогност. исслед. "Тренды", 2006. - 221 с.
6. Ризоён Ш.Ш. Политическая аналитика и устойчивое развитие Таджикистана. Вестник Таджикского национального Университета. Серия социально-экономических и общественных наук. №7. Душанбе, 2020. –С.310-322.

7. Чихарев И. «Умная мощь» в арсенале мировой политики. Журнал Международные процессы. №1, 2011. –С.93-98 // http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/762/Chikharev-25.pdf
8. Чихарев И.А., Столетов О.В. «Мягкая сила» и «разумная сила» в современной мировой политической динамике. М.: МГИУ, 2015. С. 28-35.
9. Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике//Вестн. моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5. –С.31.
10. Giulio M. Gallarotti. Smart Power: Definitions, Importance, and Effectiveness. Journal of Strategic Studies, special issue on “Smart Power and the Military” edited by Alan Chong. Submitted electronically to the Journal of Strategic Studies, 38,3, 2015: 245-281//https://www.researchgate.net/publication/316552406_Smart_Power_Definitions_Importance_and_Effectivenes
11. Mayo A., Nohria N. In their times: The greatest business leaders of the twentieth century. – Boston: Harvard Business School Press, 2005.
12. Nossel S. «Smart Power» // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. N 2. March—April. P. 131–142.
13. Nye J.S. Cyber Power // Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science andInternational Affairs. 2010. May. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/fi les/cyberpower.pdf
14. Nye Jr., Joseph S. In Mideast, the goal is 'smart power', Boston Globe (19 августа 2006)

ПОТЕНСИАЛ ВА ИМКОНИЯТҲОИ ТАТБИҚИ "НЕРУИ ХУШМАНД" ДАР ШАРОИТИ ТОҶИКИСТОН

Дар маъруза кӯшиши омӯзиши назариявӣ, амалӣ ва дарки мафҳуми «неруи хушманд», хусусиятҳои татбиқи он дар сиёсати муосири ҷаҳонӣ, алахусус дар сиёсати хориҷии акторони байналхалҷь дар рақобат ва ҳамкорӣ бо ҳамдигар карда шудааст. Ҳамин тариқ, “неруи хушманд” натанҳо ҳамчун мафҳуми назариявӣ, балки ҳамчун стратегия, нақша, восита, усул ва

рафтори давлатҳо барои таъсир расонидан ба дигар субъектон бо мақсади ноил гардидан ба аҳдофи муайян шинохта мешавад.

Имкониятҳо ва потенсиали татбиқи «неруи хушманд» дар шароити Тоҷикистон мавриди таҳлил қарор гирифтанд. Дар мақола кӯшише сурат гирифт, натанҳо истифодаи ин қувва нисбат ба Ҷумҳурии Тоҷикистон, балки потенсиал ва имконоти таҳия ва татбиқи "неруи хушманд" дар сиёсати хориҷии Тоҷикистон мавриди таҳлил қарор гиранд.

Калидвожаҳо: нерӯи нарм, нерӯи дурушт, неруи хушманд, пешвоии ҷаҳонӣ, ҳегемония, стратегия, давлати миллӣ, Иёлоти Муттаҳидаи Амрико, Осиёи Марказӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, мафҳумҳои назариявӣ, категорияҳои илм.

ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ «УМНОЙ СИЛЫ» (SMART-POWER) В УСЛОВИЯХ ТАДЖИКИСТАНА

В подготовленном докладе делается попытка теоретического и практического исследования и осмысления понятия «умной силы» (smart power), раскрываются особенности ее применения в современной мировой политике, в частности во внешней политике мировых акторов в ходе их конкуренции и взаимодействия друг с другом. Таким образом «умная сила» рассматривается не только как теоретический концепт, а как стратегия, план, инструмент, метод и поведение государств для оказания влияния на другие субъекты с целью достижения определенных целей.

Анализируются возможности и потенциал «умной силы» в условиях Таджикистана. Делается попытка не только выявления использования данной силы в отношении Республики Таджикистан, но и теоретически рассматриваются возможности и потенциал разработки и реализации «умной силы» во внешней политике.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, умная сила, мировое лидерство, гегемония, стратегия, национальное государство, Соединенные Штаты Америки, Центральная Азия,

Республика Таджикистан, теоретические концепты, категории науки.

POTENTIAL AND POSSIBILITIES OF IMPLEMENTING "SMART POWER" IN THE CONDITIONS OF TAJIKISTAN

In the prepared report, an attempt is made to theoretical and practical study and understanding of the concept of "smart power", the features of its application in modern world politics, in particular in the foreign policy of world actors in the course of their competition and interaction with each other, are revealed. Thus, "smart power" is considered not only as a theoretical concept, but as a strategy, plan, tool, method and behaviour of states to influence other entities in order to achieve certain goals.

The possibilities and potential of "smart power" in the conditions of Tajikistan are analysed. An attempt is made not only to identify the use of this force in relation to the Republic of Tajikistan, but also theoretically consider the possibilities and potential of the development and implementation of "smart power" in foreign policy.

Keywords: soft power, hard power, smart power, world leadership, hegemony, strategy, nation state, United States of America, Central Asia, Republic of Tajikistan, theoretical concepts, categories of science.

Сведение об авторе: Салимов Фаррух Насимович – к.и.н., доцент кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан, ТНУ. 734025. Республика Таджикистан, г. Душанбе, просп. Рудаки 17. тел: (+992) 918614886, email: farrukh.n.salimov@gmail.com

Information about the authors: Salimov Farrukh Nasimovich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Diplomacy and Foreign Policy of the Republic of Tajikistan, TNU. 734025. Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave, 17. tel: (+992) 918614886, email: farrukh.n.salimov@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ ГРАЖДАН ТАДЖИКИСТАНА ИЗ РОССИИ

Хонходжаев Ф. Т. *– к.э.н., докторант Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИЦ ИСПИ РАН), доцент АНО «Институт деловой карьеры»*

Актуальность работы. Привлечение трудовых мигрантов для Российской Федерации (РФ) стало такой же привычной, что и экспорт рабочих рук для Республики Таджикистан (РТ). Как показывают исследования, трудовая миграция для Таджикистана является важной составляющей и выступает как основной драйвер в развитии социально-экономической жизни страны. В связи с этим любые предпринимаемые меры российской стороной относительно миграционной политики является чувствительной для социально-экономической и политической жизни Таджикистана.

Правительство Республики Таджикистан делает ставку на трудовую миграцию, всячески поддерживая и стимулируя внешнюю трудовую миграцию. Хотя, делаются попытки диверсифицировать трудовую миграцию путем увеличения стран-пребывания, т.е. экспорта рабочей силы - граждан Таджикистана не только в РФ, но и в другие страны (Катар, Арабские Эмираты, Ю. Корею и др.), но все же пока Россия является для Таджикистана главным импортером трудовых мигрантов. Несмотря на многочисленные договоренности и подписанные соглашения между РТ и РФ, и декларируемые Россией документах (согласно Концепции о миграционной политики до 2025 г) указывается, что и в будущем Россия будет привлекать трудовых мигрантов из республик бывшего СССР, наблюдается ужесточения миграционных законов, что делает затруднительным положение трудовых мигрантов, в том числе и гражданам Таджикистана.

Одним из ярких и чувствительных мер в миграционном процессе стало применение против трудовых мигрантов административных наказаний через выдворение и массовое наложение запрета на въезд в Российскую Федерацию, что повлекло за собой появлению возвратной миграции. Эти и другие причины послужили причиной нашего интереса к изучению данной темы. Кроме этого, за три десятилетия трудовой миграции из Таджикистана в Россию количество возвращающихся на родину мигрантов и дальнейшее их реинтеграция остается малоизученной и является актуальной для дальнейших исследований.

Методы исследования. Целью данного исследования являлось изучение процесса, возвратной (добровольной и принудительной) трудовой миграции из России в Таджикистан. Для достижения цели были выполнены следующие задачи:

- раскрыть понятие возвратной миграции;
- изучить и выявить причины возвращения трудовых мигрантов из России в Таджикистан, в том числе принудительно возвращенных;
-проанализировать социально-экономическое положение возвратных мигрантов.

В рамках нашего исследования мы провели изучение и опросы в Москве, Московской области и в Республике Таджикистан. В связи с возникшей пандемией (COVID-19) часть нашего опроса среди респондентов, депортированных / выдворенных трудовых мигрантов проводились дистанционно (телефонные опросы). Хотя наше исследование посвящено возвратной миграции граждан Таджикистана, для дополнительной уточнений и достоверности информации, мы опросили и граждан Узбекистана (т.к. граждане Узбекистана и Таджикистана работают вместе и их дела часто рассматриваются в “коллективных судах” [14, 25,]), которые были возвращены на родину решением российских судов (нам удалось найти 12 граждан Узбекистана, и 43 граждан Республики Таджикистан, которые были депортированы из РФ). В данной статье мы ссылаемся на отчеты НКО “Комитет

гражданское содействие", которые активно занимаются мониторингом и аналитикой проблем выдворений и защитой прав людей[14]. Для существенного раскрытия картины по выдворениям иностранных граждан и качественного описания возвратной миграции из России в Таджикистан в поисках цифр и данных мы обращались в разные государственные органы и в РФ, и в Консульство Таджикистана в Москве. К сожалению, некоторые цифры в виде статданных ни в МВД РФ и не в Консульстве получать нам не удалось (МВД не публикуют такие данные, а Консульство Таджикистана отказались предоставлять какую-либо информацию), в связи с этим данные и цифры мы собирали по частям из публикаций СМИ и публичных отчетов организаций.

В рамках данного исследования мы использовали следующее определение возвратного мигранта: трудовой мигрант, гражданин Таджикистана, который ранее работавший в России более чем 6 месяцев и впоследствии вернувшийся в Таджикистан добровольно или принудительно.

Юридические категории "выдворение" и "депортация." Главное их отличия друг от друга — это основание, и процедуры, т.е.:

Выдворение - является видом административного наказания и производится только решением суда.

Депортация - производится на основании решения должностного лица миграционного органа России либо пограничной службой (ФСБ России).

Вклад настоящего исследования заключается в выявлении проблем трудовых мигрантов, граждан Республики Таджикистан, которые попадают в категорию возвратной миграции и сталкивались с проблемами адаптации и реинтеграции на рынке труда на родине.

Результаты исследования. Исследуя данную тему, мы пришли к выводу, что возвратных трудовых мигрантов в Таджикистан, условно можно разделить на две категории/группы:

- **добровольно возвращающихся** (по старости и по другим причинам);
- **принудительно** (депортированные, выдворенные) возвращённые.

В принципе, в категорию добровольно возвращающихся можно отнести почти 80%, трудовых мигрантов из Таджикистана, они хоть и работают от полугода до года и выше, а затем возвращаясь на родину, после небольшого перерыва опять едут работать в Россию. Условно их можно разделить на две группы: первая – это временные, сезонные работники. Их поток возрастает весной и летом, когда они едут в Россию на работу в сельском хозяйстве и строительстве. Осенью они возвращаются домой. По примерным оценкам в некоторых регионах России на таджиков приходится порядка 75–80% сезонных мигрантов. Вторая группа таджикских мигрантов – это те, кто достаточно долго находится и работает в России [22]. Но мы решили исключить этот большинство из этой группы-категории, т.к. уже в течение многих лет (не считая только, в первые начинающих свою трудовую деятельность в РФ) для мигрантов Россия стала как основной работодатель (или местом работы), а родина-Таджикистан, как место для проведения ежегодного отпуска. Трудовые мигранты едут на родину в большинстве случаях только на отпуск. Поэтому, как добровольно возвращающихся мигрантов, мы рассматриваем именно тех людей, которые вернулись добровольно, по причине физической неспособности (пенсионного возраста) и тех, кто просто по иным (не принудительным) причинам возвращаются на родину. Таких людей, добровольно возвращающихся трудовых мигрантов за три десятилетия трудовой миграции накопилось уже не мало. (По данным итогового доклада ФМС от 2015 г., число иностранных граждан, работающих в РФ по возрастной категории 50-59 лет составляют 6,2%, а в возрасте 60 и более лет - 0,3%, по гражданам РТ данные показатели аналогичны, приблизительно 10 тыс. человек в год. [13. С.22.]). Проблема исследуемой нами возвратных мигрантов заключается в том, что они, ни на родине,

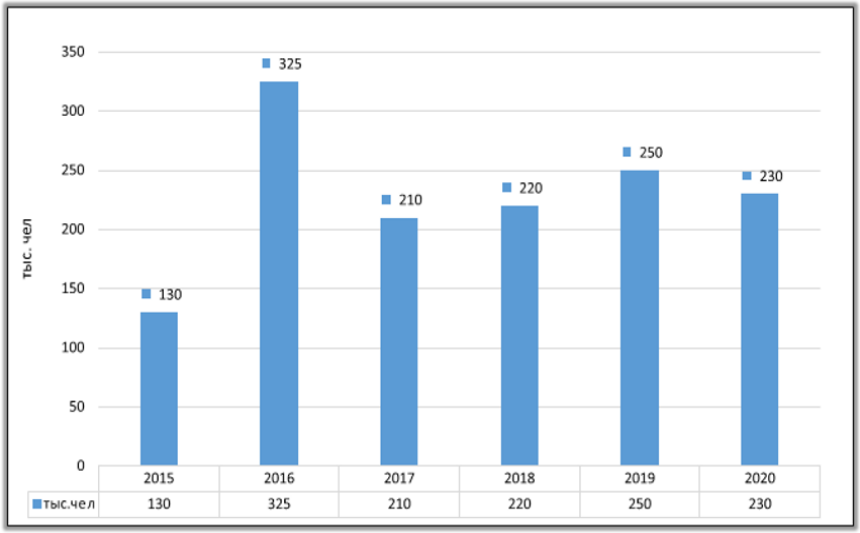
ни в России не получают пенсию, хотя в течение многих лет работая в России, выплачивали налоги и отправляли накопленные деньги на родину. Но, к сожалению, пока социальная поддержка таких трудовых мигрантов остается нерешенной. Только в 2016 году между РТ и РФ был обсужден и подготовлен проект соглашения об урегулировании пенсионного обеспечения таджикских трудовых мигрантов, но даже в 2020 году документы подписаны не были. Пока между правительствами двух стран идут встречи, переговоры и публичные обещания о скором решении вопроса, группа бывших возвратных трудовых мигрантов ищут самостоятельный выход. Большинство из опрошенных нами трудовые мигранты, которые уже не могут работать, высказались, что одним из решений может быть получение гражданства России или вида на жительство (согласно нашим опросам 99% респондентов выразили такое желание. Количество опрошенных 130 человек-все бывшие трудовые мигранты ныне в пенсионном возрасте). Хотя получение подобных статусов не легко, но все же граждане ищут такие пути решения вопроса, в том числе используя программу по переселению в РФ). Только в 2018 году более 10 тыс. граждан Таджикистана обратились в Пенсионный Фонд Российской Федерации за пенсиями (согласно Соглашению от 13 марта 1992 года). Данный факт говорит о том, что эти граждане, либо имеют уже гражданство России или же имеют Вид на жительство (согласно законодательству РФ, граждане, которые приобретают Вид на жительство могу получать пенсию РФ). А трудовые мигранты (особенно люди в пожилом возрасте) по возвращению домой не могут найти достойные средства для существования. В 2019 году в Республике Таджикистан приостановили выдачу пенсий 4,6 тыс. тысячам человек пенсии по инвалидности, а с 2014 года для 17,7 тыс. чел. Чтобы снова начать получать пенсии, эти лишенные пенсии люди должны пройти повторное медицинское освидетельствование при Государственной службе медико – социальной экспертизы [27]. Такие меры и показатели свидетельствуют о том, что государство старается перекладывать

социальные расходы на самих граждан или же снизить свои расходы до минимума (настоящее время в Таджикистане около 700 тыс. пенсионеров, а средняя пенсия составляет 315 сомони 30 дирамов=$ 31).

Теперь рассмотрим вторую группу возвратных мигрантов-принудительно, возвращенных на родину. Количество этой группы возвратных мигрантов разнятся в разные годы. Исследование показало, что жесткие меры по урегулированию и контроля за трудовые миграции в РФ начались в 2013 году, после внесений изменений в кодекс об административных правонарушениях, для нарушителей накладывался запрет на въезд в страну в течение 5 лет. В связи такой миграционной политикой за последние 5 лет из Российской Федерации были депортированы и выдворены на родину более 300 тыс. граждан Республики Таджикистан на срок от 3 до 5 лет (См. **Рис.1** - Данные по гражданам Республики Таджикистан и **Рис. 2**. - Общее количество выдворенных из РФ).

Изучение и анализ разных источников и данных показывают, что причины депортации трудовых мигрантов очень разнообразны. Хотя большая часть выдворенных приходится на нарушение режима пребывания - это в основном отсутствие/просроченность регистрации по месту пребывания или отсутствие патента, но и за другие мелкие нарушения такие как отсутствие медицинской страховки, работа по другой специальности (получение разрешение на работу по одной специальности и осуществление работы по другой, также считалось незаконной трудовой деятельностью) служили причиной для выдворения и закрытие въезда страну. Также депортировались за любые административные нарушения (штраф за ДТП, нарушение ПДД и т.п.). Были случаи, когда трудовых мигрантов депортировали даже за задолженность по счету мобильной связи.

Рис.1. Ежегодные показатели количества, граждан Таджикистана, которые имеют запрет на въезд в РФ. (тыс. чел.) *



**-Источник: (Отчет НКО "Гражданское содействие" и данные Министерства труда, миграции и занятости населения)*

Еще одна проблема, связанная с возвратной миграцией, является система Центров временного содержанию иностранных граждан (ЦВСИГ) в Российской Федерации. ЦВСИГ является заведением, где иностранные граждане ждут своего административного выдворения, (до появления возможности, пока родные и близкие не приобретут им билеты или же, очень редко, за счет бюджета РФ).

В Москве таких центров два на 1400 человек [17], а по всей России существует 76 ЦВСИГ [7], которые постоянно переполнены в основном гражданами Таджикистана и Узбекистана. К сожалению, в таких центрах мигранты могут ждать свои высылки годами, вероятно держать там людей выгодно чем депортировать на родину, хотя на содержание

каждого иностранца, ожидающего депортацию, ежемесячная (декларируемая) трата денег составляет порядка 20 тыс. рублей, а выдворение обходится бюджету до 40 тыс. рублей [15]. По сведениям таджикских правозащитников и НКО таджикская сторона заинтересованности в вывозе своих граждан не проявляет. Хотя в период пандемии (с 19 по 30 мая 2020 г) таджикские власти спецрейсами возвратили на родину 680 граждан Таджикистана из Российских ЦВСИГ [19]. Возвращенные на родину трудовые мигранты из таких центров создают дополнительную напряженность на рынке труда.

Табл.2 Количество административно выдворенных по решению судов России в целом. (по годам)

годы	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
тыс. чел.	40,4	45,3	137,1	198,4	177,8	142,7	137,2	253	250	-*

*- *Данные с 2011 по 2018 гг., отражают выдворенных иностранных граждан по решению Судов РФ, данные с 2018 по 2020 общее количество запретов въезда по годам. Итого на момент написания данной работы (август 2020 г) въезд в РФ был закрыть более 1 млн. человек.*

Дискуссия. Хотя между Таджикистаном и РФ существуют тесные экономико-политические взаимоотношения и множество договоров, в том числе о миграции, но они остаются декларативными и т.к., Таджикистан во многом зависим от Российской Федерации, соблюдения нормы договоров никто не требует. Вместе с тем, для Российских институтов власти ужесточение миграционного законодательства стало инструментом в решении внутриполитических и геополитических проблем. Так уже многие годы при возникновении разногласий в российско-таджикских переговорах или, когда российская сторона недовольна какими-либо

инициативам Таджикистана, тогда начинается волна депортаций [9, 30], а за тем, после просьб Таджикистана и политических переговоров, российская сторона дает некоторые послабления. Так, в РФ в 2017 году была проведена “миграционная амнистия” по которому более 100 тысяч трудовых мигрантов, которые ранее попали в “черный список” (12 тыс. из них были депортированы на срок более 10 лет из-за приобретения и использования фальшивых патентов и других документов. Около 5 тысяч граждан Таджикистана, у которых во время пребывания на территории РФ были выявлены инфекционные заболевания лишены права на въезд в Россию пожизненно [21]) были исключены из списка, и они заново приобрели возможность въехать в РФ. Но амнистия 2017 года в основном была проведена для (категории людей нарушившие пункты 4 и 8 ст. 26 Федерального закона “О порядке выезда и въезда в РФ”), тех трудовых мигрантов, которые находились на территории РФ, и у которых были просрочены регистрация или неоплаченные патенты, т.е. РФ объявила им амнистию на легализацию.

Социальная ответственность государства перед обществом, в том числе перед возвратных мигрантов очень трудно измерить. Каковы же меры поддержки, предоставляемые властями для возвратных мигрантов и как они это получают? Мы включили этот вопрос в наш опросник. Результат ответов показал, что меры, которые предпринимают таджикская сторона, в том числе и по обеспечению их рабочими местами незначительны. Опрошенные из числа депортированных заявили, что при обращении в государственные органы получают только предложение по прохождению платной переподготовки. Но по окончании этих курсов, все равно придется самостоятельно искать работу. Государство не может предложить адекватную работу с достойной заработной платой.

Так согласно официальным данным в 2018 году, власти Таджикистана (Министерство труда, миграция и занятость населения) содействовали 1462 человек переобучению, а 812 человек обеспечили постоянной работой [10]. Эти показатели

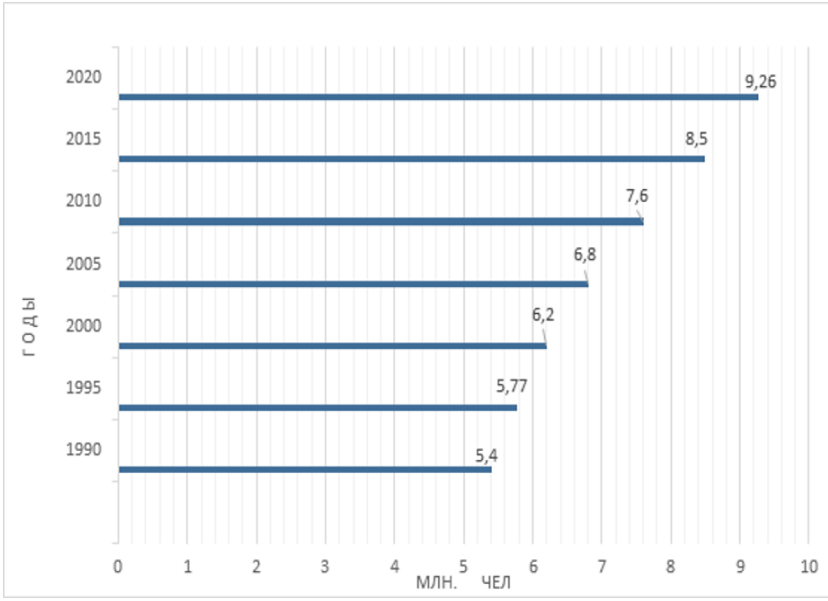
являются очень незначительными, т.к. только в 2018 году количество граждан, РТ которым въезд был запрещен в РФ составлял 220 тыс. человек, а в 2020 эти цифры оставались в пределах 200 тыс. человек.

Опросы показывают, что ранее выдворенные (депортированные) не могут получать точную информацию о своих статусах, могут ли они въехать на территорию РФ или нет, даже после истечения указанных сроков. Есть случаи, когда трудовой мигрант приобретает билет, прилетает и на границе его отправляют обратно домой. Закрытие въезда для трудового мигранта становится неожиданностью.

Как отмечали выше, наши полевые исследования совпали с периодом эпидемии (COVID-19) объявленная в РФ «режим повышенной готовности» и, в связи с этим закрытые границ на въезд и выезд в страну изменил обычный ритм миграционных процессов и привел увеличению числа безработицы в Таджикистане ухудшив и без того сложное положение на рынке труда. Большая часть трудовых мигрантов не успели въехать в РФ в весенне-летний сезон, когда начинаются дачные и строительные работы. А другая часть (те, которые тоже не успели обратно выехать из РФ) лишились работу. По официальным данным российской стороны в стране лишились работы 40% трудовых мигрантов, еще 35% работодатели отправили на неоплачиваемый отпуск. Большинство из трудовых мигрантов уже оплатили авансовый платеж за патент, но организации закрылись, и трудовые мигранты остались без работы. В связи с этим сократились денежные переводы в Таджикистан. Прогнозируется, что подъем экономики в России докризисного уровня (2014г) произойдет не скоро, поэтому в ближайшие 2-3 года мы ожидаем нового витка возврата трудовых мигрантов на родину.

Важно упомянуть о том, что в Таджикистане рост населения составляет в среднем 2-2,5 % ежегодно. В 2020 году численность населения достиг 9,26 млн. человек (в 1990 году было 5,4 млн. чел. См. **Рис.3**).

Рис. 3. Динамика роста численности населения Республики Таджикистан 1990-2020 гг.



При этом, трудовые ресурсы страны достигло 5,79 миллиона (60% от общего числа населения, еще почти 2 млн. чел = 33,3 % находятся в дотрудоспособном возрасте, а старше трудоспособного возраста, т.е. пенсионеры составляют 6,7 % = 700 тыс. чел.[8]), а число занятых в республике составляет 2,32 миллиона. По прогнозам демографов 2023 году население перешагнет 10 миллионный рубеж. Таким образом, ежегодно на рынок труда в Республике Таджикистан появляется 200 тысяч молодых людей, 90% из них будут искать работу за пределами республики [25].

Хотя до пандемии положение трудовых мигрантов, которые возвращались на родину было неудовлетворительной. Ранее, еще (в апреле) 2019 году Комитетом ООН (по защите прав трудящихся-мигрантов и их семей) рекомендовал Правительству Таджикистана предпринимать меры по реализации программ по

реинтеграции возвратных мигрантов в том числе по обеспечению их профессиональной переподготовки и обеспечению рабочими местами, а также развития предпринимательства с их участием. Также Комитет выразил озабоченность по выполнению рекомендации прошлых лет (CCPR/C/TJK/CO/2, пункт 4) Факультативным протоколам, а также по поводу отсутствия эффективных механизмов и процедур, позволяющих властям Таджикистана добиваться, в законодательном порядке и на практике полного выполнения этих Соображений (Полный текст по Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Таджикистана см. в Докладах [24]).

Докризисные экономические перспективы малого и среднего бизнеса и предпринимательская среда в республике также были не очень оптимистичными. Предприниматели жаловались на непомерное налоговое бремя и частые проверки со стороны разнообразных госорганов. По индексу Всемирного банка (Doing business) в республике сложные условия ведения бизнеса [26.с.87], что не дает возможности вновь возвращающимся мигрантам начать свое дело. Еще в 2019 году (по состоянию на 01.10.2019.г) в республике было зарегистрировано 553,1 тыс. индивидуальных предпринимателей, из которых функционировали только 293,4 тыс., т.е. 260 тыс. индивидуальных предпринимателей закрыли свое дело [29]. Что касается пандемического кризиса, то за первые 2-квартала 2020 года в Республике ликвидировались 12,6 тысяч хозяйствующих субъектов (460 юридических лиц (компании, предприятия) и около 12,2 тысяч индивидуальных предпринимателей) [28]. Эти цифры говорят о том, что даже не смотря на возвратную миграцию положение экономики в Таджикистане ухудшилось и люди массово теряют работу.

Заключение. По результатам проведенного исследования выявлено, что существуют следующие проблемы при возвратной миграции:

1. Возвратную миграцию из Российской Федерации в Таджикистан условно можно разделить на две группы:

добровольные (1% от общего числа трудовых мигрантов граждан Таджикистана) и принудительно возвращённые (1,5 -2%). Их количество увеличивается непропорционально: первые, стабильно, ежегодно на 1%, вторые, в зависимости от российской миграционной политики и политического настроения властей (в виде выдворения или депортации из РФ). Обе группы сталкиваются на родине с социально-экономическими трудностями. Первые не получают социальную помощь в виде пенсии, вторые не могут найти работу в силу дефицита рабочих мест.

2. Трудовая миграция из Таджикистана в России продолжается почти уже 30-лет. Часть трудовых мигрантов работая десятилетиями в РФ достигли уже пенсионного возраста, однако ни в Таджикистане, ни в России они не получают пенсию. По возвращению на родину большинство возвратных мигранты не могут найти работу, не получают страховую пенсию или какой-либо другой помощи. Данная проблема (решение о назначении пенсии), обсуждается между Правительством Таджикистана и Российской Федерации уже больше 4 лет, с 2016 года и на вряд ли будет подписана в текущем году.

3. Правительство Таджикистана не может рационально решать проблему возвратных мигрантов. Большинство (90%), возвратных мигрантов самостоятельно решают свои социально-экономические проблемы, или прибегают помощи своих (трудоспособном возрасте) детей или родственников. С ростом числа возвратных мигрантов ухудшается социально-экономическое положение не только возвращающегося трудового мигранта (пропорционально количеству), но и общее положение рынка труда.

4. Таджикская сторона (Правительство) добивается от РФ новой, полномасштабной амнистии для своих граждан, но данный вопрос не решается уже несколько лет. Причина таких затяжных переговоров заключается нежелание Таджикистана присоединиться в таможенный союз.

5. Большинство требований международных договоров и рекомендаций по обязательствам республики, в том числе по защите прав трудящихся-мигрантов и их семей, меры по реализации программ по реинтеграции возвратных мигрантов не выполняются Таджикистаном, и они остаются на бумагах.

Для решения проблем, возникающих с возвратной миграции Правительству Таджикистана, необходимо незамедлительно предпринимать политические, экономические и дипломатические меры. В вопросах по амнистии трудовых мигрантов усилить интенсивность переговоров с Россией. Вместе с тем, нужно продолжить диверсификацию миграционных рынков труда, нахождения новых направлений, но более организованных форм внешней трудовой миграции. Также необходима информационная поддержка и доступность информации для трудовых мигрантов, в том числе и по правовым вопросам. И самое главное, внутри страны начать экономические и политические реформы, дающие свободу действий предпринимателям.

Библиография

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КОАП) от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.06.2020 с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2020)

2. Приказ МВД России и ФМС РФ №758/240 «Об организации деятельности МВД РФ, Федеральной миграционной службы и их территориальных органов по депортации и административному выдворению за пределы РФ иностранных граждан или лиц без гражданства»

3. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Таджикистан о трудовой деятельности и защите прав граждан РФ в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в РФ (с изм.от 29.11.2013)

4. Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»

5. Федеральный закон № 114- ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»

6. Федеральный закон "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" от 15.08.1996 N 114-ФЗ

7. Адреса Центров временного содержания иностранных граждан (ЦВСИГ) в России.11.01.2018 https://migrantnews.info/ru/post/1687

8. В Таджикистане число пенсионеров приближается к 700 тыс. человек. Таджикское телеграфное агентство «TAG news» 01.11.2019 г. https://tajikta.tj/ru/news/v-tadzhikistane-chislo-pensionerov-priblizhaetsya-k-700-tys-chelovek

9. Герасименко О. Газета Коммерсант. “Полеткорректность по-русски” 21.11.2011. https://www.kommersant.ru/doc/1816106

10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан за 2018 год. http://www.vhk.tj/images/reports/ru/Doklad-UPCH-RT-2018-rus.pdf

11. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, от 25 мая 1993 г. (вступил в силу 17.11.1993) http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_ contract/-/storage-viewer/bilateral/page-355/48458

12. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства. http://www.mid.ru/foreign_policy/internationalcontracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-291/47993.

13. Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год. Москва 2016.г https://pda.guvm.mvd.ru/upload/site1/document_file/Itogovyy_doklad_na_19.02.16.pdf

14. Константин Троицкий. “Административные выдворения из России: судебное разбирательство или массовое изгнание?” Доклад Комитета “Гражданское содействие”. Москва 2016 https://refugee.ru/wp-content/uploads/2018/11/Doklad-o-vydvoreniyakh_pechat.pdf

15. Крецул Р. Нелегальных мигрантов отправят домой за их счет Газета Известия. 28.04.2017 https://iz.ru/news/694817

16. Минтруда Таджикистана и УМВД России по миграции ведут переговоры об амнистии трудовых мигрантов. Новостное агентство Sputnik. 25.07.2019 г. https://tj.sputniknews.ru/migration/20190725/1029491860/Tajikistan-russia-migrant-amnistiya.html

17. Михайлова А. «Штрафы вместо депортации». Газета РБК.08.04.2015// https://www.rbc.ru/newspaper/2015/04/08/56bcf3649a7947299f72c147

18. Надиров Б. «В Таджикистане приостановлена выдача пенсий по инвалидности более 4,6 тысячам человек». Азияплюс.05.02.2019г.// https://asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20190205/v-tadzhikistane-priostanovlena-vidacha-pensii-po-invalidnosti-bolee-46-tisyacham-chelovek

19. Оставшихся в России в ЦВС граждан Таджикистана вернули на родину. Muhojir.info/01.06.2020 г. http://muhojir.info/news/1069

20. Практическая демография. Гл.6. Миграция населения. 6.2 Типология и виды миграции. http://rybakovsky.ru/uchebnik3a23.html

21. Пять проблем таджикских трудовых мигрантов. Газета AsiaPlus. 18.04.2019 г. https://asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20190418/pyat-problem-tadzhikskih-trudovih-migrantov

22. Рязанцев С. В. Общественно-политический журнал о международных отношениях и внешней политике - "Россия в глобальной политике.". https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/

23. Сайт Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан. http://mehnat.tj/mehnat/ru/

24. Сайт Объединенных наций Управления Верховного Комиссара по правам человека. Доклад на 6-языках. CCPR/C/TJK/CO/3* https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/TJK/CO/3&Lang=Ru

25. Хонходжаев Ф.Т. Институциональные проблемы миграционной системы: сравнительный анализ Российской Федерации и стран Средней Азии. Журнал Наука. культура. Общество. № 1. 2019 г. С. 112-121

26.Хонходжаев Ф.Т. Оценка социально-экономических последствий миграции населения республики Таджикистан. Журнал Наука. культура. Общество. № 3-4. 2019 г.

27. Чоршанбиев П. «В Таджикистане перестали работать 124 промышленных предприятия» Газета AsiaPlus. 28.07.2020 г. https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20200728/v-tadzhikistane-prostaivayut-124-promishlennih-predpriyatiya

28. Чоршанбиев П. «В Таджикистане за полгода закрыли свое дело свыше 12,6 тыс. предпринимателей». Газета AsiaPlus. 04.08.2020 г.

https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20200804/v-tadzhikistane-za-polgoda-zakrili-svoe-delo-svishe-126-tisyach-predprinimatelei

29. Чоршанбиев П. «В Таджикистане закрыли свое дело 260 тыс. ИП». Газета AsiaPlus. 22.10.2019 г. https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20191022/v-tadzhikistane-zakrili-svoe-delo-260-tisyach-individualnih-predprinimatelei

30. Юсуфзода М. «Зухуров: Таджикских мигрантов некоторые страны используют как инструмент давления". Радио Озоди. 22.11.2019г. https://rus.ozodi.org/a/30286344.html

Мушкилоти муҳоҷирати бозгаштии шаҳрвандони Тоҷикистон аз Русия

Яке аз чораҳои ҷолиб ва ҳассос дар раванди муҳоҷирати мехнатӣ ин истифодаи ҷазои маъмурӣ нисбат ба муҳоҷирони меҳнатӣ, тавассути ихроҷ намудан ва ҷорӣ намудани манъи вурудшавии онҳо ба Федератсияи Русия аст, ки сабаби пайдо шудани муҳоҷирати бозгаштӣ гардид. Илова бар муҳоҷирати иҷборӣ, дар тӯли се даҳсолаи муҳоҷирати меҳнатӣ аз Тоҷикистон ба Русия, гуруҳи муҳоҷирони меҳнатӣ пайдо шуданд, ки ихтиёран, бо сабабҳои гуногун ба монади қудрати корӣ надоштан ва ё маъюбӣ ба ватан ихтиёран бармегарданд, ки ҳамгироии минбаъдаи онҳо мавзӯи муҳими таҳқиқист, ки мо онро омӯхтем.

Мақолаи мазкур ба мушкилоти муҳоҷирони кории аз Русия ба Тоҷикистон бозгашта бахшида шудааст. Вобаста ба ин тадқиқотҳои саҳроӣ, сифатӣ ва миқдорӣ байни муҳоҷирони меҳнатӣ дар Русия ва Тоҷикистон гузаронида шуданд. Дар ин макола ҳисоботи ВКД-и Русия, Идораи масъалаҳои муҳоҷиратии ВКД ва дигар ташкилотҳои давлатию ҷамъиятии Федератсияи Русия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон омӯхта ва таҳлил карда шуданд. Маҳфуми муҳоҷирати бозгаштӣ тасниф ва тавсиф карда шуда, сабабҳои пайдоиш ва хусусиятҳои муҳоҷирати бозгаштӣ муайян карда шудаанд. Ғайр аз ин дар раванди тадқиқот вазъи иҷтимоию иқтисодии муҳоҷирони баргашта мавриди баррасӣ қарор гирифт.

Калидвожаҳо: муҳоҷирати иҷборӣ ва ихтиёрӣ, муҳоҷирати бозгаштӣ, муҳоҷирати меҳнатӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Федератсияи Русия

Проблемы возвратной миграции граждан Таджикистана из России

Одним из ярких и чувствительных мер в миграционном процессе стало применение против трудовых мигрантов административных наказаний через выдворение и массовое наложение запрета на въезд в Российскую Федерацию, что повлекло за собой появлению возвратной миграции. Кроме принудительной миграции, за три десятилетия трудовой миграции из Таджикистана в Россию появились трудовые мигранты, которые возвращаются на родину добровольно в силу их возраста и нетрудоспособности, а дальнейшее их реинтеграция является актуальной темой для исследований, которую мы изучили.

Данная статья посвящена проблемам возвратных трудовых мигрантов из России в Таджикистан. Проведены полевые, качественные и количественные опросы среди трудовых мигрантов в России и в Таджикистане. Изучены и анализированы отчеты МВД РФ, Управления по вопросам миграции при МВД, и других государственных и общественных организаций Российской Федерации и Республики Таджикистана. Классифицировано и охарактеризована возвратная миграция, выявлены причины возникновения и особенности возвратной миграции. Изучены социально-экономические положения возвратных мигрантов.

Ключевые слова: принудительная и добровольная миграция, возвратная миграция, трудовая миграция, Республика Таджикистан, Российская Федерация

Problems of return migration of Tajik citizens from Russia

One of the striking and sensitive measures in the migration process was the use of administrative penalties against labor migrants through expulsion and the massive imposition of a ban on entry into the Russian Federation, which led to the emergence of return migration. In addition to forced migration, over three decades of labor migration from Tajikistan to Russia, labor migrants have appeared who return to their homeland voluntarily due to their age and disability, and their further reintegration is an urgent topic for research that we studied.

This article is devoted to the problems of returning labor migrants from Russia to Tajikistan. Field, qualitative and quantitative surveys were conducted among labor migrants in Russia and Tajikistan. The reports of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Department for Migration Issues under the Ministry of Internal Affairs, and other state and

public organizations of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan have been studied and analyzed. Return migration is classified and characterized, the reasons for the occurrence and features of return migration are identified. The socio-economic situation of returning migrants has been studied.

***Keywords**: forced and voluntary migration, return migration, labor migration, Republic of Tajikistan, Russian Federation*

Сведения об авторе: Хонходжаев Фаррух Тошходжаевич – к.э.н., докторант Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИЦ ИСПИ РАН), доцент АНО «Институт деловой карьеры». Адрес: 117418, Российская Федерация, г. Москва. Ул. Вавилова д. 3: + 79261280910 E-mail: h.farr@yandex.ru

Information about the author: Khonkhodzhaev Farrukh Toshkhodzhaev - candidate of economic sciences., Doctoral at the Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (FNITs ISPI RAS), Associate Professor at the ANO "Institute of Business Career". Address: 117418, Russian Federation, Moscow St. Vavilova 3: + 79261280910 E-mail: h.farr@yandex.ru

САЙЁҲӢ - ОМИЛИ РУШДИ ДИПЛОМАТИЯИ ФАРҲАНГӢ

Шарипов А.Н. - Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҷаҳонишавӣ - ин густариши фаъоли таҷрибаҳо, арзишҳо, технология ва дигар маҳсули эҷоди инсон дар ҷаҳон дар ҳоле мебошад, ки амалияи ҷаҳонӣ ҳар чи бештар ба ҳаёти одамон таъсир намуда, мабдаъ ё заминаи ташаккули фаъолияти инсон Курраи Замин мегардад [23]. Бояд таъкид кард, ки ҷаҳонишавӣ ба шафофияти сарҳадҳои миллӣ, ягонашавии мавқеъгирии умумӣ ва аз байн рафтани ҳад байни сиёсати дохилӣ ва хориҷӣ мусоидат намуд. Дар чунин шароит теъдоди иштирокчиёни алоқаҳои байнидавлатӣ меафзояд, ки ба фаъолияти дипломатӣ фишангҳои нав ворид намуда як қатор махсусиятҳои рушдро ошкор менамояд. Масалан, ба сифати махсусисти дипломатияи муосир метавон, якум, кушода будан, дуюм, рушди бошиддати дипломатияи бисёрҷонибаро таъкид намуд.

Айни замон истифодаи дипломатияи маъмулӣ барои ҳалли мушкилоти ҷаҳонӣ кофӣ намебошад. Масоили муосир иштироки фаъоли парламент ва ҷомеаи шаҳрвандиро тақозо менамоянд. Имрӯз дипломатияи оммавӣ мубрамияти хос касб менамояд. Бояд таъкид кард, ки дипломатияи оммавӣ ҳамчун низоми таъсири мустақими кишвар бо ҷомеаҳои кишварҳо дар баробари кишвар вуҷуд дорад, вале таваҷҷуҳи хосса ба он танҳо дар вақтҳои охир ба назар мерасад.

Маъмулан таҳти мафҳуми дипломатияи оммавӣ маҷмуи чораҳое фаҳмида мешавад, ки ба омӯзиш ва иттилотикунонии шунавандагони хориҷӣ, инчунин ба барқарор кардани алоқаҳо равона шудааст. Ин амалҳо ба ташаккули муносибатҳои бардавом, ҳифзи ҳадафҳои миллии сиёсати хориҷӣ ва дарки беҳтари арзишу фишангҳои кишвари худ дар хориҷа равона шудааст. Вале айни замон дар муносибатҳои байналхалқӣ истилоҳи «дипломатияи нави оммавӣ» ба назар мерасад, ки дар натиҷаи тағйироти сиёсӣ ва технологии оғози XXI пайдо шудааст.

Дар адабиёти муосир чунин махсусияти «дипломатияи нави оммавӣ» пешниҳод мегардад:

- аз ҷониби кишварҳо ва иштирокчиёни ғайридавлатӣ амалӣ мегардад;

- ба консепсияи ҳокимияти нарм, дипломатияи стратегии оммавӣ, идораи иттилоот, «брендинг»-и кишвар ва муаррифӣ дар Интернет асос меёбанд;

- ченаки дохилиро дар ҳар як амали сиёсати хориҷӣ дар назар дорад[5].

Дипломатияи нави оммавӣ муносибатҳои байнидавлатиро дар асоси технологияҳои «нерӯи нарм» ба роҳ мемонад, ки онро метавон чунин муайян намуд: «Кишвар метавонад дар сиёсати ҷаҳонӣ ба дастовардҳои назаррас замоне ноил гардад, ки кишварҳои дигар мехоҳанд аз он пайгирӣ намоянд, мафтуни арзишҳояш гашта, ба намунаи он пайравӣ созанд, то ба сатҳи рифоҳ ва кушода будани ҷомеа ноил гарданд. Ба ин маънӣ муҳим аст, ки дар сиёсати ҷаҳонӣ рӯзномаи масъаларо муайян карда дигаронро ҷалб созем. На ин ки онҳоро бо таҳдиди қувва ё таҳримҳои иқтисодӣ тағйир диҳем. Чунин нерӯи нарм, ки бо шарофати он дигарон чизеро хоҳанд, ки шумо мехоҳед одамонро на водор, балки ҷалб месозад» [25, с.5].

Маҳз дар ин самт фарҳанг яке аз омилҳои асосест, ки метавонад аз умқи ҷаҳонишавӣ осеб бинад ва ё дар шароити нав ба муаррификунандаи кишвар дар саҳнаи ҷаҳонӣ табдил ёбад. Бо назардошти ин омил кишвари мо Консепсияи нави сиёсати хориҷиро қабул намуд, ки истифодаи фишанги фарҳангиро дар сиёсати хориҷӣ дар назар дорад. Дар ин шароит яке аз авлавиятҳои сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон роҳандозии чунин дипломатияи фарҳангӣ ва башардӯстона аст, ки он бо дарназардошти тамоюлҳои мусбат ва манфии раванди ҷаҳонишавӣ ба таъмини ҳастии маънавӣ ва ҳифзу ҳимояи арзишҳои асили миллии фарҳангиву ахлоқии халқи тоҷик, муаррифии шоистаи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар арсаи ҷаҳонӣ ҳамчун кишвари дорои фарҳангу тамаддуни қадима ва давлати муосири демокративу ҳуқуқбунёд, тавсеаи ҳамкориҳои

самарабахши фарҳангию башардӯстона бо кишварҳои олам бо мақсади таҳкими шинохти мусбати Тоҷикистон ва мардуми он мусоидат намояд[8].

Татбиқи дипломатияи фарҳангӣ яке аз ҷанбаҳои асосии нерӯи нарм маҳсуб гардида, сайёҳӣ дар ин самт яке аз фишангҳои самаранок ба шумор меравад, ки фаъолияти ғайрирасмӣ вале қонунии шаҳрвандони алоҳида - сохторҳои тиҷоратиеро муаррифӣ менамояд, ки ба татбиқи манфиатҳои миллӣ ва иҷтимоии кишвар дар саҳнаи байналхалқӣ равона шудааст.

Сайёҳӣ имрӯз – шакли нисбатан устувори фаъолияти иқтисодӣ мебошад. Дар ин бора маълумотҳои Созмони умумиҷаҳонии сайёҳӣ шаҳодат медиҳанд. Агар дар соли 2007 шумораи сайёҳон дар ҷаҳон 663 млн нафарро (афзоиш 4,1%) ташкил дода бошад, пас дар соли 2010 теъдоди онҳо 1 млрд сайёҳро ташкил дода, то соли 2020 ин нишондод аллакай ба 1 млрд 600 млн нафар баробар мегардад (ҳарчанд пандемияи коронавирус дар ин самт таъсири ниҳоят манфӣ расонид). Тибқи маълумоти Созмони умумиҷаҳонии сайёҳӣ соли 2007 ҳаҷми умумии даромади тамоми кишварҳои ҷаҳон аз сайёҳии воридотӣ 850,4 млрд долл. ташкил дода ин нишондод ба ҳамасола 1 трлн долл. баробар мегардад. Минтақаи ҷолибтарини сайёҳии хориҷӣ Аврупо бо нишондоди - 415,6 млрд долл. ба шумор меравад. Соли 2007 кишварҳои пешсафи қитъа дар ин самт: Испания - 57,8 млрд, Фаронса - 54,2 млрд, Италия - 42,7 млрд, Британияи Кабир - 37,7 млрд, Олмон - 36 млрд долл маҳсуб мегаштанд. Минтақаи Осиё ва Уқёнусия аз сайёҳон 183,1 млрд долл. (Чин - 37,2 млрд) ба даст оварда 171,3 млрд долл. ба қитъаи Амрико (ИМА - 96,7 млрд) рост меояд.

Аз ҷониби дигар нақши шаҳрҳои ҷаҳонӣ дар самти сайёҳии ҷаҳонӣ боло мераванд. Ба шаҳрҳои ҷаҳонӣ 13 самти маъруфи сайёҳии байналхалқӣ аз 20 рост меоянд. Ин аз он шаҳодат медиҳад, ки сайёҳӣ яке аз шартҳои ташаккули фазои иртиботи ҷаҳонӣ ба шумор меравад, ки имкони татбиқи консепсияи «нерӯи нарм» - ро фароҳам оварда ба рушди алоқаҳо дар сатҳи инсонҳо равона шудааст.

Дар маҷмуъ, сайёҳӣ ба омили муассири муносибатҳои байналхалқӣ табдил ёфтааст, ки дар ҷанбаҳои зерин ифода меёбад:

1. Агар кишвар хоҳад, ки дар сиёсати ҷаҳонӣ маҷмӯи пешниҳоду арзишҳо ва фарҳангро тарғиб намояд, пас яке аз омилҳои татбиқи он сайёҳӣ ва ҷалби сайёҳон мебошад, ки метавонанд дар сурати боздид аз кишвар ва таассуроти баланд аз мавзеъҳои таърихӣ ба ҳомилони арзишҳои маънавӣ ва фарҳангии он табдил ёбанд.

2. Аз ҷониби дигар, сайёҳӣ ҳамчун фишанги муҳимми баромад ба бозори ҷаҳонӣ хизмат менамояд. Бо истифода аз мавҷи сайёҳон имконияти тарғиби молу хизматрасонӣ ба вуҷуд омада, метавон эътимоди мизоҷонро аз кишварҳои гуногун ба даст овард. Зиёда аз он сайёҳӣ бо назардошти махсусияти соҳа ва инфрасохтори васеъ заминаи таъсиси ҷойҳои нави корӣ, афзоиши даромади аҳолӣ ва мусоидат ба ташаккул ва афзоиши гурӯҳи нави аҳолӣ - табақаи миёна мусоидат менамояд, ки омили суботи иқтисодӣ ва иҷтимоии ҷомеа ба ҳисоб меравад. Агар то соли 1950 20 миллион нафар одамон ба саёҳат машғул бошанд, пас ин нишондод дар айни замон кайҳо аз милиард нафар гузаштааст. Масалан, Миср то соли 2012 иқтисоди 23-юми ҷаҳонӣ ба шумор мерафт, ки маҳз бо ташаккули инфрасохтор ва хизматрасонии сайёҳӣ ба даст омада буд[14]. Дар ин самт нишондодҳои Туркия ва Тайланд низ қобили таваҷҷуҳ мебошанд. Соҳаи сайёҳии Тайланд бо тарғиби мавзеъҳои сайёҳии худ ҳамасола қариб 20%-и ММД-и худро аз ҳисоби ин соҳа ба даст меорад. Масалан танҳо дар соли 2012 ба ин кишвар 22,3 млн. сайёҳ ташриф оварданд[19].

3. Рушди сайёҳӣ ҳамчун омили муассири баромад аз инзивои байналхалқӣ мебошад. Тавре маълум, то охири асри XX дар муносибатҳои байналхалқӣ низоми дуқутбӣ амал намуда, мавҷудияти кишварҳои ҷаҳони сеюмро дар баробари ду гурӯҳи кишварҳо (сармоядорӣ/сотсиалистӣ) дар назар дошт. Дар ин самт баъзе кишварҳо, аз қабили Куба ва Чин бо назардошти шакли махсуси идора ва муносиабт бо ҷаҳони Ғарб аслан дар ҳолати инзивоъ қарор доштанд. Зиёда аз он баъди сард гаштани

муносибатҳои Чин бо Иттиҳоди Шӯравӣ дар оғози солҳои 60-уми асри гузашта ин ҳолат хислати ниҳоӣ гирифт. Аз ҷониби дигар баъди истилои қисмати шимолии Кипр аз тарафи Туркия (20 июли соли 1974) мақоми он дар низоми муносибатҳои байналхалқӣ коҳиш ёфта, зери фишори шадид қарор гирифт. Яке аз омилҳои ташаккули имиҷи мусбати кишварҳо ва баромадан аз инзивои байналхалқӣ истифодаи сайёҳӣ ба шумор меравад. Танҳо ҷумҳурии эътирофнагаштаи туркии Кипри Шимолӣ ҳамасола 1 миллион нафар сайёҳонро на танҳо аз Туркия, балки аз кишварҳои Аврупо, Россия ва ғайра қабул менамояд[14].

4. Мавҷи сайёҳӣ ҳамчун фишанги таъсири сиёсӣ (масалан танҳо шаҳри Рига аз коҳиши сайёҳони рус 60 млн евро зарар дидааст, ки ба ихтисори ҷойҳои корӣ ва оқибатҳои манфии иқтисодӣ замина мегардад. Иқтисоди Венгрия, Чехия, Эстония, Юнон ва Испания бинобар коҳиши теъдоди сайёҳони рус ва таҳримҳои иқтисодии Иттиҳоди Аврупо зарар дида, ҳаҷми зарари умумии кишварҳои Иттиҳод танҳо дар соли 2015 ба 25 млрд евро баробар буд. Аз ҷониби дигар, баъди фоҷиаи зада афтонидани ҳавопаймои ҳарбии Россия аз тарафи қувваҳои ҳавоии Туркия равобити кишварҳо сард шуда, боиси қатъи сайёҳони рус ба Туркия гардид. Бо назардошти омили иқтисодӣ ва дурнамои зарари иқтисодӣ ва иҷтимоӣ Туркия ба созиш бо Россия рӯй овард. Ин омил аз табдили сайёҳӣ ба омили таъсиррасонии сиёсӣ шаҳодат медиҳад.

5. Сайёҳӣ ҳамчун муҳаррики рушди кишварҳо баромад менамояд. Рушди сайёҳӣ бо инкишофи инфрасохтори махсус алоқаманд буда, ҳамзамон ба таҷдиди сохтмони фурудгоҳу бандарҳо, роҳҳо, нуқтаҳои хизматрасонӣ, меҳмонхона ва тарабхонаҳо мусоидат намуда, аз ҷониби дигар ҷаззобияти сармоягузориро баланд мебардорад. Ҳамзамон таъмини амният ва субот омили рушди сайёҳӣ маҳсуб гашта, заминаи таъсиси корхонаҳои муштарак ва болоравии иқтидори иқтисодии кишвар мегардад. Ҳамаи ин омилҳо дар маҷмуъ ба рушди умумии кишвар замина мегарданд. Масалан, Сингапур бо назардошти рушди соҳаи сайёҳӣ ва хизматрасонӣ теъдоди зиёди сайёҳонро ҷалб

менамояд. Танҳо дар соли 2013 15,6 млн.сайёҳ ба Сингапур ворид гашт, ки ба буҷаи давлат 18,8 млрд.долл. ИМА фоида овард.

6. Сайёҳӣ ҳамчун ноқили арзишҳои фарҳангӣ. Имрӯз кишварҳои муқтадир баҳри тарғиби арзишҳои худ аз сайёҳӣ самаранок истифода мебаранд. Масалан, 70 миллион сайёҳе, ки ҳамасола аз ИМА дидан мекунанд, дар баробари бо чашми сар дидани пешрафти иқтисодӣ, бо арзишҳои демократия, озодии баён ва дигар ҷанбаҳои мақоми инсон ошно гашта, симои Амрико барои онҳо ҳамчун намуна эътироф мегардад. Ё Чин имрӯз бо ҷалби сайёҳон, хизматрасонии сатҳи баланд ва нархҳои дастрас ҳамзамон арзишҳои фарҳангӣ ва таърихии худро (девори бузурги Чин, шаҳри мамнуъ ва ғайра) пешниҳод намуда, тасаввури кишвари коммунистиро аз зеҳни сайёҳон дур месозад. Аз ҷониби дигар, бо назардошти рушди устувори иқтисодии Чин сайёҳони чинӣ меҳмонони азиз барои тамоми кишварҳо гаштаанд, зеро танҳо дар соли 2019 сайёҳони чинӣ дар хориҷа 127, 5 млрд доллари ИМА масраф доштанд[7].

Бо назардошти боло рафтани нақши сайёҳӣ дар саҳнаи байналмилалӣ он на танҳо ҳамчун фишанги дипломатияи оммавӣ баромад менамояд, балки ба рушди дипломатияи сайёҳӣ замина мегардад.

Дипломатияи сайёҳӣ - ин фишангест, ки тавассути он кишвар метавонад ба ҷаҳониён худро муаррифӣ намояд. К.И.Косачев қайд менамояд: «Шахсе муваффақ мегардад, ки метавонад тамоми захираҳои мавҷударо истифода барад: забон, маълумот, сайёҳӣ, таомҳои миллӣ, кинематография, брендҳо – ҳамаи инҳо солҳои зиёд ҳамчун фишангҳои «нерӯи нарм» хизмат менамоянд»[10].

Ба фикри А. Савойский, дипломатияи сайёҳӣ - ин воситаи татбиқи сиёсати хориҷӣ оид ба ҳамоҳангӣ ва пешниҳоди хизматрасонӣ дар соҳаи сайёҳӣ, таъминоти иттилоотӣ-тарғиботӣ, мутобиқати хизматрсонии меҳмонхонавӣ –тарабхонавӣ ба стандартҳои байналхалқӣ мебошад [17, с. 78].

Дар ин самт чунин қонуниятҳои рушди сайёҳии байналхалқиро ҷудо намудан мумкин аст - якум, рақобати доимо афзоянда байни

сохторҳои сайёҳии миллӣ ва минтақавӣ дар дар бозори сайёҳии байналхалқӣ; дуюм, ҷаҳонишавии фазои сайёҳӣ майдони рақобатро ба шумули рақобати ҳудудҳои сайёҳӣ тақвият медиҳад.

Дипломатияи сайёҳӣ, моҳиятан иқтисодӣ бошад ҳам, вале айни замон бо усулҳои дипломатияи оммавӣ татбиқ мегардад.

Бояд таъкид кард, ки рақобат, ба мисли татбиқи консепсияи «нерӯи нарм» рушди бренд ба шумор меравад. Брендҳои ҳудудӣ рамзҳои ҷудонопазири саноати сайёҳӣ гашта ба таври ҳассос сайёҳонро ҷалб месозанд. Тавре амалияи рушди сайёҳӣ нишон медиҳад, ширкатҳои тарғиботӣ на танҳо ба маъруф гаштани макон, балки ба тағйири пурраи имиҷи он мусоилат мнамоянд, ки миллионҳо сайёҳон, инчунин сармоягузоронро ҷалб месозад. Имрӯз аксари кишвар ва шаҳрҳо буҷаҳои махсусро барои пешбурди имиҷи худ ҷудо мекунанд. Масалан, Сингапур ҳар сол 60 млн долл., Малайзия - 150 млн долл., сарф менамоянд. Лондон дар соҳои 2003-2004 40 млн. долл. барои ин самт ҷудо намуда буд. Ню-Йорк соли 2006 аз буҷаи шаҳрӣ 9 млн. долл. барои маблағгузории оҷонсии маркетинги шаҳрӣ ҷудо намуда, соли 2009 ин нишондод 38,7 млн долл.-ро ташкил дод. Чунин чорабинӣ ба афзоиши шумораи сайёҳон ба Ню-Йорк мусоидат намуда, теъдоди меҳмонони шаҳр то 50 млн нафар расид (сайёҳии байналхалқӣ ва дохилӣ) [13].

Брендинги ҳудудҳои сайёҳӣ, фишанги «нерӯи нарм» ба шумор рафта, самаранокии дипломатияи сайёҳиро аз ҷумла ва дипломатияи оммавиро дар маҷмуъ баланд мебардорад. Самаранокӣ дар он ифода меёбад, ки бренди ҳудуд кушода будани ҷомеа барои соҳибкорӣ ва сайёҳиро нишон медиҳад.

Тоҷикистон дар зеҳни аксари хориҷиён бо тасвири кишвари қашшоқ; кишвари вобаста аз интиқоли пулии муҳоҷирон ва ҳамсарҳади Афғонистон ҳамоҳанг мебошад, ки дар ҷалби сайёҳони хориҷӣ монеа эҷод месозад. Вале мо фаромуш месозем, ки баъзе махсусиятҳои кишвар дар сурати муаррифии онҳо метавонад омили ҷалби сайёҳон ва тавсеаи дипломатияи фарҳангӣ гардад:

1. Мероси таърихӣ-фарҳангӣ. Айни замон дар кишвар 2020 ёдгориҳои таърихӣ -фарҳангӣ ба қайд гирифта шудааст (танҳо 570 дар шаҳри Душанбе) [22, с. 82], ки ду иншооти он - Саразм ва Боғи миллии Тоҷикистон (куҳҳои Помир) дар рӯйхати иншоотҳои мероси умумиҷаҳонии ЮНЕСКО ворид гардидаанд. Ба ғайр аз иншоотҳои мероси умумиҷаҳонӣ ба рӯйхати намояндагии шоҳкориҳои шифоҳӣ ва ғайримоддии мероси фарҳангии инсони ЮНЕСКО мусиқии шашмақом (аз Тоҷикистон ва Ӯзбекистон), ҷашни Навруз (муроҷиати муштараки 21 кишвар) ва оши-палав – хуроки миллӣ ва қаринаи иҷтимоӣ -фарҳангӣ дар Тоҷикистон дохил мешаванд[1, с.98].

Ин иқтидор, агар дар қаринаи «нерӯи нарм» баррасӣ гардад, танҳо дар сурати таваҷҷуҳи муассир аз ҷониби сайёҳони хориҷӣ метавонад татбиқ гардад. Барои ҷалби сайёҳон ба чунин мавзеъҳо пешниҳоди дурусти онҳо тавассути васоити нави иттилоотӣ ва ҳомилони электронӣ зарур мебошад.

2. Ҷолибияти сайёҳӣ ҳамчун омили «нерӯи нарм»-и Тоҷикистон. Барои тафсири сайёҳӣ ҳамчун захираи стратегии сиёсати хориҷӣ суханони мутахасиси амрикоӣ дар самти муносибатҳои байналхалқӣ Ҷ. Розенау пеши назар меояд, ки ба бисёрии иштирокчиёни сиёсати муосири ҷаҳонӣ таъкид карда, маҷмуан онро бо симоҳои рамзии сайёҳ ва террорист ташбеҳ додааст[24, с. 53-65]. Аз ин бармеояд, ки сайёҳӣ - ин захираи стратегиии сиёсиест, ки метавонад ба ташаккули имиҷи байналхалқии кишвар мусоидат намояд, зеро бо ташрифи сайёҳон имкони таъсиррасонӣ ба ақидаи иҷтимоӣ ва ҳатто сиёсати кишварҳо фароҳам меояд.

Тоҷикистон аз тарафи ҷомеаи ҷаҳонии сайёҳӣ ҳамчун кишвари дорои 4 пайраҳаи Шоҳроҳи абрешим эътироф гардидаст. Ҳамчунин, Тоҷикистон беҳтарин ва бештари имкониятҳои рушди сайёҳиро соҳиб буда, мувофиқи рейтинги ҷаҳонии кишварҳо оид ба хулосаҳои сомонаву шабакаҳои ҷаҳонӣ, махсусан «BBC» (Британияи Кабир соли 2012) дар қатори 10 кишвари ҷолибтарин барои боздиди сайёҳон, сомонаи интернетии “Globe Spots”, дар сархати даҳгонаи кишварҳои ҷолиб барои сайёҳон (дар соли

2014), нашри русии маҷаллаи маъруфи “National Geographic”, (рӯзи 28 феврали соли 2016) шоҳроҳи Помири Тоҷикистонро дар байни 10 роҳи зеботарини дунё, маҷаллаи ТОП – 100 дар соли 2015, 3 минтақаи Тоҷикистон ва дар соли 2016 куҳҳои Помири Тоҷикистон, соли 2015 пойтахти Тоҷикистон шаҳри Душанбе ба даҳгонаи мавзеъҳои бехатар аз рӯйи таъмини амнияти шабона ва соли 2016 аз рӯйи таҳлилҳои Созмони умумиҷаҳонии сайёҳии СММ дуюмин кишваре, ки соҳаи сайёҳиаш дар ҳоли рушд қарор дорад, ворид гардидааст[11].

Дар соли 2015 афзоиши сайёҳии кишвари мо ба 94% баробар гардид. Тӯли ин сол 414 ҳазор сайёҳон аз кишвар дидан намуданд. Созмони умумиҷаҳонии сайёҳӣ Тоҷикистонро ҳамчун яке аз самтҳои зудрушдёбандаи сайёҳӣ (ҷойи 2-юм баъди Парагвай) эътироф намуд [24]. Соли 2017, дар асоси маърӯзаи Анҷумани умумиҷаҳонии иқтисодӣ, Тоҷикистон мавқеи худро беҳтар намуда, ба сегонаи кишварҳои дорои пешрафти назаррас (most-improved countries) дохил шуд [9]. Боиси таъкид аст, ки президенти кишвар дар Паёми хеш ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 24 - уми декабри соли 2017 соли 2018 - ро «Соли рушди сайёҳӣ ва ҳунарҳои мардумӣ» эълон намуда буд. Ҳамзамон ҳукумати ҷумҳурӣ дар Консепсияи рушди сайёҳӣ барои солҳои 2009-2019 вазифаи ҷалби ҳамасолаи зиёда аз 1 млн. сайёҳонро ба кишвар то соли 2020 гузошт [16]. Хушбахтона ин нақша иҷро гардида, дар зарфи нуҳ моҳи соли 2018 дуюним миллион нафар шаҳрвандони Тоҷикистону Ӯзбекистон ба дидори хешу табори худ муяссар шуданд[15].

3. Ташаббусҳои байналхалқӣ бо таваҷҷуҳ ба дипломатияи об. Дар баробари компоненти фарҳангӣ иқтидори «нерӯи нарм»-и кишвар аз ҳисоби ташаббусҳои муваффақи байналхалқӣ ташаккул меёбад. Дар ин ҷода Тоҷикистон дорои муваффақиятҳои назаррас буда, Пешвои миллат Э. Раҳмон аз минбарҳои баланди байналхалқӣ таваҷҷуҳи ҷомеаи ҷаҳониро на танҳо ба масъалаҳои Тоҷикистон, Афғонистон ҳамсоя, мубориза бо терроризм ва қочоқи маводи мухаддир, балки ба таъмини оби соф ба инсоният равона менамояд[4].

4. Мавҷудияти диаспораи тоҷикон дар хориҷа. Имрӯз дар қаринаи афзоиши ҷомеаҳои муҳоҷирон метавон гуфт, ки яке аз сенарияҳои рушди инсоният «диаспорашавии ҷаҳон» ба шумор меравад[2, с. 80]. Диаспора ҳамчун яке аз ноқилҳои муассири «нерӯи нарм»-и кишвар маҳсуб мегардад. Кори дуруст бо диаспора, ба қавли Н. Емелянова, на танҳо ба ҷалби сармоя, балки ба расонидани таъсир дар афкори иҷтимоии хориҷӣ ва ташаккули симои ҷолиби ватани таърихӣ мусоидат хоҳад кард[6]. Барои татбиқи ин ҳадаф мавҷудияти марказҳои илмӣ –фарҳангӣ дар назди диаспораҳо нақши муассир доранд.

Яке аз ҷанбаҳои дипломатияи оммавӣ дипломатияи фарҳангӣ ба шумор меравад, ки мутахассисон онро яке аз «афзалиятҳои муҳимтарини кишвар ва ҷузъи ҷудонопазири стратегияи сиёсати хориҷии он медонанд»[12, с. 76].

Барои пешбурди фарҳанги тоҷик дар хориҷа корҳои зиёд анҷом дода шудаанд. Намояндагони расмии Тоҷикистон дар хориҷа, махсусан дар Россия, дар ҳамкорӣ бо созмонҳои фаъоли диаспораи тоҷик фарҳанги тоҷикро пеш мебаранд. Таҷлили ҳамасолаи Навруз дар шаҳрҳои Россия, ташкили шабҳои эҷодию фарҳангии ходимони маъруфи фарҳанг, намоиши суратҳо ва чорабиниҳои дигар аз қабили инҳоянд[1]. Рӯзҳои фарҳанги Тоҷикистон дар бисёр кишварҳо, аз қабили Чин, Россия, Ҳиндустон, Олмон, Фаронса, Эрон муваффақона баргузор шуданд. Боиси таъкид аст, ки дар рафти ин чорабинӣ намоиши маҳсулоти кишоварзӣ доир мегардад, ки ба таъмиқи таассуроти шаҳрвандони кишвари мизбон таъсиргузор мебошад. Дар баробари чорабиниҳои фарҳангӣ дар хориҷи кишвар дар худи Тоҷикистон конфронсҳои байналхалқӣ бахшида ба санъат, эҷодиёти классикони адабиёти тоҷику-форс доир мегарданд.

Дар асоси консепсияи сиёсати хориҷӣ мусоидат ба фаъолияти созандаи Анҷумани тоҷикон ва форсизабонони ҷаҳон ҷиҳати таҳкими робитаҳои кишвар бо ҳамватанони бурунмарзӣ, ҷалби зарфиятҳои онҳо барои рушди ҳамкориҳои сиёсиву иқтисодӣ ва маънавиву фарҳангӣ, эҷоди ҳусни таваҷҷуҳ ва муносибати хайрхоҳона ба Тоҷикистон ва мардуми он аз ҷониби ҷомеаи

ҷаҳонӣ ва доираҳои сиёсии байналмилалӣ яке аз ҳадафҳои асосӣ ба шумор меравад.

Барои пешбурди алоқаҳои фарҳангӣ бо кишварҳои дигар Ҷамъияти дӯстӣ ва алоқаҳои фарҳангии Тоҷикистон бо кишварҳои хориҷӣ – созмони ҷамъиятии ғайритиҷоратӣ фаъолият менамояд. Созмон аз рӯйи усулҳои дипломатияи мардумӣ амал намуда барои рушд ва таҳкими алоқаҳои байнифарҳангӣ бо халқҳои кишварҳои хориҷӣ хизмат мекунад. Ҷамъият 14 ҷамъияти дӯстӣ бо кишварҳои гуногуни ҷаҳонро муттаҳид менамояд[1].

Ҳамзамон истифодаи ниҳоди бародаршаҳрҳо мувофиқи мақсад мебошад, ки яке аз фишангҳои таъсиргузории фарҳангӣ ва дипломатияи мардумиро инъикос менамояд. Масалан, айни замон бародаршаҳрҳои Душанбе Лусака (Замбия), Санъо (Яман), Монастир (Тунис), Лоҳур (Покистон), Клагенфурт (Австрия), Боулдер (ИМА), Ройтлинген (Олмон), Мазори Шариф (Афғонистон), Теҳрон (Эрон), Шероз (Эрон), Санкт-Петербург (Россия), Минск (Беларус), Урумчи (ҶМЧ), Анқара (Туркия) ва Сямэн (ҶМЧ) [21].

Дар баробари тарғиби байналхалқӣ мебояд ба инфрасохтори сайёҳӣ дар дохили кишвар аҳамият дод. Роҳбарияти кишвар эътироф менамояд, ки «дар қиёс бо кишварҳои дигар, инфрасохтори сайёҳӣ дар кишвари монодуруст инкишоф ёфта ба талаботи муосир ҷавобгӯ намебошад»[3]. Вале дар солҳои охир як қатор иқдомҳое қабул шуданд, ки метавонанд ба ҷолибияти сайёҳии Тоҷикистон таъсир расонанд. Масалан, соли 2016 раводиди электронӣ ҷорӣ карда шуд. Ин иқдом, раванди додани дархостро суръат бахшида, Тоҷикистонро ба қатори панҷгонаи аввалини осон гирифтани раводиди сайёҳӣ дохил намуд[27].

Инчунин соли 2017 Кумитаи рушди сайёҳӣ таъсис ёфт, ки пештар ҷузъи Кумитаи ҷавонон, варзиш ва сайёҳӣ буд. Танҳо дар соли 2016 ин кумита 613 чорабиниҳои сатҳи гуногун - аз конфронс ва намоишгоҳҳои сайёҳӣ то иштироки ширкатҳои сайёҳии Тоҷикистон дар чорабиниҳои мазкур дар хориҷи кишварро баргузор намуд. Дар Анҷумани V-уми ширкатҳои

сайёҳӣ кумита чорабинии «Тоҷикистон - кишвари сайёҳӣ” гузаронид, ки дар рафти он зиёда аз 2 500 буклет, кассета ва диск оид ба мавзеъҳои сайёҳии кишвар тақсим гардид[20].

Ташаккули чунин имиҷ барои Тоҷикистон бо назардошти болоравии нақши Технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ ва қафомонии кишвар дар ин самт душвор мегардад.

Аз ин рӯ, барои баланд баланд бардоштани имиҷи мусбии кишвар ва табдили сайёҳӣ ба омили муассири татбиқи дипломатияи фарҳангӣ зарур мебошад, ки чунин чораҳо андешида шаванд:

- тарғиби ҳамаҷонибаи арзишҳои таърихӣ, фарҳангӣ ва мавзеъҳои сайёҳӣ;
- таъмин ва осон намудани сайёҳӣ ва сафарҳои корӣ дар натиҷаи содда кардани раванди гирифтани раводид ва беҳдошти шароити воридшавӣ ба кишвар аз тамоми ҷаҳон;
- таъмини имиҷи мусбӣ ҳангоми хизматрасонии меҳмонони хориҷӣ;
- беҳдошти ҳамоҳангии амал байни муассисаҳои давлатӣ ва ҷорӣ намудани усули ягонаи қабули сайёҳон;
- коркарди усулҳои таҳқиқи баҳодиҳӣ ва самаранокии дипломатияи сайёҳӣ.

Хулоса, сайёҳӣ бо назардошти тағйироти муосир ба омили муассири татбиқи дипломатияи фарҳангӣ табдил ёфтааст. Дар шароити муосир бинобар паҳншавии бемории сироятии COVID-19, татбиқи чораҳои пешгирӣ, роҳандозии маҳдудиятҳои воридшавию баромад аз кишварҳо ва таъсири манфӣ ба иқтисоди ҷаҳон ҷалби сайёҳон боз ҳам мушкил гашта, дар баробари шаклҳои муассири тарғиботӣ риояи шароитҳои беҳдошту санитариро тақозо менамояд. Ҳар чӣ зудтар мутобиқ шудан ба вазъи мавҷуда ва пешниҳоди роҳҳои самараноки баромадан аз ҳолати буҳронӣ боз ҳам муҳимтар мегардад.

Боиси таъкид аст, ки тӯл кашидани маҳдудиятҳои ҳаракат ва вазъи буҳронӣ таъсири шадиди равонӣ дошта, аксари сайёҳони фаъолро ба афсурдаҳолӣ рӯ ба рӯ намудааст. Пешниҳоди афзалиятҳои нави мавзеъҳои сайёҳии Тоҷикистон бо назардошти

табиати нотакрор, манзараҳои зебо, ҳавои тоза ва сайёҳии табобатӣ барои рушди соҳа имкониятҳои навро фароҳам оварда, заминаи болоравии нуфузи кишвар, афзоиши даромадҳои аҳолӣ, густариши арзишҳои фарҳангӣ ва анъанаҳои меҳмондории тоҷикон хоҳад гашт.

Китобнома:

1. Бахриев Б.Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана. Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. -С.97–105. DOI: 10.17223/15617793/436/11
2. Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ - 2012. М.: МГИМО-Университет, 2012. -С.79-86.
3. Выступление на Национальном совете по делам молодежи при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 27.05.2016. URL: http://www.president.tj/ru/node/11860
4. Глобальные водные инициативы Республики Таджикистан. Asia-Plus, Апрель, 2015. URL: http://www.asiaplus.tj /ru/news/globalnye-vodnye-initsiativy-respubliki-tadzhikistan
5. Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1(25). Январ – апрел. URL: https://www.studmed.ru/dolinskiy-a-diskurs-o-publichnoy-diplomatii_e604742c521.html
6. Емельянова Н. Мягкое обаяние Индии: преимущества и пределы. Портал «Перспективы». Март, 2016. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/_magkoje_obajanije_indii_preimushhestva_i_predely_2016-03-21.htm
7. Китай сохранит первое место в мире по расходам на выездной туризм. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2019/1206/c31518-9638561.html
8. Консепсияи сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Бо фармони Президенти ҶТ № 332 аз 27 январи соли 2015 қабул шудааст. URL: https://mfa.tj/tg/main/view/4255/konsepsiyai-sijosati-khorijii-jumhurii-tojikiston

9. Концепция развития туризма в Республике Таджикистан на 2009-2019 гг. от 02.04. 2009.

10. Косачев К. И. Разговор с Константином Косачевым: Россия поддерживает свой авторитет в мире «мягкой силой». URL: http://rus.ruvr.ru /radio_broadcast/65446337/86815347.html

11. Кумитаи забон ва истилоҳоти назди Ҳукумати ҶТ, Сайёҳӣ, Ношир: Ҳайати тадорукот, санаи интишор: 18 Ноябр, 2018 URL: http://www.kumitaizabon.tj/tg/content/sayyokhi

12. Лебедева О.В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 76-97. –С.76

13. Никифорова Г. Ю., Мазуренко А. В. Брендинг и публичная дипломатия как факторы устойчивого развития территории в условиях глобализации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brending-i-publichnaya-diplomatiya-kak-faktory-ustoychivogo-razvitiya-territorii-v-usloviyah-globalizatsii

14. Новичков Н. Туризм как фактор глобальной политики//Россия в глобальной политике №3 2016 Май/Июнь URL: https://globalaffairs.ru/articles/turizm-kak-faktor-globalnoj-politiki/

15. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 26.12.2018. URL: http://www.president.tj/node/19088

16. Примкулов А., Христолюбова Д. Туризм в Таджикистане: достижения и барьеры. Специально для Asia-Plus. Душанбе. Ноябрь, 2016 г. URL: http://project75783.tilda.ws/tj_travel

17. Савойский А. Экономическая дипломатия современной России в отношении США на международной арене. М., 2011. С. 78.

18. Сайидзода З.Ш., Саидов Ф.З. Таджикистан: информационный ресурс, внешняя политика, имидж государства. Душанбе: Изд-во «Итти-лоот ва муошират», 2008. 37 с.

19. Таиланд для инвесторов-краткий обзор. URL: http://www.2thai.ru/how-to-buy-condo-house/thailand-for-investors/

20. Туризм в Таджикистане развивают. Азия Плюс. URL: https://www.news.tj/ru/node/239473
21. У Душанбе появился город-побратим в Китае. URL: https://tj.sputniknews.ru/country/20180918/1026821196 /tajikistan-dushanbe-poyavilsya-pobratim-china.html
22. Азизов М. Мероси таърихию фарҳангӣ ва масоили ҳифзу истифодаи он. Душанбе. “Басанти”, 2013, - 104 с. С. 83
23. Черевичко Т. В. Туризм как инструмент публичной дипломатии. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-kak-instrument-publichnoy-diplomatii
24. Цыганков П. Мировая политика и ее содержание. // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 1 (7). С. 53-65
25. Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. Cambridge, 2004. P. 5.
26. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2017. Geneva: World Economic Forum, 2017. URL: http://www3.weforum. org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf
27. You're welcome! The 5 easiest visas to get in the world. URL: https:// www. wanderlust. co.uk/content/easiest-visasworldwide? utm_source=Microsoft&utm_ medium= MSN_ collaboration

Сайёҳӣ - омили рушди дипломатияи фарҳангӣ

Дар мақола масъалаи хусусиятҳои хоси сайёҳӣ ҳамчун омили рушди дипломатияи фарҳангӣ баррасӣ шудааст. Маълум аст, ки дар шароити ҷаҳонишавӣ, тағйиротҳои бунёдии ҷаҳонӣ ва рушди технологияҳои иттилоотӣ дипломатияи анъанавӣ дигар барои татбиқи манфиатҳои миллии кишварҳо кофӣ намебошад. Дар мақола нақши сайёҳӣ дар муносибатҳои байналхалқӣ инъикос гардидааст. Дар заминаи ин, қайд мегардад, ки рушди сайёҳӣ ба зуҳури дипломатияи сайёҳӣ замина гаштааст, ки шохаи хоси дипломатияи оммавӣ ва нерӯи нарм дар маҷмуъ мебошад. Муаллиф қайд менамояд, ки барои дарёфти ҷойгоҳи муносиб дар саҳнаи муосири ҷаҳонӣ Тоҷикистон дипломатияи фарҳангӣ ва башардӯстонаро роҳандозӣ менамояд, ки дар татбиқи он сайёҳи яке аз фишангҳои асосӣ мебошад.

Инчунин, дар мақола зарурати баланд бардоштани имичи мусбии кишвар, андешидани чораҳои мушаххас ҷиҳати тарғиби ҳамаҷониба ва осон намудани гирифтани раводид баҳри ҷалби бештари сайёҳон ва рушди инфрасохтори сайёҳӣ дар шароити муосир таъкид гардидааст.

Калидвожаҳо: дипломатияи оммавӣ, нерӯи нарм, сайёҳӣ, дипломатияи фарҳангӣ, муносибатҳои байналхалқӣ, Тоҷикистон, сиёсати хориҷӣ, дипломатияи фарҳангӣ, брендинг.

Туризм – фактор развития культурной дипломатии

В статье расмотрены особенности проблемы туризма как фактора развития культурной дипломатии. Известно, что в условиях глобализации, фундаментальных изменений в мире и развития информационных технологий классической дипломатии впередь недостаточна для реализации национальных интересов государств. В статье освещена роль туризма в международных отношений. В этом русле подчеркивается, что развитие туризма стал основой туристической дипломатии, которая является особым ветвом публичной дипломатии и мягкой силы в целом. Автор подчеркивает, что для нахождения достойного места на современной арене мира Таджикистан разрабатывает культурную и гуманитарную дипломатию, для реализация которого туризм является одним из основных инструментов.

Также в статье подчесркивается необходимость увеличения положительного имиджа страны, принятие конкретных мер для всесторонней рекламы и упрощения получения визы в целях большего привлечения туристов и развития туристической инфраструктуры в соременных условиях.

Ключевые слова: публичная дипломатия, мягкая сила, туризм, культурная дипломатия, международные отношения, Таджикистан, внешняя политика, брендинг.

Tourism is a factor in the development of cultural diplomacy

The article examines the features of the problem of tourism as a factor in the development of cultural diplomacy. It is known that in the

context of globalization, fundamental changes in the world and the development of information technologies, classical diplomacy ahead is insufficient to realize the national interests of states. The article highlights the role of tourism in international relations. In this way, it is noted that the development of tourism has become the basis of tourism diplomacy, which is a special branch of public diplomacy and soft power in general. The author noted that in order to find a worthy place in the modern arena of the world, Tajikistan is developing cultural and humanitarian diplomacy, for the implementation of which tourism is one of the main tools.

The article also notes the need to increase the positive image of the country, take specific measures for all-round advertising and simplify obtaining a visa in order to attract more tourists and develop tourism infrastructure in modern conditions.

Key words: public diplomacy, soft power, tourism, cultural diplomacy, international relations, Tajikistan, foreign policy, branding.

Сведения об авторе. Шарипов Амриддин Нуридинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии и внешней политики РТ ТНУ. Телефон: (+992)988-50-10-11; email: amrsharif@mail.ru

Information about the author. Sharipov Amriddin Nuridinovich, candidate of historical sciences, associate professor of department of diplomacy and foreign policy RT TNU. Tel: (+992)988-50-10-11; email: amrsharif@mail.ru

ТАЪМИНИ АМНИЯТИ САРҲАДӢ ДАР СИЁСАТИ ХОРИҶИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Анвари Сафарӣ, Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон унсури муҳимтарини соҳибихтиёр ва мустақилият буда, маҳз сарҳад канораҳои ҳудуди давлатро муайян менамояд. Аз як тараф, сарҳад ҳудуди Тоҷикистонро аз қаламрави давлати ҳамсоя ҷудо менамояд ва аз тарафи дигар сарҳад чун воситаи асосии пайвастани давлат ба равандҳои ҳамгироии минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ ба ҳисоб меравад. Аз ин рӯ, бе мавҷудияти сарҳад давлатҳои муосири ҷаҳонро тасаввур кардан ғайри имкон буда, инчунин сарҳад чун садди аввалин дар самти пешгирии ҳар гуна хатару таҳдидҳо баромад менамояд.

Хатару чолишҳои замони муосир ба давлатҳои миллӣ бештар ва шиддатнок таҳдид намуда, боиси халалдор гардидани вазъи сарҳади давлатӣ мегардад. Дар натиҷаи фаъолгардии ҳизбу ҳаракатҳои террористӣ ва ифротӣ, зиёдгардии руҳияи ҷудоихоҳӣ, низоъҳои мусаллаҳона, афзудани мудохила ба корҳои дохилии дигар давлатҳо раванди “шусташавии мустақилияти давлат” [10] ба вуҷуд меояд. Аз ин рӯ, Ҷумҳурии Тоҷикистон дар қитъаҳои алоҳидаи сарҳади давлатӣ реҷаи муайяни сарҳадиро барои пешгирӣ аз убури ғайриқонунии марз ҷорӣ менамояд, то ин ки амнияти минтақаҳои сарҳадӣ дар фазо ва хушкӣ таъмин карда шаванд.

Илова бар ин, “баҳсҳои сарҳадӣ дар бештари мавридҳо сабабҳои куҳнаи пайдошавии низоъҳо ба ҳисоб мераванд” [9, С. 189]. Вобаста ба ин, таҷрибаи таърихӣ нишон медиҳад, ки баҳсҳои ҳудудӣ ва муноқишаҳои сарҳадӣ дар байни давлатҳои ҳамсоя ба сифати яке аз омилҳои муассири сар задани низоҳои сершумори мусаллаҳонаи наздисарҳадӣ гардидаанд ва ҳатто ба ҷангҳои харобиовар мубаддал гардидаанд, ки натиҷаҳои онҳо тули солиёни дароз ба таври ҷиддӣ ба муносибатҳои мутақобилаи давлатҳо ва халқҳои алоҳида монеагӣ менамуданд.

Ҷунончӣ, дар қитъаи сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Ҷумҳурии Қирғизистон, махсусан дар водии Фарғона бо сабаби мавҷудияти баҳсҳои ҳудудӣ ҳар лаҳза низоъҳои сарҳадӣ ба вуҷуд меоянд, ки боиси бастани гузаргоҳҳо, қатъи робитаҳои байниминтақавӣ ва халалдор гардидани муносибатҳои байнидавлатӣ мегарданд. Аз ин рӯ, дар сиёсати сарҳадии Тоҷикистон таъмини амнияти минтақаҳои сарҳадӣ дар водии Фарғона аҳамияти хосса дорад.

Аз ин рӯ, таъсири сарҳадро ба вазъи муносибатҳои байнидавлатӣ ва минтақавӣ мавриди таҳлил қарор дода, омили сарҳадӣ дар сар задани зиддиятҳо, даргириҳо ва низоъҳои мусаллаҳона миёни давлатҳои ҳамсоя омӯхта мешавад. Ҳолатҳои зиёде мавҷуд аст, ки боиси ба вуҷуд омадани низоъҳои сарҳадӣ мегарданд: “фарқияти минтақавӣ чун омили низоъҳои оянда; табодули ҳудудӣ байни ду давлат; ғайриқонунӣ ғасб кардани ҳудуди давлат, тағйиротҳои ҳудудӣ ва ғайраҳо” [13]. Дар ин ҳол, ҳифзи “сарҳадҳои муқаддаси Ватан” [7] вазифаи аввалиндараҷаи давлат ва шаҳрвандони он мегардад.

Бинобар ин баҳсҳои ҳудудӣ мавзӯи асоси муносибатҳои байнидавлатии Тоҷикистону Қирғизистон гардида, дарёфти роҳҳои ҳалли онҳо низ дар маркази омӯзиши коршиносони соҳа қарор гирифтааст. “Бояд воситае пайдо намуд, ки сарҳади давлатӣ дигар ба тағйирот дучор наояд ва побарҷо боқӣ монад, зеро тағйироти сарҳади давлатӣ боиси ҷанг мегардад” [8, С. 40]. Аз ин хотир, дар сиёсати хориҷии Тоҷикистон ба масъалаҳои муайян намудани хати гузариши сарҳад, коркарди реҷаи гузаргоҳҳо, танзими баҳсҳои ҳудудӣ ва коркарди меъёрҳои байналмилалӣ-ҳуқуқии ҳалли низоъҳои сарҳадӣ диққати бештар равона мегардад.

Вобаста ба ин, Хукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон чораҳои заруриро доир ба ҳифзи сарҳадҳои худ роҳандозӣ намуда, “раванди ҳадгузорӣ ва аломатгузорӣ, реҷаи мувоффиқи сарҳадӣ” [1, С. 86-90], қоидаҳои ҳаракат ва убур тавассути сарҳад, тартиби ҳалли воқеаҳои нохуши наздисарҳадӣ, пешбурди фаъолияти хоҷагидорӣ дар минтақаҳои наздисарҳадӣ, истифода аз обҳо,

пулҳо ва роҳҳои сарҳадӣ, қоидаҳои нигоҳубини аломату нишонаҳои сарҳадӣ ва ғайраҳоро муайян намояд.

Чораҳои зикргардида, дар маҷмуъ қисми таркибии сиёсати сарҳадии давлатро ташкил менамоянд. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон “сиёсати сарҳадӣ ҷузъи сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад ва сиёсати сарҳадӣ бо назардошти принсипҳои байналмилалии эҳтироми соҳибихтиёрӣ, тамомияти арзӣ ва дахлнопазирии сарҳадҳои давлатӣ ташаккул ёфтааст” [6].

Бинобар ин мафҳуми сарҳад бевосита ба мафҳуми амнияти миллӣ алоқаманд буда, барои таъмини бехатарии сарҳад давлат аз дастгоҳи зурӣ (қувваҳои мусаллаҳ) низ истифода менамояд. Аз ин рӯ, сарҳад чун макони анъанавии ҷойгиркунӣ ва сафарбаркунии қушунҳои сарҳадӣ, хадамоти гумрук ва пойгоҳҳои низомӣ, махсусан дар нуқтаҳои мавҷудияти хатар ба ҳисоб меравад.

Дарки таъмини амнияти сарҳад аз нақши рамзии он, анъанаҳои таърихӣ (тақсимоти миллӣ-ҳудудӣ), нуфуз ва муҳокимаҳои муосир (хатару таҳдидҳо аз Афғонистон) вобастагӣ дорад. Фаҳмиши анъанавии нақши сарҳади давлатӣ дар таъмини амният дар омилҳои зерин инъикос мегардад:

Якум, таъмини амнияти Ҷумҳурии Тоҷикистон. Минтақаҳои наздисарҳадӣ қисми қаламрави Тоҷикистон буда, масъалаи таъмини амнияти онҳо бевосита аз тарафи ҳукумат ва мақомотҳои дахлдори давлатӣ дида мешавад. Аз ин рӯ, масъалаи таъмини амнияти минтақаҳои сарҳадӣ бевосита ба амнияти умумидавлатӣ алоқаманд аст. Аз ин рӯ, “Кумитаи давлатии амнияти миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон мақомоти таъиноти махсуси ҷумҳуриявӣ буда, дар доираи салоҳияти худ сиёсати давлатиро дар соҳаи амнияти миллӣ ва муҳофизати Сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон татбиқ менамояд”[5].

Дуюм, пешгирии хатарҳои ҳарбӣ. Бояд гуфт, ки “ҳангоми таҳдиди хатари воқеӣ ба амнияти давлат ҳолати ҷангӣ эълон мегардад” [4]. Дар чунин сурат ноҳияҳои наздисарҳадии Тоҷикистон ба минтақаҳои ҳарбӣ бо реҷаи махсусдошта табдил ёфта, афзалияти асосиро омодагии ҷангии қисмҳои низомӣ барои пешгирӣ ва мудофиа аз ҳуҷуми ҳарбии эҳтимолӣ ташкил

менамояд. Масалан, вазъи сиёсӣ ва ҳарбии қисмати сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Ҷумҳурии Исломии Афғонистон ташвишовар буда, вуруди гурӯҳҳои террористӣ ва ҷиноӣ ба қаламрави Тоҷикистон аз эҳтимол дур нест.

Сеюм, таъмини назорати пурра аз болои ҳама навъи ҷараёнҳои фаромарзӣ. Мавзӯи мазкур равиши анъанавии таъмини амнияти миллӣ дар гузаргоҳҳои сарҳадии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоб меравад, зеро сарҳад – чун садди аввал дар пешгирии вуруди шахсон, молу маҳсулот ва иттилооти ғайримақбул ба умқи давлат фаҳмида мешавад. Назорати ҷараёнҳои фаромарзӣ дар минтақаҳои сарҳадие, ки теъдоди аҳоли хеле кам аст ва сатҳи фаъолияти хоҷагидорӣ (ноҳияи Мурғоб) паст аст, осонтар аст. Вале дар минтақаҳои назидисарҳадии сераҳолӣ бо пешбурди хоҷагидории фаъол (водии Фарғона) таъмини амнияти сарҳадӣ хеле мушкил аст.

Чорум, пешбурди корҳои ҷустуҷуӣ-фаврӣ ва тактикӣ-фаврӣ. Амалҳои мазкур аз тарафи қушунҳои сарҳадии Ҷумҳурии Тоҷикистон бевосита дар сарҳади давлатӣ ва минтақаҳои наздисарҳадӣ амалӣ гардида, мақсади он таъмини амнияти марзу бум ва дахолатнопазирии сарҳад ба ҳисоб меравад. Аз ин рӯ, яке аз махсусиятҳои равиши анъанавии таъмини амният дар сарҳад дар кушиши мақомотҳои махсуси давлатӣ барои пешбинии тамоми ҳолатҳои хатарафзои имконпазир ва коркарду қабули чораҳои ҷавобӣ нисбати онҳо инъикос мегардад.

Бинобар ин омӯзиши сиёсат, дарк ва амалияи вазъи сарҳадҳои Тоҷикистон имконият медиҳанд, ки амнияти сарҳади давлатӣ чун қисми таркибии амнияти миллӣ таъмин карда шавад.

Таҳлили **сиёсати сарҳадии** Тоҷикистон дар сатҳҳои гуногун ва таъсири он ба муносибатҳои байнидавлатӣ аҳамияти хосса касб намудааст. Сиёсати сарҳадӣ дар маънои васеаш “ниҳоди давлатӣ-байналмилалӣ ва сохтори ҳуқуқие мебошад, ки ҷараёнҳои фаромарзиро назорат ва таъмин менамояд ва сатҳи амалии вазифаҳои монеасозӣ (пешгирии хатарҳо дар сарҳад бо Афғонистон) ва пайвастсози (рушди робитаҳои судманд тавассути 17 гузаргоҳ дар сарҳад бо Ӯзбекистон) - и сарҳадро

муайян менамояд”[3, С. 39]. Дар маънои маҳдуд бошад, нақши сиёсати сарҳадӣ дар шаффофгардонии сарҳад (тавсеаи равандҳои ҳамгироӣ дар минтақа) фаҳмида мешавад. Ин сиёсат афзалиятҳо ва ҳадафҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, ноҳияҳои наздисарҳадӣ ва ҳокимияти маҳаллиро дар самти маҳдуд ва васеъкунии робитаҳои фаромарзӣ, алоқаҳои наздисарҳадӣ, назорати равандҳои дохилӣ ва берунии ҳамгироии ҳудудӣ муайян менамояд.

Раванди **дарки сиёсати сарҳадии** Ҷумҳурии Тоҷикистон ба вазъи сарҳади низ таъсир менамояд. Дар доираи ин раванд хислат, таҳаввул ва восиатҳои таъсиррасон дар тасаввуроти сарҳадӣ, ноҳияҳои наздисарҳадӣ, муносибати давлатҳои ҳамсоя, ҳамкориҳои фаромарзӣ таҳлил карда мешавад. Омилҳое - чун зарурати таъмини амнияти давлатӣ (аз хатари терраризму ифротгароӣ), хавфи хатарҳои беруна (имконияти ҳуҷуми душмани эҳтимолӣ), устураҳои таърихӣ (ғояи барқарор кардани Иттиҳоди Шӯравӣ) ва сохтакориҳо (мудохилаи башардустона ба хотири барқарор кардани сулҳ ва низоми демократӣ) – ба дарки сарҳадии аҳолӣ ва доираи сиёсии давлат таъсир намуда, муносибати онҳоро ба қисми муайяни сарҳади давлатӣ амиқ менамояд.

Сеюм, **амалияи фаъолияти сарҳадӣ** аз сатҳи ҷараёнҳои фаромарзии таъсиррасон ва наздикии сарҳад ба минтақаҳои аҳолинишин алоқаманд мебошад. Дар ин раванд, диққати махсус ба робитаҳои ғайрирасмии созмону иттиҳодияҳои (махсусан ҷиноӣ) мухталиф бо мақомотҳои давлатӣ ва гумрукии Тоҷикистон (networking*) дода мешавад, ки аксаран хислати ғайриқонунӣ доранд (қочоқи молу маҳсулот, интиқоли ғайриқонуни тавассути сарҳади давлатӣ). Доира, шакл ва ҳадафҳои ин робитаҳо аз дарки амнияти миллӣ ва нақши ин қисмати сарҳад дар таъмини амнияти давлатӣ вобастагӣ дорад.

Омӯзиши сиёсат, дарк ва амалияи сарҳадӣ дар ҳамбастагӣ имконият медиҳанд, ки сиёсати сарҳадии муваффақ бо реҷаи

* Networking is the process of trying to meet new people who might be useful to you in your job (ҷараенест, ки дар он кушиши шиносои бо шахсони нав карда мешавад, ки дар фаъолияти корӣ метавонанд фоидаовар бошанд)

муайяни марзӣ коркард карда шавад, ки бевосита амнияти сарҳадӣ таъмин гардад. Бояд қайд намуд, ки “ҳар як сарҳади сиёсӣ-маъмурӣ ба дохил – муттаҳид намудани гурӯҳҳои иҷтимоӣ ва ба берун – ҷудо кардани ҳудуди давлат аз ҳудуди кишварҳои ҳамсоя нигаронида шудааст” [11].

Вобаста ба ин Ҷумҳурии Тоҷикистон ниҳоди асосии таъминкунандаи амнияти сарҳад ба ҳисоб меравад. Нақши давлат дар таъмини амнияти сарҳадӣ дар омилҳои зерин инъкос мегардад:

1. Ҳудуди Тоҷикистон чун макони татбиқи ҳуқуқҳои асосии тоҷикон – “худмуайянкунии халқу миллатҳо”[2, С. 79] ба назар гирифта мешавад. Дар асоси ин нуқтаи назар, шаклгирии вазифаҳои сарҳади давлатӣ аз садоқати шаҳрвандон ва гурӯҳҳои қавмӣ ба давлати худ вобаста аст. Масалан, ҳайати қавмии тоҷикон дар Ҷумҳуриҳои Ӯзбекистон ва Қирғизистон аксаран дар ноҳияҳои наздисарҳадӣ зиндагӣ менамоянд ва ҳайати қавмии ӯзбекҳо ва қирғизҳои Тоҷикистон низ асосан дар минтақаҳои наздисарҳадӣ бо давлатҳои асосии худ Ӯзбекистон ва Қирғизистон қарор доранд. Дар ин ҳолат, мушкилии асоси руҳияи ҷудоихоҳии гурӯҳи аҳолӣ гардида, имконияти тағйироти ҳудудиро дар пайд хоҳад дошт.

2. Ҷумҳурии Тоҷикистон дар қаламрави худ сарчашмаи асосии ҳокимият ба шумор рафта, “дар он волоияти худро ба амал мебарорад” [12, С. 127] ва ҳуқуқи дигар давлатҳо ба ин ҳудуд истисно мегардад. Вале дар шароити ҷаҳонишавӣ давлатҳои бузург кушиш менамоянд, ки доираи нуфузи иқтисодӣ ва сиёсии худро бе дарназардошти сарҳадҳо тавсеа бахшанд. Чунончӣ, рақобати давлатҳои бузург дар Осиёи Марказӣ бевосита ба давлатҳои минтақа таъсири худро мерасонад. Аз тарафи дигар, пайвастани давлатҳо ба равандҳои ҳамгироӣ, таъсиси иттиҳоди гумрукӣ ва бозорҳои ягона маънои гузаштан аз қисми мустақилияти худро дорад. Аз ин рӯ, Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон доир ба шомил гардидан ба иттиҳоди гумрукии Авруосиёӣ (Росссия, Белоруссия, Қазоқистон ва Қирғизистон) қарори ниҳоиро қабул накардааст. Дар ин мавридҳо зарурат пеш

меояд, ки чораҳои лозима барои пурзур намудани ҳувияти миллии аҳолӣ роҳандозӣ гарданд, то ин ки онҳо ба арзишҳои бегона пайваст нагарданд.

3. Дараҷаи алоқамандии давлат ва миллат бо дарназардошти маҳдудияти доираи ҳудудӣ ва имкониятҳои сарҳадӣ дар муқоиса бо паҳноии мушкилиҳои иқтисодӣ ва ҷаҳонӣ қайд мегардад. Яъне дар замони муосир Тоҷикистонро душвор аст, ки дар алоҳидагӣ ва бо қувваи хеш шароити арзандаи ҳаёти аҳолии хешро таъмин намояд. Дар сурати рушди ноустувори иқтисодӣ, сатҳи бекорӣ, вазъи демографӣ, фасод (коррупсия), ва ғайра ҳувияти миллӣ коста гардида, кушишҳои пайдо намудани ҳаёти арзанда, муҳоҷират ва "ихроҷи ақлҳо" бештар мегардад. Масалан, шаҳрвандони Тоҷикистон аксаран ба Россия, Аврупо ва Амрико сафар намуда, кушиш менамоянд, ки ҷои кори арзанда бо маоши баланд пайдо намоянд. Дар баробари ин, барои рафъи чолишу хатарҳои беруна (терроризм, ҷудоихоҳӣ, муҳоҷират) давлатҳо роҳҳоеро пеш мегиранд (бастани сарҳад ва гузаргоҳҳо, ҷори кардани реҷаи раводидӣ, боҷҳои иловагии гумрукӣ), ки дилмондагии аҳолиро, махсусан дар минтақаҳои наздисарҳадӣ ба вуҷуд меоранд. Чунончӣ, бастани тамоми гузаргоҳҳои сарҳадӣ дар марзӣ Тоҷикистону Ӯзбекистон ва минахобонии сарҳади давлатҳо аз тарафи собиқ ҳукумати Ӯзбекистон мушкилиҳои таъмини амнияти сарҳадиро дар минтақаҳои наздисарҳадиро ба вуҷуд оварда буд.

Таҳлили масъалаҳои амнияти сарҳадӣ дар сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон нишон доданд, ки сарҳади давлатӣ зери фишор ва хатарҳои гуногун қарор дорад. Ба сарҳади давлати Тоҷикистон фишор ва хатарҳо асосан аз ҳудуди давлатҳои ҳамсоя таҳдид менамоянд ва ин фишорҳо дар шакли ихтиёрӣ ва беихтиёр ба вуҷуд меоянд. Сабаби асосии чунин фишор ва хатарҳо номуайян будани хати сарҳад, мавҷудияти баҳсҳои ҳудудӣ, мушкилиҳои транзитӣ, убури ғайриқонунии сарҳад, низоъҳои наздисарҳадӣ, мушкилии безараргардонии минаҳо, таҳдидҳои терроризм ва ифротгароӣ мебошанд, ки ба амнияти сарҳадии Тоҷикистон таҳдид намуда, тавсеаи ҳамкорӣ бо давлатҳои ҳамсоя

ҷиҳати танзими мушкилиҳои сарҳадӣ ва рушди робитаҳои фаромарзӣ дар минтақа зарур аст.

Китобнома

1. Анвари С. Теоретико-методологические аспекты территориально - пограничного вопроса в международных отношениях / С. Анвари // Вестник ТНУ. – 2018, №6.
2. Богатырев В. В. Международное право: учеб. пособие / В. В. Богатырев // Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016.
3. Introduction to Border Studies / edited by Sergei V. Sevastianov, Jussi P. Laine, and Anton A. Kireev. – Vladivostok: Dalnauka, 2015.
4. Кодекси гумруки Ҷумҳурии Тоҷикистон [Маводи электронӣ]. URL: majmilli.tj/кодекси-гумруки-ҷумҳурии-тоҷикистон/ (санаи мурочиат: 15.10.2018)
5. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мақомоти амнияти миллии ҶТ» аз 20 марти соли 2008, № 362 [Маводи электронӣ]. URL: majmilli.tj/қонуни-ҷт-дар-бораи-мақомоти-амнияти-м/ (санаи мурочиат: 07.01.2020)
6. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи Сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон” аз 1 августи соли 1997, № 481. URL: majmilli.tj/қонуни-ҷумҳурии-тоҷикистон-дар-бораи-18/
7. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В. А. Колосова. – М.: Институт ФОМ, 2003.
8. Мировая политика и международные отношения / Под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб.: Питер, 2009.
9. Муҳаммад А.Н. Амнияти миллӣ. Воситаи таълим / А.Н. Муҳаммад, Х.Қ. Сафарализода. – Душанбе: 2019. – 226 с.
10. Парамонов А.Е. Влияние политической глобализации на пограничную безопасность России URL: http://izvestia.asu.ru/2011/4-2/pols/TheNewsOfASU-2011-4-2-pols-10.pdf
11. Теоретическая лимология. URL: http://www.obraforum.ru/Mirovaja_politika/chapter3.htm

12. Ҳуқуқи байналхалқӣ / Муҳаррири масъул Ш.М. Менглиев. – Душанбе: Эр-граф, 2010.
13. Цветкова О. В. Теоретико-методологические основы исследований государственных границ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-issledovaniy-gosudarstvennyh-granits/viewer

Аннотатсия

Таъмини амнияти сарҳадӣ дар сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон

Дар замони муосир сарҳади давлатӣ дар низоми амниятии давлатҳо нақши калидӣ дошта, сарҳад садди аввалин дар пешгирии ҳаргуна хатару таҳдидҳо баромад менамояд. Ҷумҳурии Тоҷикистон низ баҳри таъмини амнияти миллӣ чорабиниҳои мудофиавӣ ва амниятиро дар минтақаҳои наздисарҳадӣ ва масири хати марз дар асоси санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ ва шартномавӣ роҳандозӣ менамояд. Аз ин хотир, дар мувофиқа бо давлатҳо ҳамсоя, Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон реҷаи сарҳади давлатӣ, сохторҳои гумрукӣ, реҷаи нуқтаҳои гузаргоҳӣ ва ҳайати ҷузъу томҳои қушунҳои сарҳадиро дар минтақаҳои наздисарҳадӣ муайян менамояд, ки дар маҷмӯъ, сиёсати сарҳадии Тоҷикистонро инъикос менамоянд.

Обеспечение пограничной безопасности во внешней политики Республики Таджикистан.

В современном мире государственная граница имеет ключевое место в системе безопасности государств и граница является первым препятствием для предотвращения разных родов угрозы и вызовов. Республика Таджикистан также для обеспечения национальной безопасности осуществляет ряда оборонительных и защитных мер в приграничных районах и на линии границы на основе нормативно-правовых и договорных актов. Поэтому в соответствии с соседними государствами, Правительство Республики Таджикистан определяет режим государственной границы, таможенных органов, режим контрольно-пропускных пунктов и личный состав приграничных войск в приграничных

районах и в целом, такие меры отображают пограничной политики Таджикистан.

Ensuring border security in the foreign policy of the Republic of Tajikistan

In the modern world, the state border has a key place in the security system of states and the border is the first obstacle to preventing various kinds of threats and challenges. To ensure national security, the Republic of Tajikistan is also implementing a number of defensive and protective measures in the border areas and on the border line on the basis of regulatory, legal treaty acts. Therefore, in accordance with neighboring states, the Government of the Republic of Tajikistan determines the regime of the state border, customs authorities, the regime of checkpoints and the personnel of border troops in border areas and in general, such measures reflect Tajikistan's border policy.

Маълумот дар бораи муаллиф: Анвари Сафарӣ – аспиранти кафедраи минтақашиносии хориҷии факултети муносибатҳои байналхалқии ДМТ. **Суроға:** Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, н.Сино, маҳ. Маяковский 70/2, 734025. **Тел.:** (+ 992) 918 97 31 81, **email**: anvari.safar@mail.ru.

Сведение об авторе: Анвари Сафари – аспирант факультета международных отношений, кафедры зарубежного регионоведения, ТНУ. Адрес: Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Маяковского, дом 70/2, 734025. **тел**: (+ 992) 918973181, **email**: anvari.safar@mail.ru

Information about the author: Anvari Safari –post-graduate student of the faculty of International relations, department of foreign regional studies of Tajik National University. **Address:** Republic of Tajikistan, Dushanbe city, Sino region, Mayakovski street, home 70\2, 734025. **Tel**.: (+ 992) 918 97 31 81, **email**: anvari.safar@mail.ru.

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И УКРЕПЛЕНИЕ ТАДЖИКСКО- РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Хошимов Ф. Дж. - преподаватель кафедры общественных наук, Института Экономики и Торговли ТГУК в г. Худжанде

В условиях осложнения противоречий во многих регионах планеты вопросы укрепления и развития международных отношений стоят очень актуально. В этом контексте, народная дипломатия становится одним из важных инструментов выхода из кризисных ситуаций в современном глобальном мире.

Народная дипломатия представляет собой международную деятельность общественных организаций, учреждений науки, образования, культуры, деловых кругов, контакты на уровне городов-побратимов, а также частных лиц, направленная на развитие и укрепление дружественных отношений между общественностью различных государств [1,100].

Главной целью народной дипломатии является формирование благоприятного морально-политического климата в отношениях между государствами. В этой связи, хотелось бы отметить, о некоторых элементах народной дипломатии, что являются важным фактором укрепления таджикско – российских отношений.

Таджикистан и Россию исторически связывает многовековая тесная дружба, взаимодействия народов и глубокое взаимопроникновение культур. Истоки народной дипломатии присутствует в отношениях Таджикистана и России уже много веков, но ярко они стали проявляться после образования Советского Союза. В 1925 г. в Москве было создано *Всесоюзное общество культурной связи с заграницей* (ВОКС), его задачей провозглашалось содействие развитию общественных (негосударственных) культурных связей с зарубежными странами. В союзных республиках, в крупных городах Советского Союза создавались местные отделения ВОКС. После второй мировой войны стали возникать одно за другим общества

дружбы и культурных связей с зарубежными странами. В 1958 г. который ВОКС был заменен на *Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД)*.

Все культурные и дружественные связи Советского Таджикистана с зарубежными странами, проведение Дней культуры Таджикистана в разных странах осуществлялись при поддержке и содействии ССОД. Такие крупные мероприятия проходили под грифом «Дни Советского Союза на примере Таджикистана», то есть благодаря ССОД, Таджикистан представлял за рубежом огромную страну – шестую часть суши на планете.

С распадом Советского Союза большинство обществ дружбы сошли с арены международных отношений. ССОД был переименован в России как Российское международное гуманитарное сотрудничество (Россотрудничество). Сегодня, в Таджикистане в городах Душанбе и Худжанде открыты представительства «*Рострудничества»,*

В Таджикистане, с 1991 года функционирует *Таджикское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами* (ТОДКС), которое было создано 31октября 1958 по инициативе общественности Таджикской ССР. Общество тесно сотрудничает с посольствами и международными организациями, аккредитованными в Таджикистане, расширяет связи и сотрудничество с родственными организациями дальнего и ближнего зарубежья, с национально-культурными центрами таджиков и с обществами дружбы таджикистанцев, созданных в других странах. Данное общество на сегодняшний день объединяет более 20 таких организаций, руководителями, которых выступают видные общественные, политические, научные деятели и деятели культуры. Кроме того, под эгидой ТОДКС действует Таджикская ассоциация породненных городов, что является одним из форм народной дипломатии. Города-побратимы России и Таджикистана являются Душанбе - Санкт-Петербург, Худжанд – Оренбург и Могилев, а городами партнерами Душанбе являются Москва и Саратов. Города-

побратимы обмениваются опытом городского самоуправления, ведения городского хозяйства, охраны окружающей среды, организации образования, досуга и т.д. [2, 347].

Ежегодно, Таджикистан и Россия отмечают *День Победы в Великой Отечественной войне*. Для народов России и большинства республик бывшего Советского Союза празднование юбилея Победы олицетворяло славу, гордость и наивысшее почитание поколения победителей. Каждый год 9-мая проводятся церемония возложения венков и военный парад с участием высшего руководства республики, совместно с посольствами других стран бывшего Советского Союза проводятся фотовыставка «Победа, добытая единством» в Национальном музее Таджикистана, автомотопробег «Утро Победы» по маршруту Душанбе – Турсунзаде и праздничный концерт 9 мая.

Так, в Великой Отечественной войне, из 1 миллиона 250 тысяч таджикистанцев (численность населения республики к началу войны) более 300 тысяч – фактически каждый четвертый – с первых дней войны ушли на фронт (в том числе добровольцами) и мужественно сражались за Родину. Более 92 тысяч из них не вернулось с войны. 55 тысяч были награждены боевыми орденами и медалями, 54 участника были удостоены высшей награды СССР – Золотой звезды Героя Советского Союза: это – Негмат Карабаев, Туйчи Эрджигитов, Домулло Азизов, Ходи Кенджаев, Исмоил Хамзаалиев и другие [3, 21].

В Таджикистане существуют общество «*Союза инвалидов Чернобыля Таджикистана*». Из 6,500 тысяч граждан Таджикистана, участвующих в ликвидации катастрофы, ныне на учете ОО «Союза инвалидов Чернобыля» Таджикистана состоят — 1840 человек. Многие из них ушли в мир иной, но подвиг их останется на века, а память вечно останется в сердцах родных, близких и друзей. Союз инвалидов чернобыльцев Таджикистана и России, а также других бывших стран Советского Союза тесно сотрудничают [4].

Каждый год в стране 15 февраля отмечается *День памяти воинов-интернационалистов*, военнослужащих в Афганистане, что является еще одним из элементов народной дипломатии.

В Таджикистане укрепляются позиции *российского образования и русского языка*. Сегодня в вузах России обучаются более 20 тысяч молодёжи Таджикистана. В Таджикистане, успешно функционируют Российско-Таджикский (Славянский) университет, филиалы ведущих московских вузов - МГУ, МИСиС и Энергетического института. В филиалах российских вузов в Таджикистане учатся более 7 тысяч студентов. Данные вузы, безусловно, вносят существенный вклад в подготовку национальных кадров различных профилей. Успешно осуществляется проект направления российских учителей в школы Таджикистана. В августе 2017 года в Таджикистан приехали около 30 учителей по русскому языку, математике, физике, биологии, химии и информатике[5, 167].

В 10 вузах Республики Таджикистан функционируют факультеты русской филологии или отделения по специальности русский язык и литература. В стране действуют десятки общеобразовательных школ и сотни классов с русским языком обучения. В этой связи, Россия намеривается построить в Таджикистане пять новых русскоязычных школ [6, 2].

Периодически проводятся мероприятия, направленные на пропаганду *культуры*, языка и других духовных ценностей народов Таджикистана и России. Традиционным стало проведение Дней культуры и Литературные дни в Таджикистане и России (1997, 1999, 2004, 2005, 2008 и 2015, 2017, 2018).

Хотелось бы отменить, что в Таджикистане функционируют четыре центра Фонда «Русский мир», на базе которых при финансовой поддержке Фонда и при участии РЦНК в городе Душанбе проводятся Дни и Недели русского языка и русской культуры, фестивали и праздники русской словесности, мастер-классы, тренинги для преподавателей- русистов по интерактивным методикам обучения русскому языку.

Наука как явление общечеловеческой культуры, не может существовать и развиваться в рамках одного государства. Сотрудничество ученых является главным условием развития науки, техники и технологии на всех этапах развития народов и стран. Во времена Советского союза, в Таджикистане происходит формирования и становления новых наук, новых научных школ, которые служили не только Таджикистану, но и всему Советскому союзу. Именно в этот период в Таджикистане появились научно-исследовательские институты, кафедры, научные центры и станции, возглавляемые вначале в основном русскими учёными, а впоследствии подготовленными научными кадрами, которые успешно продолжили их научные изыскания, внеся достойный вклад в советскую и мировую науку. Выдающиеся учёные, как В.В. Бартольд, А.А. Семёнов, М.С. Андреев, А. Крымский, В. Жуковский, Е.Э. Бертельс, И. Петрушевский, А. Болдырев, И.С. Брагинский, Б.А. Литвинский и многие другие внесли неоценимый вклад в развитие науки Таджикистана. В результате, которого было основано в 1951 году Академия наук Советского Таджикистана [7,91].

Сегодня таджикско-российские научные связи расширяются, они закреплены правительственными документами, меморандумами и соглашениями между Министерствами образования и науки, Академиями наук, научно-исследовательскими учреждениями Таджикистана и Российской Федерации. Таджикистан входит в сферу ВАК Министерством образования и науки России, активно сотрудничает по многим направлениям научных исследований.

Сегодня в Таджикистане внимательно следят за *российским спортом,* болеют за российских спортсменов на международных соревнованиях. В октябре 2014 года был успешно проведен футбольный матч ветеранов команд «Спартак» и «Памир», а в июне 2016 года товарищеский матч между командами «Истиклол» и «Локомотив» во главе с тренером ФК И. Г.Черевченко, который является уроженцем Таджикистана. Однако, хотелось, бы, чтобы спортивные контакты еще

углубились и стали частыми явлениями. Так как, спорт тоже служит в упрочении дружбы и единства народов. Ведь, известная формула, спорт — посол мира — содержит в себе глубокий смысл.

Многие граждане Таджикистана находятся в России. По численности наиболее крупная *таджикская диаспора* сосредоточена в России. Работа с таджикской диаспорой — относительно не новое явление государственной и общественно-политической деятельности в Таджикистане, отношение к ней неоднозначное. В Пензенской и Ростовской областях существуют таджикские культурные автономии. Ряд таджикских организаций действует в Москве. Таджикские диаспоры действуют в Воронеже, Тверском и многих других областях. Все таджикские диаспоры поддерживают контакты с ТОДКС и проводят разные мероприятия, такие как выставки, празднование национальных праздников, проведение Дней культуры Таджикистана. Тем самым, показывая россиянам таджикскую культуру и историю сплотив крепкие дружеские отношения России и Таджикистана в международных отношениях.

Что же касается *русских общин*, то самая многочисленная Русская община, призванная объединять русских, белорусов, украинцев и русскоязычное национальное меньшинство Таджикистана, на период до 2001 года имела сотни подразделений в Душанбе, Худжанде, Курган-тюбе, Кулябе, Пенджикенте, Чкаловске, Турсунзаде, Вахдате, Нуреке, Рогуне, Шаартузе и Гарме (ныне Рашт).

В 2004 году, с целью расширения деятельности русских общин, был создан совет российских соотечественников Таджикистана (СРСТ) а в 2007 году в г. Душанбе, с целью координации и консолидации многочисленных организаций российских соотечественников был создан Координационный Совет организаций российских соотечественников Республики Таджикистан (КСОРС РТ). В состав КСОРС РТ входит 21 общественная организация республиканского и местного

уровней, в том числе: ТБНКЦ «Дуслык», Русские культурные центры (РКЦ), РОО «АСКТ» [8,50].

Что же касается формальных отношений, то Россия одной из первых признала независимость и суверенитет Таджикистана. С первых дней независимости Россия является стратегическим партнером и союзником Таджикистана. Основой для установления нового типа взаимоотношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан послужил Протокол об установлении дипломатических отношений между двумя государствами, подписанный 8 апреля 1992 года в городе Душанбе. А 4 мая 1992 года в Душанбе было открыто Посольство Российской Федерации. 8 июня 1993 г. Постоянное представительство Республики Таджикистан в городе Москве было преобразовано в Постоянное Представительство Республики Таджикистан в Российской Федерации, а 18 декабря на его базе было открыто Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации. С 1992 года по настоящее время между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией подписано более 260 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов, которые создают солидную правовую базу многопланового таджикско-российского взаимодействия.

Основные принципы партнёрства Таджикистана и России определены в базовых межгосударственных соглашениях, таких как договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан» от 25 мая 1993 года и договор «О союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан» от 16 апреля 1999 года [8,51].

Таким образом, Таджикистан и Россию соединяют глубокие и исторические корни дружбы и культурных связей. Их связывают не только двухсторонние государственные отношения, но и неформальные народные отношения. Таджикистан и Россия намерены предпринимать все возможное для укрепления взаимодействия в политико-экономических и культурно-

гуманитарных отношениях. Развитие таджикско-российских отношений имеет стабильную тенденцию поэтапного расширения с учетом реалий сегодняшнего дня.

Список использованных литератур:

1. УМК по учебной дисциплине «Основы дипломатии». Составитель Г.Н. Михалькевич. Минск 2012

2. Хошимов Ф. Дж. Народная дипломатия как важный фактор развития двухсторонних отношений России и Таджикистана /Ф. Хошимов // Стратегические ориентиры политики государств Центральной Евразии в условиях глобализации и регионализации: сборник научных статей. – Душанбе: РТСУ, 2019. –345-353.

3. Ежеквартальный общественно-культурный журнал «Дусти»№ 2-2015 (специальный выпуск).

4. В минувшем году 22 чернобыльца умерли. Подробнее: http://sugdnews.tj/2018/05/24/v-minuvshem-godu-22-chernobylca-umerli/

5. Саидов Х. С. Республика Таджикистан и Российская Федерация: стратегическое партнерство в действии: научная монография-Душанбе: РТСУ, 2017.-220 с.

6. Заявление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона для прессы по итогам таджикско-российских переговоров на высшем уровне. // “Народная газета” № 18, (20196) 24 апреля 2019 г, стр. 2

7. Хошимов Ф.Дж. Народная дипломатия как важный фактор развития двухсторонних отношений России и Таджикистана /Ф. Хошимов// Гуманитарное сотрудничество Таджикистан-Россия: современное положение дел и перспективы развития (Сборник статей, Худжанд, 24 сентября 2018 г.)

8. *25 - Қадам дар паҳнои олам*. Душанбе: Ирфон, 2016. Зери назари Сироҷидин Аслов. Ҳайати таҳририя: Н. Зохидӣ, В. Ниятбеков, А. Камолов

9. Ежеквартальный общественно-культурный журнал «Дусти»№ 2-2015 (специальный выпуск). Душанбе 2015

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И УКРЕПЛЕНИЕ ТАДЖИКСКО- РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: Народная дипломатия, ТОДКС, города-побратимы, ВОВ, культура, наука, спорт и диаспора.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы народной дипломатии как инструмента укрепления и развития двухсторонних отношений Таджикистана и России. Указаны, деятельность общественных организаций, институтов науки, образование, культуры и гуманитарные связи Таджикистан и Россия. Были даны определения обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами и породненных городов. Приведены некоторые элементы народной дипломатии, таких как общества ветеранов ВОВ, Союза инвалидов Чернобыля и воинов интернационалистов, военнослужащих в Афганистане. Было подчеркнуто важность российского образования и русского языка, культуры и науки России в Таджикистане, а также о роли спорта и диаспор в общественной жизни двух стран. В завершении статьи были приведены двухсторонняя правовая база таджикско-российских отношений.

Keywords: Public diplomacy, TODKS (TSFCR), twin cities, GPW, culture, science, sports and diaspora**.**

Annotation. The article examines the issues of public diplomacy as a tool for strengthening and developing bilateral relations between Tajikistan and Russia. The activities of public organizations, institutes of science, education, culture and humanitarian ties of Tajikistan and are Indicated. The definitions of societies of friendship and cultural ties with foreign countries and twin cities were given. Some elements of public diplomacy, such as the society of Great Patriotic War veterans, the Union of Chernobyl invalids and soldiers of internationalists, military personnel in Afghanistan are given. The importance of Russian education and language, culture and science of Russia in Tajikistan, as well as the role of sports and diasporas in the public life of the two countries was emphasized. At the end of the article, a bilateral legal framework for Tajik-Russian relations was given.

Калидвожаҳо: Дипломатияи халқӣ, ҶДРФТ, шаҳрҳои бародар,ҶБВ, фарҳанг, варзиш ва ҷамъият

Фишурда. Дар мақола масоили дипломатияи халқӣ ҳамчун дастгоҳи таҳкимӣ ва рушди муносибатҳои дуҷонибаи Тоҷикистону Россия баррасӣ шудаанд. Фаъолияти ташкилотҳои ҷамъиятӣ, ниҳодҳои илмӣ, маориф, фарҳанг ва робитаҳои фарҳангии Тоҷикистон ва Россия нишон дода шудаанд. Ҷамъиятҳои дӯстӣ ва равобити фарҳангӣ бо кишварҳои хориҷӣ ва шаҳрҳои бародар муайян карда шудаанд. Баъзе аз унсурҳои дипломатияи халқӣ ба монандӣ ҷамъияти собиқадорони ҶБВ, Иттифоқи маъюбони Чернобил ва ҷанговарони интернасионалисти ҳарбии Афғонистон, оварда шудаанд. Ба омӯхтани маърифату забони русия, фарҳанг ва илми он дар Тоҷикистон таваҷҷӯҳи ҷидди дода шудааст. Дар фарҷоми мақола, заминаи ҳуқуқи дуҷонибаи Тоҷикистону Россия оварда шудаанд.

Сведения об авторе: Хошимов Фируз Джаббарович - соискатель, ассистент кафедры общественных наук, Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции. **Адрес:** Таджикистан, г. Худжанд, пр. И.Сомони, 169. Почтовый индекс: 735700. г. Тел.: +992 (3422) 6-03-21 E-mail: info@iet.tj. Телефон автора: +992927771805; E-mail: Firuz1805@mail.ru

Information about the author: ***Khoshimov Firuz Dzhabbarovich*** - applicant, assistant of the Department of Social Sciences, Institute of Economics and Trade, Tajik State University of Commerce. **Address:** Tajikistan, Khujand, 169 I. Somoni Ave. Postal Code: 735700. **Tel .:** +992 (3422) 6-03-21 **E-mail:** info@iet.tj. Phone number of the author: +992927771805; **E-mail:** Firuz1805@mail.ru

АФГАНИСТАН И ТАДЖИКИСТАН (ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

***Фарзонаи Шамсиддин**, ассистент кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан*

Сегодня таджикско-афганские культурные отношения развиваются на фоне многосторонних внешнеполитических связей и стратегического партнерства этих двух соседних стран. За годы независимости Республики Таджикистан, его многосторонние исторические связи с Исламской Республикой Афганистан, возродились в абсолютно другой политической и исторической обстановке. Особенно после свержения власти Талибан в Кабуле появились благоприятные условия для налаживания сотрудничества в политических, социальных, экономических областях.

Следует отметить, что Таджикистан и Афганистан объединяет давняя и богатая культура. В течении многих столетий афганцы и таджики жили на территории одного государства. Кроме того, они имеют исторические, этнические, религиозные и культурные общности, которые во многом способствовали сближению и национальному родству этих народов. Только в последнем столетии благодаря известным историческим и политическим событиям происходившими в Центральной Азии разделила Афганистан и Таджикистан на два государства разного политического строя. Несмотря на многолетние отчуждения после приобретения независимости Республики Таджикистан заново возродила исторические многоаспектные афгано-таджикские отношения. Сегодня, как отмечает таджикский культуролог М. Шахиди между Таджикистаном и Афганистаном подписано более 13 межправительственных и межведомственных документов которые создавали правовую базу для развития сотрудничества в различных сферах, таких как энергетика, геология, гидромелиорация, просвещения и т.д. [1, с.7]

Действительно тенденция возрождения этих многосторонних отношений между двумя соседними странами являются требованием времени и многосторонней исторической потребностью современного состояния развития Таджикистана и Афганистана. Несомненно, этому способствуют исторические, культурные и этнические ценности которые в течении веков сформировались в единое социокультурное пространство. В этом направлении особо важно отметить роль персидско-таджикского языка, которого в Афганистане называют дари. Этот язык в течении многих веков был государственным языком на территории Хорасана и Мавераннахра, куда входят и нынешние территории Афганистана и Таджикистана. Единое языковое пространство позволило этим народам совместно создавать богатую культуру. Язык дари в прошлом и сегодня в Афганистане является вторым государственным языком и языком литературы и культуры. Почти во всех уголках Афганистана язык дари успешно выполняет свои духовные и культурные функции. [2]

Необходимо отметить что Афганистан многонациональная и многокультурная страна. Поэтому язык дари и пушту по мере возможности исполняют функции языков межнационального общения и диалога разнонациональной культуры и различных этносов Афганистана. Тем не менее в социолингвистическом пространстве Афганистана доминирующую роль сыграл язык дари, особенно в городах, культурных центрах и среди образованной части населения страны. Этот язык по словам казахского афгоноведа С. Акимбекова был «лингва франка для всех народов Афганистана». [3] Действительно, сегодня дари является языком делопроизводства для многих народов Афганистана, языком СМИ, литературы, радио и телевещания и т.д. Многие городские пуштуны говорят на языке дари, который свидетельствует тому что действительно этот язык в культурной жизни Афганистана играет ключевую роль. Следуя этому можно с уверенностью считать, что роль языка дари в общественной жизни Афганистана является как важнейший фактор возрождения и дальнейшего развития афгано-таджикских

культурных отношений. Эти отношения в наше время приобрели особую актуальность.

Сегодня между министерствами просвещения и науки Республики Таджикистан, Минкультуры Академии наук и Вузов Республики Таджикистан с соответствующими министерствами и ведомствами Афганистана налажены благоприятные условия развития сотрудничества. Сегодня Афганистан как никогда нуждается в продуктивном и перспективном сотрудничестве в области науки и образования.

Как считает К. Искандаров до нашего времени, временные и переходные правительства в этой стране не могли создавать благоприятные условия для развития науки и образования. [4]

Академия наук Афганистана, в создании которого активно участвовали советские ученные, в том числе ученные Академии наук Республики Таджикистан, сегодня ведут научное исследование в основном в области религиозных наук. Его связи с крупнейшими научными центрами мира прервались. Кроме того, были некоторые силы, которые намеревались ликвидировать Академию наук Афганистана, как наследие Советского союза. Сегодня данный научный центр нуждается в материальной и научно-организационной поддержке не только властей Афганистана, но и зарубежных партнеров этой страны.

Надо отметить, что президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон всячески заинтересован в развитие более эффективного сотрудничества с Афганистаном. Именно по его инициативе была создана рабочая группа, которыми была разработана большая программа научно-культурное сотрудничество с Афганистаном. В этом документе были зафиксированы конкретные задачи в области научного сотрудничества. Сегодня почти во всех институтах Академии наук ведут эффективную работу с соответствующими подразделениями Академии наук Афганистана.

В деле реализации совместных научно-исследовательских программ и подготовки научных кадров сегодня успешно работают институты Академии наук Республики Таджикистан:

институт геологии, институт экономики, институт сейсмологии, институт физиологии растения и генетики, институт астрофизики, институт гастроэнтерологии и институты гуманитарных наук.

Министерство просвещения и науки Республики Таджикистан имеет возможность ежегодно принимать 150-200 афганских студентов, магистрантов и докторантов для подготовки и переподготовки. Кроме того, профессионально-технические колледжи Республики Таджикистан могут в деле подготовки специалистов в области компьютерной технологии, машиностроения, строительства, сельского хозяйства успешно сотрудничать с министерством образования Афганистана. Как отмечает К. Искандаров в этом деле могут быть полезным опыт преподавателей и ученных, которые в 70-80-ые годы прошлого века работали в высших учебных заведениях Афганистана. Они имеют достаточный опыт в написании учебников и других учебно-методических пособий для вузов Афганистана. [5]

Последние годы десятки афганских специалистов в рамках учебы в аспирантуре и докторантуре под руководством ведущих ученных Таджикистана вели научно-исследовательскую работу и успешно защитили свои диссертации. Сегодня они успешно работают в Академии наук и ведущих вузах Афганистана.

Как было отмечено выше после свержения власти Талибана в стране формировалась более комфортная ситуация для развития науки и образования. В апреле 2003 года с целью возрождения сотрудничества между научными учреждениями Афганистана и Таджикистана прибыл в Душанбе президент Академии наук Афганистана Абдул Бори Рашид. В рамках этого визита и встречи с президентом Академии наук Республики Таджикистан академиком У. Мирсаидовым был подписан «Договор о научно-исследовательском сотрудничестве между Академией наук Республики Таджикистана и Академией наук Афганистана», на базе которого ученные двух стран начали плодотворно сотрудничать по различным направлениям научной жизни. Кроме того, был разработан «План основных научных, культурных и

социальных мероприятий Таджикистана и Афганистана», который конкретизировал мероприятия, сроки и ответственных институтов за их реализацию. [6]

Другим важным событием, способствующим развитию сотрудничества между Академией науки Республики Таджикистан и Академией науки Афганистан, была встреча посла Афганистана в Таджикистан Сайид Мухаммада Хайрхо с президентом Академии наук Республики Таджикистан М. Илоловым. В ходе этой встречи стороны обсудили вопросы расширения и углубления сотрудничества в области науки и образования. В последствие этих организационных мер научно-исследовательские институты Академии наук Республики Таджикистан расширяли свое сотрудничество с соответствующими научными подразделениями Академии наук Афганистана, примером того является совместные археологические раскопки в местечке Айпак провинции Логар. Кроме того, научные сотрудники Памирского биологического института начали совместные исследования на тему «Генетические ресурсы и биологическое разнообразие пашен и святых мест Таджикского и афганского Бадахшана». Было собрано 200 гербарий. В кишлаке Зебак Ишкашима на опытном участке были засеяны высокоурожайные сорта зерен. По результатам совместной научно-исследовательской работы таджикских и афганских ученных были проведены конференции, круглые столы, научные семинары в Душанбе и в Кабуле.

Кроме того, в Душанбе по инициативе институтов Академии Наук Республики Таджикистан было проведено несколько международных конференций посвящённых жизни и научной деятельности афганских ученных как Абдулохой Хабиби, Сайида Джалалиддина Афгани, Ахмад Али Кухзод, Адим Шугнони, Авлия Хусайн Дарвази и многие другие.

Сегодня успешно развивается таджикско-афганское сотрудничество в области образования. Еще в 2005 году в ходе визита Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Кабул было подписано соглашение между правительством

Республики Таджикистан и Правительством Исламской Республики Афганистан о сотрудничестве в области образования, культуры, науки и техники. Аналогичное соглашение было подписано между министерством образования Республики Таджикистан и министерством образования Афганистана о сотрудничестве в области высшего и среднего образования. [7] На основе данного соглашения было подписано ряд межведомственных документов, регламентирующих реализацию конкретных задач.

Следует отметить что в последние десятилетия успешно развиваются культурные и литературные связи между Афганистаном и Таджикистаном.

Сегодня и в Таджикистане и Афганистане издаются книги таджикских и афганских поэтов и писателей, которые несомненно способствуют ознакомлению читателей обеих стран с творческими достижениями таджикских и афганских литераторов. В Душанбе создана библиотека имени афганского поэта Халилулах Халили, который успешно работает в деле возрождений обоих исторических литературных традиций и пропаганде творчества ведущих афганских и таджикских литераторов.

Сегодня Таджикистан превратился в один из крупнейших центров потребления и распространения афганского музыкального искусства. Таджикские музыканты и певцы часто гастролируют по Афганистану. Песни популярных афганских певцов включены в репертуар таджикских певцов.

Культурное сотрудничество успешно развивается на уровне приграничных районов и провинций двух стран. Афганские мастера искусства активно участвуют в проведении праздника Навруз во многих городах и районах Республики Таджикистан. В целом культурное сотрудничество превратилось в приоритетное направление таджикско-афганских отношений. Особенно в последние годы для развития научных, образовательных культурных отношений между Таджикистаном и Афганистаном создана благоприятная нормативно-правовая база, которая

способствует в дальнейшем развитию культурного сотрудничества Таджикистана и Афганистана. Культурный фактор настолько сближает народы Таджикистана и Афганистана, что во многом способствует в консолидации народов и сохранении мира и межэтнического согласия внутри самой страны.

Библиография

1. Шаҳиди М. Душанбе-Кобул: гуфтугӯи фарҳанги – роҳи мустақими эҷоди сули кул//Фонус,2003, №7(октябр).-саҳ.7.

2. Абдулоев Р. Тановвӯи миллӣ саарват аст, на мушкилот // Фонус,2003, №7 (октябр), - саҳ. 33.

3. Акимбеков С. История Афганистана. – Астана – Алматы: ИМЭП, 2015, с.774.

4. Искандаров Қ. Тоҷикистон ва Афғонистон: ҳамкориҳои илми беҳбуди мехоҳанд. // Фонус,2003, №7 (октябр), - саҳ. 42.

5. Искандаров Қ. Тоҷикистон ва Афғонистон: ҳамкориҳои илми беҳбуди мехоҳанд. // Фонус,2003, №7 (октябр), - саҳ. 43.

6. Казаков Р.С. Становление и развитие политических торгово-экономических и культурных отношений между Республикой Таджикистана и Исламкой Республики Афганистан (1991-2013 гг.) – АКД – Душанбе, 2014, - с.20.

7. Масъалаҳои муҳими таърих ва фарҳанги Афғонистон. – Душанбе, 2013, - саҳ. 76.

Аннотация

Тоҷикистон – Афғонистон (масъалаҳои робитаҳои фарҳангӣ)

Дар мақолаи мазкур вазъи кунунӣ ва дурнамои рушди муносибатҳои фарҳангии Тоҷикистон ва Афғонистон баррасӣ мешавад. Зикр мешавад, ки таи ду даҳсолаи охир кишварҳои Тоҷикистон ва Афғонистон бо дарназардошти суннатҳои қадимаи фарҳанги муштарак рабобити илмӣ, фарҳангӣ, адабӣ ва омӯзишии худро дар сатҳи баландтар ба роҳ монданд. Имрӯз байни Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Ҳукумати Ҷумҳурии Исломии Афғонистон ва вазоратҳои маорифу фарҳанги ниҳодҳои

илмию омӯзишии ҳар ду кишвар як қатор созишномаҳои ҳамкорӣ ба имзо расидааст, ки онҳо барои рушди пайвастаи равобити фарҳанги байни Афғонистон ва Тоҷикистон роҳи восеъ мекунанд.

Калидвожаҳо: робитаҳои фарҳангӣ, илм, маориф, омӯзиш, суннатҳои фарҳангӣ, робитаҳои адабӣ, созишномаҳои ҳамкори, муносибатҳои байнифарҳангӣ, гуфтугӯи фарҳангӣ.

Афганистан и Таджикистан (проблемы культурных отношений)

В статье рассматривается современное состояние и перспективы развития культурных отношений между Таджикистаном и Афганистаном. Отмечается, что за последние два десятилетия Таджикистан и Афганистан с учетом древних традиций общей культуры наладили научные, культурные, литературные и образовательные связи на более высоком уровне. Сегодня подписаны ряд соглашений о сотрудничестве между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Исламской Республики Афганистан, а также министерствами образования и культуры, научных и образовательных учреждений обеих стран.

Ключевые слова: культурные связи, наука, образование, культурные традиции, литературные связи, соглашения о сотрудничестве, межкультурные отношения, культурный диалог.

Afghanistan and Tajikistan (problems of cultural relations)

The article examines the current state and prospects for the development of cultural relations between Tajikistan and Afghanistan. It is noted that over the past two decades, Tajikistan and Afghanistan, taking into account the ancient traditions of the common culture, have established scientific, cultural, literary and educational ties at a higher level. Today, a number of cooperation agreements have been signed between the Government of the Republic of Tajikistan and the Government of the Islamic Republic of Afghanistan, as well as the ministries of education and culture, scientific and educational institutions of both countries.

Keywords: cultural relations, science, education, cultural traditions, literary relations, cooperation agreements, intercultural relations, cultural dialogue.

Сведения об авторе: Фарзонаи Шамсиддин – Таджикский национальный университет, ассистент кафедры дипломатия и внешняя политика Республики Таджикистан. **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан г. Душанбе проспект Рудаки 17. **Телефон:** 904887166. **E-mail:** fairy-f@mail.ru

Information about the author: Farzonai Shamsiddin – Tajik national University, assistant of the Department of diplomacy and foreign policy of the Republic of Tajikistan. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue 17. **Phone:** 904887166. **E-mail:** fairy-f@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Байдаров Е.У. – к.филос.н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК, доцент кафедры востоковедения Казахского университета мировых отношений и мировых языков им. Абылай хана

Сегодня наступает качественно новый этап регионального сотрудничества и широкой кооперации в регионе Центральной Азии. Дело не столько в количестве происходящих изменений, а в их качественно новом содержании или формате.

События последних лет (Арабская весна, аннексия Крыма Россией, Сирийский кризис, протесты и митинги в Беларуси), говорят о том, что мы должны смелее вести себя в вопросах региональной интеграции, не опасаясь ее, так как регионализация – это прежде всего, внутренняя интеграция в целях сохранения самостоятельности национальных рынков, этнокультурного своеобразия, идентичности и т.д.

От решения этого вопроса во многом зависит будущее стран и народов Центральной Азии. Прекрасно осознавая, что сегодня есть определенные проблемы в интеграционных процессах, которые, тем не менее, вполне решаемы, мы должны смотреть на перспективу.

Региональная интеграция государств Центральной Азии как необходимость

В свое время Гилберт Честертон говорил, что «современный мир много тоньше разбирается в вещах, которые людей разъединяют» [1]. Но сегодня, многие граждане независимых государств Центральной Азии, неплохо разбираются в том, что их всех объединяет. И таких объединяющих элементов немало…

Нам необходимо понять, что регионализм сегодня является одной из основных тенденций развития современного мира. Несмотря на целостность международной глобальной системы, в ней неизбежны разрывы, обусловленные тем, что ряд

международных взаимодействий не вписываются в нее, т.е. осуществляются автономно. Таково следствие существования региональных подсистем — «совокупности специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность» [2]. Регионализм дает возможность не остаться на задворках мировых процессов, а быть втянутым в самый центр международных событий. Через региональную интеграцию средние и малые страны получают возможность формирования полюса международных отношений и иметь свой голос при решении узловых проблем современности, тем более, что в последнее время многие регионы приобретают «геоэкономические» черты.

В эпоху глобальной интеграции, когда традиционные границы и барьеры уступают место новой реальности – современным сетям коммуникаций, передовой технике, – геополитическое положение региона является главным нашим достоянием.

Перспективы сотрудничества в Центральной Азии огромны, и сейчас наступило время действовать. Необходимо укреплять и расширять сотрудничество путем создания эффективно работающих региональных механизмов и заключения региональных соглашений. Пример Европейского Союза, показывает, что наследие прошлой раздробленности не всегда перекрывает путь к общему будущему. Государства Центральной Азии должны сообща трудиться над проблемами, решить которые каждый из нас в отдельности не в силах. Только объединив усилия, государства Центральной Азии смогут получить возможность реализовать технологические и интеллектуальные достижения и достичь общественного человеческого развития. Для этого нужен политический компромисс, что подразумевает создание баланса между региональными интересами и интересами отдельных государств.

Казахстанский взгляд на интеграцию стран Центральной Азии

Регион Центральной Азии, несмотря на преодоление статуса периферийного региона мировой политики, до сих пор остается

сложным и неоднородным в плане политики, экономики, безопасности и т.д. После приобретения государственного суверенитета новым независимым государствам Центральной Азии региона предрекали судьбу failed states. Эти прогнозы не оправдались, но, как отмечает узбекский исследователь Фарход Толипов, из-за большого числа противоречий между странами региона ее можно называть failed region [3]. Другие эксперты, указывая на ряд открытых и латентных конфликтов в регионе, утверждали [4] и продолжают утверждать, что страны региона все больше расходятся в региональных делах [5, с. 80-81]. Эти утверждения ставят под сомнение потенциал и возможность сближения или региональной интеграции стран Центральной Азии.

В чём-то соглашаясь, а в чём-то нет, тем не менее отметим, что сегодня странам и народам Центральной Азии необходима новая стратегия, которая бы объединяла регион. Это, прежде всего, принятие странами региона согласованных и взаимоприемлемых всеми сторонами решений наиболее сложных проблем, представляющих угрозу региональной стабильности и безопасности. Актуальность и необходимость диалога в регионе обусловлена сложившейся ситуацией, условиями переходного периода, экономическими, этническими и культурно-цивилизационными факторами.

Общими усилиями необходимо сформировать единую стратегию основ взаимоотношений стран Центральной Азии. Данная стратегия должна быть направлена на разработку теоретической базы региональных взаимоотношений, выделение приоритетных политических и экономических путей развития, прогнозирования развития международных и межгосударственных взаимоотношений.

Решение этих проблем касаются, прежде всего, политической и экономической сфер: в политической, это возможность углубления интеграционных процессов в рамках региона; в экономической – поиск взаимовыгодных форм торгово-экономического сотрудничества. При реализации этих задач,

необходимо также постепенно и последовательно решать задачу интеграции и в области безопасности: культурно-духовной, экологической, информационной и т.д.

Что даст Казахстану интеграция? Какой формат интеграции был бы приемлемым для Казахстана? Какие опасения либо риски, связанные с ускоренной интеграцией, могут быть для Казахстана и ее интересов? Эти вопросы тесно взаимосвязаны и могут быть заданы всем экспертам региона, так или иначе изучающих проблемы интеграции в Центральной Азии.

Попытаемся ответить на эти вопросы с помощью семи основных аспектов взаимоотношений стран региона («семь раз отмерь, один отрежь»), тесно взаимосвязанных между собой и от решений которых во многом зависит дальнейшая судьба интеграционных процессов в Центральной Азии:

Во-первых, отношения республик Центральной Азии друг с другом не должны рассматриваться изолированно. Их отношения с ЕС, США, Россией, Китаем, Турцией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном и Индией имеют, и будут иметь существенное влияние на геополитическую, геоэкономическую и социальную динамику в регионе. В этой связи единая стратегия основ взаимоотношений стран Центральной Азии будет способствовать развитию региональной динамики;

Во-вторых, за годы независимости в контексте решения вопросов сотрудничества в сфере безопасности, экономического, социального и политического развития, республики Центральной Азии стали членами многих региональных политических и экономических организаций (ШОС, ОДКБ, СВМДА, ЕАЭС, ОЭС и т.д.). Необходимо осмыслить текущую и будущую динамику развития этих организаций и их роль в формировании региональной обстановки.

В-третьих, традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности являются ключевыми для понимания обстановки в сфере безопасности в регионе. Казахстан заинтересован в стабильной Центральной Азии. В связи с этим странам региона необходимо наметить краткосрочные и долгосрочные

соображения по вопросам безопасности (включая оборот наркотиков и торговлю людьми, ситуацию в Афганистане и др.), а также возможности для сотрудничества в этой области.

В-четвертых, экономическое сотрудничество является ключевым фактором в центральноазиатских отношениях. Сегодня республики Центральной Азии открывают и диверсифицируют свои экономики, давая большие возможности для развития бизнеса. В качестве примера можно привести казахстанско-узбекский бизнес-форумы (Шымкент, 2018; Ташкент, 2019), в ходе которых стороны обсудили вопросы экспорта и импорта, а также активизации инвестиционного и развития транспортно-логистического сотрудничества для дальнейшего развития торгово-экономических отношений между Казахстаном и Узбекистаном [6, 7].

Казахстан может поделиться своим опытом в таких областях, как например, технологии и образование. Так, в 2018 году Казахстан выделил Узбекистану 10 тысяч грантов для поступления в казахстанские вузы. Выпускники смогут на льготных условиях получить высшее образование в экономической, технической, медицинской и гуманитарной сферах в любом из 30 университетов, институтов и академий Казахстана. Кроме того, сегодня ведется работа по признанию дипломов о высшем образовании обоих государств [8]. В данном контексте, актуальным является вопрос открытия Казахско-Узбекского (в Шымкенте) и Узбекско-Казахского университетов (в Ташкенте или Джизаке) [6]. Инвестиции, технологическое развитие и улучшение качества человеческих ресурсов в регионе представляется выгодным для всех сторон.

Высокий потенциал сотрудничества стран региона представляет сельское хозяйство, освоение минеральных ресурсов, туризм и банковский сектор. Необходимо проанализировать возможности и перспективы сотрудничества государств Центральной Азии с местными, региональными и многосторонними организациями, такими, как Таможенный союз ЕАЭС и Единое Экономическое Пространство (ЕЭП), ОЭС, а

также с финансовыми институтами, такими как, например, Азиатский Банк Развития в рамках инициативы «Пояса и пути». Помимо этого, можно наметить проекты производства и переработки с нулевой добавленной стоимостью, выявить неиспользуемые/бездействующие промышленные объекты в регионе для их дальнейшей модернизации.

В-пятых, важный элемент региональной интеграции составляет сотрудничество в энергетической сфере. Являясь регионом, богатым энергетическими ресурсами, Центральная Азия привлекает к себе интерес и инвестиции всего мира. Для стран региона существуют широкие возможности для сотрудничества в области традиционных и новых форм энергетики: углеводородов, гидроэнергии, ресурсов Каспийского моря, ядерной энергетики, а также технологий для использования возобновляемых источников энергии. Необходимо рассмотреть возможности тесного сотрудничества Казахстана и стран Центральной Азии в сфере энергетической безопасности, новых технологий, ядерной энергетики и ресурсов Каспийского моря, а также взаимодействию в области экологии.

В-шестых, это вопросы транспорта и коммуникаций. Экономическое сотрудничество будет неэффективно, без решения проблем транспортировки и наличия взаимного доступа между государствами Центральной Азии. В связи с этим, страны центральноазиатского региона стоят перед необходимостью модернизации существующей транспортной инфраструктуры (автомобильных и железных дорог), а также создания ее новых ветвей: сферы придорожных услуг, системы контейнерных перевозок, воздушного и железнодорожного транспорта, формирования общих для стран Центральной Азии пунктов выхода к морю и т.д. и т.п. Кроме того, необходимо создание инфраструктуры электронного доступа для беспрепятственного перемещения людей и товаров.

И, в-седьмых, двусторонние отношения, которые, несмотря на открывшиеся в настоящее время перспективы (энергетика, в том числе ядерная, космические исследования, военная безопасность,

медицина, информационные технологии, образование), имеют множество проблем (нелегальная трудовая миграция, делимитация границ и т.д.). Для налаживания прочных взаимоотношений между республиками Центральной Азии целесообразно осмыслить динамику двусторонних отношений между самими республиками, выявить основные проблемные моменты и предложить меры по их преодолению [6].

Казахстан имеет близкие и теплые отношения со всеми государствами региона. Председательство РК в Совете Безопасности ООН в январе 2018 года актуализировало вопрос о региональном сотрудничестве государств Центральной Азии, тем самым продвинув данную повестку в этом важном международном органе.

Таким образом, Казахстан является сторонником широкой региональной кооперации и углубления регионального и международного сотрудничества. Региональная интеграция важна для Казахстана с точки зрения благоприятных перспектив в контексте настоящих и будущих транспортно-логистических проектов, которые впоследствии могут опоясать всю Евразию. Интеграция важна и потому, что интерес «мировых столиц» к региону будет только расти и возрастать [9, с. 11].

Будущее региона в совместных региональных усилиях государств Центральной Азии по развитию связанности региона на уровне постоянного политического диалога, торговли и экономического сотрудничества, и культурных обменов.

Перспективы и проблемы региональной интеграции

Реальная экономическая интеграция в рамках региона даст возможность государствам-участникам не стать жертвой геоэкономической войны за ресурсы, получать свою долю в мировом доходе и дивиденды за свои «сырьевые вложения» в мировую экономику. Пока же они выталкиваются из мирового воспроизводственного цикла уже на первоначальной стадии.

Выдвижение на передний план новых экономических центров силы и прежде всего Китая, вынуждает страны Центральной Азии задуматься о перспективах и сопутствующих им вызовах. В этой

ситуации одним из важнейших приоритетов всех стран региона является содействие развитию национальных экономик посредством обеспечения равноправных позиций стран в системе мирохозяйственных связей. Да, это непросто сделать, но возможно, было бы желание…

В условиях, когда геополитическое воздействие основных мировых центров силы (США, ЕС, Китай) на интеграционные процессы в Центральной Азии неуклонно нарастает, нам следует поощрять процессы внутрирегиональной интеграции, с учетом геополитических и внешнеполитических факторов действующих в регионе.

При обсуждении целесообразности региональной интеграции необходимо учитывать следующие моменты. Во-первых, Центральная Азия может восприниматься и выступать как регион только в политическом и экономическом единстве, совместной позицией. Во-вторых, любая интеграция служит интересам народов региона. В-третьих, регион сегодня уязвим из-за трудностей переходного периода, наиболее насущные из которых – экономические проблемы. Вследствие этого идет дифференциация центральноазиатского социума на богатое меньшинство и бедное большинство.

Только совместное решение проблем (экономических, водно-энергетических, экологических и др.) позволит укрепить безопасность региона и предотвратить потенциальные конфликты. Развитие интеграционного процесса позволит охватить все более широкие сферы и углубляться, создавая тем самым надежную и прочную основу региональной безопасности в Центральной Азии [10].

Очевидно, что политическая интеграция жизненно необходима странам региона. Однако, в отличие от потенциальных возможностей интеграции, ее реальные возможности в настоящее время, к сожалению, невелики. Это связано с тем, что по-прежнему превалируют узконациональные интересы каждой из стран региона, а разнонаправленность и неадекватность экономических преобразований в странах региона пока в большей

мере обуславливает дезинтеграцию. Но, последние события, связанные с открытием внешнему миру Узбекистана, проводимая ею либерализация национальной экономики, нормализация межгосударственных отношений между рядом стран региона, открытие авиа и железнодорожного сообщения и т.д. вселяет уверенность, что реальная интеграция в регионе не за горами…

В то же время, как правильно отмечает узбекский политолог Владимир Парамонов: «Предпринимаемых сегодня интеграционных усилий явно недостаточно для обеспечения системного прорыва в развитии и решении накопившихся проблем. Причем недостаточно именно в экономической сфере, за которой, <…> на мой взгляд, должны будут "подтянуться" все остальные, а не наоборот. Не надо ставить телегу впереди лошади и форсировать проекты интеграции в той же политической сфере или в вопросах безопасности, при этом полностью игнорируя социальные процессы» [11].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Честертон Г.К. Святой Франциск Ассизский. Глава 6. Маленький нищий человечек. URL: http://chesterton.velchel.ru/index.php?cnt=17&sub=2&part=6

2. Braittard Ph., Djalili M.-R. Les Relations Internationals. – Paris, 1988.

3. Толипов Ф. Центральная Азия: теория дезинтеграции // Региональная аналитическая сеть Центральной Азии. URL: https://caa-network.org/archives/8291

4. Rosset D., Svarin D. The Constraints of the Past and the Failure of Central Asian Regionalism, 1991-2004 // Region. – 2014. – Vol. 3, № 2. – PP. 245-266.

5. От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона / Отв. ред. А.А. Кривопалов. – М.: Научный эксперт, 2016.

6. Байдаров Е. Современные форматы и механизмы интеграции: видение из Казахстана // Сайт CABAR.asia (Central Asian Bureau for Analytical Reporting): Интернет портал – URL:

https://cabar.asia/ru/sovremennye-formaty-i-mehanizmy-integratsii-videnie-iz-kazahstana/, 11.07.2018.

7. Albina Muratbekova. Recent Changes in the Kazakh-Uzbek Relations: Interview with Erkin Baydarov // EUCACIS in Brief No. 6. February 2019. – Berlin. – 8 p. / https://www.cife.eu/Ressources/FCK/EUCACIS%20in%20Brief%206_Muratbekova.pdf

8. Казахстан выделил 10 тысяч грантов для узбекистанских абитуриентов. URL: https://ru.sputniknews-uz.com/society/-20180524/8297805/Kazakhstan-vydelil-10-tysyach-grantov-dlya-uzbekistanskikh-abiturientov.html

9. Шаймергенов Т.Т., Абишева М.А. Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед. – Астана: Издательство Библиотеки Первого Президента РК – Елбасы, 2017. – 122 с.

10. Закиева Ш.Б. Интеграционные процессы в Центрально-Азиатском регионе: интересы Казахстана. Дисс.… к.полит.н.: 23.00.04 – специальность: Политические проблемы международных отношений и глобального развития. – М., 2005. – 216 с.

11. Парамонов: страны СНГ продолжают дрейфовать в разные стороны. URL: https://ru.sputniknews-uz.com/society/20180705/8769047/Paramonov-strany-SNG-prodolzhayut-dreyfovat-v-raznye-storony.html

ҶАНБАҲОИ МИНТАҚАВИИ ҲАМКОРИИ КИШВАРҲОИ ОСИЁИ МИЕНА

Ҳамкории кишварҳои Осиёи Марказӣ дар солҳои охир масъалаҳои ҳамгироии онҳоро боз ҳам актуалӣ намуд. Дар шароити таҳаввули глобалии фазои ҳаётӣ, кишварҳои Осиёи Марказӣ низ ин равандро аз сар мегузаронанд. Тағйирёбии ҳамкориҳои минтақавӣ нишон медиҳад, ки бисёр масъалаҳои рушди минбаъдаи кишварҳои минтақа танҳо бо ҳалли муштараки онҳо вобаста мебошанд.

Дар мақола диди қазоқистонӣ ба ҷанбаҳои минтақавии ҳамкории кишварҳои Осиёи Марказӣ баён шуда, дурнамо ва мушкилоти мавҷудаи ҳамгироии минтақавӣ мавриди омӯзиш қарор гирифтааст. Таҳлили анҷомшуда нишон медиҳанд, ки танҳо ҳалли якҷояи мушкилот (иқтисодӣ, обӣ-энергетикӣ, экологӣ ва ғайра) амнияти минтақаро тақвият медиҳад ва дар оянда низоъҳои эҳтимолиро пешгирӣ мекунад.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ, давлатҳои нави мустақили Осиёи Марказӣ, минтақашавӣ, ҳамгироӣ, амният, ҳамкории иқтисодӣ, нақлиёт, энергетика, муносибатҳои дуҷониба.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сотрудничество стран Центральной Азии в последние годы вновь актуализировали вопросы кооперации между государствами региона. В условиях глобальной трансформации жизненного пространства, страны Центральной Азии также переживают эти процессы. Трансформация регионального сотрудничества показывает, что многие проблемы дальнейшего развития стран региона возможны лишь при их совместном решении.

В статье рассмотрен казахстанский взгляд на региональные аспекты сотрудничества стран Центральной Азии, а также имеющихся перспектив и проблем региональной интеграции. Проведенный анализ показывает, что только совместное решение проблем (экономических, водно-энергетических, экологических и др.) позволит укрепить безопасность региона и предотвратить потенциальные конфликты в будущем.

Ключевые слова: Центральная Азия, новые независимые государства Центральной Азии, регионализация, интеграция, безопасность, экономическое сотрудничество, транспорт, энергетика, двусторонние отношения.

REGIONAL ASPECTS OF COOPERATION OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Cooperation between the countries of Central Asia in recent years has again raised the issues of cooperation between the states of the region. In the context of the global transformation of living space, the countries of Central Asia are also going through these processes. The transformation of regional cooperation shows that many problems of the further development of the countries of the region are possible only if they are jointly solved.

The article examines the Kazakh view of the regional aspects of cooperation between the countries of Central Asia, as well as the existing prospects and problems of regional integration. The analysis shows that only a joint solution of problems (economic, water-energy, environmental, etc.) will strengthen the security of the region and prevent potential conflicts in the future.

Key words: Central Asia, Newly independent states of Central Asia, regionalization, integration, security, economic cooperation, transport, energy, bilateral relations.

Сведения об авторе: ***Байдаров Еркин Уланович*** – Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК, к.филос.н., доцент кафедры востоковедения, Казахский университет мировых отношений и мировых языков им. Абылай хана. **Адрес**: 050010, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы 29. **Тел**: +7(777) 695 97 81. **E-mail**: erkin_u.68@mail.ru

Information about the author: ***Baydarov Erkin Ulanovich*** – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Ph.D. (in Philosophy), Associate Professor of the Department of Oriental Studies of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages. Address: 050010, Republic of Kazakhstan, Almaty, Kurmangazy St. 29. Tel: +7(777) 695 97 81. **E-mail**: erkin_u.68@mail.ru

В ПОИСКАХ ТРАНСПОРТНО-ТРАНЗИТНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ - В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НЕТ АЛЬТЕРНАТИВЫ ТРАНСПОРТНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ СТРАН РЕГИОНА

Эргашев Б. И. – директор Центра исследовательских инициатив «Ma'no»

Страны региона Центральной Азии, объединяющей пять стран: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан расположены в центре Евразийского материка и являются внутриконтинентальными странами. Ни одна из стран региона не имеет прямого выхода к отрытым морским портам, а Узбекистан вообще в этом отношении уникальная страна, так как, наряду с Лихтенштейном, является одной из двух стран в мире, которые отдалены от ближайшего открытого морского порта границами как минимум двух стран. И несомненно то, что такое географическое расположение создает серьезные транспортные и логистические издержки для экономик всех стран региона, когда транспортные расходы, как при импорте, так и экспорте для бизнеса наших стран всегда будут выше, чем у других стран, имеющих более выгодное географическое положение. В частности, сегодня государства региона, не имея прямого выхода к морским портам, несут существенные транспортно-транзитные расходы, которые достигают 70-80% от стоимости экспортируемой продукции [1]. Причинами данной ситуации являются продолжающаяся транспортная замкнутость региона, недиверсифицированность транспортных маршрутов. Всё это в целом негативно воздействует на конкурентноспособность экономик всех стран региона.

Но одновременно с этим, такое внутриконтинентальное географическое положение региона Центральной Азии создает и целый спектр возможностей для превращения региона, находящегося на пересечении транспортных коридоров, проходящих по Евразии по оси «Восток-Запад» и «Юг- Север».

Эти евразийские сухопутные трансконтинентальные коридоры должны объединить сухопутными, альтернативными морским путям, транспортными коридорами растущие экономики Восточной, Юго-восточной и Южной Азии с рынками Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. И даже если только часть товаропотока между данными регионами пойдет сухопутными коридорами, идущими по территории стран Центральной Азии – они смогут более эффективно использовать свой транзитный потенциал.

Помимо этого, любой транспортный коридор, автомобильный, железнодорожный является для стран Центральной Азии возможностью для оптимизации и совершенствования существующей региональной транспортной сети, увеличения внутрирегионального товарооборота, улучшения логистики перевозок для выхода на внешние рынки и снижения транспортной составляющей в цене любого товара, как экспортного, так и импортного.

Исходя из этого, важнейшей целью транспортной политики стран региона Центральной Азии должно стать всемерное развитие транспортных коммуникаций, на основе активного многостороннего регионального сотрудничества в транспортно-коммуникационной сфере, что позволит сформировать взаимосвязанную региональную транспортно-логистическую систему, обеспечивающую кратчайший выход к морским портам и новым внешним рынкам для всех стран региона.

За последние несколько лет страны региона реализовали несколько транспортно - коммуникационных проектов, которые позволили интенсифицировать транспортно-транзитные потоки, как внутри региона, так и с соседними странами. В частности, ввод в действие автомобильного коридора «Китай- Киргизия-Узбекистан», «Иран-Афганистан-Узбекистан», формирование коридора «Центральная Азия- Кавказ- Турция» (после введения в строй Южнокавказского железнодорожного коридора «Баку-Тбилиси-Карс»), железной дороги «Атамырат-Имамназар-

Акина», связавшей Туркменистан и Афганистан и ряда других проектов.

В настоящее время идет серьезная подготовительная работа по реализации имеющих серьезное значение таких транспортно-коммуникационных проектов, как проект строительства железной дороги «Китай-Киргизия-Узбекистан», железной дороги «Мазари-Шариф-Герат» с перспективой выхода на морские порты на побережье Аравийского моря.

Реализация данных проектов создаст новые, благоприятные условия для увеличения грузопотоков по оси «Восток-Запад» и «Юг-Север».

Но на фоне определенной активизации работы стран региона в транспортно коммуникационной сфере все отчетливее видны проблемы, которые мешают повысить эффективность данной работы.

До сих пор важнейшими проблемами институционального характера остаются несовершенство таможенных и административных процедур при пересечении грузов на границах стран региона, из-за чего перевозчики теряют до 40% времени на транспортировку товаров [1]. Остается проблемой отсутствие гибкой тарифной политики между странами региона. Не решена проблема в виде высоких неофициальных платежей при транзите грузов через ЦА.

В политическом плане существует проблема того, что существует фактор «национального эгоизма» и преобладания узкогрупповых интересов национальных транспортных компаний, когда строительство тех или иных транспортных коридоров соседними странами воспринимается как фактор конкуренции для собственных транспортных коридоров и проектов, как «обход» территории той или иной страны, как фактор снижения транзитных поступлений.

Кроме того, несомненно, что в регионе идет своеобразный «конкурс» проектов и инициатив транспортных коридоров, предлагаемых внешними, по отношению к региону, странами. А конкуренция таких проектов не способствует объединению

усилий стран региона, выработке единых подходов и принципов реализации общерегиональной транспортно-коммуникационной политики.

Китайская Народная Республика, с 2013 года активно продвигает инициативу «Один пояс - один путь», которая представляет собой комплекс различных проектов, начиная от проектов транспортно-коммуникационного характера и заканчивая проектами по развитию гуманитарных обменов. В рамках реализации данной инициативы, Китай, как инициатор, активно выступает основным партнером и кредитором при реализации большинства проектов.

В 2019 году Совет министров иностранных дел стран-членов ЕС утвердил Стратегию ЕС по укреплению взаимосвязанности Европы с Азией. Данная Стратегия отражает видение ЕС по достижению более тесной взаимосвязанности между Европой и Азией путем создания взаимосвязанных, сопряженных и совместимых инфраструктурных сетей в сферах транспорта (наземный, воздушный и морской), коммуникаций (мобильная, фиксированная и спутниковая связь, Интернет), энергетики (природный газ, электричество, возобновляемые источники энергии), человеческого измерения (развитие сотрудничества в сферах образования, исследований, инноваций и туризма и т.д.).

Таким образом, внерегиональные страны и объединения предлагают для реализации собственные инициативы и Стратегии по расширенному формату взаимодействия со странами Центральной Азии, как ключевым пунктом формирования транспортно-коммуникационных маршрутов паневразийского континентального значения.

И на этом фоне вызывает сожаление тот факт, что страны региона ЦА до сегодняшнего дня не смогли выработать совместное, общерегиональное видение перспектив транспортно-коммуникационного, транзитного сотрудничества, не выработана и не согласована общерегиональная политика стран региона по этому важнейшему направлению сотрудничества стран региона.

В целом, можно сказать, что на сегодня страны региона в вопросах развития сферы транспорта и коммуникаций являются пассивными объектами воздействия внешних сил, которые предлагают странам региона свою «повестку дня». Страны региона, в силу того, что до сегодняшнего дня не смогли создать свои диалоговые площадки по вопросам развития сферы транспорта и коммуникаций в масштабе региона- не смогли предложить свою, единую позицию и политику в этой сфере для внешних сил, заинтересованных в реализации транспортно-транзитного потенциала региона ЦА. Не стали единым и эффективным субъектом в диалоге с внешними партнерами.

Для решения этих проблем необходимо формирование общерегиональной платформы для постоянного диалога между странами региона, с участием внешних стран и международных организаций.

Узбекистан, исходя из заявленной цели о необходимости формировании в ЦА пояса добрососедства и партнерства, придавая стратегическую значимость развитию транспортной отрасли и транспортной инфраструктуры на национальном и общерегиональном уровнях предпринимает серьезные шаги по налаживанию такого диалога.

И выдвинутая Президентом Узбекистана Ш.М. Мирзиёевым инициатива о создании, под эгидой ООН, Регионального центра по развитию транспортно-коммуникационной взаимосвязанности в Центральной Азии является логическим продолжением политики руководства Узбекистана, направленной на дальнейшее укрепление регионального сотрудничества и расширение торгово-экономической кооперации с другими странами и регионами.

Создание и функционирование такого Центра под эгидой ООН создает самое важное - постоянно действующую платформу для равноправного и заинтересованного диалога между странами региона, внешними странами–партнерами и международными организациями.

В результате формирования такой диалоговой площадки, участники смогут выйти на решение системообразующих вопросов:

– организовать более эффективное планирование, обсуждение и реализацию единой транспортно-коммуникационной политики в регионе ЦА направленной на формирование единого, разветвленного и интегрированного транспортного пространства в ЦА.

– приступить к разработке **Стратегии по развитию региональных транспортных коридоров Центральной Азии**, принятии на ее основе региональной **Программы по устойчивому развитию транспортной системы Центральной Азии.**

– начать эффективную работу по оптимизации, гармонизации и упрощению межграничных транспортных процедур, в том числе пограничного, таможенного, фитосанитарного и ветеринарного контроля, при осуществлении международных перевозок.

– создать условия для выработки экспертных решений, направленных на повышение конкурентоспособности государств ЦА на мировом рынке транспортных и логистических услуг, повышение качества транспортного обслуживания внешнеторговых потоков.

Эта инициатива Узбекистана является логическим продолжением инициатив, выдвинутых в 2018 году. Узбекистан **предложил создать систему интегрированного управления транспортными перевозками в рамках Шанхайской организации сотрудничества**, в которой участвуют страны региона и Р**егионального совета по транспортным коммуникациям стран Центральной Азии,** который станет координирующей структурой решений проблем в транспортно-логистической сфере.

На сегодняшний день, все страны региона Центральной Азии стоят, в силу политических, экономических, демографических факторов, перед необходимостью решения задач по обеспечению

устойчивого развития экономики через реализации активной политики индустриального развития, поиска новых рынков сбыта продукции, более активного участия в международной торговле.

И в центре усилий национальных правительств стран региона по решению данных задач несомненно, должна быть реализация эффективной транспортной политики, как на национальном, так и общерегиональном уровнях, которое должно обеспечить эффект синергии от объединения страновых потенциалов в сфере развития транспортной сферы.

Библиография:

1. https://www.gazeta.uz/ru/2018/09/20/transport/

Дар ҷустуҷуи субъектии нақлиётию транзитӣ – дар Осиёи Марказӣ ҷойгузине ба ҳамкориҳои нақлиётӣ вуҷуд надорад

Кишварҳои Осиёи Марказӣ дар маркази қитъаи Авруосиё ҷойгир шудаанд ва мамлакатҳои дохилиқитъавӣ мебошанд. Ҳолати мазкури ҷуғрофӣ маҳдудияти ҷиддии нақлиётӣ ва логистикиро барои иқтисоди ҳамаи давлатҳои минтақа ба вуҷуд меорад. Инчунин таъсири манфии худро ба рақобатпазирии иқтисоди ҳамаи давлатҳои минтақа мерасонад. Ҳадафи муҳимтарини сиёсати нақлиётии давлатҳои минтақаи Осиёи Марказӣ рушди ҳамаҷонибаи иртиботи нақлиётӣ дар асоси ҳамкории фаъоли минтақавӣ дар ин соҳа бояд бошад. Иқдоми мазкур имкон медиҳад низоми нақлиётию логистикии ба ҳамвобастаи минтақавиро ташаккул диҳад, ки барои баромадан тариқи роҳҳои кутоҳ ба баҳр ва бозорҳои берунаи нав мусоидат мекунад.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ, нақлиёт, ҳамкорӣ, долонҳои байналмилалии нақлиётӣ, рақобатпазирӣ, бозор, содирот, воридот

В поисках транспортно-транзитной субъектности - в Центральной Азии нет альтернативы транспортному сотрудничеству стран региона

Страны региона Центральной Азии расположены в центре Евразийского материка и являются внутриконтинентальными странами такое географическое расположение создает серьезные транспортные и логистические издержки для экономик всех стран региона и в целом негативно воздействует на конкурентноспособность экономик всех стран региона. Важнейшей целью транспортной политики стран региона Центральной Азии должно стать всемерное развитие транспортных коммуникаций, на основе активного многостороннего регионального сотрудничества в транспортно-коммуникационной сфере, что позволит сформировать взаимосвязанную региональную транспортно-логистическую систему, обеспечивающую кратчайший выход к морским портам и новым внешним рынкам для всех стран региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, транспорт, сотрудничество, международные транспортные коридоры, конкурентоспособность, рынки, экспорт, импорт

In search of transport and transit entity - in Central Asia there is no alternative to transport cooperation of the countries of the region

The countries of the Central Asian region are located in the center of the Eurasian continent and are inland countries, such a geographical location creates serious transport and logistics costs for the economies of all countries in the region and, in general, negatively affects the competitiveness of the economies of all countries in the region. The most important goal of the transport policy of the countries of the Central Asian region should be the all-round development of transport communications, on the basis of active multilateral regional cooperation in the transport and communication sphere, which will create an interconnected regional transport and logistics system that

provides the shortest access to seaports and new external markets for all countries region.

Key words: Central Asia, transport, cooperation, international transport corridors, competitiveness, markets, export, import

Информация об авторе. Бахтиёр Исмаилович Эргашев. Место работы: Центр исследовательских инициатив «Ma'no». **Должность:** директор. Контакты: b.e@inbox.ru, тел: +998-98-121-69-09, г.Ташкент, Мирзо Улугбекский район, улица Паркент, 6 переулок, дом 15. Почтовый индекс 100007

Information about the author: Bakhtiyor Ismailovich Ergashev, Director of the Policy Recearch Center «Ma'no», Uzbekistan, Tashkent city, Mirzo Ulugbek district, Parkent street 6 alley,15

СОВМЕСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Чеботарёв А.Е. *– к. полит. н., директор Центра актуальных исследований «Альтернатива»*

Несмотря на рост различных вызовов и угроз стабильному и безопасному развитию Центральной Азии, страны региона до сих пор не смогли самостоятельно создать и поддерживать функционирование многосторонних механизмов обеспечения региональной безопасности. Действующие же механизмы характеризуются, прежде всего, участием в них наряду с центральноазиатскими республиками внерегиональных акторов. При этом данное обстоятельство оценивается неоднозначно.

С одной стороны, участие в соответствующих межгосударственных структурах и инициативах (программах) таких ведущих геополитических акторов, как Россия, Китай и Европейский Союз, придает определенную системность и устойчивость в их деятельности. Кроме того, страны ЦА имеют определенные выгоды от участия в данных структурах и инициативах. К примеру, в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан получают российское оружие на льготных условиях, чем иные иностранные покупатели.

С другой стороны, в деятельности рассматриваемых механизмов обеспечения региональной безопасности преобладают интересы внерегиональных участников. К тому же они в своем большинстве имеют широкую географию деятельности, выходя за пределы Центральной Азии. Другим критическим моментом является отсутствие субъектности данного региона как относительно своей безопасности, так и постоянного многостороннего сотрудничества по широкому кругу вопросов.

Забытый документ

Единственной попыткой выстраивания странами ЦА формата взаимодействия по линии региональной безопасности стало подписание 21 апреля 2000 года в Ташкенте президентами Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана Договора о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности. Судя по всему, такое решение во многом было обусловлено событиями, связанными с боевыми действиями подразделений вооруженных сил Кыргызстана и Узбекистана против боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) на территории Баткенской области КР в июле-сентябре 1999 года.

Данный договор, в частности, предусматривает сотрудничество подписавших его стран в предупреждении, выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании актов терроризма, политического и религиозного экстремизма, незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, наркотических средств, незаконной миграции и т.д. Основными формами этого сотрудничества являются:

- проведение совместных специальных операций (мероприятий) с привлечением контингентов вооруженных сил и/или спецподразделений правоохранительных органов;
- проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;
- обмен представляющей интерес информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастных к ним лицах и организациях;
- розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или отбывания наказания [1].

Реализация соответствующих положений договора возложено на центральные компетентные органы каждой из четырех стран с определением порядка взаимодействия между их представителями. В том числе предусмотрено проведение рабочих встреч, консультаций и переговоров между ними.

Таким образом, рассматриваемый документ является

серьезной правовой основой для развития отношений между большинством стран ЦА по обеспечению безопасности в регионе. К тому же он ратифицирован в законодательном порядке всеми данными государствами. Особенно важно, что в договоре содержится военный компонент, ориентированный на совместное противодействие экстремистским и иным незаконным вооруженным формированиям.

Однако со времени подписания этого договора создания действующего на постоянной основе механизма многостороннего сотрудничества в Центральной Азии по вопросам обеспечения региональной безопасности не произошло. Очевидно, что данное обстоятельство обусловлено дезинтеграционными факторами в регионе, включая наличие большого количества нерешенных вопросов в отношениях между центральноазиатскими республиками, недоверие между их правящими элитами, различие в ориентирах и приоритетах своей внешней политики.

Что касается действующих многосторонних механизмов обеспечения безопасности, которые в той или иной степени относятся к Центральной Азии, то их можно распределить по следующим основным направлениям деятельности и сотрудничества.

Военная безопасность

В настоящее время практически единственной действующей структурой, способной обеспечить военную безопасность в Центральной Азии на многосторонней основе, является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданная в 2002 году. По крайней мере, речь идет о гарантиях безопасности для участвующих в ней Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в случае совершения на кого-либо из них вооруженного нападения извне. Для практического обеспечения данных гарантий созданы и действуют следующие основные механизмы:

- Совет министров обороны как консультативный и исполнительный орган по вопросам координации взаимодействия стран-участниц ОДКБ в области военной политики, военного

строительства и военно-технического сотрудничества;

- Военный комитет при СМО в составе руководителей генеральных штабов вооруженных сил стран-участниц, занимающийся оперативным рассмотрением вопросов планирования и применения сил и средств системы коллективной безопасности;

- Объединенный штаб как постоянно действующий рабочий орган, отвечающий за подготовку предложений по военной составляющей ОДКБ, организацию и координацию практической реализации решений руководящих органов организации по вопросам военного сотрудничества;

- Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности (КСБР ЦАР), основными задачами которых являются отражение внешней военной агрессии и участие в проведении совместных антитеррористических операций. В состав КСБР ЦАР входят подразделения вооруженных сил трех центральноазиатских республик и России общей численностью 5 тыс. человек [2];

- Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), ориентированные на предотвращение и отражение вооруженных нападений, локализацию вооруженных конфликтов, участие в антитеррористических мероприятиях, усиление войск прикрытия государственных границ стран-участниц и т.д. Общая численность КСОР, состоящих из подразделений вооруженных сил всех стран-участниц, составляет около 18 тыс. человек [3].

Следует отметить, что подразделения КСОР и КСБР ЦАР подчиняются исключительно национальным командованиям своих стран и готовы к применению в случаях выполнения странами-участницами своих союзнических обязательств согласно установленным в рамках ОДКБ процедурам принятия соответствующих решений. Военная составляющая организации также характеризуется ежегодным проведением на территории определенных стран-участниц учений общевоенного («Взаимодействие»), антитеррористического («Рубеж», «Кобальт») и миротворческого («Нерушимое братство»)

характера.

В то же время деятельность ОДКБ в последнее время характеризуется следующими критическими моментами, которые могут отразиться и на процессе участия в ней трех стран ЦА:

1. Нарастание разногласий между странами-участницами по вопросам отношений с НАТО и участвующими в нем государствами (США, Великобритания, Германия и т.д.). Особенно на это влияет обострение отношений между Россией и странами Запада вокруг ситуации в Сирии и Украине. В этих условиях Россия заинтересована в поддержке своей политики со стороны стран-партнеров по ОДКБ и использовании организации в качестве военно-политического противовеса США и их союзникам. Показательным в этом отношении, в частности, стало озвученное в ноябре 2014 года заявление бывшего генерального секретаря организации Николая Бордюжи о «неконструктивных и зачастую открыто враждебных инициатив ЕС и НАТО по отношению к России и ОДКБ» [4]. Однако все это идет в разрез с внешнеполитическими интересами стран-участниц из Центральной Азии, настроенных на конструктивное отношение с США и Евросоюзом, а также являющихся участниками программы НАТО «Партнерство во имя мира».

2. Попытки вовлечения Россией стран-партнеров по ОДКБ к участию в вооруженном конфликте в Сирии. Так, в июне 2017 года отдельными официальными лицами России и Турции было озвучено предложение относительно направления в зоны деэскалации в Сирии миротворческих подразделений из Казахстана и Кыргызстана [5]. Однако последним пришлось на официальном уровне опровергать информацию о проведении соответствующих переговоров и намерении посылать своих военнослужащих в Сирию. Судя по всему, Москва осуществляла таким образом зондаж отношений Астаны и Бишкека по данному вопросу. Вместе с тем не исключено, что к нему она может снова вернуться, в том числе в формате официального обращения ко всем странам-партнерам по ОДКБ.

3. Неучастие в ОДКБ Узбекистана. Несмотря на заметные изменения во внешнеполитическом курсе с приходом на пост президента РУ Шавката Мирзиёева и высокий уровень угроз для своей национальной безопасности, идущих из соседнего Афганистана, данная страна не намерена восстановить свое членство в организации, приостановленное ею в 2012 году. Скорее всего, это обусловлено нежеланием Ташкента попасть в зону максимального влияния Москвы.

При всем этом страны Центральной Азии, особенно Кыргызстан и Таджикистан, в настоящее время не обладают уровнем обороноспособности, достаточным для самостоятельного отражения каких-либо вероятных вооруженных посягательств на их суверенитет, территориальную целостность и национальную безопасность. Поэтому участие в ОДКБ является для них фактором сдерживания заинтересованных политических сил от подобных посягательств.

Антитеррористическая деятельность

В отношении Центральной Азии основными межгосударственными структурами, осуществляющими сотрудничество в данном направлении, являются Антитеррористический центр государств – участников Содружества Независимых Государств (АТЦ СНГ) и Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС). Они были созданы в 2000 и 2002 гг. соответственно.

Основными направлениями деятельности АТЦ СНГ являются координация взаимодействия уполномоченных органов стран-участниц в борьбе с терроризмом и экстремизмом, участие в организации и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений, содействие странам-участницам в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий и комплексных операций антиэкстремистского характера, подготовке специалистов и т.д. Он также координирует деятельность по реализации Программы сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с

терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017-2019 годы.

Важными моментами в деятельности АТЦ СНГ следует считать, во-первых, участие в ней представителей всех стран Центральной Азии. Общее руководство работой центра осуществляет Совет руководителей органов безопасности и специальных служб СНГ. Персонал центра составляют сотрудники компетентных органов стран-участниц, назначаемые в соответствии с квотами штатных должностей. Финансирование его работы осуществляется за счет ежегодных взносов стран-участниц Содружества.

Во-вторых, деятельность с октября 2002 года Отделения АТЦ СНГ по Центрально-Азиатскому региону с дислокацией в Бишкеке. Фактически оно обеспечивает выполнение основных задач центра на региональном уровне. С 2011 года под эгидой данного отделения ежегодно проводятся региональные экспертные консультации представителей антитеррористических подразделений органов безопасности и спецслужб стран-участниц СНГ [6].

В-третьих, ежегодное проведение совместных антитеррористических учений и командно-штабных тренировок, в том числе на территории центральноазиатских республик. Например, «Ала-Тоо-Антитеррор-2013», «Жетысу-Антитеррор-2014», «Кибер-Антитеррор-2016», «Душанбе-Антитеррор-2017» и т.д. Все это позволяет рассматривать АТЦ СНГ как реальный механизм многостороннего взаимодействия в борьбе с терроризмом и экстремизмом, в том числе в Центральной Азии.

Что касается РАТС ШОС, то она дислоцируется в Ташкенте, что уже само по себе подчеркивает важность центральноазиатского направления в деятельности данной организации. В ее задачи входит разработка рекомендаций и предложений по развитию сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, содействие в подготовке и проведении антитеррористических учений, оперативно-розыскных и иных мероприятий, сбор и анализ

соответствующей информации, установление и поддержание рабочих контактов с заинтересованными международными организациями и т.д.

В частности, в сентябре 2016 года под эгидой РАТС на территории Кыргызстана прошли масштабные антитеррористические учения «Мирная миссия-2016» с участием подразделений нескольких родов войск принимающей страны, Казахстана, Китая, России и Таджикистана [7]. С учетом вступления в ШОС Индии и Пакистана следует ожидать их присоединения в ближайшее время и к деятельности РАТС с внесением сюда своего опыта борьбы с рассматриваемыми угрозами национальной безопасности. В свою очередь, это положительно повлияет на усиление данной структуры.

Таким образом, страны Центральной Азии, за исключением Туркменистана, одновременно участвуют в деятельности АТЦ СНГ и РАТС ШОС, что способствует укреплению их потенциала и развитию сотрудничества между собой по линии антитеррористической деятельности. При этом в отличие от ОДКБ деятельность данных организаций практически не политизируется в интересах таких стран-партнеров, как Россия и Китай. Последние, будучи заинтересованными в обеспечении безопасности в географически близких к ЦА своих регионах, проявляют в отношении АТЦ и РАТС максимальный прагматизм. В свою очередь, это достаточно позитивно влияет на динамику соответствующего сотрудничества РФ и КНР с центральноазиатскими партнерами.

Обеспечение безопасности границ

Сотрудничество стран Центральной Азии в этом направлении осуществляется, прежде всего, в рамках СНГ. Основными механизмами в данном случае являются:

- Договор о сотрудничестве в охране границ государств-участников СНГ с государствами, не входящими в Содружество от 26.05.1995 года;

- Концепция согласованной пограничной политики государств- участников СНГ от 26.08.2005 года;

- Программа сотрудничества государств-участников СНГ в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2016-2020 гг.;

- Совет командующих Пограничными войсками (СКПВ), созданный в июле 1992 года.

Главной целью согласованной пограничной политики является защита в пограничных пространствах общих и национальных интересов стран-участниц СНГ посредством принятия совместных мер по предотвращению военной опасности, кризисов и конфликтов, противодействию терроризму, экстремизму, организованной преступности, незаконной миграции, незаконному обороту наркотиков, осуществлению контроля за соблюдением всеми физическими и юридическими лицами на государственных границах и в пограничных пространствах законодательно установленных режимных норм, правил и требований и т.д. [8].

Координацию деятельности уполномоченных органов стран-участниц СНГ по реализации согласованной пограничной политики осуществляет Совет командующих Пограничными войсками. К его основным задачам относятся координация деятельности пограничных войск стран-участниц по вопросам, требующим совместных действий, разработка концептуальных подходов, предложений и проектов документов по вопросам охраны внешних границ Содружества, обеспечения деятельности, оперативной и мобилизационной подготовки пограничных войск и т.д. Для обеспечения выполнения данных задач СКПВ имеет постоянный рабочий орган - Координационную службу.

Одним из важных результатов многостороннего взаимодействия в данной сфере стало Решение об оказании помощи Республике Таджикистан для укрепления пограничной безопасности на таджикско-афганском участке внешних границ государств-участников СНГ, принятое 28 мая 2014 года Советом глав государств Содружества на основе информации СКПВ. Данное решение было обусловлено критической ситуацией на

границе Таджикистана с Афганистаном с наличием здесь большого спектра вызовов и угроз [9]. При этом было оговорено, что порядок предоставления соответствующей помощи будет определяться в рамках двусторонних отношений Таджикистана с остальными странами-участницами СНГ.

Пограничными службами стран-участниц СНГ также периодически проводятся совместные специальные операции. В том числе на центральноазиатском направлении были проведены операции «Пограничное братство-2015», «Чануб-2016» и «Шекара-2017» с участием преимущественно пограничников Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и России. В ходе этих и иных операций задерживается большое количество граждан стран-участниц СНГ и иностранцев, нарушивших законодательство о государственной границе или совершивших иные правонарушения, изымаются контрабандные товары, оружие, наркотические средства и т.д.

Другим механизмом многостороннего взаимодействия в данной сфере является Программа содействия управлению границами в Центральной Азии (BOMCA/БОМКА). Она реализуется с 2003 года Европейским Союзом в сотрудничестве со странами ЦА в интересах укрепления безопасности, стабильности и развития региона посредством повышения эффективности управления границами. При этом соответствующая деятельность распространяется не только на пограничные службы стран ЦА, но и на ведомства, работающие в области таможенного оформления, миграции, контроля над наркотиками, сельского хозяйства и т.д. [10].

В настоящее время идет реализация 9-й фазы данной программы, направленная на институциональное развитие пограничных ведомств (кадровая политика, административное управление и т.д.), развитие институциональной базы (правовых и процедурных инструментов) для управления смешанными миграционными потоками на границах и внедрение режимов содействия торговле на границах. Основной акцент делается на внедрении передовых элементов комплексного управления

границами. В основном европейские участники программы оказывают консультативную, информационную, учебно-методическую и техническую помощь заинтересованным государственным органам центральноазиатских республик.

Вместе с тем полноценному сотрудничеству стран Центральной Азии по вопросам обеспечения безопасности внутренних и внешних границ препятствуют следующие основные факторы:

1. Незавершенность процесса делимитации и демаркации государственных границ между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. В свою очередь, это обстоятельство характеризуется наличием спорных территорий, которые являются серьезным конфликтогенным фактором в межгосударственных отношениях и приводят к частым инцидентам пограничного характера. Среди таковых можно отметить вооруженные столкновения (перестрелки) между пограничниками, массовые конфликты между жителями приграничных населенных пунктов разных стран, убийства и незаконные задержания пограничниками жителей соседних государств.

2. Использование странами ЦА закрытия на определенное время границ с соседними республиками в качестве инструмента давления на них в целях разрешения различных спорных и конфликтных ситуаций.

3. Высокий уровень бюрократии, волокиты и коррупции в деятельности контрольно-пропускных пунктов, особенно сухопутных, через границы между разными странами региона.

4. Отсутствие между странами региона взаимной солидарности в вопросах обеспечения пограничной и региональной безопасности. Показательно в этом отношении, например, то, что указанное выше решение Совета глав государств СНГ об оказании помощи Таджикистану для усиления охраны его границы с Афганистаном не было подписано президентами Туркменистана и Узбекистана.

Все это, в свою очередь, является следствием отсутствия

доверия между элитами центральноазиатских республик и полноценного диалога данных стран на разных уровнях в пятистороннем формате.

Антинаркотическая деятельность

Сравнительно эффективной межгосударственной структурой в данном направлении обеспечения региональной безопасности является Центральноазиатский региональный информационный координационный центр (ЦАРИКЦ), созданный в 2006 году с участием Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана при поддержке Управления ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК). Его основными задачами являются координация усилий стран-участниц по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, содействие укреплению сотрудничества между их компетентными органами, организации и проведению согласованных совместных операций и оперативно-розыскных мероприятий, гармонизации нормативной правовой базы, сбор, хранение, защита, анализ и обмен соответствующей информацией, выработка конкретных рекомендаций и т.д. В частности, в 2017 году при информационно-координационном содействии ЦАРИКЦ были проведены операции по перекрытию каналов наркотрафика из Афганистана в Таджикистан и из Таджикистана в Россию [11].

ЦАРИКЦ характеризует то, что он является самостоятельной организацией, без привязки к какому-либо межгосударственному объединению, и максимально распространяет свою деятельность на Центральную Азию. Его возглавляет директор, назначаемый и освобождаемый от должности главами стран-участниц по представлению Совета национальных координаторов. Данный совет, состоящий из руководителей уполномоченных органов стран-участниц и директора центра, также определяет основные направления деятельности ЦАРИКЦ и осуществляет контроль за ним. Местом дислокации центра является город Алматы.

Центр активно развивает международные связи, а также открыт для присоединения любых заинтересованных стран.

Статус наблюдателей при нем имеют 15 государств, включая США, Великобританию, Францию, Китай, Турцию, Афганистан и т.д. Помимо ЮНОДК партнерами ЦАРИКЦ являются Интерпол, Европол, Всемирная таможенная организация, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ и т.д.

Следует также отметить инициированную в 2003 году Евросоюзом Программу по предотвращению наркотиков в Центральной Азии (CADAP/КАДАП). Ее реализацией занимается консорциум заинтересованных учреждений из Германии, Нидерландов, Польши и Чехии под руководством Германского общества международного сотрудничества (GIZ). С 2015 года идет реализация 6-й фазы программы с бюджетом в 4,9 млн. евро [12]. Основными компонентами данной фазы являются развитие в странах Центральной Азии национальных стратегий по борьбе с наркотиками, проведение мониторинга и анализа наркоситуации, профилактика и лечение наркомании.

***

Таким образом, ситуация в сфере обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии выглядит неоднозначно. С одной стороны, имеются сформированные и достаточно активно действующие механизмы многостороннего сотрудничества в данной сфере практически по всем ключевым направлениям (военная безопасность, антитеррористическая деятельность и т.д.). При этом участие в них вместе с центральноазиатскими странами внерегиональных акторов, обладающих большим силовым потенциалом и практическим опытом по обеспечению собственной и коллективной безопасности, существенно усиливает рассматриваемый процесс и уровень защищенности региона.

С другой стороны, участие республик Центральной Азии в соответствующих организациях и инициативах (программах) фактически снизило уровень их заинтересованности в создании и

деятельности собственного регионального механизма по обеспечению безопасности. Свою роль в этом также сыграл фактор достаточно сложных отношений между разными странами региона на двусторонней основе.

В этих условиях прошедшая 15 марта 2018 года в Астане первая Рабочая (консультативная) встреча президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и председателя Меджлиса Туркменистана задала серьезный тренд на нормализацию взаимоотношений между данными странами и развитию собственно регионального вектора многостороннего взаимодействия. В том числе обращает внимание готовность включения в данный процесс Туркменистана, традиционно дистанцирующегося от участия в различных межгосударственных объединениях на основании своего нейтрального статуса. Вторая встреча глав центральноазиатских республик прошла 29 ноября 2019 года в Ташкенте (от Казахстана в ней принял участие первый президент страны Нурсултан Назарбаев – прим.).

Намерение стран Центральной Азии развивать рассматриваемый диалог на высоком уровне дает основания ожидать постепенную реализацию процесса пятистороннего взаимодействия по разным вопросам, включая обеспечение региональной безопасности, с участием представителей компетентных органов. В связи с этим первоочередным шагом для них могло бы стать обращение к Договору о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности с возможным присоединением к нему Туркменистана.

Библиография

1. Закон Республики Казахстан от 9 ноября 2000 года № 97-II «О ратификации Договора между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной

преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности Сторон». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000097

2. Коллективные силы быстрого развёртывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/js_csto/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksbrtsar.php

3. Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ. URL: http://www.odkb-csto.org/js_csto/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksorodkb.php

4. Бордюжа: ОДКБ решила приостановить усилия по налаживанию диалога с НАТО. URL: http://tass.ru/politika/1554558

5. Казахстанских военных предлагают отправить в Сирию. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstanskih-voennyih-predlagayut-otpravit-v-siriyu-320876/

6. Координация (Официальный сайт Антитеррористического центра государств - участников Содружества Независимых Государств). URL: http://www.cisatc.org/133

7. Антитеррористические учения стран ШОС. URL: https://ria.ru/photolents/20160920/1477380821.html

8. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 26 августа 2005 года «Решение о Концепции согласованной пограничной политики государств – участников Содружества Независимых Государств». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/H050000458 _

9. Главы государств СНГ приняли в рабочем порядке Решение об оказании помощи Таджикистану по укреплению таджикско-афганского участка границы. URL: http://www.cis.minsk.by/news.php?id=3205

10. История (Официальный сайт ВОМСА). URL: https://www.bomca-eu.org/ru/programme/background

11. Директор ЦАРИКЦ Григорий Пустовитов: ЦАРИКЦ стал неотъемлемой частью в борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Центральноазиатском регионе. URL: https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=13&newsid=328

12. Эксперты КАДАП 6 обсудили рабочие планы с национальными партнерами. URL: http://cadap-eu.org/ru/news/press/full/50.html

Механизми муштараки таъмини амнияти минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ: ҷанбаи мусбат ва манфӣ

таъмини муштараки амнияти минтақавӣ мебошад. Дар баробари ин, кишварҳо низоми худиро надоранд ва ба фаъолият дар сохтору барномаҳои муайяни байнидавлатӣ амал карданро дар якҷоягӣ бо бозингарони гуногуни ғайриминтақавӣ (Русия, Чин, Иттиҳоди Аврупо ва ғайра) афзал медонанд. Ҳолати мазкур сатҳи субъектии Осиёи Марказиро ҳам дар масъалаҳои таъмини мустақилонаи амният ва ҳам бо сабаби аз ҷониби кишварҳои минтақа роҳандозӣ шудани ҳамкории бисёрҷониба дар шакли доимӣ оид ба доираи васеи масъалаҳо - коҳиш медиҳад.

Дар мақола механизмҳои бисёрҷонибаи таъмини амнияти минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ вуҷуд дошта, тавассути ҳамкориҳои низомӣ, ҳифзи сарҳади давлатӣ, фаъолиятҳои зиддитеррористӣ ва зидди маводи мухаддир баррасӣ шудааст. Зарурати ташаккул ва фаъолияти механизми минтакавии худӣ дар ин соҳа асоснок гардидааст.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ, амнияти минтақавӣ, ҳамкориҳои бисёрҷониба, бозингарони ғайриминтақавӣ, мубориза бо терроризм.

Совместные механизмы обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии: плюсы и минусы

Одним из важных направлений многостороннего взаимодействия стран Центральной Азии является совместное обеспечение региональной безопасности. Вместе с тем собственной системой для этого они не располагают, предпочитая действовать в рамках определенных межгосударственных структур и программ с различными внерегиональными акторами (Россия, Китай, Евросоюз и т.д.). В свою очередь, это обстоятельство снижает уровень субъектности Центральной Азии в вопросах как самостоятельного обеспечения своей безопасности, так и осуществления странами региона на постоянной основе многостороннего сотрудничества по широкому кругу вопросов.

В статье рассмотрены действующие в Центральной Азии многосторонние механизмы обеспечения региональной безопасности по линии военного сотрудничества, охраны государственных границ, антитеррористической и антинаркотической деятельности. Обоснована необходимость формирования и функционирования собственного регионального механизма в данной сфере.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональная безопасность, многостороннее сотрудничество, внерегиональные акторы, борьба с терроризмом.

Joint mechanisms for ensuring regional security in Central Asia: pluses and minuses

One of the important areas of multilateral interaction of the Central Asian countries is the joint provision of regional security. At the same time, they do not have their own system for this, preferring to act within the framework of certain interstate structures and programs with various extra-regional actors (Russia, China, European Union and other). In turn, this circumstance reduces the level of subjectivity of Central Asia in matters of both independent provision of their security and the implementation by the countries of the region on a permanent basis of multilateral cooperation on a wide range of issues.

The article examines the multilateral mechanisms of regional security in Central Asia through military cooperation, state border protection, anti-terrorist and anti-drug activities. The need for the formation and functioning of its own regional mechanism in this area has been substantiated.

Key words: Central Asia, regional security, multilateral cooperation, extra-regional actors, the fight against terrorism.

Сведения об авторе: *Чеботарёв Андрей Евгеньевич* – Директор Центра актуальных исследований «Альтернатива» (Республика Казахстан), директор, к. полит. н. E-mail: aech2004@mail.ru

Information about the author: Chebotarev Andrey Evgenievich - Director of the Center for Contemporary Research "Alternativa" (Republic of Kazakhstan), Director, Ph.D. E-mail: aech2004@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТАМОЖЕННО-ПРОПУСКНЫЕ ПУНКТЫ НА ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИХ ПОТЕНЦИАЛ

Бердаков Д.М. *– директор ОФ «Трансграничная исследовательская сеть Центральной Евразии»*

Находясь практически в центре Евразии, Центральная Азия, несомненно, обладает высоким транзитным потенциалом в современных торговых грузопотоках. Но в то же время он не используется государствами региона в полной мере, и на это есть ряд существенных причин, которые в заметной мере ограничивают возможности его реализации. Особенно это становится заметным в контексте анализа важнейших таможенно-пропускных пунктов, закономерно расположенных на важнейших торгово-экономических магистралях стран Центральной Азии, и связанных с ними крупными транспортными узлами. Так как в нашем регионе основная часть экономических грузов доставляется в регион и транспортируется по его территории наземным транспортом – автомобильным и железнодорожным, как наиболее оправданным экономически и логистически.

Причины, в заметной мере влияющие на пропускные способности важнейших торговых артерий, здесь как природно-географического, так и экономического и политического плана. Поэтому ниже мы постараемся не только изучить современное состояние основных таможенно-пропускных пунктов стран Центральной Азии и оценить их влияние на транзитный потенциал, но и проанализировать, как преодолеть их негативное воздействие (а также способствовать его росту на региональном и межрегиональном уровнях).

Конечно же, стоит остановиться на том, что значительная часть таможенно-пропускных пунктов, через которые осуществляется внешняя торговля государств Центральной Азии с соседними регионами, действует в достаточно сложных географических

условиях. Так, важнейшие из них, связывающие страны нашего региона с КНР, лежат в высокогорных районах – это касается района Хоргоса и перевала Торугарт, а также Памирского тракта, связывающего Поднебесную через Алайскую долину Кыргызстана с Таджикистаном. Кроме того, ряд транспортных коридоров, связывающих Центральную Азию с Ираном и Россией (Восточной Европой в целом), проходит через засушливые пустынные и полупустынные районы, обладающие слаборазвитой инфраструктурой.

Все это накладывает существенный отпечаток на возможности грузоперевозок, так как затрудняет их как с экономической точки зрения, так и с логистической. В последнем случае они становятся менее интенсивными в соответствующие сезоны года (в горных районах – зимой, в засушливых – летом). Также некоторым препятствием на пути развития торговых, в том числе транзитных, коридоров служат крупные реки – Амударья, отделяющая Узбекистан и Таджикистан от соседнего Афганистана, привязывает торговлю между ними к крупным мостам с высокой пропускной способностью.

Другим моментом, влияющим на пропускную способность таможенных пунктов Центральной Азии со странами сопредельных регионов, является специфика транспортной инфраструктуры региона. Дело в том, что длительное время она была замкнута (направлена, в первую очередь, на развитие экономических отношений внутри СССР), и только с обретением независимости она постепенно начинает переориентироваться на развитие торговых контактов (в том числе транзитных грузоперевозок) с соседними государствами, в особенности с Китаем.

Но сохраняющееся слабое развитие железнодорожной сети и интенсивное использование автодорожной сети в горных и сложных климатических условиях приводит к быстрому изнашиванию дорожного полотна автомагистралей. Все это в целом не позволяет в полной мере использовать пропускную способность важнейших торговых коридоров в Центральной

Азии и постепенно ее наращивать. Хотя, впрочем, в последние несколько лет были сделаны некоторые позитивные шаги в этом направлении – открыта железная дорога Хоргос – Алматы (2012 год), частично реанимированы автодороги, связывающие Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан с КНР. Завершено строительство железнодорожной линии, связавшей Казахстан и Туркменистан с Ираном вдоль Каспийского моря (2014 год). Однако развитие транспортной системы, особенно железнодорожной, все заметно отстает от реальных запросов экономики. В частности, очень мало автодорог первой категории, что неизменно влияет на скорость движения транспорта.

Кроме того, были налажены паромные маршруты, связавшие Центральную Азию с Азербайджаном. Особое значение в этом отношении имеет казахстанский город-порт Актау, постепенно превращающийся в крупный транспортно-логистический хаб, через который с 2015 года пошел в Закавказье и далее поток китайской товарной продукции.

Впрочем, в этом отношении необходимо отметить, что автомобильные грузоперевозки являются менее рентабельными по сравнению с железнодорожными. Поэтому слабое развитие железнодорожной сети не только ограничивает возможности транзитной торговли Центральной Азии, но и не позволяет создавать крупные перевалочные пункты товаропотоков, особенно из Восточной Азии в Западную Европу.

Другим комплексом факторов, сильно влияющим на пропускную способность важнейших трансрегиональных транспортных магистралей в Центральной Азии, продолжает оставаться политический вопрос. То, что государства региона в настоящее время фактически оказались разделены на две группы по членству ЕАЭС раскалывает регион по экономическому принципу и создает некоторые трудности при таможенном и логистическом направлении грузопотоков. В несколько выгодном положении оказался Казахстан, который обладая большой территорией и относительно развитой железнодорожной сетью, может при помощи членства в этой

международной организации почти беспрепятственно направлять транзитом грузопотоки вплоть до западных границ Беларуси. Это же позволяет частично использовать транзитный потенциал Казахстана и соседнему Кыргызстану, железнодорожная сеть которого еще с советского периода завязана на сопредельное государство. Поэтому, комбинируя автодорожные и железнодорожные пути, он через ЕАЭС также способен использовать возможности транзитных грузопотоков.

Несмотря на то, что в рамках ЕАЭС таможенные барьеры к настоящему времени заметно нивелированы (хотя и не преодолены фактически до сих пор полностью), все же при экономическом взаимодействии стран-участниц этой организации с соседними государствами – с КНР, к примеру, таможенные службы слабо синхронизированы. Это создает некоторые трудности в работе таможенно-пропускных пунктов на внешних границах региона с Китаем.

В схожей ситуации оказался Туркменистан после ввода в эксплуатацию железнодорожной магистрали из Казахстана в Иран вдоль Каспийского моря. Достаточно длительное время, находясь в состоянии «неприсоединения» к международным соглашениям, ему пришлось с 2014 года проделать заметную работу по урегулированию таможенных противоречий как с Казахстаном, так и Ираном, но полностью они также не преодолены.

Испытывают ряд трудностей в приграничной торговле Узбекистан и Таджикистан, которым (не будучи членами ЕАЭС) пришлось прибегнуть к ряду соглашений с данной организацией и получить ряд преференций экономического характера. Схожую стратегию они также опробовали по отношению к соседнему Афганистану.

Итак, учитывая все отмеченные факторы, влияющие на развитие торгово-экономических коридоров, проходящих по территории современной Центральной Азии, несложно увидеть, что важнейшие таможенно-пропускные пункты по периметру ЦА функционируют под их прямым воздействием. Отсюда исходят

возможности использования транзитного потенциала странами региона, равно как и условия для постепенного наращивания объемов международных грузопотоков в его рамках.

Крупнейшие таможенно-пропускные пункты (по периметру внешних региональных границ) в Центральной Азии заметно различаются как по пропускным возможностям, так и условиям работы. Но перед этим будет не лишним перечислить их и дать краткую характеристику.

В Казахстане наиболее существенными считаются пункты на границе с КНР: на отрезках Алтынколь – Хоргос и Достык – Алашанькоу, которые также обладают достаточно развитой и современной железнодорожной и логистической структурой. Не меньшее значение в транзитной торговле играют железнодорожные и автодорожные пропускные пункты на казахстанско-российской границе (Аксай, Жайсан, Алимбет, Таскала и др.), приуроченные к автодорожным и железнодорожным транспортным узлам. Как указывалось выше, все большее значение в транзитной торговле приобретает порт Актау. В Кыргызстане большую роль играют автодорожные таможенно-пропускные пункты на границе с Китаем: Торугарт в Нарынской области и Сары-Таш – Иркештам в Алайской долине. В Узбекистане крупнейшим транспортным и логистическим узлом в транзитной торговле является приграничный с Афганистаном Термез, к которому помимо автодорог выходит железная дорога. В несколько более сложном отношении находится соседний Таджикистан, который, несмотря на общую границу с КНР, имеет инфраструктурные выходы только к сопредельным районам Афганистана, с которым его связывают несколько автомобильных мостов с западной части страны (пропускные пункты Нижний Пяндж и Кокул) и с ГБАО (Тем, Рузвай и др.). Хотя в настоящее время ведутся работы по прокладке автомобильной трассы через перевал Кулма, которая свяжет страну напрямую с КНР. Туркменистан имеет железнодорожный и автодорожный таможенно-пропускной путь на границе с Ираном - Этрек – Горган. С последним страну также

связывает несколько автомобильных дорог с таможенно-пропускными пунктами Гаудан и Серахс, которые в отличие от железнодорожной магистрали не обладают достаточной пропускной и логистической возможностями. Кроме того, в Туркменистане все более активно для внешней торговли и транзита грузов используется порт Туркменбаши на Каспийском море.

Основная часть таможенно-пропускных пунктов на внешних границах региона Центральной Азии достаточно активно используется КНР для транспортировки разнообразной промышленной продукции в страны Европы в рамках своей инициативы «Один пояс – один путь», и особенно как важнейшую составную ее часть – «Экономического пояса Шелкового пути». Так, к примеру, именно через таможенные пункты Алтынколь – Хоргос и Достык – Алашанькоу проходит трансевразийская железнодорожная магистраль Чунцин (КНР) – Дуйсбург (Германия), по которой с 2013 года активно поставляются товары. Причем, они достигают пункта своего назначения всего в течение 15 дней. Также используется в рамках ЭПШП и альтернативный маршрут через Казахстан: товары доставляются сначала в порт Актау и затем морским путем через Каспий отправляются в азербайджанский порт Алят далее в Западную Европу. При этом грузы из КНР достигают порта Алят всего за шесть дней. Активно используются для транспортировки своих грузопотоков в Центральную Азию китайской стороной и важнейшие автомагистрали – в частности, через Торугарт и Алайскую долину в Кыргызстане. Но в отличие от железнодорожной сети, основная часть товарной продукции идет на потребление внутри самого региона - только очень небольшая ее часть уходит на экспорт за его пределы.

Железнодорожная и отчасти автодорожная сеть Казахстана достаточно интенсивно используется для поставки преимущественно российских и в меньшей мере – белорусских товаров, откуда они уже дальше поставляются в остальные страны региона, в том числе и Кыргызстан (как члена ЕАЭС). В

то же время именно по железнодорожной сети в условиях благоприятствующего таможенного режима казахстанская продукция, преимущественно промышленной отрасли, экспортируется в Россию и страны Западной Европы. Причем, благодаря относительно развитой железнодорожной сети товаропоток из Казахстана достигает европейских государств в недельный срок.

Благодаря реализации проекта по строительству прикаспийской железной дороги, соединившей Казахстан через Туркменистан с Ираном, постепенно увеличивается товарообмен между этими странами. При этом, по данной магистрали с 2016 года все более увеличиваются поставки также китайской продукции, так как при ее помощи КНР получает выход на Средний Восток и его крупнейшим портам на Индийском океане через Центральную Азию. Так, сроки доставки грузов из Казахстана до данных портов занимают всего до 6 дней, а время транспортировки товаров из КНР до иранского порта Чабехар – всего 14 дней.

Также определенное значение в контексте торгово-транзитных коридоров для Центральной Азии имеют экономические отношения с Афганистаном. Так, существенная часть товаров из нашего региона идет через обладающий достаточной инфраструктурой узбекистанский Термез. К примеру, значительная часть продовольственных товаров из Казахстана поставляется именно через данный таможенно-пропускной пункт.

Итак, основная часть транзитного потенциала и связанных с ним таможенно-пропускных пунктов с соответствующей логистической инфраструктурой используется в настоящее время КНР. Хотя заметная часть в рамках стран ЕАЭС эксплуатируется самостоятельно – в основном для поставки российской продукции в регион и в более скромных масштабах местной – в Россию и отчасти в Беларусь (далее в страны Европы). Впрочем, нельзя не отметить, что заметную роль в этом играет и частичное сопряжение проектов ЕАЭС и «Один пояс – один путь». Это

позволяет активно использовать транспортную, и железнодорожную инфраструктуру - в особенности для направления трансевразийских товаропотоков не только в западном, но и восточном и северном направлениях. Налаживаются стабильные транзитные потоки через Центральную Азию также и в южном направлении, поэтому здесь китайская продукция дополняется также иранской и постепенно собственно центральноазиатской. Последняя также идет и в соседний Афганистан.

В случае дальнейшего успешного налаживания торгово-экономического сотрудничества государств Центральной Азии с Индией можно ожидать возрастания потока промышленной и иной продукции из данной страны через Иран в наш регион.

Как видно из приведенного выше анализа, не все государства Центральной Азии могут активно использовать свой транзитный потенциал ввиду своего географического положения. Речь в данном случае идет об Узбекистане, который в настоящее время активно поддерживает проект строительства железнодорожной магистрали, которая могла бы через территорию Кыргызстана связать его с КНР. Это позволило бы реализовать в регионе альтернативный транзитный коридор, который бы прошел бы по его южной части и далее – через Туркменистан, вывел бы товаропотоки из Китая на Средний и Ближний Восток. Это, в свою очередь, может стать основой не только для расширения пропускной способности транзитных коридоров всей Центральной Азии, но и важным условием для создания и дальнейшего развития современной инфраструктуры, связанной с данной транзитной магистралью.

Есть также определенная сложность в этом направлении и для Таджикистана, который из-за сложных высокогорных условий Памира не имеет прямого выхода на транспортную систему КНР, ведь он является одним из его важнейших внешних торгово-экономических партнеров. Это заставляет его использовать транспортную магистраль через Алайскую долину, которая позволяет выйти на Памирский тракт или через перевал Карамык

доставлять грузы в Душанбе и другие города этой республики. Но учитывая, что Таджикистан не является членом ЕАЭС (в отличие от Кыргызстана, с которым отношения периодически усложняются из-за инцидентов на границе) подобная ситуация затрудняет развитие торговых связей с КНР.

Однако развитие современной транспортной системы в Центральной Азии все еще значительно отстает от реальных запросов торговли и экономики в целом, что в заметной мере затормаживает ее дальнейшую интенсификацию. Это неизменно сказывается также на пропускной способности важнейших таможенных пунктов на внешних границах региона, которые в большинстве случаев не обладают в полной мере или же почти полностью лишены современной инфраструктуры, которая позволила бы интенсифицировать транзитные потоки через них.

Это проявляется в том, что из-за недостаточных инфраструктурных мощностей (при загрузке или разгрузке транзитной торговой продукции) на контрольных и таможенных пунктах возникают заметные задержки, что вызывает их простой, а в некоторых случаях даже ведет к потере грузов, вследствие чего наносятся заметные экономические убытки.

Другой проблемой на пути увеличения пропускного потенциала транспортных коридоров в Центральной Азии являются различия в процедурах досмотра и оформления грузов. И если в странах ЕАЭС они относительно приведены в соответствие и упрочены, то в остальных случаях могут занять значительное время. В некоторых случаях они могут искусственно усложняться в результате непростых политических отношений между странами. Что также приводит к длительным простым товарам на границе и соответственно – приносит значительные убытки, особенно если речь идет о скоропортящихся продуктах.

По этим причинам, для наращивания пропускной способности таможенных и контрольных пунктов государств Центральной Азии, через которые идет международная и транзитная торговля, необходимо не только дальнейшее развитие транспортной

(железнодорожной сети и сопутствующей логистической инфраструктуры), но и также упрощение таможенного контроля дипломатическими путями унификации таможенных систем на межрегиональном уровне.

Гузаргоҳҳои гумрукии асосӣ дар долонҳои нақлиётии Осиёи Марказӣ ва имконоти онҳо

Дар мақола шарҳи гузаргоҳҳои калидии гумрукӣ дар Осиёи Марказӣ оварда шудааст, ки тавассути онҳо ҳам транзити молу маҳсулот аз Чин, Афғонистон, Туркия ва ҳам тиҷорати дохилӣ дар минтақа сурат мегирад. Иқтидори интиқоли артерияҳои муҳимтарини тиҷоратии минтақа аз маҷмӯи тағирёбандаи табиӣ-ҷуғрофӣ, иқтисодӣ ва сиёсӣ вобаста аст.

Аз ин рӯ, дар зер мо кӯшиш ба харҷ медиҳем ҳам вазъи кунунии гузаргоҳҳои асосии гумрукиро дар кишварҳои Осиёи Марказӣ омӯзем ва таъсири онҳоро ба иқтидори транзитӣ арзёбӣ кунем. Инчунин таҳлили чӣ гуна бартараф кардани таъсири манфии онҳоро пешкаш намуда, барои афзоиши онҳо дар сатҳи минтақа ва ҷаҳон ибрози назар намоем. Рушди низоми муосири нақлиёти Осиёи Марказӣ маҷмуан аз талаботи воқеии савдо ва умуман иқтисод хануз хеле кафо мондааст, ки ташдиди минбаъдаи онро ба андозаи зиёд суст мекунад.

Калидвожаҳо: тиҷорати фаромарзӣ, Осиёи Марказӣ, гумрук, долонҳои тиҷоратӣ

Основные таможенно-пропускные пункты на транспортных коридорах Центральной Азии и их потенциал

В данной статье дается обзор ключевых таможенных пунктов в Центральной Азии, через которые идут как транзитные товарные потоки из Китая, Афганистана, Турции так и осуществляется внутренняя торговля в регионе. Пропускные способности важнейших торговых артерий региона зависят как от природно-географического, так и от экономического и политического набора переменных.

Поэтому ниже мы постараемся не только изучить современное состояние основных таможенно-пропускных пунктов стран Центральной Азии и оценить их влияние на транзитный потенциал, но и проанализировать, как преодолеть их негативное воздействие (а также способствовать его росту на региональном и межрегиональном уровнях). Развитие современной транспортной системы в Центральной

Азии все еще значительно отстает от реальных запросов торговли и экономики в целом, что в заметной мере затормаживает ее дальнейшую интенсификацию.

Ключевые слова: трансграничная торговля, центральная Азия, таможня, торговые коридоры

The main customs checkpoints on the transport corridors of Central Asia and their potential.

This article provides an overview of the key customs points in Central Asia through which both transit trade flows from China, Afghanistan, Turkey and internal trade in the region are carried out. The carrying capacities of the region's most important trade arteries depend on both the natural-geographic and economic and political set of variables.

Therefore, below we will try not only to study the current state of the main customs checkpoints in Central Asian countries and assess their impact on the transit potential, but also to analyze how to overcome their negative impact (as well as contribute to its growth at the regional and interregional levels). The development of the modern transport system in Central Asia is still significantly lagging behind the real demands of trade and the economy as a whole, which significantly slows down its further intensification.

Keywords: cross-border trade, Central Asia, customs, trade corridors

Информация об авторе: Бердаков Денис Михайлович, директор ОФ «Трансграничная исследовательская сеть Центральной Евразии», телефон - 996 551 111 835, denisberdakov@gmail.com (г.Бишкек, Кыргызстан)

Information about the author: Denis Mikhailovich Berdakov, Director of the PF “Cross-Border Research Network of Central Eurasia”, telephone - 996 551 111 835, denisberdakov@gmail.com

ВЫЗОВЫ УСТОЙЧИВОМУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Данков А.Г. – к.и.н., доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета

Рассуждая об общих противоречиях социально-экономического развития, необходимо подчеркнуть, что Центральная Азия является весьма неоднородным регионом с точки зрения социально-экономических процессов. Она стремительно фрагментируется по уровню жизни, темпам экономического роста, состоянию экологии, качеству социальных услуг и доступу к инфраструктуре. Поэтому сложно найти общие социально-экономические проблемы, которые бы одинаково беспокоили жителя мегаполиса и выходца из маленького села.

С другой стороны, для региона все же характерны многочисленные противоречия, которые являются серьезными вызовами для социально-экономического развития всей Центральной Азии. Поэтому на неё стоит взглянуть через призму сочетания весьма противоречивых процессов. Во-первых, в Центральной Азии продолжающийся рост населения и острая проблема занятости сочетается с дефицитом квалифицированных кадров и низким качеством человеческого капитала. Несмотря на мощный миграционный отток, население региона за последние 30 лет выросло на 47%, или более, чем на 23 млн. чел. [1] На фоне молодой структуры населения (средний возраст по данным на 2015 год колебался от 22 лет в Таджикистане до 29 лет в Казахстане [2]) и большого количества детей в семье (например, в Таджикистане на одну женщину в среднем приходится 3,8 ребенка [3]) очевидно, что рост, хотя и меньшими темпами, чем раньше, будет продолжаться.

Для всех стран региона крайне актуальной остается проблема занятости населения, в первую очередь молодежи. Согласно официальным данным, безработица в Центральной Азии

колеблется от 2,3% в Таджикистане до 9,3% в Узбекистане, а общее количество официальных безработных в странах региона превышает 2 млн. человек. Однако эксперты говорят о более серьезных масштабах проблемы, когда значительная доля безработных не регистрируется, относится к категориям сезонных работников или самозанятых, а также отправляется в трудовую миграцию за рубеж. Сотни тысяч жителей Центральной Азии не зарегистрированы в качестве безработных, по нескольким причинам – из-за сложной и продолжительной бюрократической процедуры регистрации в органах соцзащиты, из-за своей юридической неграмотности, или из-за того, что формально заняты в сельском хозяйстве или сфере услуг с частичной занятостью и крайне низкой производительностью труда. По оценкам доля безработных в крупных городах составляет 10-15 %, а в сельской местности колеблется от 40 до 60 %. Поэтому мардикор-базары – стихийные рынки поденщиков – являются неотъемлемой частью ландшафта трудоизбыточных районов Центральной Азии, а более 5 млн. человек находятся за рубежом в качестве трудовых мигрантов.

При этом страны региона испытывают острую нехватку квалифицированных специалистов в здравоохранении, образовании, промышленности, транспорте и жилищно-коммунальной сфере. Именно поэтому для реализации новых проектов в области промышленности и строительства страны Центральной Азии ежегодно привлекают несколько десятки тысяч иностранных рабочих и специалистов из Китая, Турции, России, Индии и других стран. Одной из главных причин такой противоречивой ситуации остается низкий уровень образования и квалификации большинства населения Центральной Азии. Доля трудоспособного населения с высшим и средним профессиональным образованием в регионе значительно ниже, чем в России или странах Европы. К сожалению, национальные системы профессионального образования не могут обеспечить экономики стран Центральной Азии необходимым количеством специалистов с достаточным уровнем подготовки. Высокий

уровень коррупции, низкий уровень квалификации преподавателей и слабая материально-техническая база не позволяют обеспечить качественную подготовку студентов. Поэтому значительная часть молодежи из Центральной Азии получает образование за рубежом – в Европе, Северной Америке, в Китае и других странах Восточной Азии. Лидерство в области подготовки кадров для региона прочно удерживает Россия. Всего на данный момент в России обучается более 100 тыс. выходцев из стран Центральной Азии, которые составляют более половины всех иностранных студентов в нашей стране. Даже учитывая, что почти половина выпускников российских вузов из числа жителей Центральной Азии после окончания университета остаются в России, специалисты с российскими дипломами играют ключевую роль в экономическом развитии региона. Уверен, что их количество должно и будет возрастать.

Во-вторых, для Центральной Азии характерен быстрый экономический рост, сопровождавшийся за последние 20 лет значительным повышением уровня жизни населения и серьезными успехами в борьбе с бедностью. При этом, слабодиверсифицированные местные экономики, зависимы от внешней экономической конъюнктуры, маленький внутренний рынок, ослабленный волной девальваций национальных валют 2014-2019 гг., не может обеспечить необходимый объем спроса, а новые проекты технологически тотально зависят от зарубежных компаний.

Темпы экономического роста в Центральной Азии за последние 15 лет были выше, чем у многих соседей: ЕС, России, Ирана или Турции. В самой бедной стране региона – Таджикистане – уровень бедности снизился с 73% в 2003 г. до 31% в 2015 г. [4] Так же произошли серьезные изменения в структуре ВВП, где значительно снизилась доля сельского хозяйства. Однако экономики стран региона по-прежнему зависят либо от экспорта минерального сырья (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), либо от экспорта рабочей силы (Таджикистан, Кыргызстан).

Учитывая малочисленность среднего класса – его численность сложно определить, однако в той или иной степени к нему относятся около 30% населения (от 35 % в Казахстане до 5% в Таджикистане) [5] – и маленькую емкость внутреннего рынка, страны региона обречены на развитие экспортноориентированной модели экономики. Однако низкий уровень локализации сложных технологических производств, нехватка квалифицированных кадров, зависимость от импортного оборудования и технологий в ключевых секторах экономики не позволяют сделать экспорт более технологичным. Несмотря на очевидные успехи в развитии отдельных отраслей экономики – легкой (текстильной, швейной, пищевой) промышленности, цветной металлургии, производстве строительных материалов, транспорте – страны Центральной Азии все чаще сталкиваются с объективными ограничениями своего роста.

Для стран региона характерен огромный теневой сектор экономики. Например, по словам главы Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан Шерзода Кудбиева в стране из 13,5 млн человек экономически активного населения лишь 40% работают официально, остальные – в теневом секторе [6]. Масштабная коррупция и высокая роль государства в экономике препятствует развитию частного бизнеса. В большинстве случаев, крупные бизнесмены либо связаны с государством, либо заработали капитал за рубежом.

В-третьих, регион занимает уникальное географическое положение в сердце Евразийского континента, однако его транзитный потенциал плохо реализуется из-за слаборазвитой инфраструктуры, таможенных и технических ограничений, а также высокого уровня коррупции. Например, в Казахстане объем железнодорожных транзитных грузов в 2018 году составил чуть более 17 млн. т., [7] что в разы меньше, чем объем транзитных грузов Транссибирской магистрали. Низкий уровень развития инфраструктуры объясняется многими причинами. Так на момент распада Советского Союза только Казахстан имел

относительно полноценную железнодорожную сеть, которая соединяла все регионы страны. В остальных государствах Центральной Азии передвижение из одной области в другую было завязано на транзит через территорию соседей. Так, например, в Узбекистане из Ташкента в Термез по железной дороге можно было попасть только через территорию Туркменистана. За почти 30 лет с момента распада СССР в Центральной Азии были построены несколько тысяч километров внутри- и межгосударственных железных дорог. Однако серьезные проблемы остаются. Хотя Туркменистан завершил объединение национальной железнодорожной сети в единую систему в 2006 году, а Узбекистан сделал это только в 2018 году, а Таджикистан и Кыргызстан до сих пор не имеют полноценной национальной железнодорожной сети. Под вопросом пока остаются и транзитные возможности автомобильного транспорта в регионе.

Острой проблемой для многих частей Центральной Азии является не только слабое развитие транспортной, но и других видов инфраструктуры, например, дефицит электроэнергии и бытового газа. Систематические ограничения в подаче электроэнергии являются нормой для многих районов Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, а сложности, связанные с подключением к энергосистемам, – одним из важнейших ограничений для развития крупных промышленных производств. В сложном положении находится и жилищно-коммунальная инфраструктура стран Центральной Азии. Например, по данным Всемирного банка, центральное отопление и малые котельные охватывают лишь 8 % населения Таджикистана в основном в столице республики – Душанбе и характеризуются неудовлетворительным качеством обслуживания и низкой надежностью снабжения. В результате снижения надежности теплоснабжения почти в 80% городских зданий, ранее подключенных к системе ЦО, были демонтированы радиаторы и внутридомовая инфраструктура отопления [8]. Тяжелейший энергетический кризис зимой 2007-2008 гг. в

Таджикистане и масштабная авария на ТЭЦ в Бишкеке в январе 2018 года подчеркивают, что проблемы коммунальной инфраструктуры до сих пор не решены.

Подводя итоги, стоит отметить, что решение указанных выше противоречий является стратегической задачей для всех стран Центральной Азии на ближайшие 15-20 лет. Именно это и есть ключевой элемент «Большой трансформации», которую переживает регион.

Библиография

1. 15 новых независимых государств. Численность населения на начало года, 1950-2018, тысяч человек // База данных еженедельника «Демоскоп Weekly» Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» / URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php

2. 15 новых независимых государств. Медианный возраст населения, лет, 1950-2100 // База данных еженедельника «Демоскоп Weekly» Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» / URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_med_age.php

3. 15 новых независимых государств. Коэффициент суммарной рождаемости, 1958-2018 База данных еженедельника «Демоскоп Weekly» Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» / URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng__tfr.php

4. Рахмон заявил о сокращении бедности и росте среднего класса в Таджикистане // Информационное агентство «Фергана», 03.07.2018. URL: http://www.fergananews.com/news/30944

5. Сколько среднего класса в Центральной Азии? // Центральноазиатский портал, 30.08.2017. URL: http://www.ca-portal.ru/article:37295

6. Больше половины работников в Узбекистане оказались втянуты в теневой сектор // Информационное агентство «Stan radar» / URL: https://stanradar.com/news/full/34794-bolshe-

poloviny-rabotnikov-v-uzbekistane-okazalis-vtjanuty-v-tenevoj-sektor.html

7. 17 млн. тонн составил объем транзита грузов ЖД транспортом в 2018 году. 15.03.2019 // Новостной портал информационного агентства «Хабар» / URL: https://24.kz/ru/news/social/item/302462-17-mln-tonn-sostavil-ob-em-tranzita-gruzov-zhd-transportom-v-2018-godu

8. Балабанян А., Хофер К., Финн Дж., Хэнкинсон Д. Сохраняя тепло: Варианты городского отопления в Таджикистане. Сводный отчет Всемирного банка (2015) P. iv / URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/845041467998758125/pdf/97495-WP-P133058-RUSSIAN-Box391503B-PUBLIC-Heating-Assessment-for-Tajikistan-P133058-2015-04-29-12-35-RUS-June-12-2015.pdf

Чолишҳо барои рушди устувори иҷтимоию иқтисодӣ дар Осиёи Марказӣ

Осиёи Марказӣ аз чихати равандҳои иҷтимоию иқтисодӣ минтақаи мураккаб ба шумор меравад. Он аз нигоҳи сатҳи зиндагӣ, суръати рушди иқтисодӣ, шароити экологӣ, сифати хизматрасониҳои иҷтимоӣ ва дастрасӣ ба инфрасохтор босуръат пароканда мешавад. Аз ин рӯ, пайдо кардани мушкилоти умумии иҷтимоӣ-иқтисодии сокини шаҳри бузург ва бошандаи як деҳаи хурд, ки ҳардуро ба ташвиш оварад, ғайриимкон аст. Аз тарафи дигар, дар минтақа то ҳол ихтилофҳои сершумор ба назар мерасанд, ки барои рушди иҷтимоию иқтисодии тамоми Осиёи Марказӣ мушкилоти ҷиддие мебошадд. Бинобар ин, ба он аз диди ба ҳам омадани равандҳои басо зиддиятнок назар кардан лозим аст.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ, рушди иҷтимоию иқтисодӣ, иқтисоди сиёсӣ.

Вызовы устойчивому социально-экономическому развитию Центральной Азии

Центральная Азия является весьма неоднородным регионом с точки зрения социально-экономических процессов. Она стремительно фрагментируется по уровню жизни, темпам экономического роста, состоянию экологии, качеству социальных услуг и доступу к инфраструктуре. Поэтому сложно найти общие социально-экономические проблемы, которые бы одинаково беспокоили жителя мегаполиса и выходца из маленького села. С другой стороны, для региона все же характерны многочисленные противоречия, которые являются серьезными вызовами для социально-экономического развития всей Центральной Азии. Поэтому на неё стоит взглянуть через призму сочетания весьма противоречивых процессов.

Ключевые слова: Центральная Азия, социально-экономическое развитие, политэкономия.

Challenges to Sustainable Socio-Economic Development in Central Asia

Central Asia is a very heterogeneous region in terms of socio-economic processes. It is rapidly fragmenting in terms of living standards, rates of economic growth, environmental conditions, quality of social services, and access to infrastructure. Therefore, it is difficult to find general socio-economic problems that would be equally worried about a resident of a megalopolis and a native of a small village. On the other hand, the region is still characterized by numerous contradictions, which are serious challenges for the socio-economic development of all of Central Asia. Therefore, it is worth looking at it through the prism of a combination of contradictory processes.

Key words: Central Asia, social and economic development, political economy.

Сведения об авторе: Данков Артем Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: artemdankov2015@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Давыдов З.В. – старший преподаватель кафедры международных отношений ДВФУ
Дмитриева М.О. – к.п.н., старший преподаватель кафедры международных отношений ДВФУ

Несмотря на то, что суверенное государство и в 2020 году остается основным участником международных процессов, развитие многостороннего регионального сотрудничества играет все большее значение в динамике мировых политических, экономических и социальных процессов. Сама интеграция может достигать различного уровня от зоны свободной торговли стимулирующей развитие общей региональной экономики, до всеобъемлющего сотрудничества примером которого в настоящее время является Европейских союз со своими надгосударственными институтами и зачастую единым внешнеполитическим курсом.

Очевидно, что деятельность многосторонних форматов регионального сотрудничества не всегда отвечает конкретным интересам стран-участников, однако усиление связей между государствами положительно сказывается на положении региона в системе международных отношений.

Усиление своих позиций в диалоге с внерегиональными партнерами является одним из актуальных вопросов для каждой из стран Центральной Азии (ЦА)[1].

Находясь на цивилизационном стыке и пересечении исторических торговых путей, ЦА пользуется повышенным вниманием со стороны таких крупных мировых держав как КНР, США, Россия, а также ЕС.

Имея в регионе свои стратегические интересы каждая из указанных стран стремится сохранить ЦА в орбите своего

[1] В данной работе по Центральной Азией авторы понимают регион, охватывающий Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

влияния даже при условии ущемления или игнорирования позиции государств региона. При этом и Россия, и КНР, и США имеют проекты многостороннего сотрудничества со странами региона, а порой даже не один. Однако основным каналом выстраивание диалога остаются двусторонние отношения.

Центральная Азия – регион со сложившимися устойчивыми внешними границами, объединенный общей географией и историей. В настоящее же время ЦА включает в себя страны, стремящиеся зачатую к максимальному дистанцированию друг от друга, страны, имеющие множество неразрешенных между собой противоречий, ставящие перед собой в первую очередь собственное национальное самоопределение, проявляющееся в проведении самостоятельной национальноориентированной внешней политики.

Однако с учетом существенного различия в первую очередь в уровне экономического развития между странами ЦА и внерегиональными акторами центральноазиатские республики не могут выступать как равноправный партнер и вынужденно попадают в зависимость от более влиятельных игроков, становясь, фактически, полем для реализации их внешнеполитических инициатив.

В связи с этим создание площадки в той или иной форме, направленной на построение внутрирегионального многостороннего характера без участия стран и международных институтов, и организаций, не имеющих отношения непосредственно к Центральной Азии, все чаще определяется как одна из приоритетных задач, стоящих перед руководителями стран региона.

***

Сразу после распада Советского Союза тезис о необходимости реинтеграции, или интеграции на новых условиях, Центральной Азии начал звучать в экспертных кругах, речах политиков, различных программах. Многочисленные конференции, статьи и аналитические доклады, освещающие данный вопрос и

пророчащие процветание единого региона, множились с каждым годом, но не имели особого влияния на реальный ход событий.

Правительства стран региона, соглашаясь с доводами о выгодах совместного существования не были готовы делегировать часть только полученного суверенитета каким-либо надгосударственным структурам. В результате Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), Организация Центрально-Азиатского Сотрудничества (ОЦАС) не получили своего развития. И в дальнейшем страны региона начали вступать в различные союзы, инициаторами которых стали внерегиональные акторы, которые «предлагают странам ЦА свои региональные проекты, что только отдаляет их от собственных инициатив» [8].

А. Князев отмечает, что «в конце XX в. концепция Центральной Азии стала трактоваться в зависимости от геополитических соображений. Появляются … интегристские схемы, предусматривающие решение конкретных задач, соответствующих интересам находящихся за пределами региона геополитических центров силы» [6, с.3].

Российский эксперт А. Казанцев считает, что у центральноазиатских республик сформировались различные подходы в построении внешнеполитического курса и внутреннего развития. Поэтому, по его мнению, «уже сейчас его существование во многом условно» [2, с.8]. Это позволяет экспертам строить различные конструкции из стран региона и их соседей.

Об этом говорит и сотрудник Московского Центра Карнеги А. Малашенко. Рассуждая по поводу данного вопроса, эксперт утверждает: «Но это категорически не единый регион. У них национальные интересы преобладают над региональными на 200%» [5]. Выступая на одной из конференций1, посвященной проблемам ЦА, А. Малашенко заявил, что «исходить из того, что

[1] Международная специализированная конференция «Взгляд на ситуацию в центральноазиатском регионе через призму киргизских событий июня 2010 года».

Центральная Азия – единый регион, с едиными интересами и условиями развития – неверно, любые прямые сравнения – спекулятивны либо наивны» [10].

Молодым государствам Центральной Азии пришлось маневрировать между внерегиональнми игроками, которые старались обосноваться в новом регионе. В итоге все страны региона стали декларировать о многовекторности внешней политики. Туркменистан провозгласил позицию нейтралитета основой своего курса. А. Богатуров с соавторами назвали такую линию поведения «потенциальным или отложенным нейтралитетом» [1, с.20]. А. Рашид дополняет данное положение: «… руководители стран Центральной Азии играют на противоречиях между великими державами, ведя остроумную и беззастенчивую игру с целью извлечь максимальную выгоду в виде кредитов, инвестиций, оружия и платы за аренду военных баз на своей территории» [7].

Эксперт М. Б. Оклотт говорит, что для получения помощи и внешнеполитической поддержки лидеры центральноазиатских республик использовали три этнические карты: тюркскую или персидскую национальность, ислам и азиатскую принадлежность. Однако ни одна из них не принесла желаемого результата [11].

По острому, но справедливому замечанию Ф.Толипова, «На практике страны региона многовекторностью чаще всего прикрывают метания на внешнем поле в условиях быстроменяющейся обстановки» [9].

Избранная центральноазиатскими республиками тактика проведения многовекторного внешнеполитического курса объяснима, но она является препятствием установлению внутрирегиональных связей. Кроме того, подобное поведение дискредитирует правительства в лице мирового сообщества и потенциальных инвесторов. Если геополитическая важность Центральной Азии снизится, интерес внешних акторов к региону также упадет, что может привести к его деградации.

Активная деятельность нового руководства Узбекистана, налаживание отношений с Таджикистаном, провозглашение Ташкентом и Нур Султаном приоритетным направлением внешней политики региональное сотрудничество стали сигналами о возможном изменении ситуации. Еще больше оптимизма вызвали встречи глав государств региона без какого-либо посредничества внерегиональных игроков. Ф.Старр заявил, что в Центральной Азии может в скором времени появится структура, вроде АСЕАН. По его мнению, «После столетий игры друг против друга центральноазиатские государства объединили свои усилия для достижения общего благосостояния» [12]. Ожидания российских экспертов тоже были высоки. Появилась надежда, что страны региона перестанут быть исключительно объектом международных отношений, а «готовы сознательно повысить свою роль как субъектов международных отношений, взять на себя ответственность за формирование политических, экономических и социальных структур своего региона» [3].

К сожалению, эти ожидания не оправдались. Разразившаяся пандемия короновируса не стала причиной сплочения стран региона. Они по-прежнему испытывают недоверие к наднациональным структурам; двусторонние отношения все так же омрачаются пограничными конфликтами и водноэнергетическими противоречиями. Заявки Узбекистана и Казахстана на региональное лидерство могут привести к обострению этих проблем. Главная причина неудачи не изменилась: элиты стран не способны преодолеть свой эгоизм и найти компромиссные решения по даже самым важным вопросам развития региона, они пока воспринимают национальные интересы в тесной связи со своими собственными политическими и коммерческими интересами.

Подводя итог, можно сказать, что «внешнеполитические задачи центральноазиатских государств имеют некоторые общие черты, но в целом их индивидуальные стратегии и цели расходятся все больше, так что в действительности сегодня уже нельзя говорить о единстве Центральной Азии в международных

делах: Ашхабад и Бишкек или Астана и Ташкент смотрят на мир по-разному» [4].

Возможно, пришло время отойти о разговорах об интеграции. Государствам Центральной Азии стоит начать тесно и эффективно сотрудничать по отдельным болезненным вопросам. Это сотрудничество необязательно должно быть оформлено в виде какого-либо союза или интеграционного блока. Такой формат решения общих проблем, которых немало, скорее объединит регион, чем громоздкие наднациональные структуры.

По сути, никто больше стран региона не заинтересован в их совместном взаимодействии. Внерегиональные акторы преследуют исключительно свои цели и задачи.

***

Очевидно, что развитие многосторонней интеграции должно стать для республик региона одним из приоритетов в долгосрочной перспективе. Как показывает практика разрозненная внешнеполитическая позиция стран ЦА зачастую негативно (в первую очередь для самого региона) сказывается на взаимоотношениях с внерегиональными акторами.

Двусторонние отношения, до сих пор оставаясь основной формой выстраивания международных контактов, часто носят достаточно противоречивый характер если их рассматривать с точки зрения интересов центральноазиатского региона как единого пространства. Этот факт, безусловно, способствует замедлению процесса развития региона.

Однако, действительно возможно регион в настоящее время не нуждается в создании очередной международной организации или надгосударственного института. Международные контакты государств ЦА и без того перегружены бюрократизмом, являющегося неотъемлемой частью функционирования любой административной структуры. Дальнейшее развитие формата регулярных консультативных встреч лидеров стран региона способно стать более продуктивной формой внутрирегионального сотрудничества.

Вместе с тем, одним из конструктивных шагов в процессе выработки единой внешнеполитической стратегии для региона могло бы стать создание исследовательской консультативной структуры, объединяющей на равных началах экспертов из всех стран региона – так называемого Центральноазиатского Совета по международным делам (Совета).

На национальном уровне уже существуют Советы по международным делам. Успешно осуществляя аналитическую и консультативную деятельность, они в тоже время сосредоточены на выработке рекомендаций, основанных на государственных интересах, игнорируя, зачастую, общие для региона приоритеты.

Надгосударственная исследовательская структура, представленная специалистами из каждой страны региона, смогла бы сосредоточиться как на разработке единой для региона внешнеполитической стратегии, так и на выработке конкретных решений по отдельным наиболее острым вопросам внешней политики региона.

Однако данная структура способна стать настоящим мозговым центром, непосредственно участвующим в процессе принятия политических решений, только при соблюдении следующих условии:

- помимо экспертов по ключевым вопросам внешнеполитической деятельности в состав Совета должны входить лица, имеющие практический опыт в международной деятельности (экс-дипломаты, государственные и общественные деятели, представители деловых структур, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность);
- реализация проекта должна проходить при активной поддержке со стороны государственных институтов стран ЦА и в первую очередь министерств иностранных дел. Прямой контакт Совета с внешнеполитическими ведомствами является той составляющей, которая способна придать прикладную значимость всей деятельности указанной структуры
- представительство стран должно носить равный характер без ограничительных и, по сути, дискриминационных мер

экономического, демографического и геополитического характера.

Безусловно, создание указанной аналитической структуры не разрешит в краткосрочной перспективе существующие проблемы внутрирегионального сотрудничества. Вместе с тем единый Центральноазиатский совет по международным делам будет способен выработать единую компромиссную и отвечающую интересам всех сторон внешнеполитическую стратегию даже с учетом наличия внутренних разногласий.

Реализации единой региональной стратегии в диалоге с внерегиональными акторами в свою очередь будет способствовать уравновешиванию отношений, чего невозможно будет добиться ни одной из республик ЦА в рамках двусторонних контактов.

Вместе с тем, проект Совета не обязательно должен представлять собой традиционную исследовательскую структуру в классическом понимании.

2020 год стал своего рода стресс-тестом практически для любой сферы жизни общества. Сложная эпидемическая обстановка, вызванная вспышкой коронавирусной инфекции, замедлила темпы экономического роста и усложнила международные контакты. Однако введенные ограничение способствовали введению удаленных форм взаимодействия. Современные технологии коммуникаций позволяют запустить Центральноазиатский совет по международным делам в дистанционном формате в кратчайшие сроки и без существенных материальных издержек для создания соответствующей инфраструктуры.

Библиография

1. Богатуров А. Д., Дундич А. С., Троицкий Е. Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. Выпуск 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

2. Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая Политика и Центральная Азия / А.А.Казанцев. - М.: МГИМО-Университет, 2008. - 382 с.

3. Казанцев А., Каженова А. Новый этап центральноазиатской интеграции. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-tsentralnoaziatskoy-integratsii/

4. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_58_6-20.pdf

5. Малашенко А. Забудьте про Великий Шелковый путь! // Информационное агентство Фергана. URL: http://www.fergananews.com/articles/5936

6. Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / под ред. А.А. Князева. Бишкек, 2007. — 296 с.

7. Рашид А. Что и почему нам следует знать о Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. -2014. -№8(266). -С.85-97.

8. Рустами С. Центральная Азия – несложившаяся интеграция? URL: https://caa-network.org/archives/19909

9. Толипов Ф. Эклектичность многовекторности как фактор сбоя пятисторонности в Центральной Азии. URL: https://caa-network.org/archives/20446

10. Центральную Азию ждут трансграничные конфликты // URL: http://www.infoshos.ru/ru/?idn=7950

11. Olcott M. B. Nation Building and Ethnicity in the Foreign Policies of the New Central Asian States // National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia. NY, 1994. P. 209-229.

12. Starr S. Frederick Is This Central Asia’s ASEAN Moment? URL: https://thediplomat.com/2019/12/is-this-central-asias-asean-moment/

Дурнамои ҳамкориҳои бисёрҷониба дар Осиёи Марказӣ

Рушди муколамаи минтақавии байнидавлатӣ дар динамикаи равандҳои сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии ҷаҳонӣ нақши афзоянда мебозад. Фаъолияти шаклҳои бисёрҷонибаи ҳамкориҳои минтақавӣ ба

мавқеи минтақа дар низоми муносибатҳои байналмилалӣ метавонад таъсири мусбат расонад.

Дар мақола ба вазъ ва дурнамои ҳамкориҳои бисёрҷонибаи кишварҳои Осиёи Марказӣ таваҷҷӯҳ зоҳир шудааст. Марҳилаҳои асосии рушди муносибатҳои минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ мавриди баррасӣ қарор дода, таҳлили андешаҳои коршиносон оид ба масъалаи мавриди назар анҷом ёфтааст. Шакли имконпазири ҷалби ҷомеаи коршиносони минтақа ба рушди равандҳои ҳамгироӣ баррасӣ гардидааст.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ, ҳамгироӣ, ҳамкори минтақавӣ, ҳамкориҳои бисёрҷониба, шӯрои коршиносон.

Перспективы многостороннего сотрудничества в Центральной Азии

Развитие межгосударственного регионального диалога играет все большее значение в динамике мировых политических, экономических и социальных процессов. Деятельность многосторонних форматов регионального сотрудничества способна позитивно сказаться на положении региона в системе международных отношений.

В статье уделено внимание состоянию и перспективам многостороннего сотрудничества между странами Центральной Азии. Затронуты основные этапы развития региональных отношений в ЦА, проведен анализ экспертных мнений относительно изучаемого вопроса. Рассмотрен возможный формат привлечения экспертного сообщества региона к развитию интеграционных процессов.

Ключевые слова: Центральная Азия, интеграция, региональное сотрудничество, многостороннее сотрудничество, экспертный совет.

Prospects for Multilateral Cooperation in Central Asia

The development of inter-state regional dialogue plays an increasingly important role in the dynamics of global political, economic and social processes. The activities of multilateral formats of regional cooperation can have a positive impact on the region's position in the system of international relations.

The article focuses on the contemporary state and prospects of multilateral cooperation between the countries of Central Asia. We give a short analysis of the main stages of development of regional relations in Central Asia are touched upon, and expert opinions on the issue under study are analyzed.

Also we offer a possible format for attracting the region's expert community to the development of integration processes is considered.

Keywords: Central Asia, integration, regional cooperation, multilateral cooperation, expert council.

Сведения об авторах:

Давыдов Захар Владимирович – Дальневосточный федеральный университет, старший преподаватель кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ. Адрес: Россия, г. Владивосток, о. Русский, Кампус ДВФУ, корпус D, D 928, Тел: (+9146986595). E-mail: davydov.zv@dvfu.ru

Дмитриева Марина Олеговна – Дальневосточный федеральный университет, к. п. н., старший преподаватель кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ. Адрес: Россия, г. Владивосток, о. Русский, Кампус ДВФУ, корпус D, D 928, Тел: +79644463686. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Information about the authors:

Davydov Zakhar Vladimirovich – Far Eastern Federal University, senior lecturer at the Department of international relations of the FEFU Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies. Address: Russia, Vladivostok, Russian island, FEFU Campus, building D, D 928, Tel: +79146986595. E-mail: davydov.zv@dvfu.ru

Dmitrieva Marina Olegovna – Far Eastern Federal University, PhD, senior lecturer at the Department of international relations of the FEFU Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies. Address: Russia, Vladivostok, Russian island, FEFU Campus, building D, D 928, Tel: +79644463686. E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ризоён Ш.Ш. *– к.полит.н., старший преподаватель кафедры Дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан, ТНУ*

Гиёсов М.Ф. *– эксперт Комитета по религии, упорядочению традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан*

Афганистан уже более 40 лет находится в затяжном конфликте, где не утихает гражданская война. Для анализа ситуации в Афганистане важно осознать предпосылки событий, что имеет серьёзное значения для понимания и прогнозирования возможного развития ситуации. Для этого также необходимо учитывать факторы, влияющие на внутреннюю политическую трансформацию, интересы афганских элитарных групп, подходы глобальных и региональных держав, имеющие в этой стране постоянные интересы.

Специфика политических групп и сил в Афганистане

Афганистан имеет специфичную и исключительную политическую, экономическую, социальную и культурную структуру, без ясного понимания которой невозможно дать реальную оценку политическим процессам. История Афганистана, в особенности за последние 40 лет, показывает, что все внутренние силы этой страны, как в период борьбы с Советским Союзом и центральным правительством Афганистана, так и после переговоров в Бонне и поражения Талибан с учетом существующих политических реалий не имели устойчивую позицию в программах и предпринимаемых действиях. Этот фактор доказывает, что невозможно спрогнозировать действия и шаги влиятельных политических личностей в политических процессах Афганистана.

Опыт политической трансформации в Афганистане показывает, что влиятельные политические лица для достижения собственных целей не всегда строго придерживаются своих партийных ориентаций, а с течением обстоятельств меняют свои политические взгляды и входят в оппозиционные группы. В качестве примера можно назвать прошедшие президентские выборы 2019 года, когда ряд влиятельных лиц с обеих команд, поменяли свои взгляды и превратились в политических оппонентов своих бывших партнеров. В этом контексте можно отметить изменения позиций влиятельного в северных регионах генерала Атомухаммад Нура и Амрулла Салеха из коалиции Абдуллы, а также Абдурашида Дустума, Халили, и в какой-то степени Атмара из коалиции Гани.

Эти политические личности сыграли важную роль в президентских выборах 2014 года, в ведении и завершении избирательного процесса и в последующем в организации Правительства национального единства, пропорциональном разделении власти между сторонами на составе своих коалиций. В выборах 2019 года, с учетом собственных политических интересов они поменяли свои позиции. На основе такой практики, можно предположить, что в грядущих трансформациях этой страны, они могут снова поменять свои политические предпочтения. Такая же ситуация очень часто наблюдается среди вооруженных оппозиционных групп действующего правительства.

Данная политическая культура сформировалась на основе исторической пути афганского общества под влиянием этнического и родоплеменного фактора, а также других существующих элементов. Спецификой этой политической культуры является то, что она сложилась под влиянием внутренних факторов и внешний фактор не играет главенствующую роль [*более подробно о политической культуре в Афганистане и об исторических аспектах ее формирования см.:* 1].

Поэтому, до того момента, когда не сформируется рациональная и устойчивая политическая культура в рамках устоявших правил, политические процессы в Афганистане останутся мало прогнозируемыми. Вне зависимости от того, что в этих процессах с учетом обстоятельств и времени меняются политические фигуры, и часть политических акторов обучались в Западных странах, и близко знакомы с политической системой этих развитых государств, по возвращению в Афганистан и выступая в качестве игроков политического поля, они вынуждены принимать во внимание правила устоявшейся игры, и даже при огромном желании не могут разработать и внести изменения [*о политической культуре в Афганистане связанных с ним проблемах см.:* 2]. Данная специфика имеет двухуровневую специфику, с одной стороны, выступает как фактор предсказуемости действий политических игроков на основе их племенного, этнического и конфессионального происхождения, а с другой стороны ограничивает влияние внешних акторов, так как нет единого центра с которым можно договорится, и все группы в качестве противовеса могут выступать как сдерживающий фактор.

Интересы основных внешних акторов в Афганистане

Сегодня в Афганистане ключевым является вопрос достижения мира и национального согласия, и это обстоятельство завысит как от внутренних, так и внешних факторов. К ключевым внутренним факторам можно отнести единство политической и интеллектуальной элиты и соблюдения с их стороны национальных интересов. Внешняя сторона вопроса касается соблюдения баланса интересов ключевых акторов вовлеченные в афганский кризис.

Анализ ситуации стран столкнувшиеся с внутренним конфликтом показывает, что державы имеющие постоянные интересы будут влиять на ситуацию, если национальное единство не сформировалась и укрепилась. В целом, способствующим фактором для влияния внешних акторов выступает уязвимость

национального единства, так как именно наличие подобного обстоятельства привела к наращиванию внешнего влияния, и на примере Афганистана к превращению в поле противоборства и конкуренции. В результате подобного положения, стабильность стала уязвимой, государственные институты не могут полностью функционировать и контролировать ситуацию, что в конечном итоге привела к тому, что огромное количество граждан стали несчастными, потеряли своих родных и близких, и в том числе лишились возможности самореализации в своей стране.

Как показывает опыт Афганистана, воздействие внешних акторов на ситуацию этой страны были относительными и проявлялись в определенный период. За последние 40 лет мы не наблюдаем доминирования одной страны, и за эти годы степень влияния стран изменялось и переходила от одного к другому государству.

С учетом современной ситуации и исторической пути Афганистана можно констатировать, что единство в широком понимании этого слова не сформировалась благодаря личным, групповым (легальных и незаконных) интересам. Достигнутый политический консенсус между Гани и Абдуллой может повторить судьбу подобных соглашений, которые не раз были подписаны между элитарными группами Афганистана.

В нынешних условиях актуально проанализировать интересы и позицию вовлеченных в проблему Афганистана глобальных и региональных держав, и как их политика может содействовать (либо противодействовать) достижению мира в этой стране, стабилизации (дестабилизации) политической ситуации и обеспечению (уязвимости) безопасности. В Афганистане традиционно постоянные свои интересы имеют США, Россия, Китай, Великобритания, Франция, Германия, Иран, Пакистан, Индия, Турция, государства Персидского Залива и другие страны. Интересы этих государств уже длительный период имеют неизменную специфику, и территория Афганистана используется как пространство для конкуренции и противодействия друг другу. В публичном поле и СМИ не раз

писали о противоборстве разведслужб между США и Россией (СССР), США и Ираном, США и Китаем, Ираном и Саудовской Аравией, Пакистаном и Индией, и с другими странами. Следует учитывать то, что с учетом изменения мировой повестки и интересов вовлеченных государств их конфронтация друг с другом трансформируется. Итак, рассмотрим интересы основных внешних акторов в условиях мирного процесса в Афганистане:

Интересы США в Афганистане. США вошли в Афганистан для реализации своих ***стратегических целей***: искоренения терроризма, источников его появления и обеспечения; формирования демократического и правового центрального правительства; обеспечения безопасности и стабильности; создания условий для реализации человеческого потенциала и упрочнения общечеловеческих ценностей. В начале 2000-х гг. США возглавляя мировую коалицию и централизируя глобальные меры смогли привлечь в свою сторону своих стратегических оппонентов: Россию и Иран. Формирования глобальной силы со стороны США против Талибан и Аль-Каиды, а также других террористических групп в формате единой коалиции за короткий промежуток позволила организовать Боннскую конференцию 2001 года с привлечением постоянных членов Совета безопасности и государств-членов ООН.

В результате этих мер США ***смогли победить террористические группы в Афганистане и привели к власти лояльное правительство.*** Следует отметить, что за последние 20 лет американцы по сравнению с Советским Союзом понесли меньше человеческих, потер, были убиты 2300 человек и ранения получили 20660 человек, но потратили значительно больше финансовых ресурсов: порядка 1 трлн. долларов США [см.: 3].

Как показывает нынешняя ситуация, США не смогли (либо не захотели) полностью достичь поставленные цели. Таким образом, с учетом глобальных трендов и внутриполитической ситуации в Афганистане, отсутствия координации между заинтересованными региональными странами, в том числе соседями этой страны: Пакистаном и Ираном, афганский кризис

остается нерешаемым, и все факторы позволяют сделать вывод, что в будущем так и останется.

Следует отметить, что неудача стратегии США в Афганистане имеет специфичные причины:

– отсутствие нужного восприятия и знания о культуре и психологии афганцев (мнение экспертов по этому поводу имеют диаметрально противоположенный характер: некоторые из их них считают, что американцы прекрасно осведомлены о традициях и культуре афганцев, но не смогли (либо не захотели) улучшить ситуацию);

– не уделение должного внимания формированию сильного демократического правительства;

– трата значительной части финансовой помощи на неправительственные организаций Афганистана, в результате чего появились ряд влиятельных неофициальных структур, которые создавали и создают преграды для реализации политики центрального правительства;

– учет политики Пакистана в дела Афганистана, и не уделения особого внимания на политику Пакистана в сфере безопасности военного характера в этой стране;

– не обращения должного внимания на деятельность транснациональных преступных групп, которые занимаются незаконным оборотом наркотических средств и других ценных материалов.

В усугублении ситуации в Афганистане ключевую роль сыграли внутренние силы, но не менее важную роль выполнили вовлеченные страны со своей не до конца разработанной или разработанной в полной мере, но нереализованной политикой. В этом контексте, в отношении политики США в Афганистане в современных условиях следует подчеркнуть, что политические деятели этой страны для сохранения собственного имиджа, без привлечения центрального правительства в Кабуле, начали вести отрытые и закрытие переговоры с движением Талибан и подписали мирное соглашения в 2019 году. Можно смело предполагать, что в ближайшем будущем они будут стараться

чтобы воюющие стороны в Афганистане достигли хотя бы хрупкого мира, и подписали мирное соглашение.

В США прекрасно понимают, что в современных условиях невозможно посадить все террористические группы в Афганистане за стол переговоров. Поэтому постараются привлечь ряд политических личностей этих групп, обещая и предоставляя им гарантии посредством заинтересованных государств и друзей Талибан, в том числе Пакистана.

В нынешних условиях договоренности с рядом политических личностей и руководителей Талибан в перспективе не гарантирует формирования всеобъемлющего мира. Поскольку, ряд групп внутри Талибан, в том числе военные и финансовые структуры, а также многие вооруженные группы не готовы отказаться от собственных интересов и ожиданий поддерживающих их стран. Изучения вопроса показывает, что американцы прекрасно осведомлены об этом факторе, но с учетом ситуации в мире не хотят застрять в Афганистане и далее тратить значительные финансовые ресурсы.

С другой стороны, исходя из существующих условий внешнего и внутреннего характера, Афганистан не может освоит значительные инвестиции, и невозможно сравнивать его с Ираком в контексте глобальной политики и экономики. Хотя, по результатам специальной конференции в Женеве [см.: 4], которая была организована 25 ноября 2020 года ООН совместно с Финляндией и Афганистаном, где участвовали представители 66 государств и 32 международных организаций в онлайн-режиме, было принята решения о предоставлении Афганистану 12 млрд долл. США….

Американцы в реализации собственных инициатив всегда учитывают политику соседних государств, с которыми установили тесные военно-политические отношения. Опыт США показывает, что они, вне зависимости от президента-демократа или республиканца, учитывают фактор Пакистана. С момента вовлечения в афганский кризис во многом поддерживали и учитывали политику Пакистана в отношении Афганистана, и в

будущем это положение будет продолжатся [*нахождение Бен Ладена в Пакистане, и то, что он укрывался в городе Абитабад (50 км от Исламабада), недалеко от Военной Академии Пакистана свидетельствует о том, что американцы закрывали глаза на политику этой страны в Афганистане. Подробнее см.:* 5 и 6]. В этом контексте привлечение внимания Пакистана на мирное соглашение между США и Талибан, консенсус Залмая Халилзода, спецпредставителя США по вопросам афганского примирения с центральным правительством Афганистана, Талибан и Пакистаном свидетельствует об особой роли соседнего государства. По этому вопросу Залмай Халилзода не встречался с пакистанскими политиками, а провел переговоры с Камар Джовидом Баджво – председателем Штаба Армии Пакистана [см.: 7].

Для США значение Афганистана и стабильность в этой стране естественным образом будет снижаться. На это повлияет современное положение международных отношений и особенно непредсказуемые последствия глобального кризиса, связанная с пандемией COVID-19. Существует вероятность, что американцы воспользуются наработанной практикой в Ираке и постараются достичь относительного согласия между противоборствующими силами в Афганистане. Подобная политическая система имеет уязвимость перед существующими вызовами и угрозами, и будет зависеть от внешней помощи. Можно предложить, что США при необходимости оставят несколько своих военных баз, и тем самым сохранят свое влияния в Афганистане и в регионе в целом…

Интересы России в Афганистане. В Российской Федерации граница государств Центральной Азии с Афганистаном воспринимается как зона обеспечения своих стратегических интересов на южных рубежах. Поэтому, Москва в отношении развития ситуации в Афганистане не может стать нейтральной стороной. Российская стратегия по Афганистану за эти годы показала свою эффективность, так как без серьёзного вложения финансовых и технических ресурсов Москва смогла

укрепить свою позицию среди ключевых внешних и внутренних игроков. Примером может выступать инициирование Московского формата по Афганистану, в заседаниях которого принимали участие представители элит из этой страны.

К числу **постоянных интересов России в Афганистане** можно отнести: вовлечение в текущие процессы в Афганистане; противодействие потенциальным угрозам со стороны террористических групп в странах Центральной Азии; обеспечение коллективной безопасности в рамках ОДКБ; противодействие незаконному обороту наркотиков; в случае вывода войск западных стран – усиление своего присутствия. Таким образом, за последние пять лет политический истеблишмент России, основываясь на своих постоянных интересах, проводил собственную стратегию в отношении афганского кризиса.

Россия, имея колоссальный опыт еще со времен Советского Союза, смогла разработать и реализовать комплексную политику, которая не вызывала к себе большого внимания, и в определенной мере достигла своих целей. Поскольку провалы и неудачи стратегии западных стран для России считается успехом. Но несмотря на свою закрытую и осторожную политику, в некоторых случаях Москва была подвергнута критике со стороны США и правительства Афганистана за предоставления военной помощи оппозиции, в основном Талибан. Россия опровергала все эти обвинения и заявляла о поддержки мирного процесса и межафганских переговоров.

В современных условиях Россия с учетом недостатков и неясности результатов нынешней стратегии США в Афганистане получила для себя ряд преимуществ, и поддерживает мирный процесс проводя взвешенную политику. На основе глобальной и региональной повестки всегда стремится к обеспечению своих интересов, и наладила отношения с вооруженными группами (в данном случае с Талибан), которые находятся в оппозиции к США во внутреннем конфликте Афганистана. В нынешнем положении Россия поддерживает достижение согласия между

воюющими сторонами в Афганистане, и неоднозначно оценивается вывод иностранных сил, прежде всего США из этой страны. Так, часть российских экспертов являются сторонниками вывода вооруженных сил и по этому вопросу в СМИ России опубликованы множество аналитических статей. В тоже время, Президент России В.В. Путин в интервью программе «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия-1» недавно заявил, что «Мы изначально поддерживали пребывание американских войск в Афганистане, в свое время проголосовали за соответствующую резолюцию Совета Безопасности ООН. Я и до сих пор считаю, что пребывание американцев в Афганистане не противоречит нашим национальным интересам» [8].

За последние годы Москва не раз принимала переговорщиков их числа политического руководства Талибан, влиятельных политических лиц из Афганистана, и тем самим старается внести свой вклад в деле обеспечения мира и будущего этой страны. В этом контексте следует уделить особое внимания «Московскому формату» переговоров между различными силами, задействованных в политических процессах Афганистана. Региональная повестка, связанная Афганистаном, постоянно обсуждается в рамках ОДКБ. В последнем заседании Совета министров иностранных дел ОДКБ, которая прошла 26 мая 2020 года в режиме видеоконференции, министры государств-членов обменялись мнением о текущей ситуации в Афганистане, что также свидетельствует об особом внимании России к этой стране.

В будущем, в условиях постковидной ситуации и обновления международных отношений можно предположить, что Россия в случае вывода войск НАТО из Афганистана постарается, чтобы ситуация в этой стране была контролируемой, и противоборствующие силы находились в устойчивом балансе. Поскольку наличие сильного независимого центрального правительства или сильного правительства-партнера США, или партнера любого другого влиятельного государства не отвечает интересам России. Поэтому, с привлечением своих партнеров в

формате стран Центральной Азии, Китая и Индии, Москва попытается держать под контролем афганский кризис, чтобы соблюдались постоянные интересы России.

Интересы Пакистана в Афганистане. Пакистан с момента своего образования не имела позитивных долгосрочных отношений с Афганистаном. Вооруженные силы, в особенности силы национальной безопасности, доминируют в политической жизни Пакистана и поэтому Афганистан считается частью системы стратегической безопасности этой страны. С этой позиции независимая политика Афганистана воспринимается как нежелательная для стратегических интересов Пакистана, и наличие пропакистанского правительства считается наилучшим вариантом. Место Афганистана в политике Пакистана воспринимается с позиции интересов обеспечения безопасности и военно-стратегических интересов.

К **стратегическим интересам Пакистана в Афганистане** можно отнести: проблема границ и вопрос, связанный с линией Дюранда; ситуация связанная с ростом национального самосознания пуштунов в Пакистане; обеспечение глубинных стратегических интересов в сфере безопасности; экономические интересы: экспорт и импорт товаров в Афганистан и использование пакистанских портов со стороны этой страны; доступ рынкам стран Центральной Азии через Афганистан и предоставление Пакистану таможенных льгот; доступ к природным и сырьевым ресурсам; нахождение в Пакистане мигрантов и беженцев из Афганистана; ограничение расширения влияния Индии в Афганистане и т.д. Вышесказанное приводит к выводу, что Исламабад с учетом своих стратегических интересов в большей степени не заинтересован в формировании сильного централизованного государства, но был бы заинтересован в формировании пропакистанского правительства.

Пакистан сумел активизировать успешную внешнюю политику и воспользовался положением Афганистана в условиях нахождения военного контингента Запада в своих интересах. В этой связи Пакистан сумел привлечь значительную финансовую

и военную помощь для себя от США для противодействия террористическим группам, находящимся в приграничных районах с Афганистаном. Другим немаловажным успехом этой страны можно назвать эффективное использование сложившейся ситуации для создания серьёзных преград для формирования сильного централизованного правительства в Афганистане. Анализ внешней политики Пакистана за последние пять лет показывает, что эта страна сумела усилить свое положение во влиятельных кругах США и умножить свое влияние в Афганистане. Пакистан за эти годы сумел достичь своих целей и интересов вне зависимости от позиции центрального правительства этой страны. Успехом Пакистана считается наличие сильных групп лобби в правительстве Афганистана, среди политических деятелей, и влиятельных групп неталибского характера. Эксперты и журналисты в СМИ пишут о том, что в Пакистане находятся вооруженные оппозиционные группы к правительству Афганистана. Если Пакистан не сможет достичь своих целей и интересов, то при первом удобном случае может воспользоваться этими инструментами влияния: как вооруженными группами (сюда можно также включит студентов неофициальных религиозных медресе), так и влиятельными лицами для дестабилизации ситуации в Афганистане [*о политике Пакистана в Афганистане написаны множество книг и статей со стороны западных, афганских, пакистанских экспертов и других государств. Подробнее см.*:9; 10 и 11].

Пакистанский дискурс об этой ситуации имеет свою особенность: во-первых, они всегда опровергают свою причастность к подобной политике; во-вторых, доказывают, что Пакистан больше всех пострадал и стал жертвой террористических групп. Таким образом, в будущих процессах Афганистана и во всех других условиях необходим учет позиции и интересов Пакистана. Без учета целей и интересов Пакистана в Афганистане любое достижение мира может остаться только на бумаге, что чревато как для самой этой страны, так и для заинтересованных и вовлеченных государств.

Интересы Ирана в Афганистане. Иран во всем периоде внутреннего конфликта в Афганистане реализовала политику сотрудничества либо открытого оппонирования. В качестве примера можно отметить, что в 2001 году, когда вооруженные силы западных государств вошли в Афганистан, иранская сторона установила тесное военное сотрудничество с силами Северного Альянса, американцами и другими государствами-членами НАТО. В этих условиях, Касем Сулеймани, командующий спецподразделения «Аль-Кудс» КСИР Ирана имел тесные контакты с американцами и западными силами. Но после изменения ситуации в мире и интересов вовлечённых стран отношения поменялись. Теперь каждая сторона больше стремится для реализации собственных интересов и если не могут достичь своих целей, то стараются создать преграды для достижения целей своих оппонентов. В нынешних условиях иранские политические силы, в особенности спецподразделения «Аль-Кудс» официально и неофициально поддерживают оппозиционные к США силы в Афганистане. По этому поводу афганские власти неоднократно делали заявления в СМИ о нежелательности поддержки этих групп, и воспринимали подобный шаг как вмешательства во внутренние дела своего государства.

К числу **постоянных интересов Ирана в Афганистане** можно отнести: интересы безопасности, чтобы территория Афганистана не была использована для нанесения вреда Ирану; экономические интересы: экспорт своих товаров и использование иранских портов для экспорта и импорта товаров в Афганистан. К слову, в начале декабря 2020 года в Афганистан прибыл первый товарный поезд, который соединяет эту страну через Иран с государствами Европы [см.:12]; водные интересы: обеспечение водой приграничных районов с Афганистаном; идеолого-конфессиональные интересы: поддержка хазарийского шиитского меньшинства. В СМИ и экспертных кругах писали об использовании афганских мигрантов-беженцев хазарийцев,

которые живут в Иране в сирийской войне со стороны КСИР, и сформировали из их числа дивизию Фатимиян (Фотимиён) и т.д.

Используя появившиеся возможности в Афганистане благодаря политике или действиям США, Пакистана и других государств, Иран достигал своих интересов. Например, когда отношения Пакистана и Афганистана вступают в кризисную фазу по использованию транзитных и торговых путей, Иран предоставлением своих предложений получает большую выгоду и сегодня уже превратился в одного из основных бизнес-партнеров Афганистана.

Анализируя стратегию Ирана в Афганистане в течении нескольких десятилетий, можно констатировать, что эта страна не поддерживает наличие сильного и демократического государства в Афганистане. Финансовые вложения в идеологическую сферу или предоставление убежища оппозиционным лицам афганского правительства со стороны Ирана позволяют говорить о том, что в его интересах наличие проиранского правительства в Афганистане [*о политике и стратегии Ирана в отношении Афганистане написаны ряд книг и статей. Более подробно см.*: 9 и 13]. С наличием огромных исторических, культурных и языковых связей, Иран не смог или не захотел воспользоваться ими в долгосрочной перспективе и только довольствовался достижением краткосрочных интересов.

Сегодня часть аналитиков не верят выводу иностранных войск из Афганистана, но если это состоится, то большую выгоду от этого положения получат иранцы и пакистанцы. Поскольку Иран, как и другие страны, будет воспринимать поражение западных сил в Афганистане как собственную победу, и их неудачу как собственный успех.

Интересы Китая в Афганистане. Поднебесная, являясь сильным соседом Афганистана не так часто вмешивается во внутренние дела этой страны. Но с учетом собственного опыта проведения эффективной политики в условиях стран охваченные внутренним кризисом или с уязвимым положением обеспечения стабильности и безопасности, реализует взвешенную и

расчетливую политику с правительствами этих стран в сфере экономики.

К числу стратегических интересов Китая в Афганистане, как отмечено выше, в первую очередь входит фактор экономического взаимодействия. К другим таким интересам можно отнести: вовлечение Афганистана в реализацию китайской инициативы «Экономический пояс Шелковой путы «Один пояс – один путь»; фактор безопасности и снижение угроз, связанных с террористическими организациями уйгурских сепаратистов; доступ к природным и сырьевым ресурсам Афганистана (сегодня ряд китайский корпораций занимаются освоением природных ресурсов в этой стране); не допущение формирования антикитайских настроений в элитарных группах Афганистана и т.д.

Анализ взаимодействия Китая и Афганистана показывает, что Пекин во многом преуспевает в достижении своей цели и интересов в этих странах. Поскольку во внешнеполитической стратегии Китая не уделяется важное значение политической системе страны-партнера, и во главу угла ставится достижения экономических интересов, что в конечном итоге приводит к реализации других приоритетов. Поэтому вне зависимости от условия войны или мира в Афганистане, для Китая приоритетно достижение экономических интересов любыми доступными и недоступными способами, и только это имеет значение.

Можно смело предположить, что с учетом китайской специфики ведения политических дел, в том числе в Афганистане, после вывода войск США и их партнеров может усилится положение и экономическое влияние Поднебесной в этой стране. Способствующим фактором могут также служить тесные отношения с Пакистаном, которые совместно реализуют китайско-пакистанский коридор в рамках инициативы «Один пояс – один путь» общим объемом выше $60 млрд.

В целом, в обстановке нарастания неопределенности в глобальной политике, афганский кризис сохранит статус-кво и останется в неизменном положении. США, Россия, Китай,

Пакистан, Иран и др. вряд ли откажутся от своих стратегических целей в пользу достижения и упрочнения мира и стабильности в Афганистане.

Позиция основных внутренних акторов Афганистана в отношении мирного переговорного процесса

Сложность и многогранность достижения «всеми уважаемого и устойчивого мира» [sulhe boizzat va poydor][1] в Афганистане обосновывается тем, что в этой стране переплетены интересы и стратегии глобальных и региональных держав. В свою очередь, чрезвычайную активность показывают граждане Афганистана, и сегодня в *Twitter-e* набирает популярность хештег «не дайте Талибану выкуп» [Ba Tolibon boj nadihed], которую поддержали десятки тысяч афганцев. По мнению этих пользователей, такие ценности как «республиканская форма правления», «демократические ценности: свобода слова, права и свободы женщин» и др. должны быть неизменными. В целом, неоднородность интересов внутренних игроков также усугубляет ситуацию, так как близость позиций по этому вопросу сегодня не наблюдается. Для раскрытия этой ситуации необходимо рассмотреть позицию Центрального Правительства Афганистана (1), Движение «Талибан» (2), влиятельных и элитарных личностей (3), политических партий(4), иностранных вооруженных групп и боевиков находящие в Афганистане(5) и внешних игроков(6) .

Позиция Центрального Правительства Афганистана. Нынешняя легитимная власть в Афганистане в лице Президента Ашраф Гани и Председателя Высшего совета мира Абдулло Абдулло во всех мероприятиях в своих выступлениях и интервью в прессе отмечают приверженность Центрального Правительства в проведении мирных переговоров с Движением Талибан. В начале июля со стороны правительства Афганистана были

[1] Дискурс политического руководства Афганистана, когда они в официальных встречах и мероприятиях говорят о достижении мира и начала межафганских переговоров.

проведены ряд конференций и заседаний в режиме онлайн по теме достижения всеобщего мира в стране, что показывает готовность правительства для начала межафганских переговоров. После начала официальных переговоров между правительством Афганистана и Талибаном в сентябре 2020 года в Катаре, стороны только смогли определить повестку мирных переговоров, состоящее из 21 пунктов.

Позиция Талибан. Представители политического руководство Талибан, которые подписали мирное соглашение с США объявили свою приверженность к началу мирных переговоров с Центральным Правительством Афганистана. Реальность такова, что политическая элита Талибов при всем своем желании не могут и не имеют возможности сократит до минимума атаки и насилия со стороны всех своих членов. Поскольку данная группа разношёрстная и существует множество причин, исходя из которых ведутся атаки и насилия в отношении армии и мирного населения. Одним из ключевых факторов является то условие, что боевики Талибан в провинциях и в отдельных городах имеют большие полномочия и свободы, и не управляются из одного центра. Часть из тез сторонников Талибан, которых официальный Кабул отпустил из мест лишения свободы, вновь вернулись на поле боя. Также, часть вооруженных групп из-за своих групповых или личных интересов номинально находятся с Талибаном, а на самом деле, с учетом текущей реальности Афганистана могут изменить свою позицию, и этот фактор необходимо учитывать.

Другими важными факторами выступают финансово-экономический фактор и наличие оружье и боеприпасов в их руках, что имеет существенное влияния на общую ситуацию. Из-за того, что разные группы Талибов имеют большую свободу и полномочия, они путем контрабанды наркотиков, драгоценных камней и ценных материалов, а также собираемых налогов и сборов удовлетворяют свои финансовые потребности, тратят эти ресурсы на образования (финансирования религиозных медресе) и на приобретения вооружения. По различным оценкам

финансовая выгода Талибов от этих операций в год составляет от 500 млн. до $1,5 млрд. С другой стороны, согласно официальным и неофициальным заявлениям Центрального Правительства Афганистана, сообщениям внутренних и зарубежных СМИ, серьёзную финансовую и иную поддержу им оказывают Пакистан и Иран, что сыграет немаловажную роль в формировании Талибан как властообразующего фактора [*по этому поводу существуют множество заявлений, книг, аналитических и информационных статей. Подробнее см.:* 9; 11; 14 и 15].

Позиция влиятельных лиц и политической элиты Афганистана. Представители элиты и влиятельные лица Афганистана как: Хамид Карзай – экс-президент, Юнус Конуни – экс-председатель Парламента и вице-президент, Абдураб Расули Сайёф – один из влиятельных лиц эпохи джихада (полевой командир) и руководитель партии Исламкого союза (сегодня зарегистрирована под именем «Зов Ислама»), Исмаилхан – экс-министр и один из влиятельных лиц западной части страны, в особенности Герата и другие поддерживают переговоры и мирный процесс в Афганистане. Данная элитарная группа хотят поддержать мирный процесс в Афганистане, чтобы сохранить свое влияние на будущее военно-политическое положения страны.

Позиция политических партий. Влиятельные политические партии Афганистана: «Исламского общества Афганистана» (вне зависимости от последних разногласий, которое произошло между лидерами этой партии), Исламская партия Хикматяра, «Партия исламского единства» (влиятельная партия хазарийцев), Исламское движение Дустума и другие при определенных условиях (при наличии их представителей в переговорах) поддерживают мирный переговорный процесс в Афганистане. Представители этих партий уже включены в делегацию по мирным переговорам со стороны Правительства Афганистана, что показывает их приверженность этому процессу. В этом ключе необходимо отметить сыновей Ато Мухаммад

Нура, Абдурашида Дустума и других, которые также делегированы в качестве участников в предстоящих переговорах.

Позиция иностранных вооруженных групп и боевиков находящие в Афганистане. Большинство иностранных вооружённых групп начиная от Аль-Каиды до боевиков Исламского Движения Узбекистана имели тесные контакты и военно-политическое и местами экономическое сотрудничество с Талибаном, как во время узурпации власти с их стороны в Афганистане, так период их сопротивления с западными силами и армией Центрального Правительства. Поэтому данные группы ни при каких условиях не хотят и не будут сторонниками восстановления устойчивого мира и стабильности в Афганистане. Поскольку мир и стабильность в этой стране угрожает их господству и физической безопасности. В данном случае, можно предположить, что иностранные вооружённые группы в лице различных террористических организаций постараются наладить еще больше тесных связей с боевым крылом Талибан их военной элитой с целью поддержки недовольных вооруженных боевиков для недопущения всеобщего мира в Афганистане, и будут создавать всяческие преграды для торможения межафганского переговорного процесса. Основным ожиданием этих групп является воссоздание природы власти, которая была в 1996-2001 гг., т.е. полное узурпация власти, формирования религиозного государства по их канонам. В этом ключе террористическая организация «Котиботи тавҳид ва ҷиҳод» (Единобожие и джихад) – одно из ветвей ИДУ, в том числе «Катибат аль-Имам Бухари» и «Союз исламского джихада» (обе также входят в ИДУ) после соглашения Талибан с США восприняли этот факт как победу Талибан и посредством своего Telegram-канала начали угрожать странам Центральной Азии [Подробнее см.: 16].

Вооруженные формирования в Афганистане и их влияния на протекаемые процессы

С вводом Советских войск в Афганистан в 1979 году и началом властвования Зиёулхака в Пакистане роль Запада и в первую очередь США в сотрудничестве с Исламабадом и посредством финансовых и человеческих ресурсов Саудовской Аравии в формировании «арабо-афганцев» для вооруженной борьбы против СССР и официальным Кабулом имеет определяющий характер. Эти вооруженные формирования наряду с силами афганских партий и движений имели военную и финансовую поддержку западных и арабских государств, использовали территорию Пакистан как надежный тыл для ведения вооруженного противостояния. В этом ключе, заслуживает отдельного рассмотрения ситуация 90-х годов прошлого века, когда джихадистские группы захватили власть и свергли Центральное Правительства Афганистана.

По сегодняшним существующим данным и оценкам на периметре границ Афганистана и Пакистана действуют 21 террористических групп, и значительная их часть являются пакистанскими [*Более подробно см. статью кабульской газеты «Пажвок»:* 17]. Но в статье мы уделим основное внимание на специфику и влияния внутренних и внешних экстремистских групп, которые находится в афганской земле, постараемся осветить будущее и возможное сценарии мира и войны в этой стране:

Движение Талибан Афганистана. Данное движение сформировалась под руководством Мулло Умара в 1995 году в Кандагаре Афганистана при всесторонней поддержке Пакистана и арабских стран Персидского Залива[1]. Талибан за короткий промежуток времени, в 1996 году смогли перевести под свой контроль 90% территории Афганистана. С известными событиями 11 сентября 2001 года, начался военная операция США и их союзников по НАТО совместно с Северным Альянсом

[1] Следует отметить, что только три страны: Пакистан, Саудовская Аравия и ОАЭ официально признали правление Талибан и установили с ними дипломатические отношения. Данный факт является показателем того, что какие страны их всесторонне поддерживали.

против правительства Талибан и их союзников в лице Аль-Каиды и других иностранных экстремистских групп, и тем самым специфика войны в Афганистане изменилась и продолжается до сегодняшнего дня.

В нынешнем этапе с позиции военно-политического положения Движение Талибан Афганистана после спада эйфории 2000-х гг., во второй раз при поддержке внешних государств, в особенности Пакистана, и после появление провинции Хорасан ИГИЛа при содействии Ирана в том числе России смогла нарастит свою власть и влияния по всей территории Афганистана. Расширение поле деятельности Талибан связана на ряду с закрытой внешней помощью, также связана с выводом войск НАТО и уменьшением их сил в 2014-2015 гг. Сегодня по различным оценкам Талибан распространили свою власть и влияния на одну треть территории Афганистана: от северо-запада до юго-востока. В целом, в 70% территории Афганистана сегодня наблюдается деятельность террористических групп, и происходит борьба за доминирование в этих городах и провинциях с Центральным правительством. В некоторых провинциях и районах Талибан имеют своих назначенцев и полевых командиров, что является показателем и фактором их влияния в этих регионах.

Касательно внутренней структуры Талибан следует отметить, что после смерти Мулло Умара (в 2013 году в Пакистане) и убийства Мулло Ахтар Мухаммад Мансура в 2016 году со стороны США, лидером стал Мулло Хибатуллох. Но в последнее время внутри руководство начались конфликты из-за доминирования в движении. В этом отношении Мулло Якуб (сын Мулло Умара основателя Талибан) стал контролировать боевое крыло движения в 28 провинциях Афганистана, и его конкуренция усугубились с Гулого Исхокзайем, ответственным лицом движения по финансовой части [Подробнее см.: 18 и 19].

Сеть Хаккани. Данная группа приобрела свое название в честь основателя Джалодиддина Хаккани в 80-х годах XX века. Данная сеть активна в основном в провинциях Хуст и Пактико

Афганистана, и известна тем, что осуществляла взрывы и террористические акты против известных личностей (они также предприняли теракт против Хамида Карзая). После смерти своего основателя в 2018 году, сетью начал руководит его сын - Сироджиддин Хакани, который одновременно является заместителем Эмира Талибан Мулло Хибатуллоха. Сеть Хаккани с момента основания Талибан всегда была вместе с этим движением и известна тем, что осуществляла тяжёлые военные атаки и теракты с участием смертников.

Ветвь ИГИЛа Хорасан. Данная структура сформировалась во время усиления власти ИГИЛ в Сирии и Ираке и постепенно начала расширят свое влияние в Афганистане. Трое из руководителей этой группы поочередно были ликвидированы в Афганистане и сегодня с уменьшением влияния и контроля ИГИЛ в Сирии и Ираке постепенно снизила свою активность. О количестве боевиков ИГИЛ эксперты различного мнения и называют цифру от 1000 до 2000. Активные акции данной группы замечались в восточной части и местами в северных провинциях Афганистана. Особо следует отметить, что часть из иностранных вооруженных боевиков в северных регионах осуществляют теракты от имени ИГИЛ.

Аль-Каида и другие группы иностранных боевиков. Существенным этапом могущества и распространения влияния Аль-Каиды в Афганистане следует считать период власти Талибан в 1996-2001 гг. С их поражением в 2001 году, боевики Аль-Каиды и других иностранных групп, в том числе Исламское движение Узбекистана, Ансоруллох и остальные представители государств СНГ, Исламское движение Восточного Туркистана, пакистанские и индийские боевики и другие первоначально укрылись в северном Вазиристане, а точнее в приграничных регионах Афганистана с Пакистаном. После вооруженного давления пакистанской армии, большая часть боевиков, в особенности Аль-Каиды, боевиков-выходцев из СНГ и Восточного Туркистана со своими семьями укрылись в горных регионах Афганистана: через провинцию Нуристан прошли в

Кунар и Хилманд. Эти горные регионы оставались под властью Талибан и Аль-Каида, прочие иностранные группы получали серьёзную помощь с их стороны. В целях краткого рассмотрения, в отдельности остановимся по этим группам:

a) Аль-Каида. О появлении, действиях и внутренней структуре этой известной международной террористической организации написаны ряд специальных работ и нет необходимости подробно остановится на этом. Для краткой исторической справки следует отметить, что Аль-Каида основана Усама бен Ладеном в 1988 году в Пешаваре Пакистана и объединила всех бывших «арабо-афганцев», которые воевали против сил Советского Союза. После демонтажа Центрального правительства Афганистана в 90-х годах XX века, Аль-Каида начала поддерживать Исламскую партию Афганистана под руководством Гулбиддина Хикматяра в вооруженных столкновениях джихадистских групп. Аль-Каида сыграла решающую роль в захвате власти со стороны Талибан. Дружественные и родственные отношения между бен Ладеном и Мулло Умаром поспособствовали близости позиций обеих структур и поэтому Мулло Умар не захотел передать США бен Ладена после террористических атак 11 сентября 2001 года. После свержение Талибан в 2001 году и ликвидации бен Ладена в 2011 году в Абитабаде Пакистана со стороны США, влияние Аль-Каиды в Афганистане ограничилась. Аль-Каида направила основные свои силы на войну в Ирак и Сирию, в Йемен и Сомали, а также в другие регионы, тем самым не имеет сегодня былой власти в Афганистане.

b) Исламское движение Узбекистана основана Тохир Юлдошем и Джумой Намангани, участвовала в гражданской войне Таджикистана и после захвата власти Талибан в их рядах участвовала в боях против легитимной власти Афганистана в северных регионах этой страны. ИДУ имели тесные связи с Талибан и Аль-Каидой и с ними координировали свою деятельность. После поражения Талибан, ликвидации двух своих главарей со стороны США, бегства в Вазиристан Пакистана и

вторичного возвращения в Афганистан, участвовали в боях и провели ряд акций на севере этой страны на стороне Талибан в регионах компактного проживания узбеков. Если не учитывать пакистанских боевиков, то ИДУ после Аль-Каиды считаются второй влиятельной вооруженной иностранной группой.

с) Движение Ансоруллох основана со стороны Мулло Амриддина, бывшего полевого командира запрещенной в Таджикистане Партии исламского возрождения, после подписания мирного соглашения в Таджикистане в 1997 году (Мулло Амриддин не принял мирное соглашения в Таджикистане) на территории Афганистана. Данная группа в сентябре 2010 года совершила нападения на здания РУБОП (Региональное управления по борьбе с организованной преступностью) Согдийдской области и в Таджикистане был зафиксирован первый теракт с участием смертника. В целом, известность Ансоруллоху пришло благодаря неудачным террористическим акциям на территории Таджикистана, и часть их командиров в лице Али Бедаки, Мулло Абдулло были ликвидированы со стороны спецслужб и правоохранительных органов Таджикистана. Ансоруллох после ликвидации основателя Мулло Амриддина в Афганистане попала под влияния ИДУ, но последние время начала показывать свою самостоятельность, и провела ряд военных акций в провинции Бадахшан Афганистана на стороне Талибан. Сегодня по сообщениям СМИ члены и сторонники Ансоруллох живут со своими семьями на захваченных деревнях на севере Афганистана. Последняя военная операция Талибан с участием боевиков движение Ансоруллох – выходцев из Таджикистана на район Моймай -Дарваза Афганистана подтвердили эти сообщения [см.:20].

Что ожидает иностранных вооруженных групп в нынешних условиях?

Опыт гражданской войны в Афганистане показывает, что существует очень малый процент успешности переговоров и

эффективности межафганского диалога всех сил по достижению устойчивого мира. Поскольку в этой стране переплетены интересы, стратегии и ожидания (парой противоположенные друг другу) разных глобальных и региональных держав. Тем не менее ряд экспертов и политологов в Кабуле позитивно относятся этому процесс и пишут о вероятном успехе переговоров. Вне зависимости от их оценки, сегодня запущена махина всеобщего межафганского диалога для достижения мира, и такие факты как: мирное соглашения между США и Талибаном, освобождение их сторонников из тюрем, взаимный обмен пленными можно назвать беспрецедентными за 40 лет гражданской войны в этой стране. Анализ показывает, что достижения устойчивого мира затруднена из-за разногласий вовлеченных стран и диаметрально-противоположенного характера интересов США, Пакистана, Ирана, России и др. Вероятно в Афганистане будет сформирован правительство наподобие в Ираке, и в окраинах страны будут активны террористические группы, которые местами будут вести вооруженную борьбу с официальным Кабулом.

Для государств Центральной Азии одним из важнейших вопросов, связанных с мирным переговорным процессом в Афганистане, является будущее иностранных террористических групп в рядах которых воюют граждане стран постсоветского пространства. Экстремистские группировки центрально-азиатского происхождения, такие как ИДУ, Ансоруллах и др. в прошедшем десятилетии несколько раз пытались дестабилизировать Центральную Азию, но в силу отсутствия необходимого количества сторонников среди населения и боеспособности силовых структур стран региона их планы не были реализованы. Другим немаловажным фактором является то обстоятельство, что боевые операции США и НАТО против Талибан в Афганистане содействовали уменьшению влияния экстремистских групп центрально-азиатского происхождения.

Вероятно, США и другим партнерам Афганистана удастся найти подход по урегулированию ситуации, путем давления на влиятельных вовлеченных стран и на политическое крыло

Талибан, и мы все-таки станем свидетелями хрупкого мира в этой стране.

Иностранные вооруженные движение и организации постараются сыграть на недовольстве и направят все свои силы на создание преград для начала и в целом результативности межафганского переговорного процесса по достижению мира. Понятно, что сторонники ИГИЛ и других иностранных террористических организаций будут не допущены мирному процессу, что вызовет их серьёзную озабоченность. Поскольку мир в Афганистане естественным образом отразится на них и уменьшить пространство для их деятельности. Для них существует три возможных варианта:

1.До последнего боевика продолжать противостояния, что равноценно их физическому уничтожению;

2.Полностью сдастся властям и ожидать справедливого суда;

3)Перебраться в другие конфликтогенные регионы или зоны с постоянной нестабильностью, либо на север Африки, Сомали и Йемен.

Далее раскроем все эти приведенные варианты, как сценарии развития событий.

Сегодня мы становимся свидетелем трансформации место и положение Движение Талибан. Факт мирного соглашения с ними со стороны США, их приглашение на различные форматы по мирному урегулированию ситуации в Афганистане, неофициальные контакты официального Кабула с ними позволяет говорить о том, что сегодня Движение Талибан модифицируется и они начинают выступать как властообразующий фактор (Талибан себя считают победителями 19 летней войны, с честью и неким давлением на Центральное правительство готовятся участвовать в межафганском мирном процессе). Сегодня бесспорно, что в будущем правительстве Афганистана сторонники или представители Движение Талибан будут представлены. Они сыграют немаловажную роль в дальнейшей трансформации политических процессов

Афганистана. Этот фактор удваивает ответственность Талибан как среди своих сторонников, так и для международного сообщества. Таким образом, на основе проведенного анализа можно спрогнозировать такие возможные сценарии касательно будущего иностранных боевиков в Афганистане, в особенности центрально-азиатского происхождения в ближайшей перспективе:

Сохранение текущего положения: устойчивая неустойчивость. Реальный запуск мирного переговорного процесса в Афганистане будет невозможным из-за переплетения интересов и стратегий разных вовлеченных стран, соседей, а также из-за отсутствия единства политической и интеллектуальной элиты этой страны. Существенным внутренним фактором выступает не сформированность рациональной и устойчивой политической культуры среди элитарных групп. Поэтому политические процессы в Афганистане остаются трудно прогнозируемыми. В этих условиях, организации и движения экстремистов центрально-азиатского происхождения будут вести свою деятельность под патронажем Талибан, и тем самым очень трудно спрогнозировать их действия или предпринимаемые шаги на ближайшую перспективу.

Успешность мирных переговоров и совместная борьба правительственных сил, и Талибан с иностранными группами. В условиях успешности мирных переговоров в Афганистане и компромисса элитарных групп по разделению власти может поспособствовать реализации такого сценария, когда для обеих сторон нахождения иностранных вооруженных формирований будет нежелательным. Они станут «разменной монетой», и для того, чтобы показать, что в дестабилизации Афганистана все-таки ответственными выступали/ют иностранные вооруженные формирования, будет проведена совместная операция для их полной ликвидации. Конечно, данный сценарий маловероятен, но может изменить имидж Талибан как для местного, так и для международного сообщества.

С другой стороны, официальная власть в Кабуле получить серьёзную возможность показать свою договороспособность по дальнейшему модерированию политических процессов. Талибан закрепят под собой феномен властообразующего фактора

Коридор для иностранных боевиков как условия формирования хрупкого мира. Данный сценарий можно назвать другой стороной второго варианта развития событий, и возможна только при условии, когда будут представлены Талибану и официальному Кабулу ими же самыми и внешними вовлеченными странами серьезные гарантии того, что только они будут участвовать в политическом управлении страны. В этих условиях предполагаемым вариантом может выступать переброска иностранных боевиков на север Африки, Сомали и Йемен. Но поскольку в соседних регионах Афганистана наблюдается начало жесткой конкуренции глобальных держав, то эти силы при должной военной и финансовой поддержки могут выступить в качестве инструмента дестабилизации. В этом ключе можно рассматривать Центральную Азию как одну из зон переброски вооруженных экстремистских групп, но из-за малой геополитической ценности региона подобный вариант маловероятен. В целом, страны Центральной Азии не должны исключать этот сценарий и должны разработать превентивные меры, которыми выступают тесное сотрудничество специальных органов стран внутри региона, так и с силовыми структурами Афганистана. Только подобным образом можно уменьшить влияния и потенциальные угрозы террористических организаций с участием граждан региона на Центральною Азию в целом.

Существует также возможность использование иностранных террористических организаций для противодействия китайскому влиянию, путем переброски этих групп через узкий перешеек Ваханского коридора в СУАР. Сегодня китайская инициатива «Один пояс – один путь» вызывает обеспокоенность геополитических противников этой страны и некоторые контуры такой реакции мы наблюдаем в информационном пространстве посредством публикации

аналитических и информационных материалов. Новый формат китайской политики в отношении стран региона в формате «Центральная Азия - КНР», первое министерское заседание которого прошла 16 июля 2020 года может также традиционно охватить вопросы обеспечения региональной безопасности и совместного противостояния экстремизму, терроризму и сепаратизму.

В целом, приведенные сценарии могут не сбиться, и политические процессы в Афганистане по традиции будут развивается вне всякого анализа и прогнозирования. Опыт подсказывает, что не стоит недооценивать фактор центрально-азиатских экстремистских групп и как сказал Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон «нужно быть готовым ко всем вариантам развития ситуации» [см.: 21,96].

Влияние афганского кризиса на страны Центральной Азии

С момента образования независимых стран в Центральной Азии государственные деятели и политические аналитики региона неоднократно говорили о влиянии афганского кризиса на свои страны и в целом на регион. Соответственно, начиная с 90-х годов, государства региона начали формировать свою политику в отношении Афганистана.

В этом отношении, Таджикистан является, пожалуй, единственной страной, позиция которой носила особенно последовательный и устойчивый характер. В течении всего периода своей независимости, Таджикистан настаивал на необходимости скорейшего разрешения афганского конфликта, выступал с рядом важных инициатив. Так, еще в конце 90-х годов, Президент Таджикистана Эмомали Рахмон призвал международное сообщество сформировать пояс безопасности вокруг Афганистана и тем самым содействовать искоренению терроризма и незаконного оборота наркотиков.

Не представляет сомнений, что ситуация в Афганистане и в дальнейшем будет оказывать прямое или косвенное влияние на

весь регион. Можно говорить и об обратном влиянии – несмотря на то, что страны региона не имеют возможности влиять на ситуацию в Афганистане, как некоторые другие его соседи, (такие как Иран или Пакистан), но в будущем они вполне могут использовать также и экономические рычаги влияния. Так, страны региона уже смогли реализовать ряд совместных проектов с афганской стороной; в дальнейшем, они смогут воспользоваться территорией этой страны для выхода к новым мировым транспортным коридорам для экспорта и сбыта своей продукции.

Сегодня, существенным элементом в обеспечении безопасности стран Центральной Азии выступает фактор нахождения боевиков центральноазиатского происхождения в северных провинциях Афганистана. С позиции интереса обеспечение безопасности Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана как непосредственных соседей Афганистана - особую актуальность имеет анализ возможных действий и оценка потенциального влияния иностранных боевиков, в особенности центральноазиатского происхождения в отношении собственных государств, и в том числе их деяний на северных регионах этой страны.

Активизация радикальных групп центральноазиатского и кавказского происхождения в северных регионах Афганистана наблюдается с 2009 года. Иностранные боевики, в частности ИДУ, Ансоруллох, Исламское Движение Восточного Туркистана в этих регионах укрепили свое положение при непосредственной поддержки Талибан и сегодня также продолжают получать «пользу» от их «гостеприимства». Согласно мирному соглашения между США и Талибаном, последние обязались прекратить сотрудничество с иностранными боевиками: в особенности с Аль-Каидой. Но анализ ситуации и публикации СМИ показывают, что Талибан не только не сократила к минимуму сотрудничество с Аль-Каидой, а наоборот увеличила поддержку и взаимодействия со всеми импонирующим им группировкам [подробнее см.: 22].

Все существующие иностранные боевики в северном Афганистане имеют тесную связь с Аль-Каидой и в целом их

можно назвать ветвями этой террористической организации. Эти силы из-за наличия достаточной необходимой подготовки в боевых действиях между правительственными силами и Талибаном на стороне последних играют важную роль. Только в афганском Бадахшане их количество насчитывается 600 чел. и в основном они находятся в районах Джурм, Юмгон, Вардудж и Рогистон; центром их дислокации является ущелье Хустак района Джурм [22]. В целом, в северных провинциях Афганистана в Тахоре, Кундузе, Джузджоне, Форёбе находятся иностранные боевики, в том числе центральноазиатского происхождения. К таким группам можно отнести ИДУ, Ансоруллох, Ветвь ИГИЛа Хорасан, и другие аффилированные с Талибаном группировки. Данные группы (за исключением ИГИЛ) имея достаточный опыт военной подготовки и рекрутирования смертников обучают этому местных сторонников Талибана, а также в интересах этого движение занимаются привлечением жителей северных регионов Афганистана, т.е. узбеков, туркменов и таджиков в эту структуру. Иностранные боевики в недавном прошлом сыграли и сегодня играют важную роль в расширении военно-политического присутствия Талибан в северных провинциях. Поэтому они уже в течении больше 10 лет находятся под военным и финансовым патронажем Талибан. В этом контексте, единственным исключением можно назвать сторонников ИГИЛа, против которых официальные лица Талибана несколько раз выступали с заявлениями об их изгнании с территории Афганистана. Этот фактор может иметь потенциальные и явные угрозы для северных соседей Афганистана, в том числе Китая.

Существенными факторами столь активного присутствие иностранных боевиков, в том числе центральноазиатского происхождения в северных провинциях Афганистана заключается в этом:

1.Появление или процесс переброски иностранных боевиков на северные провинции согласно материалам СМИ и заявлению официальных лиц Кабула можно рассматривать неоднозначно. Так как существует мнения, что данная обстановка

сложилась благодаря молчаливому согласию официального Кабула. Причиной появления такого взгляда является тот факт, что за вес период внутреннего конфликта Афганистана: нахождение войск СССР, усиление власти Талибан в 90-х годах XX века, и формирования нынешней официальной власти в нулевых годах эти регионы были относительно спокойными, и здесь не наблюдались ожесточенные бои и столкновения между противоборствующими силами. Таким образом, нельзя исключать геополитический фактор, и использование радикальных группировок со стороны глобальных и региональных держав как инструмент влияния на стратегические интересы друг друга. Предположительно нахождение иностранных боевиков, в том числе центральноазиатского происхождения используется для стратегического давления на Китай, страны Центральной Азии, и в том числе на Россию. Изменение или расширение географии террористической активности в Афганистане, усиливает груз как на официальный Кабул, так и на северные соседние страны. Другим существенным фактором можно назвать противоборство между Талибаном и сторонниками ИГИЛа: если будет проведена боевая операция для их ликвидации, то одним из путей их отхода можно рассматривать северные страны. Хотя, согласно карте Радио Свободы, значительная часть игиловцев находятся в северо-восточной части, в близи границ Пакистана.

2.Значительную часть Афганистана занимают горы, согласно данным открытых источников, они составляют почти 80% территории. Сегодня боевики центральноазиатского происхождения укрываются в горных районах и селениях, что естественным образом обеспечивает их физическую безопасность. Опыт боевых действий на территории Афганистана за последние 40 лет показывает, что наиболее трудным являются горная местность. Хотя, этот фактор можно опровергнуть примером границы с Узбекистаном и Туркменистаном, так они проходят по пустынной местности, но как вариант можно рассматривать.

3.Существенным фактором на наш взгляд является тот факт, что многие иностранные боевики в указанных местах проживают вместе со своими семьями и этот фактор выступает важной причиной столь их ожесточенного противостояния. Поскольку они не могут куда-либо уйти и не имеют пути отхода, и вынуждены для собственной физической безопасности и своих семей вести такие действия и расширяют свою власть и влияния в этих районах. Данную причину можно рассматривать одной из основных мотивов их нахождения в данных провинциях.

Угрозы, исходящие от боевиков центральноазиатского происхождения странам Центральной Азии

Анализ и оценка ситуации показывает, что наиболее основательная угроза странам региона исходить от их граждан, которые воюют в рядах радикальных организаций в зонах террористической активности. О призывах и действиях граждан стран ЦА в 2014-2016 гг. из Сирии и Ирака в отношении своих государств как о реальной угрозе в научно-аналитическом поле написаны ряд работ. Эксперты и аналитики пишут о том, что страны Центральной Азии за последние годы столкнулись с совершенно-новой угрозой, т.е. исходящие от своих граждан. Очевидно, что взор радикальных групп центральноазиатского происхождения в первую очередь направлена собственным им странам: как от рекрутирования новых членов, до заявлений различного характера. По мнению профессора Косимшо Искандарова «большинство иностранных боевиков – это выходцы из центрально-азиатских стран и Кавказа, и они не скрывают своих намерений вернуться домой» [23]. В этом ключе, существует необходимость к реальной оценке ситуации и картирования зон откуда исходит потенциальные террористические угрозы.

Что касается Таджикистана, то в июле ряд СМИ писали о том, что в районе Нусай и Моймай провинции Бадахшан идет усиление позиции боевиков движение Талибан, что вызывает озабоченность властей Таджикистана. В этом контексте, власти

Афганистана сообщали о том, что в Бадахшане происходить усиление присутствие ИГИЛ и Аль-Каиды, что стала причиной поездки посла Афганистана в Таджикистане Мохаммад Захир Агбара (генерал-лейтенант, кадровый офицер, имеет большой опыт работы в специальных и правоохранительных органах Афганистана). По сообщению посольства Афганистана, в Душанбе «целью этой поездки является ознакомление с ситуацией в приграничных районах, укрепление общих границ двух стран, развитие экономического сотрудничества, принятие мер безопасности» [24]. Примечательно, что 21 июня 2020 года в Душанбе прошла заседание Совета безопасности Таджикистана, где основным вопросом обсуждение была обострения ситуации на границе Таджикистана с Афганистаном в южной части Горно-Бадахшанской автономной области [25]. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон наряду с другими мерами дал поручения по предотвращению терроризма, экстремизма и незаконного оборота наркотиков. Особое внимание было уделено укреплению обороноспособности государства, усилению защиты госграницы, повышению уровня боеготовности войсковых частей и т.д.

Что является причиной проведения этого заседания и существуют ли связь поездкой посла Афганистана в ГБАО? Безусловно, существует. Поскольку Таджикистан имея самую протяжённую границу с Афганистаном уже в течении трех десятилетий последовательно выступает по урегулированию ситуации в этой стране. Охрана границ на южных рубежах Таджикистана требует постоянного внимания и между специальными силами обеих государств налажена тесное сотрудничества, что является показателем совместных мер по снижению угроз и вызовов. Какие реальные угрозы исходят для безопасности Таджикистана, и других государств Центральной Азии из Афганистана:

Во-первых, Таджикистан в течении последних трех десятилетий последовательно выступал против Талибан и не признала легитимность их власти в Афганистане, сотрудничала и

сотрудничает официальным Кабулом, что резко отличает политику официального Душанбе от центральноазиатских соседей этой страны. Потенциальная угроза для Таджикистана исходит от Талибан, хотя последние никогда не декларировали напасть на северные государства и согласно пунктам соглашения, с США не должны использовать территорию Афганистана для ведения военных действий против других стран. Сегодня, когда происходит процесс трансформации Талибан, и они начинают выступать как «властообразующий фактор», то для Таджикистана появляются ряд рисков. Хотя, в политике прагматические интересы парой выступают той основой, исходя из которой ряд стран и политических групп меняют свое отношения. Что касается других северных соседей Афганистана, аналитик Саъди Юсуфи характеризует политику Туркменистана как «нейтральную и положительную в отношении Талибан», и политику Узбекистана как «основанные на прагматизме». Вне зависимости от этого сегодня ситуация в южных границах Туркменистана также вызывает озабоченность, и из-за закрытости этого государства очень недостаточно информации о реальной ситуации.

Во-вторых, в Таджикистане прекрасно оценивают потенциальные угрозы, исходящие от граждан, которые были рекрутированы ряди экстремистских организаций. Официальный Душанбе сегодня является единственным государством в регионе ЦА, которая предприняла и добилась успеха в возвращении своих граждан, которые обучались в неофициальных религиозных учебных заведениях зарубежных стран, основное число которых приходилось на Пакистан, Иран, Египет и Саудовскую Аравию. Данная политика была инициирована в 2009 года по инициативе правительства Таджикистана. Это мера доказала свою эффективность перед лицом вызовов и угроз, исходящих от ИГИЛ и других экстремистских организаций религиозного толка после 2013 года. Существенным моментом выступает тот фактор, что студенты религиозных учреждений, в силу всеохватывающей пропаганды нетрадиционных для региона религиозных течений,

больше были подвержены рекруту. В целом, как выше расписана, для Таджикистана и других стран Центральной Азии первоочередной вызов исходить от собственных граждан, поскольку они не скрывают что имеют желания вернуться себе на родину.

В-третьих, формирования зоны нестабильности, которая складывается в северных провинциях Афганистана как разновидность угроз имеет две специфики: 1) откладывает серьезный негативный отпечаток на характер и содержание экономических, транспортных и коммуникационных проектов. Из-за стабильной нестабильности тормозятся реализация ряда проектов по соединению рынков Центральной Азии с другими соседями Афганистана. В целом, нестабильный юг для стран Центральной Азии задерживает экономическую кооперацию, расширение которой в целом и выгодно самому Афганистану, так как можно из этого получить дополнительный доход для государственного бюджета; 2) столкновение интересов ключевых глобальных и региональных государств имеет серьезную угрозу для стран региона, как существует потенциальная возможность использование боевиков центральноазиатского происхождения для нанесения ущерба интересам государств, которые имеют постоянные интересы в ЦА. О трансфере и расширении зоны нестабильности из Афганистана в Центральную Азию хотя уже несколько десятилетий муссируются СМИ заинтересованных государств. Вне зависимости от этого, реальная оценка ситуации требует, чтобы к этому вопросу уделяли необходимое внимание, поскольку, выступая как фактор геополитического воздействия в определенных условиях могут быть притворены в жизнь.

Заключение

Анализ и прогноз развития ситуации в Афганистане является неблагодарным делом, поскольку сильно присутствует фактор неопределенности и быстрое изменение ситуации. В целом, понятно, что будущее Афганистана, стабильность, безопасность и развитие этой страны во многом будет зависит от

тесной кооперации элитарных групп: единство мнений и позиций влиятельных лиц афганской политики и активных политических групп в условиях разнородности стратегических интересов вышеперечисленных государств. Важнейшим условием достижения мира и спокойствия в Афганистане является фактор внешних вовлеченных стран. Однако, достижение мира в нынешних условиях является маловероятным.

Наряду с этим, следует также учитывать фактор транснациональных преступных групп, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств, оружия и других ценных материалов, которые также не заинтересованы в стабилизации ситуации. Поскольку, усиления государственных структур Афганистана может пошатнуть их положение.

Сегодня бесспорно, что ситуация в Афганистане и на севере этой страны, в частности, находится кризисном положении. Мирный процесс в Афганистане, который начинается под воздействием внутренних и внешних факторов и давления с их стороны, в краткосрочной перспективе не сможет привести нужным и необходимым результатам. Существенную роль в этом ключе имеет внешний фактор, под воздействием которого трудно будет достичь реального успеха в достижении мира. Не следует также исключить внутренний фактор, т.е. конфигурацию предпочтений политической и интеллектуальной элиты страны, часто встречающиеся в начале постконфликтного периода, когда трудно отодвинуть на второй план собственные интересы и отдать приоритет национальным интересам.

Присутствие иностранных боевиков, в том числе выходцев из Центральной Азии в северных провинциях Афганистана является неопровержимым фактом, и, к сожалению, они сегодня сохранят свое положение как «боевые мускулы» Талибан на этих регионах. Можно смело предположить, что если в долгосрочной перспективе в Афганистане удастся достичь мира между официальным Кабулом и Движением Талибан, то недовольная часть этой группировки отколется от них, и вместе с иностранными боевиками в зонах своего пребывания будут

сохранят кризисную ситуацию. Единственным решением и выходом из положения для недопущения подобной ситуации является полная ликвидация иностранных боевиков с формированием единства подходов между вовлеченными в кризис Афганистана странами, т.е. США, России, КНР, Индии, Пакистана, Ирана, Турции, Великобритании, арабских государств Персидского залива и др., а также реальных действий политической элиты и их оппозиции в этом направлении. К сожалению, суровая реальность такова, что формирования единого подхода и общности мнений по решению данной проблемы кажется миражом.

Библиография

1. Довуди Ирфон. Размышления о политической культуре Афганистана. -Герат: Институт стратегических исследований Афганистана, 1399 год солнечной хиджры (2020). -311с. (на персидском языке)
2. Рангин Додфар Сипанто. Родственный расизм и конец наций: племенные подходы и устойчивость Афганистана. 15 саратон 1393 год солнечной хиджры (2014). URL: http://http//8am.af/1393/04/15/afganistan-plotical-thougth/ (на персидском языке)
3. В сколько обошлась США война в Афганистане? Графики / 29.02.2020, Русская служба BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/features-51687498
4. Мировое сообщество направит в Афганистан 12 миллиардов долларов помощи /26.11.2020. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/world/20201126/mirovoe-soobtshestvo-napravit-v-afganistan-12-milliardov-dollarov-pomotshi
5. Бен Ладен не был вооружен во время нападения / 11.05.2011. URL: https://www.bbc.com/persian/world/2011/05/110503_u04_____bin_laden_unarmed.shtml (на персидском языке)

6. Вскрытие тела бен Ладена: загадка о роли Пакистана в этой проблеме /12.05.2015. URL: https://www.darivoa.com/a/usa-pakistan-bin-laden/2764322.html (на персидском языке)

7. Залмай Халилзад провёл переговоры с лидерами Талибана в Катаре о начале межафганских переговоров / 08.06.2020. URL: https://8am.af/zalmai-khalilzad-talks-wth-taliban-leaders-in-qatar-about-starting-international-talks/ (на персидском языке)

8. Путин уверен, что присутствие США в Афганистане полезно для безопасности / 25.10.2020. URL: https://tass.ru/politika/9810879

9. Рангин Додфар Сипанто. Политика Афганистана: сказ изнутри (в 2 томах). -Кобул: издательство Озим (первая публикация), 1396 год солнечной хиджры (2017). -980с. (на персидском языке)

10. Карл Кристен Файр. Битва до последнего вздоха: метод войны армии Пакистана (перевод Холида Хусрава), 1396 год солнечной хиджры (2017). -432с. (на персидском языке)

11. Тамим Оси. Каково стратегия войны армии Пакистана в Афганистане? Газета «Хашти субх», 1397 год солнечной хиджры (2018). URL: https://8am.af/what-is-the-strategy-of-the-pakistani-army-war-in-afghanistan/ (на персидском языке)

12. Первый товарный поезд прибыл из Ирана в Афганистан /02.12.2020. URL: https://www.bbc.com/persian/afghanistan-55156200 (на персидском языке)

13. Гуломали Чаганизаде, Сардор Мухаммад Рахими и Мондоно Тешадор. Понимание Исламской Республики Иран со стороны элиты Афганистана. -Кабул, 1397 год солнечной хиджры (2018). -88с. (на персидском языке).

14. Margherita Stancati. Iran Backs Taliban With Cash and Arms. The Wall Street Journal. June 11, 2015. URL: https://www.wsj.com/articles/iran-backs-taliban-with-cash-and-arms-1434065528

15. Jeff Schogol. Iran supports the Taliban with weapons, training, and money, Pentagon report says. Nov.19.2019. URL: https://taskandpurpose.com/news/iran-supports-taliban

16. Dr. Pravesh Kumar Gupta, Mahima Chhapariya. US-Taliban Peace Deal and its Implications for Central Asia. 16 May, 2020. URL: https://diplomatist.com/2020/05/16/us-taliban-peace-deal-and-its-implications-for-central-asia/

17. Кто они вооруженные оппозиционные группы Правительства Афганистана? Газета «Пажвок» /11.04.2017. URL: http://peace.pajhwok.com/dr/armed-group/ (на персидском языке)

18. Али Саджод Мавлои. Кризис в Совете руководителей Талибан / 02.06.2020. URL: https://8am.af/crisis-in-taliban-leadership-council/ (на персидском языке)

19. Реакция Талибан на статью Фориен Полиси: Наши руководители на болеют коронавирусом и между ними нет недопониманий / 31.05.2020. URL: https://www.bbc.com/persian/afghanistan-52866768 (на персидском языке)

20. Ахмади М. Власти Таджикистана определили имена «Таджикских Талибан» / 10.12.2020. URL: https://www.ozodi.org/a/30993621.html (на таджикском языке)

21. Гиёсов М. Появление ИГИЛ в Афганистане и ее влияние на безопасность Центральной Азии // Стратегия: специальный выпуск. -Издание НИСИ при Правительстве КР. -2015. -С.90-96.

22. Не священный союз Талибан, ИГИЛ и Аль-Каиды в афганском Бадахшане / 02.05.2020. URL: https://www.bbc.com/persian/blog-viewpoints-52513780 (на персидском языке)

23. Искандаров К. Афганский вопрос и безопасность региона Центральной Азии / 31.05.2016. URL: https://cabar.asia/ru/kosimsho-iskandarov-afganskij-vopros-i-bezopasnost-regiona-tsentralnoj-azii/

24. Встречи в Бадахшане: что происходит на таджикско-афганской границе / 22.07.2020. URL: https://tj.sputniknews.ru/country/20200722/1031613555/Vstrechi-Badakhshan-chto-proiskhodit-na-tadzhiksko-afganskoy-granitse.html

25. Заседание Совета безопасности Республики Таджикистан / 21.07.2020. URL: http://president.tj/ru/node/23433

ВАЗЪ ДАР АФҒОНИСТОН ВА ТАЪМИНИ АМНИЯТИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ

Мақолаи мазкур ба вазъи кунунии Афғонистон дар шароити идома доштани раванди музокироти сулҳи байниафғонӣ бахшида шудааст. Перомуни гурӯҳҳо ва неруҳои асосии ин кишвар таҳлил сурат гирифта, вижагии фарҳанги сиёсии Афғонистон ба таври мухтасар барррасӣ гардидааст. Манфиатҳои давлатҳои ба шаклњои гуногун дахолаткунанда дар равандҳои сиёсии Афғонистон нишон дода шуда, ҳадафҳои стратегии ИМА, Русия, Покистон, Эрон ва Чин бозкушоӣ шудаанд. Ҳамчунин, мавқеи бозигарони дохилии Афғонистон, аз қабили Ҳукумати марказӣ, Ҳаракати Толибон, шахсиятҳои бонуфуз ва элитарӣ, ҳизбҳои сиёсӣ, неруҳои мусаллаҳи ҷангандаи хориҷӣ низ перомуни раванди сулҳи ин кишвар баррасӣ шудаанд. Ба таври алоҳида таъсири неруҳои мусаллаҳи ҷанганда ба вазъи кунунии Афғонистон мухтасар таҳлил гардида, сенарияҳои мухталифи эҳтимолӣ перомуни ояндаи онҳо низ баён шудааст. Таъсири буҳрони Афғонистон ба Осиёи Марказӣ таҳлил гардида, таҳдиду хатарҳо аз ҷангҷӯёни хориҷии баромадашон аз Осиёи Марказӣ ба кишварҳои минтақа баён гардидааст. Дар интиҳо мулоҳизаҳо перомуни ояндаи рушди вазъ дар Афғонистон зикр ёфтааст.

Калидвожаҳо: Афғонистон, Осиёи Марказӣ, Тоҷикистон, ИМА, Русия, Покистон, Эрон, Чин, таъмини амният, раванди сулҳ, ҷангандаҳои хориҷӣ, манфиатҳои стратегӣ, Толибон

СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Данная статья посвящена текущей ситуации в Афганистане в контексте запуска межафганского мирного процесса. Приведен анализ положения основных группировок и сил в этой стране, кратко изложена и рассмотрена специфика политической культуры Афганистана. В статье анализируются интересы

государств, вовлеченных в политические процессы Афганистана, раскрываются стратегические цели США, России, Пакистана, Ирана и Китая в этой стране. Обозначена и показана позиция внутренних акторов Афганистана, включая Центральное правительство, движение Талибан, влиятельных и элитных лиц, политические партии и вооруженных боевиков иностранного происхождения по отношению к мирному процессу. В статье кратко рассматривается влияние вооруженных боевиков иностранного происхождения на ситуацию в Афганистане и предлагаются возможные сценарии их будущего в этой стране. Анализируется влияние афганского кризиса на Центральную Азию, описываются вызовы и угрозы, которые представляют боевики Центрально-азиатского происхождения для стран региона. В заключение делаются выводы о развитии будущей ситуации в Афганистане.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, Таджикистан, США, Россия, Пакистан, Иран, Китай, обеспечение безопасности, мирный процесс, иностранные боевики, стратегические интересы, Талибан

THE SITUATION IN AFGHANISTAN AND PROVISION OF SECURITY IN CENTRAL ASIA

This article deals with the current situation of Afghanistan in the context of launching the inter-Afghan peace negotiation. Given the analysis of the situation of the main groups and forces in this country, and the specificities of the political culture of Afghanistan were briefly revealed and considered. The article analyzes the interests of States involved in the political processes of Afghanistan, reveals the strategic goals of the United States, Russia, Pakistan, Iran and China in this country. The position of internal actors in Afghanistan, including the Central government, the Taliban, influential and elite individuals, political parties, and armed militants of foreign origin in relation to the peace process was outlined and shown. The article briefly examines the impact of armed militants of foreign origin on the situation in

Afghanistan and suggests possible scenarios for their future in this country. The article analyzes the impact of the Afghan crisis on Central Asia and describes the challenges and threats posed by militants of Central Asian origin to the countries of the region. In conclusion the author gives some assumptions about the development of the future situation in Afghanistan.

Key words: Afghanistan, Central Asia, Tajikistan, USA, Russia, Pakistan, Iran, China, provision of security, peace process, foreign fighters, strategic interests, Taliban

Сведения об авторах:

Ризоён Шерали Шукруллозода – Таджикский Национальный Университет, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан. **Адрес**: 734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе, проспект Рудаки 17. E-mail: **Sherali.rizoyon@gmail.com**. Телефон: **(+992) 987-280-081**.

Гиёсов Махмуд Файзуллоевич **–** Комитета по религии, упорядочению традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан, эксперт. **Адре**с: 734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе, улица Лохути 14. E-mail: pamirmg@yahoo.com. Телефон: **(+992) 918-691-974**.

Information about the author:

Rizoyon Sherali Shukrullozoda – Tajik National University, Ph.D. in Political Sciences, Senior lecturer of the Department of Diplomacy and Foreign Policy of the Republic of Tajikistan. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki avenue, 17. E-mail: **sherali.rizoyon@gmail.com**. Phone: **(+992) 987-280-081**.

Giyosov Makhmud Faizulloevich - The Committee of Religion, Regulation of Traditions, Celebration and Ceremoniones under the Government of the Republic of Tajikistan, Expert. **Address:** 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Lohuti str., 14. e-mail: pamirmg@yahoo.com. Phone: **(+992) 918-691-974**.

ДИАЛОГ БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРЕТИКО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Олтаржевский Д. О. – доктор наук по социальным коммуникациям, профессор Института журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Залогом эффективной реализации политики на региональном уровне являются не только традиционные рычаги государственного управления и общепринятые финансово-экономические стимулы, но и ряд нематериальных факторов, без которых невозможно себе представить развитие современного общества. Это особенно заметно в сфере построения диалога между бизнесом и социумом – наиболее значимыми и институционально равноправными участниками такого развития.

Подталкиваемый глобализацией, интеграцией и диджитализацией, прогресс коммуникационной отрасли наложил свой отпечаток на положение дел, способствуя совершенствованию коммуникационных практик, расширению тематического поля и методологического арсенала. Сегодня коммуникации не ограничиваются функциями информирования, а принимают самое активное участие в формировании ценностных ориентиров не только на уровне организаций, фирм и крупных корпораций, но и в масштабах всего общества. Таким образом, объект данного исследования находится на стыке нескольких взаимосвязанных направлений: государственного управления, бизнес-менеджмента и коммуникационной деятельности, отвечающей за позиционирование компаний, гармонизацию их социальных связей, а также управление организационным поведением. А его актуальность видится как в практической плоскости реализации бизнес-интересов отдельных предприятий и отраслей, так и в достижении важных государственных целей.

В современном научном дискурсе представлен ряд теоретических концептов, охватывающих представленную тему.

Например, корпоративную культуру организаций как культурно-духовный феномен рассматривали Т. Бернс, М. Вебер, К. Камерон, Р. Куинн, Г. Саймон и др. Значительное количество научных работ посвящено корпоративным коммуникациям как ответвлению паблик рилейшенз, среди которых можно выделить П. Ардженти, Б. Кверка, Дж. Корнелиссена, С. Оливер.

Особое место в построении диалога между бизнесом и обществом занимает концепция корпоративной социальной ответственности (КСО). О глубине ее проникновения в жизнь может свидетельствовать разработанная и внедренная в 2008 г. на международном уровне система оценки компаний по Индексу корпоративной социальной ответственности (CSRI) [8]. Данная методика отражает общественное восприятие компании в нескольких аспектах: корпоративное участие в социальной жизни, корпоративное управление и корпоративная культура. Рейтинг проводится ежегодно на основании анализа ключевых факторов, влияющих на формирование корпоративной репутации, а также инициатив в области КСО и повышения доверия со стороны потребителей.

Пионером в разработке теории социальной ответственности бизнеса можно назвать Г. Боуэна, опубликовавшего в 1953 г. монографию, в которой впервые были представлены основы и перспективы развития этого направления [6]. Несмотря на множество современных трактовок сущностных характеристик и функциональной нагрузки этого явления, научные взгляды Боуэна, согласно которым социальная ответственность бизнеса заключается в реализации такой политики и принятии таких решений, которые были бы желательны для целей и ценностей общества, не теряет глубины и актуальности в наши дни. Более того, они остаются образцом основательных теоретических подходов к формированию идеологического фундамента бизнеса.

Эксперт в области стратегического маркетинга Й. Кунде использует понятие «корпоративная религия» как целостное зрелое видение, благодаря которому компания осознанно выбирает «духовный» менеджмент. «Забудьте об упражнениях с

цифрами и внутреннюю бухгалтерию, – призывает Кунде. – Цифры и бюджеты приведут вас в никуда. Что способствует успеху, так это философия компаний, четко сформулированная «духовным» руководством... Компании создают собственные правила через свою философию – свою религию. Религия сплотит компанию вокруг единого видения, миссии и системы» [1, с. 22].

Некоторые наиболее развитые с духовной точки зрения компании называют ключевым аспектом своей корпоративной культуры состояние счастья. По мнению исследователей, именно оно определяет то, как мечты людей реализуются в их жизни; состояние счастья приводит их к замечательным результатам и одновременно является индикатором их процветания. «Люди счастливы не потому что успешны. Они процветают, потому что счастливы. Счастье – это прогностический критерий, или на языке программистов, «предсказательная метрика» [2, с. 170].

Подобные подходы в оценке качества жизни и использовании мотивационных факторов находят отражение и в государственной политике, реализуемой в ряде развитых стран, что помогает связать воедино интересы бизнеса, государства и общества в целом. В основе описанного духовного взаимодействия лежит идентичность, раскрывающая ценностное и эмоциональное значение, принадлежность групп людей к ценностям определенного сообщества. Под этим термином, прежде всего, подразумевается система убеждений, представлений, ожиданий, а также принципов, норм поведения, традиций, которые сложились в такой социальной группе.

Связывая категорию идентичности с формированием общественного мнения, В. Бейкер углубил понимание психологических следствий корпоративной культуры, характеризуя ее как набор взаимосвязанных верований, исповедуемых большинством членов организации [5, с. 9]. Идентичность, сотрудничество, общие коллективные ценности порождают чувства сопричастности, командного единства, гордости за свою работу, которые при определенных условиях могут быть масштабированы на регионы, страны, выступая

эффективным мотивационным инструментом социально-экономического роста.

Г. Тульчинский связывает построение таких идеологических систем с влиянием на людей, работающих в компании, на организационные структуры и элементы контроля, а также с нормами поведения, конкретными действиями и поступками [3, с. 16]. Однако, на наш взгляд, построение систем идентичности в бизнесе затрагивает интересы значительно более широкого круга людей. И в этом контексте будет уместным упомянуть теорию заинтересованных сторон (стейкхолдеров).

Р. Фримен впервые систематизировал идеи, что деятельность организаций зависит от их отношений с заинтересованными сторонами [10]. Это понятие включает в себя не только те группы, которые имеют финансовую долю в бизнесе, но и все те, от кого, так или иначе, зависит судьба организации – ее сотрудники, потребители, органы власти, местные жители и т.д. В целом, как отмечает Р. Долфин, корпорации существуют в средах, в которых они окружены различными аудиториями, с которыми они стремятся развивать отношения и понимание [9, с. 7]. И эту особенность необходимо также принимать во внимание при рассмотрении обсуждаемой проблемы.

В широком смысле целевые аудитории бизнеса можно разделить на внутренние (персонал, менеджмент, акционеры) и внешние, которые в свою очередь содержат подвиды: B2B сегмент (партнеры, клиенты, конкуренты), медиа-сообщество (к которой в последнее время также включают представителей блогосферы), а также группы внешнего воздействия (государственные учреждения, общественные структуры и отраслевые учреждения). В основе эффективной коммуникации с такими группами лежат принципы паблик рилейшенз. Парадигма этой деятельности отражена в новейшем определении, представленном International Public Relations Association: «Паблик рилейшенз – это практика управления решениями, задачами которой является формирование взаимоотношений и интересов между организациями и их общественностью на основе

распространения информации с помощью доверительных и этичных методов коммуникации» [12].

В современном мире PR ассоциируется не просто с менеджментом, технологиями распространения информации и управления репутацией. Это стратегически важная сфера административной деятельности, направленная на создание, фиксацию и популяризацию корпоративной культуры, ценностей компании, управление корпоративными знаниями, взаимодействие с персоналом и внешними аудиториями. При этом любые связи организации (и внешние, и внутренние) должны рассматриваться в соответствии со стратегическими целями как единая система формирования долгосрочных гармоничных отношений со всеми субъектами корпоративных отношений.

По мнению Дж. Корнелиссена, в практической бизнес-сфере термин паблик рилейшенз активно использовался для определения процесса коммуникации с заинтересованными сторонами до 1970-х гг. [7, с. 4]. Со временем, когда стейкхолдеры стали требовать к себе большего внимания и участия, задачи этой деятельности существенно расширились, а само направление PR трансформировалось в более специализированные корпоративные коммуникации. Сегодня, по словам Корнелиссена, корпоративные коммуникации можно охарактеризовать как функцию управления, отвечающую за осуществление надзора и координацию работ, выполняемых в различных специальных областях, таких как медиа-рилейшенз, внешние и внутренние коммуникации [7, с. 4]. В дополнение к этому П. Ардженти и К. Барнс характеризуют корпоративные коммуникации как «бизнес по управлению отношениями» [4, с. 1].

Проблемы гармонизации отношений между бизнесом и обществом тесно связаны с концептом стратегических коммуникаций, которые ученые определяют, как целенаправленное использование коммуникации со стороны организации для выполнения ее миссии [11, с. 3]. Сверхзадачей

такой деятельности является формулировка миссии бизнеса, построение ее идеологических устоев. Понятно, что корпоративные коммуникации также имеют стратегический характер и связаны с содержанием и ценностными ориентирами компании. В контексте реализации региональной политики такой подход может рассматриваться сквозь призму принципов сосуществования в экономическом и социокультурном пространстве. Влияние бизнеса на общественную среду может оцениваться с помощью индикаторов деловой активности, экономической эффективности компании и рыночных показателей.

Социокультурные посылы, формируемые при участии традиционных медиа-каналов (Интернет, пресса, радио, телевидение) и инновационных онлайн-платформ (таких как социальные сети, блоги) в значительной мере трансформируют окружающую информационную реальность, включая и ту, что охватывает корпоративную сферу. С другой стороны, под их влиянием, получая представления о деятельности бизнеса, его миссии и стратегических приоритетах, общество нарабатывает собственные ценности, формируя соответствующие модели поведения. В свою очередь, бизнес получает социальное одобрение и моральную поддержку, необходимые для устойчивого развития.

Опираясь на проанализированный теоретический материал, можно сделать следующие выводы.

На современном этапе направление социальной ориентированности бизнеса и его открытого диалога с обществом продолжает активно развиваться и наполняться новым содержанием. Ключевым звеном в этой цепи являются коммуникации, которые создают основу для благоприятных отношений с целевыми группами, от которых зависит организация, помогают сформировать благоприятный имидж, повысить лояльность партнеров, стимулировать продажи и т.д. Разумеется, в основе всего этого должно быть не показное, а реальное сотрудничество в форме корпоративной филантропии,

социальных инноваций, взаимодействия в рамках стратегий КСО. Соответственно, социокоммуникационный контент, который генерируют компании, должен базироваться на общественно значимых информационных поводах, быть искренним, полезным для аудитории и содействовать позитивным сдвигам на уровне восприятия общечеловеческих ценностей. А сами методы коммуникации должны обеспечивать максимальную открытость, диалогическую форму общения, основывающуюся на взаимном доверии и уважении.

В свете реализации региональной политики гармонизация отношений между бизнесом и социумом при помощи правильно выстроенных коммуникаций позволяет решить ряд важных проблем. Это и оптимизация социальных и экономических связей, и более эффективное управление человеческими ресурсами, и стимулирование товарообмена. В этом смысле доброкачественные отношения служат дополнительным нематериальным рычагом влияния на реализацию государственной экономической политики в регионах, развитие производства, обеспечение достойного уровня жизни людей и в целом создают условия для построения цивилизованного гражданского общества.

Библиография

1. Кунде Й. Корпоративная религия. Создание сильной компании с яркой индивидуальностью и корпоративной душой; пер. с англ. СПб, 2002. 270 с.

2. Сазерленд Дж. Scrum. Революционный метод управления проектами; пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 288 с.

3. Тульчинский Г. Корпоративная культура // PR-менеджер. 2008. № 9. С. 16-19.

4. Argenti P. A. & Barnes C. M. Digital strategies for powerful corporate communications. New York: McGraw Hill, 2009.

5. Baker E. L. Managing Organizational Culture // Management Review. 1980. № 69 (7). PP. 8–13.

6. Bowen H. Social responsibilities of the businessman. N.Y: Harper & Row, 1953.
7. Cornelissen J. P. Corporate Communication: A Guide to Theory and Practice. SAGE Publications Ltd, 2008. 280 p.
8. CSR and Reputation Management Best Practices. Reputation Institute. URL: https://www.reputationinstitute.com/Resources/Registered/PDF-Resources/CSR-and-Reputation-Management-Best-Practices.aspx
9. Dolphin R.R. The Fundamentals of Corporate Communication. Routledge, 2011.
10. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston: Pitman, 1984.
11. Hallahan K., Holtzhausen D., van Ruler B., Verčič D. and Krishnamurthy S. Defining Strategic Communication // International Journal of Strategic Communication. 2007. Vol. 1 Iss. 1. P. 3.
12. PR Definition. International Public Relations Association (IPRA). URL: https://www.ipra.org/member-services/pr-definition

Муколамаи бизнес ва ҷомеа дар шароити татбиқи сиёсати минтақавӣ: ҷанбаи назариявӣ ва коммуникатсионӣ

Дар мақола аз диди татбиқи сиёсати минтақавӣ – иртиботот ҳамчун воситаи ғайримоддии ҳавасмандгардонии рушди бизнес, иқтисод ва ҷомеа баррасӣ шудааст. Объекти тадқиқот байнисоҳавӣ буда, дар пайванди идоракунии давлатӣ, мудирияти соҳибкорӣ ва фаъолияти иртибототӣ анҷом гардидааст. Асоси назариявии мақола ба мафҳумҳои масъулияти иҷтимоии корпоративӣ, ҳувияти идоравӣ, фалсафаи корпоративӣ, инчунин усули ташаккули афкори ҷамъиятӣ асос ёфтааст. Ба назари муаллиф муколамаи дуруст роҳандозӣ шуда, муносибатҳои тиҷорат ва ҷомеаро дар сатҳи ахлоқ ва арзишҳо ҳамоҳанг месозад. Инчунин ба ҳалли як қатор мушкилоти муҳими амалӣ, аз ҷумла беҳтаргардонии робитаҳои иҷтимоию иқтисодӣ, идоракунии самарабахши захираҳои меҳнатӣ, истифода оқилонаи қувваҳои

истеҳсолкунанда ва ҳавасмандгардонии гардиши савдо мусоидат мекунад.

Калидвожаҳо: масъулияти иҷтимоии корпоративӣ, иртибототи корпоративӣ, менеҷмент, муносибатҳои ҷамъиятӣ, сиёсати минтақавӣ, иртибот бо ҷомеа.

Диалог бизнеса и общества в свете реализации региональной политики: теоретико-коммуникационный аспект

В статье сквозь призму реализации региональной политики рассматриваются коммуникации как нематериальный инструмент стимулирования развития бизнеса, экономики и общества. Объект исследования является междисциплинарным и находится на стыке государственного управления, бизнес-менеджмента и коммуникационной деятельности. Его теоретическое обоснование базируется на концепциях корпоративной социальной ответственности, организационной идентичности, корпоративной философии, а также принципах формирования общественного мнения. Сделан вывод, что правильно выстроенный диалог позволяет не только гармонизировать отношения между бизнесом и обществом в плоскости морали и ценностных ориентиров. Он также помогает решить ряд важных прикладных проблем, среди которых оптимизация социальных и экономических связей, эффективное управление человеческими ресурсами, рациональное использование производительных сил и стимулирование товарообмена.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, корпоративные коммуникации, менеджмент, паблик рилейшенз, региональная политика, связи с общественностью.

Dialogue of Business and Society in The Light of The Regional Policy Implementation: Theoretical and Communication Aspect

The article considers communications as an intangible tool for stimulating the development of business, economy, and society through the prism of the implementation of regional policy. The object of the research is interdisciplinary and is located at the intersection of public administration, business management, and communication activities. Its theoretical foundation is based on the concepts of corporate social responsibility, organizational identity, corporate philosophy, as well as the principles of public opinion formation. It is concluded that a properly structured dialogue allows not only harmonizing relations between business and society concerning morality and values. It also helps to solve some important applied problems including the optimization of social and economic ties, effective management of human resources, rational use of productive forces, and stimulation of trading.

Key words: corporate social responsibility, corporate communications, management, public relations, regional policy, public relations.

Сведения об авторе: ***Олтаржевский Дмитрий Олегович*** – Институт журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина), доктор наук по социальным коммуникациям, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью. **Адрес:** 04119, Украина, г. Киев, ул. Юрия Ильенко 36/1. **Тел:** +38(044)4814535. **E-mail:** oltarzhevskyi@univ.net.ua

Information about the author: Oltarzhevskyi Dmytro – Institute of Journalism Taras Shevchenko National University of Kyiv, Doctor in Social Communications, Professor at Department of Advertising and Public Relations. **Address**: 04119, Ukraine, Kyiv, Yuriy Illienko street, 36/1. **Phone:** +38(044)4814535. **E-mail:** oltarzhevskyi@univ.net.ua

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ: СИНТЕЗ ИЛИ ОТРИЦАНИЕ?

Алимджанов Б.А. *– к.и.н., докторант Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни, Республика Узбекистан*

После развала СССР в истории человечества начался новый период – постисторический или информационный. На постсоветском пространстве появились новые государства, которые начали строить новую государственность на рыночных основах [9]. Как утверждают многие аналитики, начался период неолиберализма или начали возрождаться национальные государства. Идеология неолиберализма основывается на признании святости частной собственности и развитие идей индивидуализма. В современной науке идут споры о значении и сути нашей цивилизации. Ф. Фукуяма считает, что с развалом Советского Союза «заканчивается» история, так как либеральная идеология победила, а для развития истории требуется борьба идеологий и идей. По мнению Фукуямы «идеал либеральной демократии улучшить нельзя» [10] и поэтому она победила. Идеи Фукуямы во многих случаях повторяют идеи Гегеля и Канта. Гегель также предсказывал конец истории, так как он исходил из положения того, что человечество стремится к свободе. Двигателем истории является борьба за признание [10, с.19]. Когда потребность в признании удовлетворено, то наступает период прострации и наступает «конец» истории. Фукуяма прав в том, что он объясняет ход истории абстрактным познанием человечеством свободы. Хотя эта идея еще не нашла отражения в реальности, эта идея уже победила в абстракции. Поэтому с полной уверенностью можно говорить о «конце» истории. По-нашему мнению, Фукуяма допускает классическую ошибку, так как не признает появление альтернативной идеологии. Он слишком увлечен идеями свободы и Гегеля. Для него история обретает смысл, когда этот процесс конечен. Эта идея не нова.

Еще мировые религии (зороастризм, христианство и ислам) строили свои концепции на конечности истории. Эсхатологические мотивы в научной гипотезе Фукуямы сильно напоминает христианское понимание истории (особенно Бл. Августина). Фукуяма стремится навязать постсоветскому или постиндустриальному миру единую идеологию либерализма. Фукуяма понимает, что крушение социалистического лагеря пробудит в мире интерес к идеям либерализма. И он удачно использует победное шествие либерализма на планете.

В современной историографии сильны позиции ориентализма в саидовском понимании [1,3,5,7]. Э.Саид в своей нашумевшей книге «Ориентализм» утверждает, что западный человек по-своему конструирует Восток и таким образом, западное понимание превращается в собственное самосозерцание. «Восток - пишет Э.Саид, - это почти всецело европейское изобретение, со времен античности он был вместилищем романтики, экзотичных существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний» [4, с.7]. По Саиду Восток помог Западу осознать себя, потому что Восток для европейца был образ «другого». В своих конструкциях Саид опирается на культурную дихотомию, то есть, по его мнению, история развивается через самопознания наций. По этому поводу Саид пишет, что «Восток помог Европе определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт» [4, с.8]. В отношениях между Востоком и Западом с XVIII века начал доминировать Запад, так как Запад смог создать сконструировать «свой» Восток. Культурное доминирование Запада и создание новых понятий о Востоке помог Западу экономически, политически и культурно освоить Восток. Саид оговаривается, что под ориентализмом оно понимает деятельность британских и французских политиков, ученых, географов, которые воспроизводили Восток для осуществления собственных целей и задач. По Саиду западный ориентализм неоднозначен и разнообразен. Он отмечает, что американский ориентализм довольно сильно отличается от европейского. Нужно отметить,

что Саид в основном рассматривал в своей книге влияние ближневосточной цивилизации на Европу. «Моя позиция, - пишет Саид, состоит в том, что ориентализм проистекает из особой близости, существовавшей между Британией и Францией, с одной стороны, и Востоком ¬ - с другой, который вплоть да начала XIX века в действительности означал только Индию и библейские земли» [4, с.11]. Вне поля зрения Саида остается Центральная/Средняя Азия и Российская империя. Все конструкции Саида покоятся на материале Ближнего Востока, что определенно обедняет его понимание ориентализма. По – нашему мнению, саидовский ориентализм в корне неприменим для описания Востока, так как в ориентализме Восток теряет свой смысл и превращается некую интеллектуальную фикцию востоковедов, который служит интересам колонизаторов. «Ориентализм» Саида, скорее всего, утверждает ориенталистские взгляды, чем отрицает их.

Интересна позиция С. Хантингтона по отношению к современной цивилизации. По его мнению, после окончания «холодной войны» усилилась самоидентификация народов и наций, которое повлечет за собой изменения в мировой политике [8, с.13]. «Основная идея этого труда, - пишет Хантингтон, заключается в том, что в мире после «холодной войны» культура и различные виды культурной идентификации определяют модели сплоченности, дезинтеграции, и конфликта [8, с.15]. Хантингтон утверждает, что в конце XX века процесс «вестернизации» потерял свой смысл и возрождаются национальные культуры, которые во многих случаях отрицают всеобщую цивилизацию. Автор делает акцент на том, что «универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезными с исламом и Китаем» [8, с.15]. Хантингтон призывает Запад признать, что в мире появились силы, с которыми придется считаться и что абсолютное господство Запада на планете закончился. Начинается новая эра истории, где национальные культурные ценности и взгляды будут доминировать на планете.

Автор намекает, что эра либеральной идеологии закончилась, в которой доминировала наднациональность и начинается постлиберальная эпоха, где процессы модернизации будут носить ярко национальный характер. В этих новых условиях «выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентификацию и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против вызовов не-западных обществ» [8, с.16]. Именно столкновение разных цивилизаций на почве культурного доминирования может повлечь за собой мировую войну. «Избежать глобальной войны цивилизаций - пишет Хантингтон, можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания» [8, с.16].

Интересна позиция выдающегося историка А. Тойнби по проблеме цивилизационных процессов, происходивших в середине XX века. А. Тойнби в своем произведении «Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад» анализирует отношения между Востоком и Западом. Тойнби рассматривает историю как процесс возникновения и увядания цивилизаций. Причиной гибели цивилизации автор книги указывает на классовую борьбу и войны [6, с.31]. Мыслитель указывает на «живучесть» цивилизации, так как «цивилизации приходили и уходили, но Цивилизация с большой буквы каждый раз возрождалась в новых, свежих формах, ибо как, ни велико было разрушительное действие войны и классовой борьбы, но оно еще не стал всеохватным» [6, с.31]. Тойнби в принципе призывал Запад сотрудничать с восточным коммунизмом, давая понять, что Восток неотделим от цивилизационных процессов, которые происходили в истории человечества. Надо учесть те обстоятельства, в котором Тойнби читал свои знаменитые лекции: только что закончилась вторая мировая война, восточный коммунизм окреп. В данных обстоятельствах Тойнби как историк и мыслитель понимал бессмысленность конфронтации между

Востоком и Западом. Интересно, по мнению Тойнби нужно «искоренить войну и классы как таковые – и искоренить их немедленно – под страхом того, что, если мы дрогнем или потерпим неудачу, они сами одержат победу над человеком; которая на этот раз окажется бесповоротной» [6, с.33]. Тойнби одновременно признает, что войны и классы неотъемлемая часть исторического процесса и в то же время призывает искоренить эти «аспекты» цивилизации. Тойнби предлагает новую парадигму развития цивилизационного процесса без войн и классов, где главенствующую роль будет играть некая субстанциональная духовность. Именно технологический прогресс, по мнению Тойнби, породил «неравное распределение товаров и средств в этом мире между привилегированным меньшинством и неимущим большинством превратилось из неизбежного зла в невыносимую несправедливость» [6, с.33-34]. По мнению автора, спасение кроется именно «в поисках среднего пути» [6, с.35]. «Средний путь» в понимании Тойнби «в политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма. На взгляд одного западноевропейского наблюдателя, человека среднего класса и среднего возраста, Спасение да придет ни с Востока, ни с Запада» [6, с.35]. Спасение цивилизации Тойнби видит в религии, которое определит будущее цивилизации и планеты. «Ключ к пониманию, пишет автор, может быть передан через христианское послание или через послание других высших религий, а спасительные слова и дела могут прийти с неожиданной стороны» [6, с.35]. Тойнби уверен, что материальная цивилизация исчерпала себя, теперь человечество спасет божественная откровение, которое покончит со всеми войнами и классами в обществе. Тойнби уверен, что в ближайшем будущем произойдет слияние всех культур и цивилизаций. «Наши собственные потомки не будут лишь западными жителями, как мы. Они будут наследниками

Конфуция и Лао-цзы, так же как Сократа и Платона, и Плотина; наследниками Гаутамы Будды, так же, как и Второ-Исайи, и Иисуса Христа; наследниками Заратустры и Мухаммеда, так же как и пророков Илии и Елисея, и апостолов Петра и Павла; наследниками Шанкары и Рамануджи, так же как и Климента и Оригены; наследниками Ибн-Хальдуна и Боссюэ» [6, с.92]. По мнению Тойнби, активным актором исторического процесса станет западный человек. «Велением Бога, пишет автор, западному человеку было предназначено историческое движение – совершить что-то не просто для себя, но для всего человечества, нечто столь крупное, что наша собственная внутренняя история будет поглощена результатами этого свершения» [6, с.92]. Тойнби слишком увлечен греко-римской цивилизацией, что он старается «спасти» западную культуру синтезировав ее с восточной. В этом благородном деле, западная культура должна стать тем «краеугольным камнем», на основе которого будет возведена величественная новая цивилизация, которая культурно, экономически и политически унифицирует всю планету.

В XXI веке межцивилизационные процессы нашли свое выражение в межкультурном обмене между Востоком и Западом. Возникает вопрос, чем является Восток для Запада и как воспринимается Запад на Востоке. Именно эти аспекты, к сожалению, еще не изучены в нашей исторической литературе. Надо учесть, что за последние 30 лет кросскультурные процессы в обществе ослабли, так как узбекское общество перешагнула на новую ступень цивилизационного развития, где кросскультурные отношения будут претерпевать эволюцию и получат новое содержание и сущность. Нужно констатировать, что при строительстве нового государства общество будет сталкиваться со многими проблемами касающиеся взаимопонимания между собой и внешним миром. Перед гуманитарными науками стоит глобальная задача решить проблему восприятия населением чуждых ценностей, чтобы стать полноправным членом мирового сообщества. И в решении данных проблем современная историческая наука ставит больше вопросов, чем ответов. И мы

должны понимать всю сложность этого процесса, так как еще не найдены основные ответы на волнующие общество вопросы. Мы полагаем, что эти вопросы в большинстве случаев касается именно межкультурного и межцивилизационного процессов. Нужно отметить, что процесс синтеза восточного и западного происходит на фоне самоидентификации населения и формирования нации. Кроме того, в постколониальных обществах возникла проблема идентичности интеллигента, который живя в традиционном обществе, чувствовал себя некомфортно, так как «свои» считали его вестернизированным, а европейцы «окультуренным» азиатом. Именно «столкновение» или «синтез» восточного и западного породила современную цивилизацию, в которой мы живем. Заметим, что эта цивилизация не сформировалась до конца, так как только маленькая часть населения реально подверглась процессам модернизации. И поэтому нужно учитывать тот факт, что модернизация традиционных обществ - процесс долгий и болезненный и основная задача политиков, историков, социологов, психологов, культурологов «облегчить» населению принятия новых идей.

Центральная Азия колыбель мировой цивилизации. Население данного региона в течении многих веков смогла сохранить собственные традиции, мировоззрение и мировосприятие. В переломные моменты истории она воспроизводила в новом качестве собственное миросозерцание. Процесс цивилизации в Центральной / Средней Азии тесно переплетено с синтезом культур. Современная цивилизация Центральной/Средней Азии продукт многовекового синтеза культур Востока и Запада. Не будет преувеличением сказать, что за последние три тысяча лет центральноазиатская цивилизация вобрала в себе эссенцию мировой культуры.

Библиография

1. Бабаджанов Б. М. Николай Остроумов: «миссионер», «исламовед», «цивилизатор»? // Восток Свыше. – № 4 (32). – Октябрь-декабрь 2013 г. – С. 29–51, 75–80.

2. Бобровников В. Почему мы маргиналы (заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида) // Ab Imperio. – 2008. -№ 2. – С. 325–344.

3. Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 323–344.

4. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. – 636с.

5. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Ориентализм — дело тонкое // Ab Imperio. – 2002. – № 1. – С. 249–265.

6. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: АСТ, 2011. – 318 с.

7. Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 310–323.

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. – 576 с.

9. Хан В.С. О методологической и логико-эпистемологической ситуации в общественно-гуманитарных науках Центральной Азии // Uzbekistan Initiative Papers. – № 16. – Март 2014. – С. 1–12.

10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010. –584 с.

Осиёи Миёнаи пасошӯравӣ ва назарияҳои ғарбӣ: синтез ё инкор?

Муносибатҳои Шарқ ва Ғарб решаҳои амиқи таърихӣ ва фарҳангӣ доранд. Ҳар як давраи таърихӣ ин равандҳоро аз нав шарҳ додааст. Дар давоми панҷсад соли охир Ғарб аз ҷиҳати фарҳангӣ, иқтисодӣ ва сиёсӣ хеле тағйир ёфт ва ин равандҳо ба рушди таърихии Шарқ низ таъсир расонданд.

Пас аз пошхӯрии ИҶСШ дар таърихи инсоният давраи нав – пасотаърихӣ ё иттилоотӣ оғоз ёфт. Дар фазои пасошӯравӣ кишварҳои нав пайдо шуданд, ки бунёди давлатдории ҷадидро дар асоси иқтисодӣ бозоргонӣ шурӯъ карданд. Ба андешаи бисёре

аз таҳлилгарон, давраи неолиберали оғоз шуд ва ё давлатҳои миллӣ эҳё шуданд.

Дар мақола идеологияи неолиберализм дар тафсири пасошӯравии Марказ баррасӣ шудааст. Тамаддуни муосири Осиёи Марказӣ маҳсули синтези чандинасраи фарҳангҳои Шарқу Ғарб мебошад. Бемуболиға, тамаддуни Осиёи Марказӣ моҳияти фарҳанги ҷаҳониро дар се ҳазор соли охир аз худ кардааст.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ, неолиберализм, пасошуравизм, шарқшиносӣ, фарҳанги ҷаҳонӣ, Шарқ, Ғарб.

Постсоветская Центральная Азия и западные теории: синтез или отрицание?

Отношения между Востоком и Западом имеют глубокие исторические и культурные корни. Каждая историческая эпоха заново интерпретировала эти процессы. За последние пятьсот лет Запад сильно изменился культурно, экономически и политически, и эти процессы повлияли на историческое развитие Востока.

После развала СССР в истории человечества начался новый период – постисторический или информационный. На постсоветском пространстве появились новые государства, которые начали строить новую государственность на рыночных основах. Как утверждают многие аналитики, начался период неолиберализма или начали возрождаться национальные государства.

В статье рассматривается идеология неолиберализма в интерпретации постсоветской Центра. Современная цивилизация Центральной Азии продукт многовекового синтеза культур Востока и Запада. Не будет преувеличением сказать, что за последние три тысяча лет центральноазиатская цивилизация вобрала в себе эссенцию мировой культуры.

Ключевые слова: Центральная Азия, неолиберализм, постсоветскость, ориентализм, мировая культура, Восток, Запад.

Post-Soviet Central Asia And Western Theories: Synthesis or Negation?

The relationship between East and West has deep historical and cultural roots. Each historical era has reinterpreted these processes. Over the past five hundred years, the West has changed greatly culturally, economically and politically, and these processes have influenced the historical development of the East.

After the collapse of the USSR, a new period began in the history of mankind - post-historical or informational. New states appeared in the post-Soviet space, which began to build a new statehood on a market basis. According to many analysts, a period of neoliberalism has begun or nation-states have begun to revive.

The article examines the ideology of neoliberalism as interpreted by the post-Soviet Center. The modern civilization of Central Asia is a product of the centuries-old synthesis of the cultures of the East and West. It will not be an exaggeration to say that over the past three thousand years, the Central Asian civilization has absorbed the essence of world culture.

Key words: Central Asia, neoliberalism, post-Sovietism, Orientalism, world culture, East, West.

Сведения об авторе: Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович – Институт Востоковедения им. Абу Райхана Беруни, к.и.н. Адрес: 100170, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. М. Улугбека 79. Тел.: +99890 9445885. E-mail: balimdjanov@gmail.com

Information about the author: Alimdjanov Bakhtiyor Abdihakimovich - Institute of Oriental Studies named after Abu Raykhan Beruni, Ph.D. Address: 100170, Republic of Uzbekistan, Tashkent, str. M. Ulughbek 79. Tel.: +99890 9445885. E-mail: balimdjanov@gmail.com

«С5 + ...»: ФОРМУЛА ВОЗВРАЩЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА КАРТУ МИРА[1]

Саруханян Ю. – специалист по международным отношениям, Ташкент

2 года назад, в марте 2018 г., в Астане (ныне Нур-Султан) состоялась первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. Она подвела черту под длительным периодом стагнации отношений между центрально-азиатскими странами, вернув региональное сотрудничество на повестку дня. Однако стремление перезапустить региональный диалог пока не реализовалось на практике. За 2 года, прошедших с первой встречи глав государств, страны региона не научились действовать и мыслить в формате пятерки, отдавая предпочтение двусторонним отношениям.

Интеграция для галочки

В течение длительного периода с начала независимости стран Центральной Азии их интеграция была формальной, а процесс формирования единого рынка, таможенного союза и единой валюты осуществлялся исключительно декларативно. Возраставшее соперничество за лидерство в регионе, эгоцентричная трактовка общей истории с целью сформировать национальную идентичность, избрание странами разных моделей реформ вместо синхронизации данного процесса отдаляли государства друг от друга и отодвигали региональную повестку дня на второй план. К слову, сам интеграционный процесс осуществлялся под лозунгом *«Туркестан – наш общий дом»*, отсылавшем не к сформировавшейся в регионе конфигурации границ, а к периоду до национально-территориального размежевания начала 20 века.

[1] Статья была написана для Региональной аналитической сети Центральной Азии (Central Asia Analytical Network): https://bit.ly/2RtN5aV

Свою роль в разочаровывающей динамике интеграции сыграл рост внимания к региону со стороны внешних акторов, которые определяли ЦА в соответствии со своими внешнеполитическими интересами. Так, для России регион представлял собой часть т.н. ближнего зарубежья/постсоветского пространства, в котором она пыталась восстановить влияние. США долгое время продвигали концепции «Большая Центральная Азия», рассматривавшую Афганистан как часть региона, и «Южная и Центральная Азия». Китай же предпочитал выстраивать отношения на двусторонней основе, не проявляя особого интереса к выработке регионального подхода. В результате отсутствия региональной структуры, объединяющей центральноазиатскую пятерку, на этом географическом пространстве образовалась целая мозаика различных интеграционных и диалоговых платформ.

В поисках утраченного регионализма

Выходу регионализма из забвения, во многом, способствовала смена власти в Узбекистане в 2016 году. Новое руководство решило провести ревизию отношений с соседями. Не случайно Мирзиеев в первый год президентства посетил Туркменистан, Казахстан и Кыргызстан. Более того, Ташкент предложил [1] оживить региональный диалоговый формат.

На повестке дня появилась задача восстановления доверия в регионе, а главы государств заговорили о неиспользованном потенциале сотрудничества и готовности урегулировать проблемные аспекты отношений. Участились двусторонние встречи как между первыми лицами, так и между представителями министерств и ведомств. Интересной тенденцией стало проведение кулуарных встреч в ходе международных саммитов. Так, фотографии [2] с полей саммита арабо-мусульманских стран в Эр-Рияде в 2017 году, на которых запечатлены беседующие, сидя на диване, Рахмон, Мирзиеев и Назарбаев, на определенное время превратилась в чуть ли не главный символ новой эры сотрудничества.

С мертвой точки сдвинулся процесс нормализации двусторонних отношений. Стороны начали проявлять больше

сговорчивости в пограничных вопросах. В частности, существенный прогресс наметился в вопросах демаркации узбекско-кыргызской и узбекско-таджикской границ. А за столом переговоров появились ранее табуированные идеи обмена территориями. Центральноазиатские республики обратили внимание и на проблему совместного использования природных ресурсов. К примеру, Ташкент смягчил свою позицию в отношении строительства ГЭС в Кыргызстане и Таджикистане, заявляя [3] о рассмотрении возможности своего участия в этих проектах. Кроме того, страны региона заговорили [4] о возможности формирования совместной энергетической, транспортной и логистической инфраструктур. На оживление региональных связей среагировали и торговые отношения. Так, в 2018 году товарооборот между странами региона составил [5] $12.2 млрд., показав 35-процентный годовой рост.

Главным событием этого периода стала прошедшая в Казахстане в марте 2018 года встреча глав государств Центральной Азии и решение сделать подобные консультации ежегодными. Эта встреча примечательна тем, что она состоялась в узком центральноазиатском кругу, без внешних посредников или участников. Кроме того, лидеры стран заверили, что не собираются повторять путь платонической интеграции и создавать какие-либо наднациональные институты, отдав предпочтение консультативному формату.

В процесс перезапуска регионализации органично вписались инициированная США еще в 2015 г. диалоговая платформа «С5+1» и принятая в прошлом году новая Стратегия ЕС по ЦА. Вашингтон и Брюссель получили дополнительную возможность для укрепления собственной региональной политики путем выстраивания сотрудничества со всем регионом. В новом ритме заработала и увядавшая все эти годы диалоговая платформа «Центральная Азия + Япония». Заинтересованность в подобном формате выразили Индия и Китай. Первая встреча [6] диалоговой платформы «Индия-Центральная Азия» состоялась в апреле 2019 года в Самарканде. А 16 июля 2020 г. в формате

видеоконференции состоялась [7] первая встреча глав МИД «Китай – Центральная Азия».

Центробежные силы региона

Но уже после первого радостного проявления добрососедства страны региона столкнулись с первыми проблемами. Восстановление региона как геополитического субъекта после десятилетней фрагментации оказалось не такой простой задачей. Отсутствие центральноазиатского мышления и навыков работы в формате пятёрки сказываются на эффективности сотрудничества. Центральноазиатские республики напоминают группу футболистов, недавно начавших играть за одну команду и испытывающих проблемы в налаживании взаимодействия на поле.

Странам региона по-прежнему удобнее общаться в двустороннем формате. Такой формат предпочтительнее из-за характерной для всех стран вертикальной персонифицированной системы госуправления, где диалоговый формат сфокусирован на личных отношениях между главами государств. Но история уже показала, что это слишком нестабильный фундамент для регионального сотрудничества в ЦА.

Как следствие, состояние двусторонних отношений продолжает оказывать давление на региональное сотрудничество. Политические элиты считают нормальным пренебрегать региональной повесткой дня из-за споров на двустороннем уровне. Так, президент Туркменистана пропустил [8] первую встречу глав государств в Астане на фоне конфликта со своим казахстанским коллегой. А вторая встреча, которая была запланирована на март 2019 года в Ташкенте, и вовсе несколько раз переносилась на неопределенный срок. Среди причин фигурировали, в том числе, эскалация обстановки на кыргызско-таджикской границе и транзитный конфликт между Туркменистаном и Таджикистаном. Интересно, что пятерка глав государств до сих пор не смогла собраться, т.к. встречу в Ташкенте пропустил президент Казахстана, которого заменял его предшественник Назарбаев. Последний хоть и придал веса

встрече, но не имеет полномочий подписывать какие-либо документы.

Серьезным вызовом является также разворачивающаяся эпопея вокруг Узбекистана и ЕАЭС. Формально потенциальное вхождение Ташкента в данную структуру не должно противоречить диалоговому процессу в ЦА. Однако происходящее очень напоминает действия Москвы в 2005 году и попытку заменить центральноазиатскую региональную повестку дня на свою – евразийскую. Полноценное вступление Узбекистана в ЕАЭС вовлечет регион в макрорегиональный политический процесс, вновь сделав отодвинув центральноазиатский вектор на второй план.

Данные проблемы сводят суть регионального сотрудничества к заявлениям о намерениях. Но до какой-либо конкретики дело пока не доходит. Региональный формат общения не обрел стабильного ритма, отсутствует четкий среднесрочный план действий. Поэтому при всей дружелюбности официальной риторики политические элиты далеки от самоидентификации в качестве представителей всего региона. Им по-прежнему сложно начать действовать сообща, а нерешенные проблемы двусторонних отношений не только провоцируют время от времени эскалацию, но и тормозят контакты на региональном уровне. В результате этого процесс восстановления идентичности региона пробуксовывает.

То, что региональная повестка находится на периферии ярко демонстрирует еще одно обстоятельство. С момента начала пандемии коронавируса (COVID-19) государства региона провели множество консультаций на двустороннем уровне и участвовали в онлайн-совещаниях различных макрорегиональных платформ (СНГ, Тюркский союз). При этом, они ни разу не организовали встречу в рамках центральноазиатской пятерки для обсуждения совместных действий противостоянию эпидемии и преодоления ее последствий.

C5-центричная модель сотрудничества

Эффективность реанимируемого регионального диалога зависит от решения вышеупомянутых проблем. Чем больше политические элиты центральноазиатских государств будут выстраивать отношения с третьими странами в формате пятерки, чем больше контактов будет установлено на уровне общественностей стран региона, тем более реалистичным будет успех начатого в 2017 году процесса. Возвращаясь к спортивной терминологии, пребывание в подобных форматах поможет странам региона сыграться и наладить взаимопонимание.

В данной связи возрастает роль платформ, направленных исключительно на ЦА или сформированных в самом регионе. Поэтому структуры формата *«C5»* или *«C5+...»* должны стать для государств региона моделью сотрудничества как между собой, так и с внешним миром. Регулярные контакты в рамках подобных форматов позволят политическим элитам добавить к национальному уровню мышления региональный.

При этом, следует опасаться соблазнов осуществлять любимую во всех странах региона институционализацию и создавать очередные фиктивные интеграционные механизмы, заведомо обреченные на провал. Поэтому основной акцент следует сделать на функционировании консультационных платформ (на уровне глав государств ведомств, общественности и т.д.). Эффективность подобных площадок позволит снизить роль двусторонних отношений в процессе регионального сотрудничества. Более того, они сами в перспективе могут стать местом решения наиболее острых проблем между странами региона. При этом, многое будет зависеть от повестки дня: станет ли она более содержательной и будет ли фокусироваться на разработке конкретных долгосрочных региональных проектов. В данной связи, определенным показателем будет проведение/отмена третьей встречи глав государств, которая должна состояться в этом году. Однако сам факт ее проведения, как в прошлых случаях, уже нельзя будет считать успехом –

важны состав участников и конкретика итоговых договоренностей.

А формат «С5+» закрепит привычку сотрудничества в составе пятерки и предоставит возможность синхронизировать свои действия на международной арене. Для внешних игроков данный формат станет сигналом консолидации региона и необходимости выстраивания отношений с ним как с единым геополитическим пространством.

С точки зрения участия в интеграционных структурах, Центральная Азия сегодня вынуждена смириться с тем, что некоторые страны региона находятся в состоянии глубокой экономической и военно-политической интеграции. Это, к слову, является дополнительным аргументом в пользу акцента на диалоговые платформы вместо запуска какой бы то ни было интеграционной структуры. В ближайшее время данный статус-кво, вряд ли, изменится. Однако это не должно препятствовать выработке региональной повестки дня. Хорошим примером могут служить страны Вышеградской группы (V4) [9], которые после вступления в НАТО и ЕС, продолжают координировать свои действия, чтобы иметь более прочные переговорные позиции в многосторонних форматах.

Ренессанс регионального сотрудничества возможен только после возвращения Центральной Азии на геополитическую карту мира в границах Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Он будет зависеть от того, перестанут ли эти страны видеть друг в друге исключительно конкурентов в борьбе за инвестиции, проекты, транспортные коридоры и др. Если на смену этому архаичному подходу придет понимание того, что консолидированный подход в вопросах регионального развития эффективнее, а обеспечение национальных интересов невозможно без учета интересов соседей, шансы Центральной Азии вернуться на международную повестку дня существенно увеличатся.

Библиография

1. https://www.gazeta.uz/ru/2017/11/10/statement/
2. https://centralasia.media/news:1384187/?from=canews&place=topcomm
3. https://kun.uz/ru/news/2019/02/04/uzbekistan-ne-prinyal-okonchatelnogo-resheniya-ob-uchastii-v-stroitelstve-rogunskoy-ges
4. https://www.uzdaily.uz/ru/post/47922
5. https://www.gazeta.uz/ru/2019/03/19/turnover/
6. https://www.gazeta.uz/ru/2019/01/14/minister-meeting/
7. https://mfa.uz/ru/press/news/2020/07/24475/
8. https://i1.wp.com/sugdnews.com/wp-content/uploads/2018/03/14-1.jpg?fit=960%2C639
9. http://www.visegradgroup.eu/about

"C5 + ...": формулаи баргардонидани Осиёи Марказӣ ба харитаи ҷаҳон?

Дар соли 2017 кишварҳои Осиёи Марказӣ раванди эҳёи ҳамкориҳои минтақавиро оғоз карданд. Равобити дуҷониба чӣ дар байни шахсони аввал ва чӣ дар миёни намояндагони вазорату идораҳо зиёд мушоҳида шуд. Раванди ба эътидол овардани муносибатҳои дуҷониба оғоз гардид. Соли 2018 баъди танаффуси тӯлонӣ нахустин мулоқоти сарони кишварҳои минтақа баргузор шуд.

Сарфи назар аз оғози муваффано, набудани тафаккури осиёимарказигӣ ва малакаи кор дар формати панҷгона ба самаранокии ҳамкорӣ таъсир мерасонад. Дар мақола мушкилоти асосии рӯзномаи минтақавӣ мавриди баррасӣ қарор гирифта, инчунин тавсияҳое оварда шудаанд, ки ба Осиёи Марказӣ имкон медиҳанд то ҳувияти геополитикии худро баргардонад.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ, ҳамкории минтақавӣ, дипломатия, сиёсати хориҷӣ, ҳувият, минтақагароӣ, муносибатҳои дуҷониба ва бисёрҷониба.

«C5 + ...»: формула возвращения Центральной Азии на карту мира?

В 2017 году государства Центральной Азии запустили процесс реанимации регионального сотрудничества. Участились двусторонние контакты как между первыми лицами, так и между представителями министерств и ведомств. С мертвой точки сдвинулся процесс

нормализации двусторонних отношений. А в 2018 году после длительного перерыва состоялась первая встреча глав государств региона.

Несмотря на успешное начало отсутствие центральноазиатского мышления и навыков работы в формате пятёрки сказываются на эффективности сотрудничества. В статье рассмотрены основные проблемы, с которыми сталкивается региональная повестка дня, а также приводятся рекомендации, которые позволят вернуть Центральной Азии её геополитическую идентичность.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональное сотрудничество, дипломатия, внешняя политика, идентичность, регионализм, двусторонние и многосторонние отношения.

«C5 + ...»: How to Put Central Asia Back on Map?

In 2017, the Central Asian states started reanimating regional cooperation. Bilateral contacts became more frequent between both the leaders of the countries and other officials. Bilateral relations found the way out of the deadlock. In 2018, the first meeting of the heads of Central Asian states took place.

Despite a successful start, the lack of Central Asian mentality and incapacity to work in the five-sided format have a negative impact on the efficiency of cooperation. The article discusses the main challenges to the regional agenda, and also provides recommendations that will allow Central Asia regain its geopolitical identity.

Key words: Central Asia, regional cooperation, diplomacy, foreign policy, identity, regionalism, bilateral and multilateral relations.

Сведения об авторе: Юрий Саруханян – Специалист по международным отношениям. Колумнист Cabar.asia, автор Телеграм-канала «Серия пенальти» (https://t.me/powerofanalytics), г. Ташкент, Узбекистан. **E-mail**: sarukhanian.yuriy@gmail.com

Information about the author: Yuriy Sarukhanyan – International relations specialist. Columnist at Cabar.asia, author of a Seriya penalti (Penalty shoot-out - https://t.me/powerofanalytics) Telegram channel. Tashkent, Uzbekistan. **E-mail**: sarukhanian.yuriy@gmail.com

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ КЛЮЧЕВЫМИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Воробьёв П. С. – научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского славянского университета

Международный терроризм и экстремизм не имеет границ и является угрозой для всего прогрессивного человечества. Особенную специфику терроризму добавляет оттенок религиозности, ведь религиозный терроризм всегда имеет множество последователей, которые, не вдаваясь в суть религии, зачастую противопоставляют друг другу одну религиозную группу другим, а иногда и противопоставляя основы религии непосредственно государству.

Проблема религиозного экстремизма и терроризма стоит сегодня довольно остро в Центральноазиатском регионе, и на это есть свои объективные причины - после развала СССР, в получивших независимость страны Центральной Азии, стали возникать террористические и экстремистские организации исламского толка. Всё этого усугублялось наплывом исламских религиозных проповедников из разных стран мира, а также наличием общих границ с нестабильным Афганистаном, где фактически, после вывода войск СССР в 1989 году, власть захватило движение Талибан, которое поддерживало многие исламские террористические и экстремистские организации в регионе. Но и внутренняя нестабильная политическая и экономическая ситуация в Центральноазиатских странах, также служила плодотворной почвой для активизации радикальных взглядов среди населения. Объясняя причины их активизации, И. Д. Звягельская пишет: «…в условиях обнищания, растущего социально-экономического неравенства, всё большего авторитаризма властей, коррупции и отсутствия легальных каналов выражения протестных настроений деятельность исламистских группировок стала едва ли не единственным

средством социального протеста. Нельзя сбрасывать со счетов и ту поддержку, которую исламисты регулярно получали из-за рубежа» [13, с. 31]. Подобные процессы отмечали и зарубежные исследователи: «…распад СССР и приобретение независимости обусловили религиозный ренессанс в странах ЦА. Появилось огромное количество исламских движений, включая те, которые основаны на ваххабитских традициях исламского фундаментализма. Их популярность среди населения можно объяснить хорошо отлаженным механизмом пропаганды – литература религиозного содержания, школы, исламские миссионеры, спонсируемые Турцией, Ираном, Пакистаном, Саудовской Аравией и др.» [5, с. 219]. Появившейся нишей для насаждения своих учений, фактически реисламизацией бывших советских мусульман, норовили воспользоваться Турция, арабские страны, Иран, Пакистан, осваивавшие, каждый в меру своих возможностей, еще недавно недоступные для них республики Центральной Азии. И не всегда, тот ислам, который несли проповедники из-за рубежа, принадлежат к самому терпимому и открытому ханафитскому мазхабу суннитского ислама, которого в основном придерживаются народы Центральной Азии.

После распада СССР страны Центральной Азии не раз испытывали негативные последствия от угрозы и непосредственно наличия фактов терроризма и экстремизма на территории своих стран. Усложнение и ускорение глобальных процессов в XXI в. привело к тому, что в Центральную Азию начали проникать самые различные, порой негативные идеологии и организации, которые активно вели работу по вовлечению местного населения в свои ряды. В силу чего, параллельно стали усложняться и переплетаться друг с другом угрозы и вызовы безопасности региона, что усиливает значение безопасности как основного условия стабильного развития независимых государств ЦА. В связи с этим роль международных, а в особенности региональных организаций, по борьбе с проявлениями терроризма и экстремизма очень высока. Активное

взаимодействие между Центральноазиатскими странами в противодействие террористической и экстремисткой угрозе происходит не только в рамках двухстороннего сотрудничества между странами, но проходит также в рамках различных региональных организаций, таких как СНГ, ОДКБ и ШОС.

После развала СССР, на обломках бывшей империи, была создана новая организация – Союз Независимых государств (СНГ), в которой, на ряду с экономическим взаимодействием стран бывшего Союза, рассматривались и вопросы объединений усилий по защите национальной безопасности стран СНГ. В рамках СНГ юридическую основу борьбы с терроризмом на постсоветском пространстве составляют более 10 межгосударственных документов, основные из них:

Договор о сотрудничестве государств участников СНГ в борьбе с терроризмом (1999 г.);

Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма (2005 г.);

Договор государств-участников СНГ «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма» (2007 г.);

Договор государств-участников СНГ о межгосударственном розыске лиц (2010 г.);

Концепции сотрудничества государств – участников СНГ в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (2017 г.);

Соглашения об обмене информацией в рамках СНГ в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансирования (2017 год) и др. [7].

Более проработанной с юридической точки зрения, по сравнению с пакетом документов в рамках СНГ, является правовая база борьбы с терроризмом и экстремизмом в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Подписано более 24 межгосударственных документов, в том числе основные из них:

Договор о коллективной безопасности (1992 г.);

Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности (1995 г.);

Решение Совета коллективной безопасности о коллективных силах быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности (2001 г.);

Устав Организации о коллективной безопасности (2002 г.). В 2002 г. по инициативе России было решено преобразовать Договор в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), что добавляло этому союзу солидности, а также давало возможность быть на одном высоком уровне с другими влиятельными международными организациями;

Решение Комитета секретарей Советов безопасности ОДКБ о формировании списка террористических и экстремистских организаций, представляющих угрозу коллективной безопасности государств-членов ОДКБ (2005 г.);

Решение Совета коллективной безопасности ОДКБ о Программе совместных мер в рамках ОДКБ по реализации потребностей правоохранительных органов и спецслужб государств-членов в сфере борьбы с терроризмом и наркоугрозой (2006 г.);

Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ (2009 г.);

Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ (2013 г.);

Декларация Совета коллективной безопасности ОДКБ (2018 г.);

Резолюция о сотрудничестве ООН с ОДКБ (2019 г.) и др. [8].

Главными целями ОДКБ согласно ее уставу являются «…укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета

государств-членов…» [12, ст. 3]. Среди основных направлений ОДКБ это борьба с «…международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией…» [12, ст. 8].

В Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) противодействие и борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом государств-членов основывается на обширной нормативной правовой базе, которая включает в себя как внутреннее национальное законодательство государств, так и нормативно правовые акты международного характера - включает в себя различные двусторонние и многосторонние соглашения, договора, конвенции, принятые как в рамках ШОС, так и вне ШОС. Многие из них составляют правовую основу образования ШОС, формирования его органов управления, правового статуса органов ШОС, условия взаимодействия и сотрудничества государств — членов ШОС в различных областях.

Имеющаяся на данный период правовая база ШОС в целом позволяет целенаправленно и эффективно сотрудничать в области предупреждения, выявления и пресечения террористических, сепаратистских и экстремистских деяний. С момента образования ШОС было принято более 34 документов, регламентирующих и затрагивающих сотрудничество государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, основные из них:

Декларация о создании ШОС (2001 г.);

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.);

Хартия ШОС (2002 г.);

Соглашение между государствами — членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре (РАТС ШОС) (2002 г.);

Соглашение о банке данных Региональной антитеррористической структуры ШОС (2004 г.);

Концепция сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2005 г.);

Положение о Едином розыскном реестре лиц, объявленных специальными службами и правоохранительными органами государств-членов ШОС в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера (2005 г.);

Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-членов ШОС (2006 г.);

Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов ШОС в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (2008 г.);

Конвенция ШОС по противодействию экстремизму (2017 г.) [9] и другие.

Существенным подспорьем в планировании, организации и осуществлении практического взаимодействия против угроз террористического характера, являются Антитеррористический центр СНГ (АТЦ СНГ, место нахождения - Бишкек, открыт в 2001 г.), ОДКБ и Региональный антитеррористический центр Шанхайской Организации Сотрудничества (РАТС ШОС, место нахождение – г. Ташкент, открыт в 2022 г.). По линии СНГ, ОДКБ и ШОС на постоянной основе проводятся совместные учения силовых структур государств-участников по борьбе против проявлений терроризма и экстремизма.

Сотрудничество государств-участников в региональных организациях - СНГ, ОДКБ И ШОС по антитеррористической проблематике осуществляется с учетом центральной роли Организации Объединенных Наций, а также и во взаимодействии с авторитетными международными организациями. В их числе - Контртеррористическое управление ООН, Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН,

Интерпол, соответствующие структуры ОБСЕ, Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма и др. Также, высок уровень взаимного сотрудничества между организациями [11].

Следует отметить, что в вопросе совместного противодействия международному экстремизму и терроризму между государствами-участниками региональных организаций существует проблема различий в нормативно-правовой базе. В государствах-участниках СНГ нет унифицированного законодательства, регулирующего область признания организации террористической (экстремистской), и запрета ее деятельности [2, с. 177]. До сих пор не решен вопрос о закрепления в национальных законах единого для СНГ списка террористических организаций [1].

Так же проблема присутствует при формировании единого списка террористических и экстремистских организаций в ШОС. В ШОС немало разногласий - Китай предлагает акцентировать внимание на сепаратизме и включить в «черный список» все уйгурские организации и их лидеров. Узбекистан зациклен на религиозном экстремизме и настаивает на включении в этот список практически всех существующих в республике религиозных организаций и их лидеров. Понятно, что такой подход не в полной мере разделяется другими участниками ШОС. Не решило проблемы и включение в Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом определений этих трех понятий [5, с. 233-234].

Не миновала аналогичная проблема и ОДКБ. Ещё 30 ноября 2004 г. Комитет секретарей Советов безопасности (КССБ) государств организации на заседании в Ереване решил начать формирование списка террористических и экстремистских организаций, представляющих угрозу коллективной безопасности для государств-членов ОДКБ. И только в 2016 году данный список был утвержден КССБ.

Несмотря на все трудности, процесс по формированию единых списков террористических и экстремистских организаций в

региональных объединениях сдвинулся с мертвой точки. В итоге на сегодняшний день, после долгих переговоров, в перечне запрещенных организаций ОДКБ зафиксировано 92 организации экстремистского и террористического толка [6], в перечне террористических и экстремистских организаций деятельность которых запрещена на территориях государств-членов ШОС находятся 115 организаций и движений (данные за 2019 год) [3].

Зачастую, в разных странах, состоящих в одной из этих организаций нет единого подхода в определении той или иной организации в качестве террористической или экстремисткой. Особые споры возникают по поводу организации «Таблиги Джамаат», которая признаётся экстремистской в ШОС и ОДКБ, её деятельность запрещена судом в России, Таджикистане, Китае, Казахстане и Узбекистане, но в Кыргызстане данная организация не входит в список запрещенных. По мнению партнеров по ОДКБ и ШОС, конечной целью данной религиозно-экстремисткой организации является создание «Исламского халифата» путём мирного захвата власти. И только Бишкек считает, что «Таблиги Джамаат» является «благотворительной» организацией. Хотя, многими общественными и религиозными деятелями республики были предприняты несколько безуспешных попыток включить организацию в список запрещенных в период с 2009 года [10]. «Таблиги джамаат», зародившееся как движение исламского возрождения, всегда вдохновлялось крайними трактовками суннитского направления ислама, а за последние два десятилетия эта склонность обострилась до такой степени, что оно стало движущей силой исламского радикализма и основным вербовщиком исполнителей экстремистских акций и террористических актов по всему миру. Повсеместно сподвижники «Таблиги джамаат» проповедуют искаженную версию ислама, почти неотличимую от идеологии джихадистов ваххабитского/салафистского толка, исповедуемой всеми террористами. По заявлению бывшего начальника десятого главного управления (по борьбе с терроризмом) МВД Кыргызстана, полковника Абдраима Салимова: «…идеология

«Таблиги джамаат» с самого начала отличалась радикализмом. Это нетерпимость к любым другим формам вероисповедания, включая шиитскую ветвь ислама и его синкретические толкования. Толкование любых форм прогресса, как несовместимых с исламом. Исключение женщин из общественной жизни, а также фанатичный прозелитизм, основанный на убеждении, что ислам должен вытеснить все другие религии» [4].

Директор проекта ICG («Международной кризисной группы») в Центральной Азии Дейрдре Тайнан предлагает «…пересмотреть действующие законы и проверить, насколько эффективными являются стратегии безопасности стран Центральной Азии». Многие эксперты и аналитики, в области религии и безопасности, предлагают усилить роль государства в системном противодействии идеологии экстремистских и террористических группировок, в первую очередь, ИГИЛ. Эксперты считают, что решения проблемы экстремизма и терроризма только силовыми методами недостаточно для борьбы с последователями радикального ислама. Необходимо разработать систему идеологического противодействия государством идеям экстремистских организаций – найти в пропаганде этих организаций сильные и слабые места, разработать систему аргументации по дискредитации данных идеологий со ссылками на текст Корана, Сунн и хадисов. Рекомендуется разработка программ для СМИ, образовательных учреждений, транслирования специальных программ по телевидению с участием авторитетных богословов и теологов. Ими также предлагается, как элемент противодействия идеологии и влияния ИГИЛ, реформирование муфтията и его структур, повышение интеллектуального уровня проповедников [5, с. 118]. Все вышеперечисленное целесообразно использовать в работе СНГ, ШОС и ОДКБ, в рамках совместной борьбы с терроризмом и экстремизмом. Также рекомендуется использовать не только силовые методы, но и сделать больший акцент на аналитическо-пропагандистском аспекте борьбы с проявлениями экстремизма и

терроризма в центральноазиатских государствах-членах СНГ, ШОС и ОДКБ.

Библиография

1. В странах СНГ готовят единый список террористических организаций. URL: https://tj.sputniknews.ru/world/20191119/1030244763/SNG-edinyy-spisok-terroristicheskie-organizatsii.html (дата обращения 30.09.2020г.)
2. Власов В.С. Правовые основы сотрудничества России и Кыргызстана в сфере противодействия терроризму и религиозному экстремизму / В.С. Власов // Вестник КРСУ. 2011. Т. 11. № 9. С. 172-178.
3. Из выступления Директора исполкома РАТС ШОС Гиёсова Д. Ф. на XVIII совещании руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов-партнеров ФСБ России. URL: http://ecrats.org/ru/news/7468 (дата обращения 30.09.2020 г.)
4. «Йакын инкар»: новые миссионеры ислама в Киргизии. URL: http://www.asiaterra.info/ekstremizm/jakyn-inkar-novye-missionery-islama-v-kirgizii (дата обращения 30.09.2020 г.)
5. Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления. ИСАП КРСУ, под ред. Салиева А. Л., 2017 г., 382 с.
6. Перечень организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах – членах ОДКБ. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/terror_orgs/ (дата обращения 30.09.2020 г.)
7. По данным официального сайта Антитеррористического центра СНГ. URL: https://www.cisatc.org/ (дата обращения 30.09.2020 г.)
8. По данным официального сайта ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/ (дата обращения 30.09.2020 г.)
9. По данным официального сайта Региональной Антитеррористической Структуры ШОС. URL: http://ecrats.org/ru/ (дата обращения 30.09.2020 г.)
10. «Таблиги Джамаат». Опасная религия или инструмент политического влияния? URL: https://www.vb.kg/doc/390828_tabligi_djamaat.opasnaia_religiia_ili_instryment_politicheskogo_vliianiia.html (дата обращения 30.09.2020 г.)

11.ШОС, СНГ и ОДКБ впервые проведут совместные учения по борьбе с терроризмом. URL: https://www.kommersant.ru/do c/4481736 (дата обращения 30.09.2020 г.)
12.Устав Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/ (дата обращения 30.09.2020 г.)
13.Звягельская И.Д. Исламское возрождение в Центральной Азии: причины и игроки //Восточная аналитика. -2012. -№3. -С.27-31.

Асосҳои ҳуқуқии мубориза бо терроризм аз ҷониби созмонҳои калидии минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ

Терроризм ва экстремизми байналмилалӣ аз ҷониби тамоми ҷомеаи ҷаҳонӣ ҳамчун хатари глобалӣ эътироф шудааст. Мушкилоти терроризм ва экстремизм дар Осиёи Марказӣ, дар минтақаи муҳими стратегии ҷаҳон, ки манфиатҳои қудратҳои муҳим ба ҳам печидаанд, доғ боқӣ мемонад. Равандҳо ҷараёндошта дар Афғонистон ва Ховари Миёна ба субот ва амнияти минтақа таъсири манфӣ мерасонанд. Барои безарар гардонидани хатари терроризм кишварҳои Осиёи Марказиро зарур аст, ки бо ҳамдигар ҳам дар сатҳи дуҷониба ва ҳам дар сатҳи созмонҳои муҳими минтақавии байнидавлатӣ ҳамкориро ба роҳ монанд.

Дар мақола ҷанбаҳои асосии ҳуқуқии ҳамкориҳои кишварҳои Осиёи Марказӣ дар мубориза бо терроризм дар доираи созмонҳои минтақавӣ, аз қабили ИДМ, СПАД ва СҲШ баррасӣ шудааст.

Калидвожаҳо: терроризм, экстремизм, СҲШ, ИДМ, СПАД, ҳамкорӣ, амният, Осиёи Марказӣ, Русия.

Правовые основы по борьбе с терроризмом ключевыми региональными организациями Центральной Азии

Сегодня международный терроризм и экстремизм признаны всем международным сообществом в качестве глобальной угрозы. Проблема терроризма и экстремизма остается актуальной в Центральной Азии – в стратегическом важном регионе мира, где переплетаются интересы ведущих держав. На стабильность и безопасность региона оказывают негативное влияние процессы, происходящие в Афганистане и на Ближнем Востоке. Для нейтрализации угрозы терроризма, странам Центральной Азии необходимо взаимодействовать между собой, в том

числе не только на двухсторонней основе, но и на уровне ведущих региональных межгосударственных организаций.

В статье рассмотрены основные правовые аспекты сотрудничества Центральноазиатских стран по борьбе с терроризмом в региональных организациях, таких как СНГ, ОДКБ и ШОС.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, ШОС, СНГ, ОДКБ, сотрудничество, безопасность, Центральная Азия, Россия.

Legal Framework for Combating Terrorism Key Regional Organizations in Central Asia

Today international terrorism and extremism are recognized by the entire international community as a global threat. The problem of terrorism and extremism remains relevant in Central Asia, a strategically important region of the world, where the interests of the leading powers are intertwined. The stability and security of the region is negatively affected by the processes taking place in Afghanistan and the Middle East. To neutralize the threat of terrorism, the Central Asian countries need to interact with each other, including not only on a bilateral basis, but also at the level of leading regional interstate organizations.

The article discusses the main legal aspects of cooperation between the Central Asian countries in the fight against terrorism in regional organizations such as the CIS, CSTO and SCO.

Key words: terrorism, extremism, SCO, CIS, CSTO, cooperation, security, Central Asia, Russia.

Сведения об авторе: Воробьёв Павел Сергеевич – научный сотрудник Института Стратегическог анализа и прогноза КРСУ (ИСАП КРСУ). Адрес: Кыргызстан, г. Бишкек, проспект Чуй, 42, ИСАП КРСУ. Тел.: + 996 555 937358. E-mail: pavel-vorobev-1988@mail.ru

Information about the author: Vorobev Pavel Sergeevich - Researcher at the Institute for Strategic Analysis and Forecast of KRSU (ISAP KRSU). Address: Kyrgyzstan, Bishkek, Chui Avenue, 42, ISAP KRSU. Tel: + 996 555 937358. E-mail: pavel-vorobev-1988@mail.ru

РОЛЬ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В КЫРГЫЗСТАНЕ

Усенов А.М. – *младший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете имени Б. Ельцина*

Распад СССР и возникший вследствие этого идеологический вакуум создали в Кыргызстане почву для активного проникновения в страну альтернативных идейно-политических и даже религиозных воззрений извне. Одним из серьезных вызовов, вставших перед независимым Кыргызстаном, явилось возрождение ислама и других конфессий, движимое в числе прочих факторов и внешним воздействием. Особенно сильным оказалось воздействие экзогенного фактора в процессах радикализации ислама и трансформации его в инструмент экстремизма и терроризма.

За годы независимости религиозная составляющая в стране претерпела ощутимые изменения в части увеличения религиозных организаций, прежде всего исламской конфессии. Для наглядного примера обратимся к статистике. Так, с 1989 г. и по настоящее время численность организаций исламского толка выросла в 78 раз, а христианских – в 4,5 раза [1, с. 114]. Согласно данным Государственной комиссии по делам религий (ГКДР), в Кыргызстане насчитывается свыше 3200 религиозных организаций, из которых 2827 организаций исламской и 379 христианской конфессии [2].

Стремительный рост количества исламских религиозных организаций, большинство из которых – мечети и медресе, говорит о том, что религия в современном Кыргызстане стала уже неотъемлемым атрибутом социума, равно как и идеологические и политические взгляды и убеждения верующих. Одновременно в республике шёл процесс формирования различных объединений, религиозные воззрения которых несли в себе угрозу национальной безопасности республики.

Так, судами разных инстанций Кыргызской Республики на территории страны запрещена деятельность 21 религиозной организации различной степени опасности (деструктивные, экстремистские и террористические). Из них: 20 исламских, 1 христианская [3].

Власти независимого Кыргызстана, изначально оценивавшие возрождение ислама как позитивное начало в изменении духовной среды и поддерживавшие проникновение исламских религиозных взглядов, в последующем были вынуждены изменить позицию в отношении религии. Этому способствовало проникновение террористических бандформирований Исламского движения Узбекистана (ИДУ, ныне ИДТ – Исламское движение Туркестана – запрещена в Кыргызстане) на территорию Кыргызстана в 1999-2000 гг., а также угроза международного терроризма, начавшаяся с 2001 г. активизацией движений «Талибан» и «Аль-Каида» (запрещены в Кыргызстане) в Афганистане. Наибольшее воздействие в принятии превентивных мер против экстремизма и терроризма на религиозной почве оказало создание в 2013 г. квази-государства (халифата) «Исламское государство» (ИГ – запрещено в Кыргызстане) на территориях Сирии и Ирака.

Таким образом, в Концепции государственной политики в религиозной сфере на 2014-2020 годы впервые отмечается связь радикализации религии в Кыргызстане с экзогенными факторами: «Радикализация религии в стране в определенной мере происходит из-за влияния зарубежных религиозно-экстремистских центров и организаций. По завершении обучения некоторые из выпускников зарубежных учебных центров становятся носителями, распространителями идеологии и менталитета страны пребывания, насаждают чуждые для народа Кыргызстана образ жизни, культуру, внешний вид, одежду и стандарты поведения» [4].

Главное отличие нетрадиционных исламских течений, экстремистских и террористических организаций от течений традиционного ислама, заключается в наличии у них

экстремистской идеологии и разрушительных политических целей. Экстремистские и террористические организации становятся инструментом геополитической борьбы и могут использоваться даже в целях уничтожения территориальной целостности государств. Так, например, экстремистская организация «Хизб-ут-Тахрир» проводит подрывную деятельность путем распространения идеологии, преследующей цель создания исламского халифата; призывает уничтожить светскую модель государства и провозгласить образование «справедливого» в их представлении страны на основе шариата [5, с. 17].

Геополитические цели по строительству исламских государств присутствуют в равной степени в идеологиях террористических организаций, в том числе в «Аль-Каиде» и «ИГИЛ». Но в отличие от экстремистских организаций, они практикуют методы устрашения, совершая террористические акты, хотя идеологическая обработка адептов в этих организациях имеет место быть в не меньшей степени.

В числе организаций исламского толка, несущих угрозу национальной безопасности Кыргызстана, сегодня выступают экстремистские и террористические организации, представленные радикальными течениями салафитской направленности, а также Хизб-ут-Тахрир и ИГИЛ.

В связи с тем, что практически все организации, представляющие собой угрозу национальной безопасности Кыргызстана, опираются на салафитскую идеологию, имеет смысл дать ее краткий анализ.

Радикальный салафизм. Одним из негативных экзогенных факторов, несущих угрозу национальной безопасности страны, является радикальный салафизм. Сам салафизм или салафия является направлением в суннитском исламе, который призывает придерживаться ислама в том виде, в каком он существовал во времена праведных пророков. Для салафизма характерно строгое соблюдение религиозных догматов и признание шариата в качестве единственного и правильного закона.

Салафизм в Саудовской Аравии называется ваххабизмом, от имени одного из создателей течения – Мухаммада ибн Абд аль Ваххаба. Ваххабизм, являясь идеологией Саудовской Аравии, находится под строгим государственным контролем. Соответственно, умеренный салафизм не несет деструктивной силы в пределах самого Королевства Саудовской Аравии и других арабских стран, придерживающихся данного вероучения. Угрозу представляет экспорт салафизма в другие мусульманские страны, при котором данное течение оказывается бесконтрольным; используется в достижении политических целей, а такфир и джихад за установление исламского халифата становятся основой экстремистских и террористических организаций. На практике известны немало подобных случаев. Так, результаты восстания оппозиционных исламистов в Сирии и попытки раскачать движимые радикалами течения в Ираке привели к созданию «Исламского государства»; вторжение американских войск в Афганистан и использование религиозного фактора с интервенцией салафизма привели к образованию террористического движения «Аль-Каида». В обоих случаях страны, в которые были привнесены чуждые религиозные взгляды, оказались с одной стороны эпицентрами горячих войн, с другой – центрами столкновения интересов мировых держав.

Опасность в Кыргызстане представляют радикальные салафиты, которые продвигают идеи насильственного такфиризма и джихадизма. В целях привнесения различия между салафитским движением (умеренным салафизмом) и «его наиболее радикализированным направлением», решением Первомайского районного суда г. Бишкек от 24 октября 2012 г. было решено: «Признать религиозное объединение – такфиритско-джихадитское движение салафитской направленности, а также организации такфиритско-джихадитского движения салафитской направленности: «Жайшуль Махди», «Джунд-аль Халифат», «Ансаруллох», «Ат-Такфир Валь-Хиджра» террористическими и экстремистскими и

запретить их деятельность на территории Кыргызской Республики» [6, с. 47].

Все эти организации были созданы на территории Кыргызстана. Тем не менее, идеология этих группировок была привнесена извне. Например, известно, что террористические ячейки «Джайшуль Махди» («Армия Мессии») и «Джунд-аль Халифат» («Солдаты Халифата») создавались при непосредственном влиянии организации Саида Бурятского (запрещенной в России и Кыргызстане), возглавлявшего террористические подполья на Северном Кавказе (РФ) [7].

Хизб ут-Тахрир аль-Ислами. Отдельного внимания заслуживает экстремистская организация «Хизб ут-Тахрир», имеющая подпольные ячейки в Кыргызстане и соседних государствах.

«Хизб-ут Тахрир аль-Ислами» – религиозно-политическая организация суннитского толка, созданная в Палестине в 1953 г. в результате отделения от движения «Братья мусульмане». Деятельность организации в Кыргызстане была признана экстремистской и запрещена решением Верховного суда от 23 августа 2003 г. Центры управления «Хизб ут-Тахрир» находятся в Саудовской Аравии и Сирии [8, с. 39].

Особенностью Хизб ут-Тахрир является его открыто декларируемая политизированность. Сторонники организации называют себя партией («Хизб ут-Тахрир» в переводе с арабского – «Партия освобождения») и пропагандируют создание исламского халифата, оперируя оппозиционными лозунгами и призывами за установление «справедливого» государства. Деятельность Хизб ут-Тахрир не основывается на насильственных методах: зачастую распространение их идей ведется по каналам Интернета, а также посредством листовок, газет и литературы экстремистского содержания. Первостепенная задача хизбутовцев – провести «революцию» в сознании масс: сделать так, чтобы их последователи придерживались их образа мышления.

Проповедники «Хизб ут-Тахрир» действуют методом психологического террора и пробуждением чувства вины за социальные потрясения и проблемы в стране. Особое место в вербовке в «Хизб ут-Тахрир» играет религиозный маркетинг, когда каждый отдельный член организации должен вовлечь за собой несколько человек. Также сторонники партии «Хизб ут-Тахрир» требуют полного подчинения и преданности своему лидеру – амиру. По вышеназванным признакам «Хизб ут-Тахрир» иногда причисляют к тоталитарным сектам [9].

В целях вовлечения представителей молодежи члены «Хизб ут-Тахрир» в последние годы стали использовать всё более новые технологические приемы. Например, они распространяют через Интернет также видео и музыку экстремистского толка. В мае 2018 г. Верховный суд республики вынес решение о блокировке в Кыргызстане всемирно популярного музыкального сервиса SoundCloud за содержание в их каталоге музыкальных произведений с экстремистским содержанием. В список запрещенных Интернет-ресурсов вошли и другие сервисы, многие из которых содержали название «Хизб ут-Тахрира» [10].

На сегодняшний день «Хизб ут-Тахрир» в Кыргызстане является наиболее популярной среди организаций деструктивного и экстремистского толка. Из более чем 1700 членов международных экстремистских организаций, состоящих на учете в МВД на 2016 г. 81,7%, составили члены «Хизб ут-Тахрир» [11].

ИГИЛ. В настоящее время возникает угроза возвращенцев из зон боевых действий в Сирии, представленных членами запрещенной в Кыргызстане международной террористической организации ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта). «Исламское государство» (ИГ) ставит целью создание Великого халифата, объединяющего подлинных мусульман всего мира, в состав которого должна войти и Центральная Азия.

ИГ не признает политические границы светского, национального государства и не ограничивается только исламским миром. Для вступления в ряды ИГИЛ необязательно

даже физическое присутствие – в него можно вступить одним «кликом» в Интернете, оставаясь автономным виртуально управляемым адептом. Для пропаганды своей идеологии ИГ используют молодежные тренды (видеопорталы, песни), не требуют строгого соблюдения исламских канонов, обещают предоставление возможностей для самореализации (статус, работу, деньги).

Есть версия, согласно которой идеологические корни ИГ можно проследить в идеологии радикального ваххабизма. В подтверждение этого исследователи ссылаются на широкое использование ваххабитских религиозных учебников в школах на территориях, контролируемых ИГ. Есть также точка зрения о том, что «идеологически ИГИЛ ближе всего к крайним ваххабитам (салафия, джихадия), которые твердо поднимают вопрос джихада в обязательности ведения военных действий против сил неверия» [12, с. 98-99]. Таким образом, ИГИЛ провозглашает высшей ценностью самопожертвование ради «священной миссии» за халифат или в борьбе с «неверными». Тем самым, она поддерживает террористов – смертников, которым, согласно их убеждениям, обеспечено место в Раю.

ИГ удалось вовлечь в свои ряды несколько сотен кыргызстанцев. По различным данным, количество граждан Кыргызстана, уехавших воевать в Сирию, составляет не менее 850 человек [13].

Как отмечает политолог Н. Таткало, важными предпосылками объективизации угрозы радикализации мусульман Кыргызстана являются «низкий уровень религиозного образования населения и официального духовенства; зависимость от внешних спонсоров в возведении объектов религиозного назначения и противопоставление национальной идентификации мировой исламской» [5, с. 14].

Таким образом, внешние факторы продолжают оказывать непосредственное влияние на процессы радикализации ислама в Кыргызстане, являясь основой для распространения идей экстремизма и терроризма. Наибольшее влияние на эти процессы

оказывают экстремистские организации такфиритско-джихадитского толка, придерживающиеся в своей идеологии необходимости построения исламского халифата путем террора, информационных и вооруженных войн. Описанные в данном материале террористические и экстремистские организации представляют непосредственную угрозу светскому характеру государства, его территориальной целостности и в целом национальной безопасности страны.

Библиография

1. Айдаралиев А. А. Религиозные объединения, функционирующие в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. – 2016. – №8 (16).
2. Зарегистрированные религиозные организации // URL: http://www.religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered (дата обращения: 22.09.2019)
3. Список организаций деятельность которых запрещена на территории КР. URL: http://www.religion.gov.kg/ru/religion_organization/blocked (дата обращения: 22.08.2020)
4. Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2014 года № 203.
5. Таткало Н. С. Процесс исламского возрождения в Кыргызстане через призму возможных угроз национальной безопасности // Способы противодействия религиозному экстремизму и терроризму в Кыргызстане. Сб.ст. – Бишкек: ИСАП КРСУ, 2019.
6. Современное государство в противодействии экстремизму: вызовы и решения на примере Кыргызстана. Методическое пособие / Под ред. З. Чотаева. – Бишкек: ГКДР КР, 2017.
7. На Бога надейся, а сам – не прощай! (06.11.2015). URL: http://www.ca-portal.ru/article:22918
8. Насритдинов Э., Эсенаманова Н. Религиозная безопасность в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014. URL: https://carnegieendowment.org/files/ReligiousSecurityinKyrgyzstan.pdf
9. Халилов И. «Хизб ут-тахрир» – исламская партия или секта заблудших? (10.02.2014). URL: https://islam-today.ru/islam_v_mire/hizbut-tahrir-islamskaa-partia-ili-sekta-zabludsih/

10. Верховный суд: SoundCloud запретили из-за пропаганды «Хизб ут-Тахрира» (14.05.2018) // URL: https://kloop.kg/blog/2018/05/14/verhovnyj-sud-soundcloud-zapretili-iz-za-propagandy-hizb-ut-tahrira/

11. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике: социологическое исследование / Под ред. З. Чотаева. – Бишкек, 2016 // URL: http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/.pdf

12. Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления / Отв. ред.: А.Л. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2017.

13. Рыскулова Н. Не случившаяся война. Как живут кыргызстанцы, вернувшиеся из Сирии (19.02.2019) // URL: https://www.bbc.com/russian/features-47281602

Нақши омилҳои беруна дар паҳншавии экстремизм ва терроризм дар Қирғизистон

Дар мақола таъсири омилҳои беруна ба равандҳои паҳншавии экстремизм ва терроризм дар Қирғизистон баррасӣ шудааст. Нишон дода шудааст, ки аксари ақидаҳои экстремистӣ дар Қирғизистон зери таъсири ҷараёнҳои диние, ки аз хориҷ ворид шуда буданд, ба вуҷуд омадаанд. Созмонҳои байналмилалии экстремистӣ ва террористӣ дар Қирғизистон, ки ба амнияти миллии кишвар таҳдид мекунанд, мавриди баррасӣ қарор гирифтанд. Хусусиятҳои асосии онҳо, фарқиятҳои муқоисавӣ ва дараҷаи таҳдиди ин созмонҳо нишон дода шудаанд.

Калидвожаҳо: Қирғизистон, экстремизм, терроризм, салафияи радикалӣ, Ҳизб-ут-таҳрир, ДОИШ, амнияти миллӣ

Роль внешних факторов в распространении экстремизма и терроризма в Кыргызстане

В статье рассматривается влияние внешних факторов в процессах распространения экстремизма и терроризма в Кыргызстане. Показано, что большинство экстремистских идей в Кыргызстане возникли под влиянием религиозных течений, проникавших из-за рубежа. Рассмотрены международные экстремистские и террористические организации, действующие в Кыргызстане, представляющие угрозу национальной безопасности страны. Приведены их основные характеристики, сравнительные отличия и степень угрозы данных организаций.

Ключевые слова: Кыргызстан, экстремизм, терроризм, радикальный салафизм, Хизб-ут-Тахрир, ИГИЛ, национальная безопасность

Role of External Factors in The Spread of Extremism and Terrorism in Kyrgyzstan

The article examines the influence of external factors in the processes of the spread of extremism and terrorism in Kyrgyzstan. It is shown that most of the extremist ideas in Kyrgyzstan arose under the influence of religious movements that penetrated from abroad. The international extremist and terrorist organizations operating in Kyrgyzstan, which pose a threat to the country's national security, are considered. Their main characteristics, comparative differences and the degree of threat of these organizations are given.

Key words: Kyrgyzstan, extremism, terrorism, radical Salafism, Hizb-ut-Tahrir, ISIS, national security

Сведения об авторе: Усенов Арсен Майрамбекович – Институт стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете имени Б. Ельцина, младший научный сотрудник. Адрес: 724330, Кыргызская Республика, г. Бишкек, просп. Чуй 42. Тел: (+ 996) 312 43-94-16. E-mail: arsen.usenov@gmail.com

Information about the author: Usenov Arsen Mairambekovich – Institute for strategic analysis and forecast at the Kyrgyz-Rissian Slavic University named after B. Yeltsin, junior researcher. Address: 724330, Kyrgyz Republic, Bishkek, 42 Chui Ave. Tel: (+ 996) 312 43-94-16. E-mail: arsen.usenov@gmail.com

ИДЕАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: СОЧЕТАНИЕ КУЛЬТУРЫ И КАПИТАЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

Грущинская Н.Н. - Доктор экономических наук, доцент Национального авиационного университета

Основные факторы влияния на современный мировой процесс традиционно определяются в пределах техноглобализации, быстрой смены технологических укладов, увеличения экономического, социального, культурного разрыва между странами и населения внутри стран. Внешние и внутренние факторы - форматоры развития в каждой стране. Непредвиденные обстоятельства (вспомним Насима Талеба с его «Черным лебедем») вносят особые коррективы в геополитические и геоэкономические мировые процессы [8]. Внешние обстоятельства эволюционного характера (связанные с развитием общества, технологическими процессами, интеграцией и т.д.) и радикальные (обстоятельства вызваны войнами, природными катаклизмами, форм-мажорными обстоятельствами). Вирус COVID-19 «удачно» показал изменения и беззащитность большинства стран мира. Планета оказалась в определенном застывшем состоянии, с одинаковыми проблемами, и паническими настроениями. Прогнозов и последствий про дальнейшее устройство мирового порядка освещено в литературе уже достаточно, и частично с большинством можно согласиться. Ситуация в Китае, независимо от причин возникновения эпидемии, приводит к будущему доминирование страны, с положительными результатами для нее в виде проведенной переписи населения, а соответственно, и установления контроля за мигрантами, практики жесткого управления всем населением, роста цифровой экономики, где именно Китай становится мировым пионером этого движения. Изменения общего мирового масштаба других стран сложно и представить. Переформатирование финансовой системы, электронная экономика, онлайн обучение, изменения в процессах интеграции

(глобализация разделяется, и процессы регионализации становятся очевидными). Уменьшение социальных контактов и ускорения всего, прогнозировалось для VIII технологического уклада (2090-2130рр!), при котором, как известно, предполагается развитие пси-технологий, биотехнологий, технологий, связанных с моралью и ответственностью. Ной Харари со своим историческим подходом к будущему уже не кажется таким фантастическим, и роботизация общества приближается быстрее, эмоции проходят, и контроль над ними могут установить все больше людей. При таких процессах перспективы для возникновения новых профессий, обострение вопроса массовой безработицы, перепрофилирование приобретает мега важное значение. Учитывая прогнозы относительно роста населения Земли, а именно его почти удвоение до 2050 года, в современных условиях становится очевидным, что произойдет это никак не за счет Европы. Азиатские страны во главе с Китаем займут доминирующие позиции. Перестройка политических устройств тоже неотвратима. Вирус заставляет думать большинство, что диктаторский стиль управления дает положительные результаты на примере Китая, а демократия приводит к безответственности и неорганизованности (Италия). В таких условиях режим самосохранения должен срабатывать, иначе, неужели Европа уничтожается не только географически- глобальное потепление, повышение уровня Мирового океана, а и вымирает демографически без, давно уже, естественного прироста, только теперь еще ускоренными темпами. Глобальное потепление. Зимний период 2019-2020 гг. был самым теплым за всю историю Европы, с температурой на 1,4 градуса Цельсия выше, чем в 2018-2019 годы[12]. Причина несомненна - деятельность человека вредит Планете, флоре и фауне, самим себе. Благородно использовать природные возможности (альтернативные источники энергии, распределение и переработка мусора, добыча природных ископаемых и т.д.) под силу не каждому, это требует воли отказаться от определенных благ, сэкономить, в чем

установить запрет, развращенному населению не по душе. Поэтому, предположение о возникновении вирусов, катастроф как природного бунта против деятельности человека- имеет право на существование. Самоуничтожения, вот что приходит на ум, или даже самоочищения. Если допустить цикличность развития во всех процессах, то какой цикл в спирали мирового развития будет следующим? Он не может повторять подробно прошлые, он будет видоизменен и потребует быстрого реагирования. Если раньше место страны в мировых процессах определялось ее международной специализации, то сегодня наличие технологий, возможность управления информационным пространством или быстрое реагирование на него формирует мировых доминантов. Ценности общества определяют его развитие в свободных (не анархических) условиях с соблюдением правил цивилизованного социума. Культурное и экономическое развитие - это взаимосвязанные категории. У немецкого политэконома, философа Макса Вебера в работе «Протестантская этика и дух капитализма» подчеркивается важность культурных влияний, соединенных с религией для формирования капитализма. В понимании М. Вебера капитализм предусматривал особую автономную субсистему и формирование его определялось неэкономическими факторами - политикой и правом [3]. Украинский экономист Богдан Гаврилишин ставил в центре всей системы человека с его ценностями и убеждениями. А Карл Маркс сторонник другого подхода, который за основу взял взаимодействие производительных сил и производственных отношений, их и определял базисом, а ценности, культуру и духовность - вторичными элементами. Капиталистическая система для Маркса способна расширять свою деятельность на неэкономические отрасли и способствовать формированию общества, культуры. Можно ли утверждать, что капитализм- это негативное явление. Конечно, нет. Капитализм - экономическая система производства и распределения, основанная на частной собственности, юридическом равенстве и свободе предпринимательства. Общественное развитие определяется

состоянием нравственного здоровья общества, уровнем экономических и политических свобод и, соответственно утверждает, что развитие капитализма невозможно в условиях низкой культурной осведомленности.

Конкуренция как основа предпринимательской деятельности, предполагает определенную форму борьбы как мотивации к лучшему, а не уничтожение оппонента. Правильное отношение к конкуренции формируется в просвещенном обществе, развитие которого происходит в правовом поле и не может подталкивать к криминальным действиям или другим нарушениям. К сожалению, коррупционная составляющая порождается самим государством, что совершенно нивелирует старания предпринимателей, а, соответственно и благосостояние всей страны. Культура - это осведомленность в своей истории, сохранения традиций, языка, культуры, это идентичность нации, и прямая функция государства разрабатывать, внедрять политики сохранения, достижения национальных культурных ценностей, особенно в условиях стремительной интеграции международных культурных процессов. Институт государства должен обеспечивать условия, в которых будет комфортно и эффективно развиваться всем звеньям общественной жизни. В не сформированном обществе государственная политика должна подчеркивать ценности и доносить их важность, то есть внедряться на высоком сознательном уровне, исключая маргинализацию. Участники всей государственной системы, государственных институтов несут титаническую долгосрочную ответственность за свои действия, и их уровень сознания должен быть почти совершенным.

Инструменты регулирования, пути реализации происходят с помощью соответствующего законодательства и с использованием финансовых, экономических, административных и политических механизмов воздействия.

Приведем некоторую статистику Украины, в сфере культуры и креативных индустрий в 2019 году работали 580 тыс. человек. Сеть публичных библиотек Украины насчитывает на 2020 год

15916 учреждений, для сравнения в Таджикистане действует 5000 библиотек, в Германии – 9 000, в Италии – 3500! В сфере культуры работает 48% женщин и 52% мужчин, однако разница в секторах присутствует, например, в библиотеках работают преимущественно женщины, а в ИТ сфере в основном мужчины. В Украине только 35% публичных библиотек имеют компьютеры, а в части областей, процент компьютеризированных библиотек в 2 раза меньше, чем средний по стране (Черниговская, Тернопольская и Львовская области (по 17%).

По официальным данным около 25% (3196) сельских библиотек Украины имеют компьютеры. Покрытие интернетом и наличие — компьютера- это разные вещи. Да и, в общем, статистика объектов культуры еще не показатель культуры населения. Количество библиотек и уровень их посещения - также не одно и тоже [13]. Общее количество пользователей по единой регистрационной картотекой (ЕРК) составила 11 336,2 тыс. человек. Распределение пользователей по возрасту: до 7 лет – 449 тыс. человек (4,0%), от 7 до 15 лет - 2896 тыс. (25,5%), от 15 до 18 лет - 969 тыс. человек (8,5%), от 18 до 22 лет - 1024 тыс. человек (9,0%), от 22 до 60 лет – 4696 тыс. человек (41,5%), от 60 лет - 1301 тыс. человек (11,5%). В сельских библиотеках общее количество пользователей по единой регистрационной картотекой составляла 5 600,0 тыс. человек (уменьшение на 157,7 тыс. человек по сравнению с 2017 г.). Количество посещений в библиотеках составила 109 787,2 тыс.; в частности, 43 626,1 тыс. - посещения именно сельских библиотек. Эффективную зависимость культуры общества и экономического развития можно подтвердить следующими возможностями: создание объектов с высокой добавленной стоимостью за счет использование культурного ресурса; создание условий для популяризации национальных брендов во всех сферах экономики, формирования специализированных рынков в пределах Украины и созданию новых рабочих мест. И главное, формирование и поддержка ценностной базы каждого гражданина [14]. Распространение культуры в массы, во всех ее

проявлениях, проходит через соответствующие программы и государственную политику. Программа культурного развития села – это не просто финансирование, это концепция идеологического развития жителей (проведение свободного от рутинной работы времени, отдых (не в рост алкоголизма, а культурно-массового характера: создание места для занятости сельского населения). Театры, кино, выставки, такие направления реализации культурной жизни в регионах, селах отсутствуют. Доступ к газетам, которые более популярные именно в региональной, сельской местности, именно из-за низкого уровня доступа к интернету и технических средств, а также в слабом состоянии. Источники могут быть трансформаторами информации. В условиях децентрализации такая ответственность может трансформироваться в органы местного самоуправления, однако общие принципы должны происходить централизовано. Культурная составляющая, непосредственно и является реализатором государственной политики в вопросах патриотизма, национальной идеи, уважения к своей территории, населения, языка, государства, в целом, культурная составляющая – это фундамент экономического развития страны.

Библиография

1. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. - М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007

2. Бжезинский Зб. Новый Мировой Порядок в опасности из-за "сопротивления широких масс населения. URL: //http://dialogs.org.ua

3. Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму / Макс Вебер; перекл. з нім. О. Погорілого. -К.: Основи, 1994. 261 с. ISBN 5-7707-5612-8

4. Дж. Н. Розенау. Управление без правительства: порядок и изменения в мировой политике. URL: //https://www.google.com.ua

5. Идентичность и ценности в эпоху глобализации. / Под редакциией Пахомова Ю.М., Павленко Ю.В.- К .: Наукова думка- 2013 - 602 с.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. А. И. Шкаратана. - М .: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.

7. Насиб Талеб Ніколас Талеб, Нассім (2017). «Чорний лебідь»:. Переклад з англ.: Микола Климчук. Київ: «Наш Формат». 392 стор.
8. Ніколас Талеб, Нассім (2018). «Антикрихкість». Переклад з англ.: Микола Климчук. Київ: «Наш Формат». 408 стор.
9. Новый мировой порядок в XXI веке: глобальные тенденции и их значение // Электронный ресурс - Сайт Цетра Разумкова http: //razumkov.org.u
10. Павленко Ю. В. История мировой цивилизации Социокультурный развитие человечества Издание третье, стереотипное. - 352 с.http: //www.lib.ua-ru.
11. Четверикова А. О новом мировом порядке. URL: http://firtka.if.ua
12. World Economic Forum URL: http://www.weforum.org/r.Competitiveness Rankings.pdf.
13. Официальный сайт Государственного комитету статистики Украины URL: http://www.ukrstat.gov.ua.
14. Характеристика Украины по Індексу экономической свободы, 2019. URL: http://www.heritage.org/Index Ranking of countries 2010.
15. Міжнародний індекс щастя. URL: https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2019/WHR_web.pdf

Ҷомеаи идеалӣ: омезиши фарҳанг ва сармоядорӣ (дар мисоли Украина)

Дар мақола масъалаҳои ташаккули ҷомеаи муосир бо дарназардошти омилҳои асосии таъсиррасон ба раванди ҷаҳонии муосир, ки ба таври анъанавӣ бо тамоюлҳои технологӣ, тағирёбии босуръати сохторҳои технологӣ, афзоиши тафовут байни кишварҳои дунё, фарқияти иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии байни рушди иқтисодии аҳолӣ дар дохили аксари кишварҳо бозкушоӣ шудааст. Омилҳои берунӣ ва дохилӣ шаклдиҳандагони равандҳои иқтисодии берунии ҳар як кишвар мебошанд. Муаллиф ба аҳамияти ҳифзи ҳувияти ҳар як давлат бо таваҷҷӯҳ ба аҳамияти рушди ҷузъи фарҳангӣ таваҷҷӯҳ кардааст. Огоҳ будан аз таърихи худ, ҳифзи урфу одат, забон ва фарҳанг таъкид шудааст. Вазифаи бевоситаи давлат инкишоф додан, татбиқи сиёсати ҳифз, ноил шудан ба арзишҳои фарҳангии миллӣ, бахусус дар шароити ҳамгироии босуръати равандҳои фарҳангии байналмилалӣ мебошад.

Дар мақола омори Украина дар соҳаи фарҳанг ва саноати созанда бо муқоиса дар солҳои 2019 ва 2020 оварда шудааст.

Калидвожаҳо: дигаргуниҳои технологӣ, ҳувият, рушди иқтисодӣ.

Идеальное общество: сочетание культуры и капитализма (на примере Украины)

В статье раскрываются вопросы формирования современного социума с учетом основных факторов влияния на современный мировой процесс, которые традиционно определяются тенденциями техноглобализации, быстрой сменой технологических укладов, увеличением разрыва между странами мира и экономического, социального, культурного разрыва между экономическим развитием населения внутри большинства стран. Внешние и внутренние факторы - форматоры внешнеэкономических процессов в каждой стране. Автором акцентируется внимание на важности сохранения идентичности каждого государства с акцентом на важности развития культурной составляющей. Осведомленность в своей истории, сохранения традиций, языка, культуры, и подчеркивается, что прямой функцией государства является разработка, внедрение политики сохранения, достижения национальных культурных ценностей, особенно в условиях стремительной интеграции международных культурных процессов.

В статье представлена статистика Украины, в сфере культуры и креативных индустрий со сравнением в 2019 и 2020 годах.

Ключевые слова: технологические трансформации, идентичность, экономическое развитие.

Perfect Society: A Combination of Culture and Capitalism

The article reveals the issues of the formation of a modern society, taking into account the main factors of influence on the modern world process, which are traditionally determined by trends in technoglobalization, a rapid change in technological structures, an increase in the gap between the countries of the world and the economic, social, cultural gap between the economic development of the population within most countries. External and internal factors are the shapers of external economic processes in each country. The author focuses on the importance of preserving the identity of each state with an emphasis on the importance of the development of the cultural component. Awareness in its history, preservation of traditions, language, culture, and it is emphasized that the direct function of the state is to develop, implement a policy of preservation, achieve national cultural values, especially in the context of the rapid integration of international cultural processes.

The article presents statistics of Ukraine in the field of culture and creative industries with a comparison in 2019 and 2020.
Key words: technological transformations, identity, economic development

Сведения об авторе: Грущинская Наталия Николаевна - доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой публичного управления и администрирования Учебно-научного института беспрерывного образования Национального авиационного университета. Проспект Героев Сталинграда 55, кВ.105, город Киев, Украина, 04213. Киев, Украина. E-mail: Natnik2006@meta.ua

Information about the author: Natalia N. Gruschinskaya - Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration and Administration of the Educational and Scientific Institute of Continuous Education of the National Aviation University. 55 Heroes of Stalingrad Avenue, sq.105, Kiev, Ukraine, 04213. Kiev, Ukraine. E-mail: Natnik2006@meta.ua

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ[1]

Решетняк А.В. – *Евразийский национальный университет имени. Л.Н.Гумилёва*

Введение

Вопросы развития на сегодняшний день стоят очень остро перед всеми странами мира. Пока передовые западные государства сталкиваются с кризисом либеральной парадигмы, общества в Азии, Латинской Америке, Африке находятся в поиске собственного пути трансформации и приспосабливания к современным реалиям. Не стал исключением и Казахстан, где объявлена Модернизация 3.0, модернизация сознания.

В каком формате, какими средствами должна проходить модернизация? Чем она отличается от эволюционного развития общества?

Оставляя в стороне экономическую сторону вопроса, рассмотрим, какие подходы применялись к такому явлению как модернизация, каковы стандарты «современного общества», и какое направление роста и развития является наиболее перспективным и потенциально устойчивым для государств, целью которых является как сохранение собственной идентичности и культуры, так и поступательное движение в каденции с передовыми странами и обществами современного мира.

Теоретико-методологические основы модернизации

Теория модернизации является относительно новым направлением в системе общественных наук. Зародившись во многом как реакция на деколонизацию в 50-60 гг. XX века на основе эволюционного (Г. Спенсер, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, Г Мэн) и функционального (Т. Парсонс и Э. Шилз) подходов к

[1] Перевод. Впервые опубликована как Анастасия Решетняк. Әлеуметтік жаңғырту: теориялық негіздері және халықаралық тәжірибе // Журнал «Қоғам&Дәуір», №1(57), 2018 – с. 76-87

общественному развитию, она ставила своей целью нахождение «рецептов» для стран «третьего мира» по интеграции в новую систему международных отношений [1]. На сегодняшний день она претерпевает существенные изменения с появлением новых тенденций в развитии отдельных государств и обществ.

Дихотомически модернизация подразделяется на органическую и неорганическую. В широком смысле (органическая модернизация) это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и в Северной Америке в XVII-XIX вв. и затем распространились на другие европейские страны, переход от «традиционного» к «современному» государству. Один из основоположников теории модернизации Ш. Эйзенштадт пишет, что социальные изменения, произошедшие в этих государствах (в результате трансформаций и революционных потрясений), тем не менее, не разрушили окончательно преемственности с господствовавшими ранее символами легитимности и институциональными системами [2].

Что представляет собой новый социальный порядок, характеризующий современное общество, и отличающий его от общества традиционного? Ещё до выдвижения термина «модернизация», в первой половине XX века, были предложены характеристики нового социального порядка, характерного для обществ, на которые коренным образом повлияли Английская, Французская и Американская революции. Так, основоположник позитивизма О. Конт называет среди его особенностей следующие: концентрация рабочей силы в городах; установка на получение прибыли; использование в производстве науки и техники; возникновение скрытого или явного антагонизма между хозяевами и наёмными работниками; усиление социального неравенства; формирование экономической системы, которая основана на предпринимательстве и конкуренции Цит. по [3]. Общества, обладавшие всеми этими характеристиками, противопоставлялись «примитивным» обществам.

Макс Вебер в своём классическом труде «Протестантская этика и дух капитализма» предлагает ключевые характеристики современного общества: урбанизация, индустриализация, секуляризация, рационализация, индивидуализация, демократизация [4]. М. Леви, в свою очередь, расширяет дихотомическое противопоставление традиционного и модернизированного обществ, выделяя следующие признаки [5]:

	Традиционное общество	**Современное общество**
Специализация организаций	Низкая; компартментализация (изолирование) жизни	Высокая
Взаимозависимость организаций	Низкая (самодостаточность)	Высокая
Приоритеты во взаимоотношениях	Традиция, партикуляризм, функциональная диффузность	Рационализм, функциональная специализация
Централизация	Низкая	Высокая
Денежный обмен и рынок	Не развиты	Высокая степень развития
Бюрократия	Превалирование семейных связей, норм; непотизм как ценность	Изолированность бюрократии от прочих контактов
Отношения «город-село»	Односторонний поток продуктов и услуг из сельской местности в города	Обоюдный поток товаров и услуг между городом и деревней

Таблица 1. Признаки традиционного и современного общества (по М.Леви)

Т. Парсонс концептуализировал понятие модернизации, введя типовые переменные сравнительного анализа традиционного и современного общества [6]:

- **уровень отчётливости социальной структуры.** Традиционное общество в данном случае отличается диффузностью, когда один человек может выполнять сразу несколько ролей; современное – основано на специализации, окончательно изолированы сельское и городское общество.

- **основание статуса.** В первом случае он предопределён родством, полом и другими исходными социальными характеристиками, во втором – основан на достижениях.
- **критерий рекрутирования.** Ориентированность человека на группу более характерна для традиционного общества, на себя – для современного.
- **критерий оценки.** Для современного общества свойственен универсализм, тогда так в традиционном отдается предпочтение партикуляризму, рассмотрению отдельно каждого случая.
- **значение эмоциональности.** Если в традиционном обществе преобладают эмоции, то в современном их заменяет эмоциональная нейтральность, рациональность.

На формирование современного общества повлияли три революции: промышленная, демократическая и революция в образовании. Парсонс попытался объяснить, какие процессы структурных изменений определяют переход к современности; их автор выделяет четыре. Дифференциация (1) – рождение ценностей индивидуализма, доминирование вторичных статусов, рождение новых профессий, развитие городов. Повышение адаптивности и свободы (2) – роль индивидуализации. Человек перестает быть ограничен общественными нормами. В новых рыночных условиях более свободно определяет свою карьерную траекторию, жизненный путь. Интеграция и новые социальные роли (3) – современное общество более динамично, его структура более сложна, и им сложно управлять. Появляющиеся нормативные единицы, по Парсонсу, должны быть органично вписаны в социетальное общество. Для этого требуется генерализация (универсализация) ценностей (4), значимых для всего общества [7].

Критика и практика модернизации

Как показано выше, жёсткие критерии, выработанные на первой стадии формирования школы модернизации, значительно ограничили возможности незападных обществ войти в «клуб» современных государств.

Однако затем в рамках школы модернизации формируется критическое направление, появившееся как ответ на несоответствие существующей теории и реальности: всё больше стран и обществ не укладывались в представления о механизме модернизации. В частности, в 1970-е годы в рамках немарксистской парадигмы появляется мир-системный подход, который рассматривает современный мир не как совокупность отдельных обществ, а как единую капиталистическую мир-экономику. Структурно она состоит из ядра, к которым относятся высокоразвитые западные государства, полупериферии, объединявшей социалистический лагерь, и периферии, включающей остальные государства и общества – так называемый «третий мир». С этих позиций представляется, что отставание стран периферии от государств ядра – это следствие угнетения и использования вторыми первых [8]. Ядро, таким образом, невозможно без периферии, откуда развитые общества черпают ресурсы, и которая пользуется «побочным продуктом» прогресса передовых государств.

В узком смысле (неорганическая) модернизация свелась к процессу «подтягивания» отсталых стран (традиционных обществ) до уровня передовых государств современности. Этот вопрос особенно остро встал после окончания Холодной войны, когда целый ряд учёных пришли к выводу, что универсальным и единственным путём развития для стран второго и третьего миров является модернизация по западному образцу. Этот подход в полной мере отражён в труде американского исследователя Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек», где автор утверждает, что после того, как стала очевидна несостоятельность социалистической модели развития, мир приходит к окончанию идеологической эволюции человечества и универсализации либеральной демократии как окончательной формы человеческого правления [9].

На практике, в 80-90е гг. XX века, это выразилось в процессе вовлечения государств Центральной и Восточной Европы, ранее принадлежавших к социалистическому блоку, в европейскую

интеграцию. Как гласит Маастрихтский договор от 1992 года, членом ЕС имеет право стать любое европейское государство, соблюдающее «принципы свободы, демократии, уважении прав человека и основных свобод, а также принцип правового государства» [10]. В 1993 году были приняты Копенгагенские критерии – ряд условий, которые должны выполнить государства-кандидаты на членство в Европейском Союзе. Для того, чтобы запустить механизм переговоров о вступлении в это интеграционное объединение, необходимо соответствие, в первую очередь, политическому критерию, под которым подразумевается «институциональная стабильность как гарант демократического и правового государственного устройства, защиты прав человека, а также уважения и защиты прав меньшинств» [11]. Таким образом, другие параметры, упоминаемые в документе – экономический критерий, а также приверженность целям Сообщества – отодвигаются на второй план, уступая место общности универсальных ценностей и правил, отстаиваемых внутри ЕС.

Формирование общей идентичности по западному образцу, путь к единому мироощущению – всё это было заложено в программу адаптации новых членов европейского пространства. Наиболее релевантным индикатором для оценки социальной модернизации, по мнению автора, является такой индикатор, как индекс человеческого развития (до 2013 года – индекс развития человеческого потенциала), поскольку он включает в себя, помимо экономических параметров, также важные критерии социального развития общества. На примере стран ЦВЕ четко прослеживается «спираль» их развития в ходе процесса модернизации с 1990-х годов до сегодняшнего дня (см. Таблицу 2).

	1990 [12]	2000 [13]	2010 [14]	2016 [15]	2018 [16]
Австрия	0,961	0,908	0,851	0,893	0,914
Болгария	0,918	0,772	0743	0,794	0,816
Германия (ФРГ)	0,967	0,911	0,885	0,926	0,939
Греция	0,949	0,875	0,855	0,866	0,872

Дания	0,971	0,911	0,866	0,925	0,930
Италия	0,966	0,903	0,854	0,887	0,883
Латвия (на 1990 – в составе СССР)	0,920	0,771	0,769	0,830	0,854
Нидерланды	0,984	0,925	0,890	0,924	0,933
Польша	0,910	0,814	0,795	0,855	0,872
Словакия (на 1990 – в составе Чехословакии)	0,931	0,825	0,818	0,845	0,857
Финляндия	0,967	0,917	0,871	0,895	0,925
Хорватия (на 1990 – в составе Югославии)	0,913	0,795	0,767	0,827	0,837
Чехия (на 1990 – в составе Чехословакии)	0,931	0,843	0,841	0,878	0,891
Швеция	0,987	0,926	0,885	0,913	0,937
Эстония (на 1990 – в составе СССР)	0,920	0,801	0,812	0,865	0,882

Таблица 2. Индекс человеческого развития в некоторых государствах Европы (1990-2016)

Однако и на сегодняшний день, после более чем десятилетия после расширения ЕС на восток, нельзя сказать, что это интеграционное объединение гомогенно и включает в себя общества с одинаковыми подходами к функционированию институтов, бюрократии и отношений между членами общества: дихотомия запада и востока на европейском пространстве ещё очень ощутимо. То же касается и экономического развития. Однако путь европейской интеграции, общий рынок и валюта, формирование общей политики – всё это делает модернизацию стран Центральной и Восточной Европы, ранее входивших в социалистический блок, более адаптивной (и, вместе с тем, уникальной).

Другой пример успешной модернизации – «азиатские тигры», ряд стран Восточной Азии, которые за достаточно короткий срок достигли существенных успехов как в экономической сфере, так и в развитии человеческого потенциала. Там, однако, этот процесс происходил не на основе западных ценностей, а путем

инкорпорации традиции в капиталистическую экономику. Так называемые постконфуцианские общества совместили конфуцианство, даосизм, буддизм, традиции семьи и законопорядка с универсальной современной культурой. Сильное государство, преемственность в бюрократической системе, культ знаний и высокой работоспособности стали залогом успеха Китая, Гонконга, Сингапура, Тайваня, Японии и Южной Кореи. Более того, культурная компонента в части этих государств настолько конкурентна, что «экспортируется» за рубеж.

Следующий этап развития модернизационной теории тесно связан с именем С. Хантингтона, предложившего теорию «волн демократизации». Под ними подразумеваются переходы «от недемократических режимов к демократическим, происходящие в определённый период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период» [17], а также частичная либерализация в недемократических политических системах и тех, что находятся в «серой зоне».

Под «серой зоной» подразумеваются государства, которые движутся (или ранее двигались) к демократическому развитию, но не достигли его. Сообразно проблемам, существующим в таких обществах, была разработана их типология.

Так, псевдо-демократия – это многопартийная политическая система, в которой фактически правит одна партия, контролируя СМИ и используя прочие инструменты для того, чтобы не дать легальной оппозиции бороться за власть.

Нелиберальные демократии – это государства, где работает прозрачная элективная система, но при этом не защищаются права и свободы человека и гражданина. И наконец, недемократические режимы делятся на полуавторитарные и авторитарные, по степени нарушений прав человека и функционирования политической системы.

По Хантингтону, процесс демократизации развивается не поступательно, а волнообразно. «Первая волна демократизации» заняла более века, затронув в основном Европу и Америку,

привела к появлению на мировой арене тринадцати демократических государств и завершилась в середине 20-х годов XX века утверждением фашистской диктатуры в ряде европейских стран. Начальной точкой «второй волны демократизации» Хантингтон называет 1942 год, середину II мировой войны. Этот этап продолжался 20 лет, расширив число демократических стран до 25, после чего вновь сменился чередой военных переворотов, приведших к расцвету авторитарных режимов и диктатур.

Начавшись с падения португальской диктатуры в 1974 г., «третья волна демократизации» затронула страны Южной Европы, Латинскую Америку и Восточную Азию; её кульминацией стал распад СССР и Восточного блока [18]. Это привело к тому, что в 1992 году неправительственная организация «Freedom house» признала демократическими уже 91 государство, и ещё 35 –находящимися в “серой зоне” между демократией и авторитаризмом [19] (некоторые исследователи выделяют и «четвертую волну демократизации» [20], подразумевая события «Арабской весны» на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Они мотивируют это фактом, что «демократические» преобразования там имеют другую природу и не связаны логически с окончанием Холодной войны; однако, на данный момент происходящие в регионе процессы представляются слишком противоречивыми для таких выводов).

В подходе, предложенном Хантингтоном, интересно, что экономическое развитие не гарантирует переход к демократии, поскольку демократизация – обратимый процесс; элиты той или иной страны могут предпочесть демократическому развитию другие модели политической системы.

Социальная модернизация: актуальные подходы и уроки для Казахстана

Таким образом, с течением времени, когда эйфория от парада суверенитетов 1950-х, а затем и 1990-х уступила место необходимости решать насущные проблемы внутри вновь

созданных государств, такой подход показал свою несостоятельность.

Школа модернизации прошла через критический период, на её трансформацию повлияли как разрушение биполярной системы международных отношений, так и появление конкретных примеров развития отдельных государств и обществ, которые, не укладываясь в существующую концепцию, по многим параметрам встали в один ряд с развитыми странами мира. Кроме того, развитие получила идея, что общества с разным историческим багажом и ресурсами могут идти по разным траекториям модернизации. Так, Ёран Терборн выделяет четыре «пути в/через модернизацию» [21]:

- эндогенная модернизация, свойственная Западной Европе;
- модернизация новых обществ «трансконтинентальной миграции» (Северная и Южная Америка, Австралия);
- модернизация через европейскую колонизацию традиционных обществ («колониальная зона» от Северо-Западной Африки до Папуа – Новой Гвинеи);
- модернизация, навязанная извне под влиянием западной цивилизации (Япония, Россия, Ближний Восток, Турция, Китай).

Свою типологию предлагает немецкий социолог В. Цапф. Он выделяет следующие исторические варианты модернизации [22]:

- переход к демократии и рынку в Западной Германии, Японии и Италии, который проходил под контролем и с материальной поддержкой держав-победительниц во Второй мировой войне;
- «договорный переход» от авторитаризма к демократии в Испании, Португалии, Греции после 1974 г.;
- подобные «договорные переходы» в латиноамериканских государствах;
- самостоятельное развитие «в рамках мировой системы капитализма» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия);
- переход от социалистической системы к действующей

демократии и рыночной экономике в Восточной Германии (1990-е гг.);

- трансформация стран Восточной Европы в 1990-е гг.;
- альтернативы переходу к демократии и рыночной экономике: «социалистическая рыночная экономика» КНР и страны исламского фундаментализма.

Таким образом, Цапф рассматривает модернизацию как трехмерный процесс: с одной стороны, это переход к секуляризму, запущенный в ходе индустриальной революции, с другой – «догоняющее развитие» отстающих. В то же время сами модернизированные государства также не остаются в стороне, пытаясь предложить собственные ответы на новые вызовы на пути инноваций и реформ.

Вышеуказанные исследования – продукт неомодернизационного анализа, развитию которого способствовали распад СССР и «экономическое чудо» стран Восточной Азии. В этот период (1980-90е гг.) оформляется значительно отличающаяся по ключевым положениям от предыдущих концепция подхода к модернизации. В частности, ей свойственно осознание, что развитие многолинейно, а традиции (к примеру, религия или другие социальные нормы и ограничители) могут сыграть положительную роль в процессе социальной эволюции. Признается также, что наряду с внутренними (эндогенными) на процесс модернизации значительно влияют и экзогенные (внешние). Элиты и другие социальные структуры и группы могут играть основополагающую роль в процессе развития, который уже не строится на анонимных законах эволюции – соответственно, общество (или руководство страны) имеет возможность изменить вектор развития. В теоретическую модель был также вписан фактор исторической случайности, рассматривающий пространственно-временное положение общества и наличие в нём ресурсов, ценностей и приоритетов для модернизации.

На сегодняшний день очевидно, что модернизационная школа будет претерпевать существенные изменения и в дальнейшем. За

развитием и удешевлением технологий, изменениями в демографической структуре мира, доступности знаний, как ожидается, последует новый виток «модернизации подходов к модернизации».

Казахстан, занимая уникальное геополитическое положение, согласно цивилизационному подходу по ряду параметров может быть отнесён и к европейской, и к азиатской культуре, к тюркскому и евразийскому мирам, рассматриваться как синтез западной и восточной цивилизаций. С точки зрения мир-системного анализа и теории зависимости нашу страну относят к группе «третий мир». В то же время мы вовлечены в разнонаправленные интеграционные проекты, работу в европейских, азиатских и глобальных организациях. Поиск собственного пути, выработка концептуальных решений по организации модернизационного процесса в подобных условиях существенно затрудняется переплетением идентичностей, союзническими обязательствами и экономическими интересами РК.

Догоняющее развитие в том виде, каким его представляли в 50-70 годы XX века, уже не актуально. Поэтому перед государствами, стоящими на пороге изменения векторов развития, желающими улучшить своё положение на мировой арене, стоит комплексная задача совмещения традиций и современности, нахождения способов наиболее эффективно использовать имеющийся потенциал.

Человеческие ресурсы приобретают все более высокую ценность и добавленную стоимость в ходе технического прогресса. Поэтому, помимо приложения политической воли и использования ресурсного потенциала, необходимо предпринять существенные усилия, чтобы процесс модернизации не повернулся вспять из-за противодействия «снизу». С этих позиций программа по модернизацию общественного сознания, разработанная в Казахстане, предвосхищает будущие риски, и при надлежащей практической реализации будет способствовать устойчивому развитию государства.

Библиография

1. Побережников, И. В. Теории модернизации. [ред.] В. В. Алексеев. Теория и методология истории: учебник для вузов. Волгоград : Учитель, 2014, стр. 133-152.

2. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М : б.н., 1999. стр. 261.

3. Штомпка, П. Социология социальных изменений. М. : Аспект-Пресс, 1996. стр. 416. ISBN 5-7567-0053-6.

4. Вебер, М. Избранные сочинения. М : Прогресс, 1990.

5. Patterns (Structures) of Modernization and Political Development. ARION J. LEVY, JR. 1965 г.

6. Скирбекк, Г и Гилье Н. .История философии: Учеб. пособие для стул. высш. учеб, заведений. М. : Гуманит. изд. центр НПАДОС, 2001. стр. 78-84.

7. Нечитайло, И.С. Изменение общества через изменение образования: иллюзия или реальность? / монография /. Харьков : НУА, 2015. стр. 47-52.

8. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб : Университетская книга, 2001.

9. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2007. стр. 99.

10. Договор О Европейском Союзе. Маастрихт : б.н., 1992 г. стр. 6, ст. 49.

11. Conditions for membership. [В Интернете] https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en.

12. HUMAN DEVELOPMENT REPORT 1990 . New York Oxford : Oxford University Press, 1990 . стр. 111.

13. HUMAN DEVELOPMENT REPORT 2000. New York : б.н., 2000.

14. Human Development Report 2010. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. New York : б.н., 2010.

15. Human Development Report 2016. Human Development for Everyone. New York : б.н., 2016.

16. UNDP. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. New York : б.н., 2019.

17. Най, Дж. С. и Оуэнс, У. А. Главная сила Америки – её информационные возможности. [В Интернете] http://www.infousa.ru/information/gjcom6.htm.

18. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М : РОССПЭН, 2003. стр. 368.

19. Freedom in the World: Liberty's Expansion in a Turbulent World. б.м. : Freedom House, 2014 г.

20. Marshall, Monty G. и Cole, Benjamin R. Global Report 2014. Conflict, Governance, and State Fragility. Center for Systemic Peace Vienna, VA USA. [В Интернете] 23 July 2014 г. http://www.systemicpeace.org/vlibrary/GlobalReport2014.pdf.

21. Therborn, Göran. European modernity and beyond : the trajectory of European societies, 1945-2000 /. London : Thousand Oaks, Calif. : Sage Publications, 1995. стр. 5-7.

22. Zapf, Wolfgang. Теория модернизации и различие путей общественного развития. Социологические исследования. 1998 г., 8, стр. 14-26.

23. UNDP. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. . New York : б.н., 2019.

24. UNDP. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. . New York : б.н., 2019.

Навсозии иҷтимоӣ: асосҳои назариявӣ ва таҷрибаи байналмилалӣ

Дар мақола асосҳои назариявӣ ва методологии руйкарди навсозӣ барои рушди ҷомеа таҳлил шудааст. Муаллиф ба таҳаввулоти мактаби навсозӣ аз нигоҳи интиқодӣ баҳо дода, аз ин мавқеъҳо хусусиятҳои асосии марҳалаи кунунии навсозии иҷтимоӣ, хатарҳо ва дурнамои онро барои Қазоқистон нишон медиҳад.

Калидвожаҳо: навсозӣ, кишварҳои АМШ, палангҳои осиёӣ, рушди Қазоқистон.

Социальная модернизация: теоретические основы и международный опыт

В статье проанализированы теоретико-методологические основы модернизационного подхода к общественному развитию. Автор критически оценивает эволюцию школы модернизации, и с этих позиций выделяет ключевые особенности современного этапа социальной модернизации, её рисков и перспектив для Казахстана.

Ключевые слова: модернизация, страны ЦВЕ, азиатские тигры, развитие Казахстана.

Social Modernization: Theoretical Foundations and International Experience

The article analyzes the theoretical and methodological foundations of the modernizing approach to the task of social development. The author critically assesses the evolution of the schools of modernization and, from this standpoint, outlines the key features of the contemporary stage of social modernization as its risks and prospects

Key words: modernization, CEE countries, Asian tigers, development of Kazakhstan.

Сведения об авторе: Решетняк Анастасия Викторовна – Магистр социальных наук, Ph.D. докторант Евразийского национального университета имени. Л.Н.Гумилёва, г. Нур-Султан, Казахстан. E-mail: anastassiya.reshetnyak@gmail.com

Information about the author: Anastassiya Reshetnyak - MA in Social Science, Ph.D. student at L.N. Gumiliov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan. E-mail: anastassiya.reshetnyak@gmail.com